И. Э. Левит

Крах политики агрессии диктатуры Антонеску

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Институт истории имени академика АН МССР
Я. С. Гросула

И. Э. Левит

Крах политики агрессии диктатуры Антонеску

(19.XI 1942 — 23.VIII 1944)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. И. ЛЕБЕДЕВ

КИШИНЕВ „ШТИИНЦА" 1983

63.3(4Р)
Л36

Рецензирована и рекомендована к печати
доктором исторических наук
А. В. Антосяком

В монографии продолжается рассмотрение проблем, получивших освещение в книге автора «Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX 1939 — 19.XI 1942)» (Кишинев, 1981). Раскрываются внутриполитические, внешнеполитические, социально-экономические и военно-политические аспекты темы.

На богатом фактическом материале показаны участие румынской армии в военных действиях на советско-германском фронте; влияние побед Красной Армии на формирование политических настроений в румынской армии и развитие внутриполитического положения в Румынии, эволюция внешней политики правящих кругов страны, подъем революционного движения румынских трудящихся, возглавляемых КПР; рассмотрены оккупационная политика немецко-румынских захватчиков в 1943 — первой половине 1944 г. и освободительная борьба советских людей; проанализированы факторы, определившие крах политики агрессии диктатуры Антонеску.

Работа представляет интерес для исследователей, занимающихся историей второй мировой войны, преподавателей вузов и средних школ, студентов, пропагандистов.

The monograph by I. E. Levit «Failure of the aggressive policy of Antonescu's dictatorship (November 19, 1942 — August 23, 1944)» proceeds tackling the problems elucidated in the author's previous work «Fascist Rumania's participation in the aggression against the USSR. Its sources, plans, realization (September 1, 1939 — November 19, 1942)», published in 1981. Internal political, social-economic and military-political aspects of the theme are revealed in the book.

Rich factual material is drawn to demonstrate Rumanian army's participation in the actions in the Soviet — German front as well as the impact of the Red Army's victories on the formation of political mood in the Rumanian army, evolution in external policy of the country's ruling circles, the rise of revolutionary movement of the Rumanian working people under the guidance of the RCP. The book is also devoted to occupational policy of the German-Rumanian invaders in 1943 — the first half of 1944 and to the Soviet people's liberation struggle. The factors are analysed determining the failure of the aggressive policy of Antonescu's dictatorship.

The book is addressed to researchers, dealing with the history of World War II, teachers of higher educational establishments and schools, students.

Л $\frac{0505030202-19}{М755(12)-83}$ 5—83

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исполнилось 40 лет со дня всемирно-исторической победы советских войск под Сталинградом. Эта битва, в ходе которой фашистским армиям был нанесен сокрушительный удар, занимает особое место в истории Великой Отечественной войны Советского Союза и всей второй мировой войны. «Когда мы вспоминаем о решающих событиях Великой Отечественной войны,— говорил Л. И. Брежнев,— в нашей памяти встает знаменитая Сталинградская битва, кровопролитные бои лета и осени 1942 года. В этой битве Красная Армия проявила героизм и воинское искусство, которые не знают себе равных в истории войн, и одержала блестящую победу. Этим было положено начало коренному перелому во всей мировой войне»[1].

На берегах Волги был сломлен моральный дух фашизма. Разгром армий вермахта и его союзников под Сталинградом вызвал кризис во всем фашистском лагере. До основания потрясло поражение на Дону и Волге военно-фашистскую Румынию — главную союзницу гитлеровской Германии в войне против СССР.

Ввергнув страну в пучину антисоветской войны, румынская олигархия, как и гитлеровцы, преследовала классовые и захватнические цели: уничтожение первого в мире социалистического государства, захват Молдавской ССР и ряда областей Украинской ССР, установление региональной гегемонии фашистской Румынии в Черноморском бассейне. Уверовав в непревзойденное могущество германской армии, военно-фашистская Румыния рассчитывала осуществить свои планы в «мол-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 1. М., 1973, с. 126.

ниеносной» войне. Солдат убеждали в том, что война закончится быстро, что они воюют во имя «возвращения» Бессарабии и Северной Буковины, что на «отвоеванных» территориях они получат большие земельные наделы.

В течение 1941—1942 гг. румынские войска в составе вермахта дошли до берегов Дона и Волги, до предгорий Кавказа, оккупировали значительную часть территории СССР. Однако главной своей цели — разгрома Советского Союза и покорения советского народа — правящие круги гитлеровской коалиции, включая военно-фашистскую Румынию, не добились. На Пруте и под Одессой, под Севастополем и на Северном Кавказе, на Дону и Волге — всюду, где сражались румынские войска, они несли огромные потери в живой силе и технике.

Всевозрастающие удары Красной Армии, огромные потери на фронте рассеяли иллюзии о «блицкриге», заставили румынских солдат и офицеров, а также широкую общественность в тылу глубже задуматься о целях войны, ее перспективах и последствиях, о смысле участия в ней Румынии. Пропагандистская деятельность румынских коммунистов, большая и разносторонняя разъяснительная работа, проводимая политорганами Красной Армии среди румынских войск на фронте, помогли солдатам быстрее осознать грабительский, империалистический характер войны. Постоянно ухудшавшиеся условия жизни трудящихся, неимоверно тяжелое положение солдатских масс, антагонизм между солдатами и офицерами, являвшиеся отражением глубоких классовых противоречий общественно-политического строя тогдашней Румынии, палочная дисциплина, коррупция, грабительская политика германских войск в стране, пренебрежение гитлеровцев к румынскому народу — все это вместе взятое приводило к усилению в армии и стране антивоенных, антифашистских и антигерманских настроений, недовольства политикой военно-фашистских правителей, критики в адрес И. Антонеску.

Первые признаки кризиса режима военно-фашистской диктатуры и ее восточной политики, т. е. политики в отношении СССР, начали проявляться в период боев под Одессой осенью 1941 г., когда особенно возросли людские и материальные потери румынских войск. В

армии кризис нашел отражение в усилении дезертирства, резком упадке воинской дисциплины, господстве чувства страха, в растерянности, апатии, открытых высказываниях против войны, разногласиях в среде высшего командования. В самой Румынии под руководством КПР усилилась борьба против военно-фашистской диктатуры И. Антонеску и против гитлеровцев, за выход страны из войны. Начались разногласия по вопросу о дальнейшей политике среди верхушки господствующих классов, т. е. между кликой Антонеску и так называемыми «историческими» партиями — национал-царанистской (НЦП) и национал-либеральной (НЛП), возглавляемыми соответственно Ю. Маниу и К. И. К. (Дину) Брэтиану. Они касались не самого факта участия страны в антисоветской войне, а вопроса о величине вклада, в первую очередь размера дани кровью, который должна была в дальнейшем внести фашистская Румыния в войну против СССР. Даже после поражения гитлеровцев под Москвой, когда возникли определенные сомнения в исходе войны, И. Антонеску, продолжавший верить в победу фашистской Германии, считал, что, чем весомее будет вклад Румынии в войну, тем обширнее будет советская территория, которую его страна получит от Гитлера в качестве вознаграждения, тем больше будет шансов добиться и пересмотра венского «арбитража» конца августа 1940 г., по которому Германия и Италия отдали Северную Трансильванию хортистской Венгрии. Но не разногласия между кликой Антонеску и «историческими» партиями, разыгрывавшими из себя «оппозицию» и ратовавшими за налаживание отношений с Англией и США, а всевозрастающие удары Красной Армии по фашистским войскам, борьба румынских трудящихся и солдатских масс против войны и классовой эксплуатации подтачивали режим военно-фашистской диктатуры.

Признаки кризиса особенно стали очевидны после провала летнего и осеннего наступления 1942 г., в котором участвовали 26 дивизий фашистской Румынии. И хотя германские, а вместе с ними и румынские войска дошли до берегов Волги и предгорий Кавказа, достичь победы им не удалось. Остановленные Красной Армией, фашистские полчища вынуждены были перейти к обороне. Новая тяжелая военная зима ожидала их.

Поздней осенью 1942 г. румынские солдатские массы постепенно стало охватывать чувство обреченности, в стране под руководством КПР усилилась борьба против продолжения войны. К моменту перехода Красной Армии в наступление под Сталинградом подавляющая часть румынского народа и армии высказывалась против войны.

Поражения на фронте во многом определяли и неудачи оккупационной политики. В период временных успехов фашистских войск в 1941 г. румынским правящим классам в значительной мере удалось осуществить свои захватнические планы. Они заняли большую советскую территорию (свыше 100 тыс. кв. км), создав на ней три губернаторства: Бессарабию с центром в г. Кишиневе, Буковину с центром в г. Черновцах и «Транснистрию» с центром сначала в г. Тирасполе, а затем в г. Одессе. Первые два губернаторства были официально включены в состав военно-фашистской Румынии, а на «Транснистрию» румынские фашистские правители получили немецкий мандат, предусматривавший осуществление временной «администрации и экономической эксплуатации». Клика Антонеску надеялась со временем аннексировать и эту территорию, практически и идеологически подготавливая данный акт, а в период временных успехов вермахта в ходе летнего наступления 1942 г. кое-кто из правящей верхушки стал зариться и на другие советские территории.

Как и гитлеровцы, румынские фашисты установили на оккупированной ими территории пресловутый «новый порядок». Они расстреливали коммунистов, комсомольцев, советских активистов, истребили десятки тысяч советских граждан. Это были не отдельные эксцессы недисциплинированных войск, жандармов и полицейских, а заранее запланированные действия, проводимые по указанию правительства Антонеску и военного командования, направленные на «умиротворение» советских людей, отстаивавших завоевания Октября, на ликвидацию социалистических общественных отношений, национальной государственности молдавского и украинского народов, их самобытной культуры, на утверждение безраздельного господства иноземных захватчиков.

Основным звеном в реализации аннексионистских планов румынских оккупантов должны были стать румынизация и колонизация обширной советской территории от Прута до Буга путем уничтожения и переселения части местного населения, превращения остальных жителей в слуг помещиков, капиталистов и будущих колонистов-кулаков. Решив в нацистском духе «проблему» евреев и цыган, клика Антонеску планировала массовое выселение из губернаторств украинцев, русских, болгар, гагаузов и других народов, предприняла оказавшиеся тщетными попытки ускоренными темпами осуществить румынизацию молдавского населения. В политике колонизации трудящимся-молдаванам, в первую очередь крестьянам, которые, как и трудовые массы других национальностей, были лишены всех прав и подвергались жестокой эксплуатации со стороны оккупантов и местных эксплуататоров, отводилась роль батраков, дешевой рабочей силы для господ-колонистов, которыми должны были стать согласно планам клики Антонеску отличившиеся в антисоветской войне офицеры и зажиточные слои румынского населения. Румынские фашистские правители полагали, что при дележе советских территорий «румынизированные» в спешном порядке молдаване будут служить веским доказательством «прав» военно-фашистской Румынии на оккупированную советскую территорию. Но политика румынизации молдавских трудящихся потерпела крах. Представители оккупационных властей и их прислужники вынуждены были признать, что меры правительства по румынизации фамилий бессарабцев не достигли цели, что бессарабский крестьянин всегда считал себя молдаванином, а не румыном, что у молдаван из губернаторства «Транснистрия» развито чувство молдавского этнического происхождения.

В полном соответствии с указанными классовыми империалистическими целями правители военно-фашистской Румынии строили и социально-экономическую политику на оккупированной советской территории. Планируя в перспективе превращение этой территории в аграрно-сырьевой придаток Румынии, источник даровой рабочей силы и рынок сбыта, что наглядно проявилось уже в 1942 г. в мерах до деиндустриализации, де-

монтажу и вывозу промышленного оборудования, клика Антонеску вместе с гитлеровцами главное внимание в связи с затянувшейся войной уделяла максимальному использованию народнохозяйственных ресурсов оккупированной территории для укрепления военной машины фашистских государств, покрытия огромных затрат румынской казны на войну. На это была направлена в первую очередь аграрная политика оккупантов. Они нещадно грабили колхозы, совхозы и крестьян-единоличников, вывозили десятки тысяч вагонов хлеба и другого продовольствия, сотни тысяч голов скота, обрекали местных трудящихся на голод, установили для них режим принудительного труда.

Политика террора и грабежа, проводимая фашистскими захватчиками, встречала растущее сопротивление советских людей. Под руководством коммунистов они вели неустанную борьбу за свое освобождение, саботировали экономические, политические и военные мероприятия оккупантов, совершали диверсии, создавали подпольные организации и партизанские отряды.

Вопросы, связанные с подготовкой и участием военно-фашистской Румынии в антисоветской войне до начала наступления Красной Армии под Сталинградом, политикой правящих кругов страны на временно оккупированных советских территориях в 1941—1942 гг., были освещены в книге «Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX 1939—19.XI 1942)», выпущенной в свет в 1981 г. Настоящая работа является по основным сюжетам продолжением названной. Хронологически она охватывает период от разгрома фашистской армии под Сталинградом, положившего начало коренному перелому в ходе второй мировой войны, до 23 августа 1944 г., когда в результате разгрома немецко-румынских войск в ходе Ясско-Кишиневской операции победоносно завершилось антифашистское вооруженное восстание в Бухаресте, приведшее к свержению диктатуры Антонеску, переходу Румынии на сторону антигитлеровской коалиции и ознаменовавшее начало коренного поворота в жизни румынского народа, в истории советско-румынских отношений.

Развернутая постановка проблемы, историография вопроса и обзор источников даны во «Введении» к пер-

вой нашей книге, и нет, по-видимому, необходимости в их повторении[2]. В настоящей монографии, подробно описав катастрофу румынской армии на Дону и под Сталинградом в ходе зимней кампании 1942/43 г., мы намерены:

показать влияние этой битвы, а также последующих наступательных операций Красной Армии и поражений фашистских войск на дальнейшее формирование политических настроений в румынской армии, на развитие внутриполитического положения в Румынии, на рост революционного движения румынских трудящихся, возглавляемых КПР;

проследить эволюцию внешней политики румынских правящих кругов, определить место, отведенное в ней антисоветским планам;

раскрыть цели и методы осуществления оккупационной политики немецко-румынских захватчиков на советской территории между Прутом и Бугом в условиях стремительных наступательных операций советских войск в 1943 — первой половине 1944 г. и подъема освободительного движения советских людей в тылу врага под влиянием благоприятного развития событий на фронте и большой организаторской работы коммунистов;

установить степень воздействия различных факторов на исход восточной политики румынских господствующих классов, а следовательно, в значительной мере и на создание предпосылок антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г. и перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции.

Поставленные задачи выдвигают необходимость, как и в первой нашей книге, взаимосвязанного рассмотрения в строго хронологическом порядке действий румынской армии на советско-германском фронте, ситуации в самой Румынии и развития событий на оккупированной советской территории, охвата и внутриполитических, и внешнеполитических, и социально-экономических, и военно-исторических аспектов проблемы. При ее изучении автор руководствовался марксистско-

---

[2] И в этой работе ссылки на статьи из советских и зарубежных журналов и сборников первый раз даются с указанием фамилии автора и названия работы, а во всех последующих случаях указываются только название, год, номер и страница журнала или сборника.

ленинской методологией, документами КПСС и Советского правительства периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет, основополагающими указаниями, содержащимися в трудах Л. И. Брежнева, посвященных вопросам войны, мира и содружества народов социалистических стран.

Автор благодарен коллегам из Института истории АН МССР и других научных учреждений, рецензентам за ценные замечания и помощь при подготовке этой книги, а также сотрудникам архивов и библиотек за содействие в сборе документального и другого материала, легшего в основу исследования.

Глава I

РАЗГРОМ ФАШИСТСКИХ ВОЙСК НА ДОНУ И ПОД СТАЛИНГРАДОМ. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА РУМЫНСКОЙ АРМИИ

Шел ноябрь 1942 г. Наступила вторая военная зима. Ценой больших усилий и жертв Красная Армия остановила продвижение гитлеровцев на Волге и Северном Кавказе. Понеся огромные потери в живой силе и технике, фашистские войска перешли к стратегической обороне по всему советско-германскому фронту.

Благодаря многогранной деятельности Коммунистической партии Советского Союза, отваге и беспримерной стойкости воинов Красной Армии, самоотверженному труду советских людей, героической борьбе партизан и подпольщиков на временно оккупированной фашистами территории СССР были созданы предпосылки для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Этот перелом начался с великой победы советских войск на берегах Волги и Дона.

О Сталинградской битве издана богатая литература. В ней приводятся отдельные факты и об участии румынской армии в этом грандиозном сражении. Однако специальной работы на эту тему нет. Учитывая, что последствия участия румынской армии в боях на Дону и под Сталинградом, как показано будет далее, оказались для военно-фашистской Румынии особенно плачевными, глубоко отразились на всех сферах жизни страны, осветим этот вопрос несколько подробнее.

К середине октября 1942 г. на Дону и под Сталинградом находились две румынские армии: 3-я и 4-я. Они подчинялись в оперативном отношении командованию немецкой группы армий «Б». 3-я армия, занимавшая на Дону участок протяженностью 130 км между населенными пунктами Вешенская и Клетская, имела в своем составе 8 пехотных, 2 кавалерийские и 1 тан-

ковую дивизию; 4-я армия, расположенная южнее Сталинграда, от Красноармейска и далее на юг, — 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Следовательно, из 26 румынских дивизий, находившихся на советско-германском фронте, 18 участвовали в Сталинградской битве. Все они имели определенный опыт боевых действий, были лучше вооружены, чем другие румынские дивизии, однако в целом по боевой подготовке и оснащению техникой значительно уступали немецким дивизиям. Морально-боевой дух румынских войск был низкий, не только солдаты, но и значительная часть офицеров утратили веру в победу, были охвачены пораженческими настроениями[1].

Задачи фашистских армий в ходе зимней кампании 1942/43 г. были определены в оперативном приказе Гитлера от 14 октября 1942 г. Перед войсками вермахта и его союзников ставилась задача «во что бы то ни стало удержать зимние позиции». Свою оборонительную стратегию немецкое командование строило в расчете на то, что Красная Армия после тяжелых боев лета и осени 1942 г. не способна к широким наступательным действиям. «Сами русские в ходе последних боев, — говорилось в упомянутом приказе, — были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 г. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму. В отличие от минувшей эта зима не может быть суровой и тяжелой»[2].

Даже в первой декаде ноября 1942 г. отдел иностранных армий Востока генштаба сухопутных войск вермахта еще продолжал утверждать, что наступление Красной Армии, если и состоится, то скорее всего «в полосе группы армий „Центр", подготовка же наступления на юге не настолько продвинулась вперед, чтобы предполагать здесь в ближайшем будущем... крупную операцию»[3]. Когда же признаки наступления Красной Армии на фронте группы армий «Б» уже были налицо, немецкое командование не сумело разгадать направле-

[1] См: *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в войне против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX 1939 — 19.XI 1942). Кишинев, 1981, с. 219—228.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 391, 392.

[3] Там же, с. 430.

ние главного удара советских войск. Начальник штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник К. Цейтцлер писал: «Мы все еще не знали, на каком участке растянутого левого фланга русские нанесут удар: на румынском, находившемся близ Сталинграда, на более западном итальянском или, наконец, на венгерском, который протянулся еще дальше на Запад». Не удалось, по признанию Цейтцлера, определить и примерный день наступления советских войск[4]. Как отмечал маршал Советского Союза А. М. Василевский, лишь 12 ноября немецкая разведка сделала вывод, что «в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии», но не смогла определить, какими силами они будут предприняты[5].

Плененный на Дону в конце ноября 1942 г. командир 5-й румынской дивизии генерал Мазарини подтвердил: «Сосредоточение такой крупной массы войск на сравнительно узком участке фронта было произведено в полном неведении румынского командования, хотя и имелись сведения о готовящемся наступлении»[6]. Что это было именно так, явствует и из документа, озаглавленного: «Выводы, составленные Верховным главнокомандованием немецкой армии на основе опыта, вытекающего в связи с крупным русским наступлением на Донском фронте». Он был разослан впоследствии командованию фашистских частей и соединений, в том числе румынскому. В нем, в частности, отмечалось: «Характерные особенности подготовки русского наступления следующие:

хорошо закамуфлированные все признаки концентрации войск, особенно передвижение бронетанковых соединений;

безупречная реализация соединениями, участвовавшими в наступлении, особенно бронетанковыми, приказа о запрещении радиопередач;

передвижение войск почти всегда в ночное время;

тщательное прощупывание всего фронта путем внезапных вылазок... проведенных (силами до полка) с целью точного определения слабых мест фронта. Эта

[4] *Вестфаль З.* и др. Роковые решения. М., 1958, с. 165, 166. Перевод с английского.

[5] *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1975, с. 246.

[6] Центральный архив Министерства обороны СССР (далее: ЦА МО СССР), ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 24.

разведка боем стала масштабной, бросилась в глаза только за два дня до начала наступления...»[7]. До этого же, «твердо убежденное гитлеровской болтовней в неспособности Красной Армии к широким наступательным операциям, — сказано в докладе штаба Юго-Западного фронта об итогах контрнаступления севернее Сталинграда в ноябре—декабре 1942 г., — командование 3-й румынской армии рассчитывало отсидеться на Дону, глубоко зарывшись в землю и закрыв доступы к линии обороны проволочными заграждениями и минными полями»[8].

Когда появились признаки возможного наступления советских войск, командование 3-й румынской армии отдало приказ о дополнительных мерах по укреплению оборонительной полосы. Оно выдвинуло основные силы армии в первую линию[9], полагая ими, а также хорошо организованной системой артиллерийского огня отразить наступление Красной Армии. Для ликвидации возможных прорывов во втором эшелоне находились сначала 7-я кавалерийская и 15-я пехотная румынские дивизии, затем командование группы армий «Б» выдвинуло в качестве подвижного резерва в тыловом районе 3-й армии 48-й танковый корпус, состоящий из 22-й немецкой и 1-й румынской танковых дивизий.

Если удар севернее Сталинграда в зоне 3-й румынской армии немецко-румынское командование, хоть и с опозданием, все же предвидело, то наступление советских войск южнее Сталинграда оказалось для него «совершенно внезапным»[10].

4-я армия строила оборону, опираясь на естественные рубежи[11]. Основные ее силы (5 пехотных дивизий), как и 3-й армии, были размещены в первой линии.

---

[7] Черновицкий областной государственный архив (далее: ЧОГА), ф. 307, оп. 2, д. 1183, л. 3.

[8] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 7.

[9] В первой линии обороны 3-й румынской армии находилось 8 дивизий (7 пехотных и 1 кавалерийская), притом каждая на переднем крае держала все свои полки, имея в резерве лишь 1—1,5 батальона.

[10] История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т., т. 6. М., 1976, с. 38.

[11] По линии Красноармейск—Тундутово поднимались гряды небольших высот, по гребню которых и проходил передний край обороны этой армии.

Наступление Красной Армии северо-западнее Сталинграда началось, как известно, 19 ноября 1942 г. силами войск Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов. Ранним утром на позиции 3-й румынской армии обрушился мощный артиллерийский огонь, который не только причинил противнику большой урон в живой силе и технике, но и оказал устрашающее воздействие на его солдат и офицеров.

Оборона противника была прорвана сразу на двух участках: юго-западнее г. Серафимович частями 5-й танковой армии и у Клетской — 21-й армией. Однако из-за плохой видимости, вызванной туманом, далеко не все узлы вражеской обороны, особенно на флангах ударной группировки Юго-Западного фронта, были уничтожены. На некоторых участках противник оказывал упорное сопротивление. В упомянутом докладе Юго-Западного фронта сказано: «С начала наступления частей Красной Армии 19 ноября 1942 г. румынское командование прилагало все усилия для того, чтобы не допустить прорыва своей обороны войсками Красной Армии на участке 2-го армейского корпуса в направлении Большой и 4-го армейского корпуса в направлении Клетской, сочетая упорную оборону частей, расположенных на переднем крае, с многочисленными контратаками полковых и дивизионных резервов»[12].

Но эти усилия оказались тщетными. Вначале наибольший успех был достигнут советскими войсками у Клетской, на участке прорыва 21-й армии. Наступая в направлении Верхне-Бузиновка—Песковатка, соединения 21-й армии разгромили части 13-й и 15-й пехотных румынских дивизий и к 15 часам 19 ноября прорвали их оборону. В прорыв устремились подвижные группы 4-го танкового и 3-го гвардейского корпусов. Используя выгодные условия местности (балки, русла рек), противник стремился остановить продвижение советских танков. Особенно яростно сопротивлялся он у населенного пункта Громки. Решительным ударом советские танкисты смяли оборону врага, ворвались в упомянутый населенный пункт и уничтожили штабы двух полков 13-й румынской пехотной дивизии[13].

---

[12] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 19.

[13] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6-ти т., т. 3. М., 1964, с. 33—34.

В указанном выше отчете Юго-Западного фронта об итогах первого дня наступления сказано: «На Клетском направлении части 13-й пехотной дивизии и 12-го пехотного полка (входил в состав 15-й пехотной дивизии румынских войск. — *И. Л.*) в первый же день боев оказались неспособными к дальнейшему сопротивлению, что вынудило противника бросить в бой к исходу 19 ноября и остальные полки 15-й пехотной дивизии»[14]. Участник Сталинградской битвы, бывший гитлеровский генерал Г. Дёрр следующим образом оценил итог первого дня наступления Красной Армии на Клетском направлении: «4-й румынский армейский корпус был разгромлен»[15]. На отдельных участках советские войска продвинулись на 30—35 км[16].

На участке прорыва юго-западнее г. Серафимович части 5-й танковой армии первоначально продвигались медленно. Хотя в результате артиллерийского огня оборона 2-го армейского корпуса была дезорганизована, сопротивление противника еще не было полностью сломлено. К 12 часам войска 5-й танковой армии преодолели первую позицию его главной полосы обороны, продвинувшись примерно на 2—3 км. Чтобы окончательно сломить сопротивление врага, командование армии ввело в бой подвижную группу — 1-й и 26-й танковые корпуса, что быстро изменило обстановку. Танковые соединения завершили тактический прорыв обороны 2-го армейского корпуса и, разгромив части 14-й румынской пехотной дивизии, быстро устремились на юг, прокладывая путь пехоте и кавалерии. На отдельных участках к исходу 19 ноября передовые части 5-й армии продвинулись на 22 км[17].

На левом фланге 3-й румынской армии, на участке 1-го армейского корпуса, советские войска в первый день наступления продвинулись незначительно. Части советской 1-й гвардейской армии, атаковавшие противника в направлении Горбатовского, встретили огневое сопротивление частей 11-й румынской пехотной дивизии. Медленно продвигались в первый день наступле-

---

[14] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 19.

[15] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (оперативный обзор). М., 1957, с. 66. Перевод с немецкого.

[16] Великая победа на Волге. М., 1965, с. 264.

[17] Там же, с. 263.

ния и части 65-й армии Донского фронта. На ее участке вместе с румынскими оборонялись немецкие войска. Советским воинам приходилось отражать контратаки спешившейся 1-й румынской кавалерийской дивизии из района Мело-Клетского и преодолевать сильное огневое сопротивление противника[18]. На центральном участке обороны 3-й румынской армии, между обоими участками прорыва на Дону, усиленные части 5-го армейского корпуса удерживали свои позиции, повернувшись фронтом на 180 градусов и имея в тылу реку[19].

Таким образом, хотя на ряде участков противник продолжал удерживать позиции и оказывать упорное сопротивление, в целом за день наступления советские войска добились значительных успехов. Ударная группировка Юго-Западного фронта прорвала тактическую оборону 3-й румынской армии на двух участках: югозападнее г. Серафимович и в районе Клетской, — и отдельные передовые части танковых корпусов продвинулись на 20—35 км. В ходе боевых действий советские войска нанесли противнику большой урон в живой силе и технике и начали обходить основные силы 3-й румынской армии с запада и востока.

Опасаясь окружения этой армии и быстрого продвижения советских войск в юго-восточном направлении, что создало бы угрозу для 6-й немецкой армии Паулюса, немецко-фашистское командование решило ввести в бой свои оперативные резервы: 14-ю немецкую танковую дивизию и 7-ю румынскую кавалерийскую дивизию, а затем и 48-й танковый корпус. На этот корпус, как отмечает Дёрр, «возлагались большие надежды»[20]. Но он не оправдал их.

22-я танковая дивизия немцев всю ночь на 20 ноября, а затем и весь день вела тяжелые бои с частями 1-го танкового корпуса Красной Армии вблизи Усть-Медведицкого. Понеся большие потери и будучи почти окруженной, 22-я танковая дивизия не сумела приостановить наступление советских войск. Во второй половине дня 20 ноября наши войска овладели Усть-Медведицким[21]. Во избежание полного уничтожения дивизии

[18] Великая победа на Волге, с. 264.
[19] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 19; *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 66.
[20] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 66.
[21] ЦА МО СССР, ф. 359, оп. 5041, д. 21, л. 33.

командование группы армий «Б» отдало приказ отступить и сосредоточиться южнее р. Куртлак.

Тяжелое поражение потерпела и 1-я румынская танковая дивизия, направленная на выручку румынских частей 3-й армии. Во время ночного марша она натолкнулась в пути на части 26-го танкового корпуса Красной Армии. О том, что произошло, рассказал в мемуарах командир 26-го танкового корпуса генерал А. Г. Родин: «...поступило донесение от разведки, что танки противника пошли в сторону фронта — к г. Серафимовичу. Оказалось, что 1-я румынская танковая дивизия из района Перелазовский спешила на фронт, на помощь своим пехотным дивизиям. Приказал в бой не вступать. Иметь наблюдение, не теряя соприкосновения.

Танковая колонна противника, дойдя до станции Новоцарицынской, продолжала движение на север. А мы повернули строго на юг — на Перелазовский. Таким образом, тылы румынской танковой дивизии были отрезаны, большинство ее автомашин с горючим, боеприпасами и продовольствием были попросту включены в нашу колонну. Водителей противника оставили за рулем, посадив к ним по автоматчику. Что касается вражеских танков, то — мчитесь, голубчики, дальше, без горючего и боеприпасов много не навоюете»[22].

В тот же день, 20 ноября, к 16 часам наши войска захватили Перелазовский, разгромив при этом штаб 5-го армейского корпуса румын. Об этом генерал А. Г. Родин пишет: «Захвачены масса пленных, вся штабная документация, узел связи, типография, склады, госпиталь с ранеными, даже хлебопекарня с хлебом, масса автомашин и другой военной техники»[23]. Как отмечает далее А. Г. Родин, атака и захват Перелазовского были настолько неожиданными, что офицеры румынского штаба, убегая, оставили на столах раскрытые папки и бумаги для исполнения, отпертые ящики, сейфы с ключами в дверцах, а на вешалках — свои мундиры.

Таким образом, ликвидировать прорыв войск 5-й танковой армии юго-западнее г. Серафимович 48-му

[22] *Родин А. Г.* Кольцо окружения. — В кн.: Битва за Волгу. Волгоград, 1962, с 136—137.

[23] Битва за Волгу, с. 137.

танковому корпусу противника не удалось. Не сумели это сделать и оперативные резервы, брошенные для ликвидации бреши в обороне 3-й румынской армии в районе Клетской. В докладе Юго-Западного фронта о ноябрьской операции по разгрому 3-й румынской армии сказано: «15.00 ч. 20.XI противник ввел в бой с рубежа Селиваново, Цимловский части вновь подошедшей 14-й танковой дивизии и 3-й моторизованной дивизии немцев, пытаясь приостановить наступление частей Красной Армии на этом направлении. Несмотря на значительное сосредоточение танков на узком участке фронта (до 80 единиц), они не решили исхода боя 20.XI. Атака танков была отбита нашими частями, 3-я моторизованная дивизия и 14-я танковая дивизия с большими потерями были вынуждены к отходу в район Верхне-Бузиновка, откуда в дальнейшем продолжали отход в направлении Калач»[24].

Как отмечает видный советский исследователь А. М. Самсонов, хотя 20 ноября «танковые корпуса Юго-Западного фронта не имели большого продвижения, но решительными и смелыми действиями они нанесли поражение оперативным резервам противника, в том числе 48-му танковому корпусу»[25]. Этим была предрешена по сути судьба всей 3-й румынской армии.

Пока подвижные части 5-й танковой и 21-й армии наносили удары по оперативным резервам фашистских войск, советские пехотинцы продолжали громить основные силы 3-й румынской армии на участках прорыва. К исходу 20 ноября были разгромлены 14-я пехотная дивизия, 36-й пехотный полк 9-й пехотной дивизии, 89-й пехотный полк 13-й пехотной дивизии и 12-й пехотный полк 15-й пехотной дивизии[26]. Большие потери понесли и другие части 2-го и 4-го армейских корпусов румын. Одновременно стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий обходили 5-й армейский корпус и остатки 4-го армейского корпуса румын с запада и востока с целью их окружения в районе Распопинской[27].

Г. Дёрр пишет, что после двухдневных боев «3-я румынская армия перестала оказывать организованное

---

[24] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 20.
[25] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1968, с. 384.
[26] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 19—20.
[27] Великая победа на Волге, с. 269.

сопротивление» и была принуждена наступавшими советскими войсками «к бегству»[28]. По утверждению Цейтцлера, «румынский фронт представлял собой печальную картину полного хаоса и беспорядка»[29]. «Вся румынская армия, — заключает участник Сталинградской битвы, бывший офицер-разведчик 6-й армии Паулюса И. Видер, говоря о боях на участке Клетская—Серафимович, — попала в кровавую мясорубку и фактически перестала существовать»[30].

20 ноября на румынские войска обрушился еще один удар. В этот день войска Сталинградского фронта перешли в наступление, проравав оборону 4-й румынской армии в нескольких местах. Это произвело ошеломляющее впечатление на противника, не ожидавшего тут удара со стороны Красной Армии. Как и на северном участке фронта, события на юге развивались молниеносно. Утром после мощной артиллерийской подготовки части 51-й советской армии прорвали оборону противника между озерами Сарпа и Цаца и начали теснить противостоящие им 90-й и 92-й полки 18-й пехотной дивизии, а также части 1-й пехотной дивизии румын. Одновременно перешли в наступление соединения 57-й армии, нанося удары по 83-му пехотному полку 20-й пехотной дивизии и частям 2-й пехотной дивизии румын. 64-я советская армия начала прорыв вражеской обороны в 14 часов 20 минут. Стремительным ударом она смяла боевые порядки 98-го пехотного полка 20-й румынской пехотной дивизии и продвинулась на несколько километров[31]. Как отмечается в отчете 64-й армии о Сталинградской операции, «противостоящая 20-я пехотная дивизия румын за один день боя потеряла свыше 1000 человек только убитыми и почти всю артиллерию»[32].

На участках прорыва вражеской обороны советское командование ввело в бой 4-й механизированный и 13-й танковый корпуса. Ломая сопротивление противника, наши танковые части и мотопехота не давали

---

[28] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 70.
[29] Роковые решения, с. 169.
[30] *Видер Иоахим.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965, с. 29.
[31] ЦА МО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 166, л. 21.
[32] Там же, ф. 341, оп. 5312, д. 145, л. 81.

ему закрепиться на промежуточных позициях, перехватывали его коммуникации, рассекали на отдельные группы его соединения, а затем наносили им удары с фронта, фланга и тыла. Лишенные управления, вражеские войска теряли способность к сопротивлению и в беспорядке отступали.

Стараясь прикрыть брешь в обороне 4-й румынской армии, командование 4-й немецкой танковой армии бросило в бой свой резерв — 29-ю моторизованную дивизию, но и она не смогла спасти положение. Ломая сопротивление противника, советские войска продвинулись через Плодовитое на Абганерово. «Потерявший частично боеспособность 6-й румынский армейский корпус, — пишет Дёрр, — был разбит, его оставшиеся подразделения отошли в район населенного пункта Аксай. При этом он оголил фланг остановившегося у Мал. Дербеты неатакованного правого соседа — 7-го румынского армейского корпуса»[33]. Таким образом, в результате двухдневных наступательных боев ударные группы Сталинградского фронта разгромили 1, 2 и 18-ю румынские пехотные дивизии, нанесли тяжелое поражение 20-й румынской пехотной и 29-й немецкой моторизованной дивизиям[34]. Дёрр признает: «Когда генерал Константинеску в середине дня 21 ноября принял командование (4-й. — *И. Л.*) армией, она уже наполовину была разбита»[35].

Отрезав немецкие дивизии, действовавшие у Сталинграда, от находившихся на фланге в калмыцких степях румынских войск, основные силы советских подвижных частей наступали на северо-запад, в направлении г. Калач, другие продолжали двигаться на Аксай и Уманцево. Попытки немецко-румынского командования при помощи полков 5-й и 8-й румынских кавалерийских дивизий закрыть брешь, образовавшуюся между 6-м и 7-м армейскими корпусами румын, не увенчались успехом. Вечером 21 ноября 7-й румынский армейский корпус сдал на своем северном фланге Малые Дербеты и продолжал отступать на юг в район Уманцево, Кетченеры. 6-й армейский корпус

---

[33] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 72.

[34] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 39.

[35] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 73.

под натиском советских войск отступал в направлении Котельниковского.

Как и 3-я, 4-я румынская армия и сражавшиеся вместе с ней немецкие дивизии несли тяжелые потери. В плен сдавались целые части и подразделения. Так, в бою при взятии станции Тингута полностью сдался в плен полк 2-й пехотной дивизии румын во главе с командиром полка[36]. Как отмечается в отчете штаба Сталинградского фронта о ноябрьской операции по разгрому фашистских войск, к исходу дня 22 ноября в результате трехдневных боев было захвачено более 10 тыс. пленных, в основном румын, и значительные трофеи, в том числе склады оружия и боеприпасы на станции Абганерово[37].

В стане противника царила паника. Деморализованные солдаты и офицеры разгромленных румынских дивизий 3-й и 4-й армий, лишь кое-где оказывая сопротивление, старались спастись бегством.

Свидетель этих событий, бывший офицер вермахта Гельмут Вельц, совершивший в те дни поездку по делам службы в г. Калач, так описывает свои встречи с отступающими румынскими солдатами: «...мимо нас плетутся еле движущиеся живые тени с открытыми и закрытыми глазами. Им все равно, куда приведет их эта дорога. Они бегут от войны, они хотят спасти свою жизнь. А все остальное не играет никакой роли... Поистине «разбито войско в пух и прах». Эти слова звучат здесь вполне уместно. Для художника, желающего рисовать отступление, тут живая натура, растянувшаяся на многие километры»[38].

Страх, паника, растерянность стали охватывать и немецкие войска. Полковник В. Адам, который, занимаясь перебазированием штаба Паулюса, находился в эти дни в Нижне-Чирской, куда стекались отступающие румынские и немецкие войска, писал: «...В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству, бросали

---

[36] *Еременко А. И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961, с. 355; Великая победа на Волге, с. 273.

[37] ЦА МО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 166, л. 30; *Еременко А. И.* Указ. соч., с. 352.

[38] *Вельц Гельмут.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. М., 1965, с. 118, 119, 121. Перевод с немецкого.

оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза — ведь верхом на выпряженных лошадях можно было быстрей двигаться вперед. Дикий хаос царил в Верхне-Чирской. К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб 11-го армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга. Все бежали в Нижне-Чирскую»[39].

В то время как подвижные части и соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов стремительно продвигались навстречу друг другу, создавая угрозу полного окружения 6-й полевой и частично 4-й танковой армий гитлеровцев, стрелковые соединения Юго-Западного и Донского фронтов завершили обход 5-го и остатков 4-го румынских армейских корпусов с запада и востока. К исходу 21 ноября в районе Верхне-Фомихинского, Жирков, Верхне-Черенского, Верхне-Соломаковского, Распопинской, Базковского плотным кольцом были окружены 5-я и 6-я пехотные дивизии, 22-й и 7-й пехотные полки 13-й дивизии, 10-й и 25-й пехотные полки 15-й дивизии, остатки ранее разгромленной 14-й пехотной дивизии, 5-й и 8-й тяжелые артиллерийские полки[40]. В районе Малая Донщинка вместе с частями 22-й танковой дивизии немцев ценою больших потерь пробивались из окружения отдельные части 15-й румынской пехотной дивизии[41]. Лишь части 1-го армейского корпуса румын удалось в течение 21 и 22 ноября несколько сдержать наступление советских войск на рубеже Нижне-Каминского—Ягодного, но ненадолго. Заняв во второй половине дня 22 ноября Чернышевскую, Чистяковскую, Демин, Каменку, советские войска стали громить тылы 9-й и 11-й румынских пехотных дивизий, заставляя их отступать[42].

Известия о событиях на Дону и под Сталинградом поступили в Бухарест в первый же день наступления советских войск. 19 ноября органы Специальной служ-

---

[39] *Адам В.* Трудные решения, изд. 2. М., 1972, с. 176. Перевод с немецкого.

[40] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 19—20.

[41] Там же, л. 21.

[42] Там же, л. 19; *Самсонов А. М.* Указ. соч., с. 402.

бы информации (ССИ) сообщили, что «противник, поддержанный танками, начал наступление на многих участках», что 7-й и 89-й румынские пехотные полки «отступили на 500 м, заняв другие позиции»[43]. На второй день ССИ известила о прорыве фронта южнее Сталинграда, о «тяжелом положении 2-й дивизии», о «крупном наступлении противника, поддержанного танками, на участках 2, 5 и 4-го румынских армейских корпусов»[44].

Первоначально правители военно-фашистской Румынии не допускали мысли, что все это может закончиться полным разгромом. Они были уверены, что с помощью немецкого союзника все уладится. 21 ноября Антонеску подтвердил приказ командующего группой армий «Б» генерал-полковника Вейхса о том, что войска должны сражаться «до конца»[45]. В создавшейся тогда ситуации это означало принести в жертву румынских солдат 3-й и 4-й армий. Скрывая от народа положение на фронте, румынская буржуазная пресса в эти дни печатала хвастливые сводки немецкого командования, в которых говорилось, что на Востоке ведутся успешные оборонительные бои и «большевистские войска» терпят одно поражение за другим. Небезызвестная националистическая газета «Универсул», например, писала о боях за 19—22 ноября: «...далекий Сталинград доживает последние дни...», «...все атаки, направленные против позиций румынских войск, были сведены на нет, решительным образом отбиты, и большевикам причинены большие потери... Базируясь на прошлом опыте, — утверждала газета, — в берлинских кругах спокойнейшим образом взирают на новые наступательные намерения большевиков...»[46]

---

[43] Центральный государственный архив Молдавской ССР (далее: ЦГА МССР), ф. Микрофильмы румынских документов. SSI, Eşalonul 1, 19 Noembrie 1942. Notă informativă.

[44] Там же. 20 Noembrie 1942. Notă informativă.

[45] *Bălteanu B.* Influenţa bătăliei de la Stalingrad asupra situaţiei politice din România. — Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lîngă C. C. al P.M.R., 1960, N 1, p. 79. В 1966 г. журнал был переименован в Analele Institutului de studii istorice şi social-politice de pe lîngă C.C. al P.C.R., а в 1965 — в Anale de istorie. В дальнейшем для краткости во всех случаях будет указано сокращенно — Anale.

[46] Universul, 1942, 24.XI (следует учитывать, что в буржуазной Румынии газеты датировались днем позже их выхода в свет).

В действительности же окруженная в районе Распопинской группировка румынских войск доживала последние дни. В результате решительных действий стрелковых дивизий 5-й танковой и 21-й советских армий она была расчленена на две части: одну из них возглавлял генерал Ласкар, другую — бригадный генерал Стэнеску. Желая избежать напрасного кровопролития, советское командование вечером 21 ноября 1942 г. направило в расположение окруженных войск добровольцев из пленных для вручения ультиматумов о немедленной капитуляции[47]. В условиях капитуляции указывалось, что советское командование обязуется «сохранить жизнь румынских солдат и офицеров; оставить имевшееся у них обмундирование; после окончания войны вернуть их на родину»[48].

21 ноября в 18 часов в расположение окруженной группировки отправился советский парламентер — инструктор по работе среди войск противника 96-й стрелковой дивизии старший лейтенант И. Я. Балашев. В отчете о пребывании в стане окруженной группировки румынских дивизий он подробно описал царившую там атмосферу. В пути И. Я. Балашев встречал изможденных от голода солдат, некоторые офицеры жаловались на отсутствие продовольствия и открыто говорили о желании покончить с войной и вернуться к себе на родину. Балашев побывал у генерала Ласкара, который дал отрицательный ответ на предложение советского командования[49].

Среди румынских солдат и офицеров усиливались настроения отчаяния и обреченности[50]. В письмах и дневниках они горько оплакивали свою судьбу. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах приводит выдержки из дневника начальника метеослужбы артбригады 6-й румынской пехотной дивизии.

«21 ноября. С утра наше положение остается тяжелым. Мы окружены... В Головском[51] большое замеша-

---

[47] *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981, с. 125.

[48] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 98, л. 1 об.

[49] Там же, л. 3 а, 3 а об., 3 б, 3 б об.

[50] Эти настроения реалистически переданы в романе румынского писателя Лаурентиу Фульга «Люди без славы» (М., 1974).

[51] В этом населенном пункте размещался штаб 6-й пехотной дивизии.

тельство... Сейчас 10 ч 05 мин. Мы не знаем, что делать. Сюда собрались офицеры 13-й и 15-й дивизий, потерявшие свои части. Вот какое положение! Печально, но это истина.

Мои друзья просматривают фотографии своих близких, жен, детей. Я тоже с болью в душе вспоминаю свою мать, брата, сестер и родственников. Мы одеваемся во все, что есть у нас лучшего, и даже одеваем по две пары белья, и думаем, что конец может быть очень трагичным... Очень много разговоров и споров в связи с создавшимся положением... Мы, три офицера, обсуждаем здесь наше положение и приходим к выводу, что избежать катастрофы у нас нет никаких шансов. Неприятные вести из Осиновки начинают подтверждаться. Пришла группа офицеров 5-го тяжелого артиллерийского полка, спасшаяся бегством.

Поздно вечером командиры дивизий и полков снова собрались, чтобы принять окончательное решение. Обсуждаются два варианта: 1. Прорваться. 2. Капитулировать. После длительного обсуждения остановились на втором варианте — капитулировать. Пришло известие: от русских идет парламентер с предложением капитулировать...»[52]

На этом запись обрывалась. Но, как уже отмечалось, советский парламентер в ночь на 22 ноября получил отрицательный ответ от генерала Ласкара. Отклонила предложение советского командования и группировка, возглавляемая генералом Стэнеску. Это объясняется приказом, полученным окруженной группировкой от немецкого и румынского командований. «Еще до прихода наших парламентеров, — отмечается в документе политуправления Юго-Западного фронта об обстоятельствах капитуляции распопинской группировки противника, — командование окруженных румынских частей приняло решение капитулировать. В тот момент, когда наши парламентеры находились в штабе, там была получена радиограмма от румынского и немецкого командований с приказом «сопротивляться до последнего человека». В связи с этим предложение наших парламентеров было отклонено»[53].

---

[52] Цит. по кн.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1975, с. 115.

[53] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 98, л. 1 об.

Утром 22 ноября командиры 5, 6 и 15-й румынских пехотных дивизий собрались в Головском для обсуждения вопроса об организации прорыва кольца окружения. На совещании присутствовали представители германского командования — офицеры связи, которые, несмотря на попытки капитуляции со стороны командиров румынских дивизий, вынудили их выполнять указанный приказ командования[54].

В течение 22 ноября только на участке 63-й стрелковой дивизии окруженные части 20 раз переходили в контратаки. И каждый раз откатывались назад, неся большие потери[55]. Столь же тщетными оказались попытки частей 1-й танковой дивизии и 7-й румынской кавалерийской дивизии, предпринявших 21 и 22 ноября контратаки с рубежа Усть-Медведицкого и Коротновского с целью оказания помощи окруженной группировке. С большими потерями они были отброшены на юг[56].

22 ноября командование 333-й стрелковой дивизии направило в лагерь окруженной группировки противника старшего лейтенанта Матвеева и красноармейца-разведчика Усова с новым предложением о капитуляции. Румынская сторона вручила им пакет следующего содержания: «Ответ дадим вам завтра, 23.XI 1942 г. в 5.00 ч по среднеевропейскому времени»[57]. Оттягивая капитуляцию, румынские генералы явно надеялись, что обещания о помощи будут выполнены. Но многие румынские солдаты, да и некоторые офицеры решили не уповать на помощь извне и не рисковать своей жизнью. Сознавая безнадежность дальнейшего сопротивления, еще утром 22 ноября в одиночку и группами, а иногда целыми подразделениями они стали сдаваться в плен. Так, в 10 часов утра 22 ноября на сторону Красной Армии перешел целый румынский батальон[58].

Все более тревожные вести с фронта забеспокоили правящую верхушку военно-фашистской Румынии. 22 ноября 1942 г. Антонеску отправил румынскому военному атташе в Берлине телеграмму для передачи Гитлеру, в которой среди прочего говорилось: «Генерал

[54] Там же, оп. 590, д. 35, л. 20.

[55] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 34.

[56] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 20.

[57] Там же, оп. 612, д. 99, л. 56.

[58] Там же, оп. 590, д. 98, л. 3 в об.

Ласкар, командующий группировкой, состоящей из четырех окруженных дивизий, докладывает, что у него нет боеприпасов, хотя они ему были обещаны, и что наступил последний момент, когда он мог бы попытаться вырваться из окружения с некоторыми шансами на успех. У него есть приказ от группы армий «Б» держаться, но он просит от меня прямого приказа. Я отказался дать какой-либо приказ через голову командования, которое, будучи там на месте, несет ответственность». Кондукэтор выразил сомнение в возможности окруженной группировки продержаться до 28—30 ноября, когда на выручку ей должны были якобы прибыть из глубокого тыла четыре немецких соединения. Он просил принять более срочные меры по спасению группировки Ласкара, боясь, что до прибытия обещанной помощи она «будет полностью уничтожена» и он, И. Антонеску, «будет не в состоянии восстановить» 3-ю армию[59].

В тот же день министр иностранных дел М. Антонеску через своего секретаря Г. Барбула передал немецкому посланнику в Бухаресте опасения в том, что гибель румынских дивизий под Сталинградом может вызвать «известные настроения в общественном мнении Румынии как раз в тот момент, когда война вступила в решающую фазу», и что «вопросы по существу военного характера имеют также важное политическое значение»[60].

Таким образом, в сложившейся тяжелой ситуации «патриот» И. Антонеску, сознавая неминуемую гибель окруженных румынских соединений, предоставил Гитлеру единоличное право распорядиться жизнью десятков тысяч румынских солдат и офицеров.

Пока составлялись телеграммы и предпринимались дипломатические демарши, на участке фронта окруженной группировки события развивались гораздо быстрее, чем предполагала клика Антонеску. Получив отказ Ласкара от немедленной капитуляции, советское командование отдало приказ овладеть Верхне-Черенским, куда в это время переместились штабы 5-й и 6-й ру-

---

[59] Историко-дипломатический архив (далее: ИДА), ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi d-l Mareşal Antonescu.

[60] Anale, 1960, N 1, p. 79.

мынских пехотных дивизий. Ворвавшись в этот населенный пункт, группа автоматчиков под руководством старшего лейтенанта Черенкова окружила помещения румынских штабов, вынудив командиров этих дивизий — генералов Ласкара и Мазарини — капитулировать. Кроме названных генералов в плен было взято 40 штабных офицеров, в том числе 8 полковников. Общее число пленных этой группировки составляло 8058 солдат и офицеров[61]. В эту же ночь с 22 на 23 ноября в 3 часа противник был выбит из Базковского и Белосоина[62].

А спустя 50 минут, т. е. когда Ласкар и Мазарини вместе со своими штабами уже были в плену, Гитлер отправил И. Антонеску ответную телеграмму, полную оптимизма и надежд. В ней говорилось: «Еще до получения телеграммы Вашего превосходительства я, узнав в ночь с 22 на 23 ноября, что храбрая румынская танковая дивизия в результате атаки соединилась с 22-й танковой дивизией, дал приказ, чтобы группировка Ласкара, используя этот открытый путь, с боем двинулась на юг для восстановления связи с 48-м танковым корпусом.

Убежден, что это удастся группировке Ласкара... который проявил себя как примерный солдат». Выражая далее «полную уверенность», что 6-я немецкая армия выстоит и с помощью других немецких дивизий и 1-го румынского корпуса добьется в конечном итоге победы, Гитлер в заключение писал: «Выражаю особую благодарность генералу Ласкару за образцовые действия. Как раз вчера я наградил генерала Ласкара — первого офицера наших союзных войск — «Дубовыми листьями» к рыцарскому железному кресту»[63].

Этой наградой Гитлер надеялся удержать Ласкара от капитуляции. Но «щедрость» фюрера оказалась запоздалой.

В тот же день кондукэтор поторопился отправить Гитлеру телеграмму следующего содержания: «Сердечно благодарю за присланное утром 23 ноября послание. В соответствии с подсказанной мне Вашим превосходи-

---

[61] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 99, л. 56.
[62] *Самсонов А. М.* Указ. соч., с. 403.
[63] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi d-l Mareşal Antonescu.

тельством мыслью тотчас направил командованиям и румынским войскам приказ по армии, чтобы укрепить в них уверенность и придать им новый импульс.

Я выражаю полную уверенность в нашей победе, и во имя ее продолжим делать все, что диктуют нам наше достоинство и ответственность.

Питая сегодня, как и всегда, самые сердечные и дружественные чувства к Вашему превосходительству и непревзойденной немецкой армии, шлю Вам от имени румынского народа, его армии и себя лично теплые приветствия»[64].

Читая эти телеграммы, нельзя не поражаться чванству Гитлера и Антонеску, их заблуждениям в оценке обстановки у Сталинграда и на Дону. Находясь под гипнозом былых военных удач, они не видели событий в их истинном свете и полагали, что успех Красной Армии временный и в конечном итоге ее наступление закончится провалом.

Между тем 23 ноября к 16 часам части 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта соединились в районе хутора Советский, завершив окружение 20 дивизий «непревзойденной» немецкой армии (6-я и часть сил 4-й танковой армий), двух румынских дивизий (20-й пехотной и 1-й кавалерийской) и 160 отдельных частей всех родов войск общей численностью около 330 тыс. человек.

Нам неизвестно, написал ли и отправил ли Антонеску обещанный Гитлеру приказ по румынской армии. Однако с уверенностью можно сказать, что до окруженных румынских войск на Дону он не дошел[65]. 23 ноября оказался последним боевым днем для группировки бригадного генерала Стэнеску. За день до этого командование 63-й стрелковой дивизии послало румынскому генералу парламентеров с предложением сложить оружие. Но оно было отклонено, ибо, как потом выяснилось, Стэнеску связался с германским главнокомандованием и получил очередное заверение, что его войскам

---

[64] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi d-l Mareşal Antonescu.

[65] Командующий группой армий «Б» генерал-полковник Вейхс 23 ноября в 18 часов 45 минут доносил генштабу, что «3-я румынская армия полностью разбита» («Совершенно секретно! Только для командования!»..., с. 421).

будет оказана помощь и поэтому им следует держаться.

23 ноября окруженным войскам были брошены продукты с самолета, но в небольшом количестве, к тому же часть продовольствия попала в расположение советских войск. В этот день румынское командование 12 раз бросало войска в бесплодные атаки, одна из которых была предпринята силами сводного офицерского отряда[66]. Но эти отчаянные попытки вырваться из пекла, предпринятые под нажимом немецкого командования и клики Антонеску, лишь увеличивали и без того огромные потери окруженных войск. В связи с усилившимся натиском советских войск и под давлением своих солдат и части офицеров, которые все решительнее требовали прекращения бессмысленного кровопролития, Стэнеску и его штаб приняли решение капитулировать. К исходу дня 23 ноября на передний край 291-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии пришли четыре парламентера (два офицера и два солдата) с письмом, подписанным в 15 часов 30 минут генералом Стэнеску, в котором говорилось: «Господин командующий! Для пощады человеческой жизни обеих сторон мы согласны, если наша просьба будет удовлетворена, прекратить бой». Далее выражалась просьба проявить «гуманное отношение» и сохранить солдатам и офицерам «необходимое обмундирование и снаряжение», «гарантировать жизнь пленным»[67], иными словами, выполнить те условия, которые командование советских войск само предлагало за день до этого румынскому генералу в случае капитуляции.

Советское командование потребовало прекратить ведение огня, сдать в исправном состоянии все вооружение и другое военное имущество. В свою очередь оно гарантировало всем солдатам и офицерам, сдавшимся в плен, жизнь, хорошее обращение, сохранность личных вещей[68]. В 23 часа 37 минут окруженные румынские войска подали сигнал о принятии условий сдачи. В 2 часа 30 минут 24 ноября на автомашине с зажженными фарами генерал Стэнеску и его свита прибыли в расположение 63-й стрелковой дивизии. Затем румынские подразделения, построенные в колонны

---

[66] ЦА МО СССР, ф. 335, оп. 5136, д. 47, л. 14.
[67] Там же, ф. 229, оп. 612, д. 98, л. 2.
[68] Там же, ф. 335, оп. 5113, д. 123, л. 20.

по дивизиям, полкам, батальонам, ротам, двинулись по установленному коридору через передний край советских войск. Солдаты и офицеры складывали оружие[69]. Из группировки Стэнеску сдались в плен 21 800 солдат и офицеров, в том числе 1 генерал, 9 полковников, 120 офицеров старшей группы, 200 офицеров средней группы[70].

Всего в районе Распопинской, Базковского было взято в плен свыше 29 тыс. солдат и офицеров 5, 6, 13, 14 и 15-й пехотных дивизий 5-го и 4-го армейских корпусов 3-й румынской армии, захвачено значительное количество вооружения и других военных трофеев. Распопинская группировка противника перестала существовать.

Большую роль в быстрой ликвидации окруженной группировки сыграла разъяснительная работа, проведенная политорганами Красной Армии среди войск противника. Как только кольцо вокруг 5-го и остатков 4-го армейских корпусов замкнулось, советское командование передало по радио и через звуковещательные станции обращение к румынским солдатам, в котором, обрисовав положение, призвало их прекратить бессмысленное кровопролитие и сложить оружие. По личному указанию представителя Ставки генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова 70 рупористов-агитаторов 21-й армии с разных точек переднего края непрерывно передавали условия сдачи в плен[71].

К участию в рупорных передачах широко привлекались румынские военнопленные, которые отвергали лживые рассказы офицеров о русском плене, призывали своих однополчан, часто называя их по имени, перейти на сторону Красной Армии. Нередко после таких передач сдавались именно названные по фамилии солдаты. Пленный генерал Т. Стэнеску признал: «Ваша пропаганда, особенно через радио, была настойчивой, систематической и разумно поставленной. Она не могла не влиять на румынских солдат»[72].

Не меньшее воздействие на них имела и печатная пропаганда политорганов Красной Армии. Лишь по-

[69] ЦА МО СССР, ф. 335, оп. 5113, д. 123, л. 20.
[70] Там же, оп. 5136. д. 47, л. 14.
[71] Там же, л. 13 об; *Бурцев М. И.* Указ. соч., с. 125.
[72] ЦА МО СССР, ф. 355, оп. 5136, д. 47, л. 13.

литуправлением Юго-Западного фронта было распространено среди окруженных частей 7 листовок на румынском языке тиражом 660 тыс. экземпляров[73]. Многие солдаты только из советских листовок узнали всю правду о поражениях фашистских войск, о том, что они окружены. Начальник артиллерии 5-й румынской пехотной дивизии признал: «Брошенные вами листовки окончательно подорвали наши попытки организовать сопротивление и вызвали массовую сдачу в плен»[74].

В самой Румынии не сразу стало известно о катастрофе румынской армии на Дону и под Сталинградом. Клика Антонеску продолжала скрывать это от народа, а фашистская пресса — вводить общественность в заблуждение. Так, спустя 7 дней после пленения Ласкара газеты отметили награждение генерала Гитлером как «признание его успешного руководства войсками и личной храбрости»[75].

В начале декабря было опубликовано официальное сообщение о посещении 23—26 ноября министром обороны Румынии генералом Пантази румынских войск в излучине Дона и южнее Сталинграда. В сообщении отмечалось, что немецкие и румынские войска воздвигли перед наступающими советскими дивизиями «неприступную стену», что «принятые срочные меры дали положительные результаты» и что благодаря «превосходству командования и четкому германо-румынскому взаимодействию» союзники продолжают «оставаться хозяевами стратегического положения». Было сказано также о том, что солдаты получили зимнее обмундирование, раненые хорошо ухожены, а госпитали обеспечены достаточным питанием[76]. Газеты продолжали помещать заголовки типа: «Немецко-румынские войска на фронте между Доном и Волгой совершают чудеса храбрости», «Большевикам наносятся сокрушительные удары» и т. д. Однако итоги ноябрьских боев для румынской армии были столь плачевными, что на какое-то время даже фашистская пресса вынуждена была умерить свой воинственный пыл.

---

[73] Там же, ф. 229, оп. 612, д. 90, л. 129.
[74] Там же, л. 141.
[75] Universul, 1942, 30.XI şi 1.XII.
[76] Там же, 1942, 15.XII.

На первом этапе наступления Красной Армии под Сталинградом, с 19 по 29 ноября 1942 г., в ходе которого была выполнена задача разгрома фланговых группировок противника и окружения 6-й полевой и части сил 4-й танковой армий немцев, наибольшие потери среди войск гитлеровской коалиции понесли румынские армии[77], особенно 3-я. В отчете Юго-Западного фронта о ноябрьской операции сказано: «В ожесточенных боях на территории между р. Дон и р. Чир в течение 10 дней (19—29.XI 1942 г.) войсками Юго-Западного фронта под командованием генерала армии товарища Ватутина была разгромлена 3-я румынская армия. 2, 4, 5-й армейские корпусы, 1-й и 7-й кавалерийские корпусы, 1-я танковая дивизия почти полностью потеряли материальную часть и вооружение. Личный состав этих соединений до 30% уничтожен в боях, а в основной массе пленен частями Красной Армии. В этот же период нанесено серьезное поражение 1-му армейскому корпусу румын, 62-й и 294-й пехотным дивизиям немцев, 14-й и 22-й танковым дивизиям немцев, 3-й моторизованной дивизии немцев. Остатки разгромленных соединений 3-й румынской армии, за исключением частей 1-го армейского корпуса, деморализованные и обезоруженные, бежали за р. Северный Донец. Часть бежавших войск была задержана заградительными отрядами немцев и вновь брошена в бой на р. Чир (остатки 9-й и 14-й пехотных дивизий, до 2500 человек). В итоге 3-я румынская армия как целое крупное соединение перестала существовать»[78].

Согласно данным румынского генштаба, в 5-й пехотной дивизии из 16 736 человек осталось 1347, в 6-й пехотной дивизии из 15 969 — 1262, в 13-й пехотной дивизии из 15 830 — 2644, в 15-й пехотной дивизии из 15 920 осталось только 677 солдат и офицеров[79].

После ноябрьского наступления советских войск немецкому командованию с большим трудом удалось восстановить линию фронта. Г. Дёрр признает: «Когда 6-я армия вечером 22 ноября была окружена, хлынув-

[77] См.: Сообщения Советского информбюро, т. III. М., 1944, с. 423—424.

[78] ЦА МО СССР. ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 23.

[79] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia pierderilor în ofiţeri, subofiţeri şi trupe ale Armatei în anul 1942.

шие назад войска румынского союзника отошли уже глубоко в тыл... Для нас было счастьем, что русские после проведения операции против 6-й армии сделали передышку для укрепления фронта окружения. Это дало возможность немецкому командованию (группы армий «Б») прекратить отход и расположить на рубеже р. Чир 3-ю румынскую армию...»[80] Добавим, что это была не армия, а лишь ее жалкие остатки.

Передышка, о которой говорит Дёрр, спасла от полного разгрома и 4-ю армию румын, которая действовала южнее Сталинграда. Как уже отмечалось, две дивизии этой армии оказались в котле вместе с дивизиями Паулюса. Разгромленные 1, 2 и 18-я пехотные дивизии, две кавалерийские и другие части 4-й армии откатились до Котельниковского. В боях за этот крупный населенный пункт, как отмечает Дёрр, «румыны прекратили сопротивление»[81]. Подошедшие части 57-го танкового корпуса немцев позволили гитлеровскому командованию только временно удержать Котельниковский и несколько разрядить обстановку на фронте 4-й румынской армии. Но даже при поддержке немецких боевых групп не удалось закрыть брешь, возникшую между 7-м и 6-м румынскими армейскими корпусами.

Новые удары обрушила Красная Армия на фашистские войска в ходе декабрьских наступательных операций. Решив вернуть утерянные позиции и деблокировать окруженную под Сталинградом армию Паулюса, гитлеровское командование стало срочно сколачивать группу армий «Дон». План создания такой группы армий под командованием И. Антонеску с целью взятия Сталинграда обсуждался на ряде совещаний в Берлине и Бухаресте еще летом 1942 г.[82] Этим назначением кондукэтора, которое должно было носить номинальный характер, Гитлер стремился еще больше привязать Румынию к германской военной колеснице и несколько поднять моральный дух румынских войск. Дёрр заявляет, что И. Антонеску «не хотел занять этот пост до

---

[80] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 81.

[81] Там же.

[82] *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. III, кн. 2. М., 1971, с. 324, 328, 340; *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965, S. 148—149.

окончания боев под Сталинградом» и это якобы свидетельствовало «о его дальновидности». В действительности же честолюбивый кондукэтор был польщен предложением Гитлера и готов взять на себя командование группой армий «Дон». В письме, адресованном Д. Брэтиану, от 29 октября 1942 г. И. Антонеску, отвергая обвинения лидера национал-либеральной партии в том, что румынская армия всецело подчинена гитлеровцам, хвастливо писал: «Командование наших вооруженных сил, усиленных одной германской армией, в ближайшее время будет взято мною»[83]. Этого не произошло не по причине отказа Антонеску. Планы кондукэтора сорвало наступление Красной Армии под Сталинградом в ноябре 1942 г.

В связи с тем, что 300-тысячная отборная немецкая армия оказалась в плотном кольце, Гитлер решил назначить командующим группой армий «Дон» генерал-фельдмаршала Манштейна, слывшего специалистом по ведению «осадных боевых действий». Помимо всего прочего это назначение, по мысли правителей рейха, должно было поднять моральный дух окруженных войск, вселить в них надежду на выход из котла. В состав группы «Дон» были включены наряду с немецкими армиями остатки 4-й и 3-й румынских армий. В телеграмме Антонеску Манштейн хвастливо заверял кондукэтора: «Я думаю, что моя личность служит Вам гарантией успеха и что славу успеха вместе с немецкими частями разделят и румынские войска»[84].

После ноябрьских поражений румынской армии гитлеровское командование, которое и раньше невысоко отзывалось о боеспособности румынских войск и их командном составе, сейчас совершенно утратило к ним доверие. В телеграмме от 27 ноября 1942 г. военный атташе в Берлине полковник И. Георге доносил своему правительству: «...Совершенно секретно я узнал, что происходившие в 3-й румынской армии события рассматриваются в немецких кругах как первое большое разочарование в румынских войсках...»[85] Однако вслед-

[83] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoare de răspuns a d-lui M-l Antonescu d-lui Brătianu, 29 Octombrie 1942.

[84] Цит. по кн.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 43.

[85] Там же, с. 36—37.

ствие больших потерь немецкой армии гитлеровское командование вынуждено было и дальше прибегать к использованию даже изрядно потрепанных дивизий своего союзника, осуществив предварительно ряд организационных изменений с целью усиления контроля над ними. 1-й и остатки 2-го румынских армейских корпусов, ранее входивших в состав 3-й армии, были подчинены созданной на базе 17-го армейского корпуса немцев оперативной группе «Холлидт», оборонявшей участок от Вешенского до Аржановского.

3-я румынская армия, действовавшая в полосе от Аржановского до устья р. Лиска, перестала быть чисто румынской. В ее состав вошли немецкие оперативные группы «Штехель» и «Шпанг», а начальником штаба армии еще 22 ноября 1942 г. был назначен гитлеровский генерал Венх[86], взявший фактически все управление в свои руки. 4-я румынская армия вошла в оперативное подчинение армейской группе «Гот», которая оборонялась от устья р. Лиска до границы с группой армий «А».

Румынские генералы и офицеры были фактически отстранены от командования своими войсками. Это унижало их национальное достоинство. И. Антонеску был вынужден жаловаться Манштейну на то, что румынских солдат и офицеров постоянно оскорбляют и унижают, иногда даже разоружают, что подобные действия не способствуют поднятию боевого духа войск и «создают пропасть между двумя армиями»[87]. Начальник штаба румынской армии Штефля в беседе с гитлеровским генералом Хауффе обвинил главное командование сухопутных сил рейха в «гибели двух румынских армий»[88]. Отношения между немецким и румынским командованием стали несколько натянутыми. Они еще больше ухудшились в конце декабря 1942 г. после поражения группы армий «Дон».

Этой группе, как известно, была отведена роль главной ударной силы по деблокированию окруженной группировки Паулюса. Утром 12 декабря немецкие танковые дивизии армейской группы «Гот» перешли в наступление из района Котельниковского вдоль желез-

---

[86] *Hillgruber A.* Op. cit., p. 150.
[87] Anale, 1960, N 1, p. 82.
[88] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 417.

ной дороги Тихорецк—Сталинград. Правее и левее их наступали кавалерийские и пехотные соединения, в том числе румынские дивизии 6-го и 7-го армейских корпусов. Разгорелись ожесточенные бои. Ценой больших потерь войскам противника удалось за семь дней боев продвинуться вперед и выйти на р. Мышкова. Двигавшиеся вслед за танковыми дивизиями немцев 5-я и 8-я румынские кавалерийские дивизии кавалерийского корпуса Попеску овладели населенными пунктами Дарганов, Шарнутовский и др. К исходу дня 19 декабря немецко-фашистские войска находились в 40—45 км от окруженной армии Паулюса. Однако дальше продвинуться им не удалось. Советские войска задержали противника, а во второй половине декабря перешли в решительное контрнаступление в районе среднего Дона и южнее Сталинграда.

Войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов в ходе трехдневных наступательных боев (с 16 по 19 декабря) прорвали фронт противника на участке Новая Калитва — станция Чернышевская и продвинулись на некоторых участках на расстояние до 40—60 км[89]. Основной удар Красная Армия нанесла по 8-й итальянской армии, но он не миновал и румынских дивизий. В начале он коснулся 1-го армейского корпуса румын (7-я и 11-я пехотные дивизии). 20 декабря 1942 г. фронт группы «Холлидт» был прорван в двух местах, 7-я румынская пехотная дивизия отступила. «Штаб первого румынского корпуса... — как пишет в своих мемуарах фельдмаршал Э. Манштейн, — в панике бежал со своего командного пункта...»[90] В течение двух последующих дней обстановка на участке группы «Холлидт» все больше обострялась. Под ударом оказались остатки 3-й румынской армии.

23 декабря танковые части Красной Армии заняли Скосырскую и стремительно двигались на Тацинскую, где находился немецкий аэродром, с которого снабжалась вооружением и продовольствием армия Паулюса. Другие советские подвижные соединения, прорвав

---

[89] *Самсонов А. М.* Указ. соч., с. 473; Сталинградская эпопея. М., 1968, с. 454.

[90] *Manstein Erich von.* Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 373—374.

фронт противника, начали окружать Милютинскую. Дальнейшее развитие наступления угрожало не только окружением крупной группировки фашистских войск в районе Тормосина, но и армейской группе «Гот», включая румынские дивизии. Г. Дёрр признает, что «теперь на карту было поставлено нечто большее, чем освобождение 6-й армии»[91]. В создавшейся обстановке немецкое командование стало спешно перебрасывать часть сил Тормосинской группировки в полосу Юго-Западного фронта, чтобы прикрыть брешь, образовавшуюся после разгрома 8-й итальянской армии и 1-го армейского корпуса румын. Но, как отмечает Дёрр, это перемещение «не принесло 3-й румынской армии никакого облегчения, наоборот, обстановка еще более осложнилась»[92].

Переброска 6-й танковой дивизии — наиболее боеспособного немецкого соединения — на средний Дон ослабила наступление на Сталинград с юга. 24 декабря войска Сталинградского фронта перешли в наступление с целью разгрома армейской группы «Гот». Сломив сопротивление противника, они на следующий день вышли к р. Аксай-Есауловский.

Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало задержать на этом рубеже дальнейшее продвижение советских войск. Других естественных рубежей севернее Котельниковского не было. Но сделать этого гитлеровцам не удалось. Под мощным натиском советских войск 17-я и 23-я немецкие танковые дивизии 57-го танкового корпуса вынуждены были отступить, и для того, чтобы дать им возможность уйти от полного разгрома, гитлеровское командование спешно бросило на рубеж р. Аксай-Есауловский остатки 2-й и 18-й румынских пехотных дивизий. Гитлеровцы и на этот раз проявили вероломство по отношению к своим союзникам. Они поставили под удар румынские дивизии, чтобы спасти немецкие[93]. Но избежать их разгрома не удалось. Бывший гитлеровский генерал Ф. В. Меллентин признает: «К 26 декабря от 57-го корпуса почти

---

[91] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 104.
[92] Там же, с. 105.
[93] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 г., т. 3, с. 51.

ничего не осталось: он буквально скоропостижно скончался»[94].

День 26 декабря оказался роковым и для 4-й румынской армии. Г. Дёрр озаглавил раздел своего оперативного обзора, посвященного событиям конца декабря 1942 г. южнее Сталинграда, «Разгром 4-й румынской армии и отступление 4-й танковой армии на Маныч». Он пишет: «26 декабря на рассвете русские прорвались у Генераловского и в течение нескольких часов разбили 6-й румынский армейский корпус, в панике бежавший частично на юг, а частично через замерзший Дон на запад. Позже удалось остановить остатки этого корпуса у Кудинов»[95]. Только командир 2-й румынской дивизии пытался с остатками войск организовать сопротивление на подступах к Верхне-Яблочному, но его части были окончательно разбиты[96].

После разгрома западного фланга румынской армии создалась критическая обстановка на ее восточном фланге. Неся большие потери, под натиском советских войск румынский кавалерийский корпус Попеску оставил населенные пункты Шарнутовский и Самохин. «Однако, — отмечает Г. Дёрр, — румынская армия потерпела окончательное поражение. Уже ночью (на 27 декабря. — *И. Л.*) она отошла дальше, чем ей было приказано, и без боя отдала противнику Кетченеры»[97]. Овладев населенными пунктами Выпасной и Пимен-Черни, обороняемыми соответственно частями кавалерийского корпуса Попеску и 23-й немецкой танковой дивизии, войска Сталинградского фронта создали угрозу для левого фланга 7-го румынского корпуса в районе Верхне-Сальска. Когда в 11 часов 27 декабря 10 советских танков появились в Кадженкин, 1-я румынская пехотная дивизия в панике начала отступление через Шебалин. Вслед за этим начался отход и других частей корпуса, преследуемых подвижными соединениями Красной Армии. Южнее Киселевки они разгромили 4-ю пехотную дивизию румын. Потеряв управление, отступавшие к р. Сал деморализованные части 7-го армей-

---

[94] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во второй мировой войне. М., 1957, с. 173. Перевод с немецкого.

[95] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 107.

[96] *Самсонов А. М.* Указ. соч., с. 463.

[97] *Дёрр Г.* Указ. соч., с. 108.

ского корпуса в конце дня 27 декабря вновь были атакованы советскими танками и рассеяны. В заключение рассказа об этих боях Дёрр подчеркивает: «Борьба 4-й румынской армии окончилась. Армейской группы «Гот» больше не существовало; 4-я танковая армия состояла только из двух обескровленных дивизий: изолированной в районе Степной 16-й моторизованной дивизии и остатков бежавшей 4-й румынской армии»[98].

Таким образом, в результате декабрьских операций Красной Армии на среднем Доне и южнее Сталинграда был по сути завершен начатый в ноябре разгром 3-й и 4-й румынских армий. 29 декабря Специальная служба информации докладывала в Бухарест: «Северо-восточнее Котельниковского 6-й румынский армейский корпус, принимавший участие в боях 26 декабря сего года, прекратил боевые действия из-за малочисленности личного состава. Разрозненные элементы и группы 6-го армейского корпуса направляются на станцию Ялмут, где, по-видимому, если представится возможность, начнется его новая реорганизация. В районе Миллерово—Каменск—Морозовск в результате советского наступления последних дней целые части 7, 9 и 14-й пехотных дивизий, 1-й танковой дивизии были обезоружены противником. В сложившейся ситуации возникло замешательство в самом оперативном командовании»[99].

Во время декабрьских боев, хотя и не были окружены крупные силы противника, число пленных румынских солдат было значительным. В конце декабря без боя складывали оружие и сдавались в плен целые подразделения. Так, 27 декабря при появлении советского танка и 9 автоматчиков перешел на сторону Красной Армии 2-й батальон 20-го пехотного полка 4-й дивизии в составе 254 человек (243 солдата и 11 офицеров) во главе с командиром батальона. Они сдали 150 винтовок, 20 автоматов, 10 пулеметов, 6 минометов, 2 пушки и 12 противотанковых ружей. Интересно отметить, что из 254 человек 219 имели при себе советские листовки[100]. Сдавшиеся в плен солдаты и офицеры говорили, что большое влияние на них оказали выступ-

---

[98] Там же, с. 108—109.
[99] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. Notă informativă, N 3640, 29 Decembrie 1942.
[100] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 145, л. 25.

ления по звукоусилительным станциям, организованные политорганами Красной Армии 17 и 18 декабря на участке фронта батальона. В этих передачах приняли участие пленные капитан и солдат упомянутой дивизии, а также представитель Главного политического управления Красной Армии подполковник С. И. Самойлов. В конце своего выступления подполковник Самойлов спросил слушавших его в своих окопах румынских солдат, понравилась ли им передача? Если да, сказал он, пусть солдаты выстрелят три раза. Выстрелы последовали немедленно.

Следует сказать, что восприимчивость румынских солдат к советской пропаганде непрерывно росла. Об этом красноречиво говорят данные опросов военнопленных, приведенные в одном из докладов политотдела 51-й армии. Во время ноябрьского наступления были опрошены 1992 румынских солдата и офицера. Из них 978, или 48%, имели и читали советские листовки. В ходе декабрьских боев было опрошено 2225 румынских военнопленных, из них 1892, или 85%, хранили листовки[101]. Местные жители освобожденных сел Садовое, Заветное, деревни Орловская и других рассказывали, что, когда советские самолеты разбрасывали листовки в месторасположении румынских солдат, последние собирались группами и читали их вслух. Некоторые румынские солдаты набирали много листовок, а затем раздавали их своим однополчанам. Так, два румынских солдата из 2-й роты 1-го батальона 21-го пехотного полка, собрав 26 декабря 40 листовок, распределили их среди солдат своей роты и вместе с другими 27 солдатами перешли на сторону Красной Армии[102]. В ходе декабрьского наступления политотдел 51-й армии переправил через линию фронта 11 военнопленных румын, из них 8 вернулись, приведя с собой 34 человека[103].

Как и следовало ожидать, провал наступления группы армий «Дон» по деблокированию группировки Паулюса усилил трения между гитлеровцами и румынским союзником. Е. Манштейн, который накануне наступления хвастливо уверял Антонеску, что «славу успеха вместе с немецкими частями разделят и румынские

---

[101] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 148, л. 24.
[102] Там же.
[103] Там же, л. 26.

войска», поторопился свалить вину за поражение на румынскую армию. 27 декабря 1942 г. он издал приказ, в котором подчеркивалось, что «у большой части командиров и солдат 4-й румынской армии нет желания воевать», что офицеры «отдают приказы об отступлении тогда, когда срочной необходимости в этом нет».

На следующий день во время встречи в Предяле с гитлеровским генералом Хауффе, руководителем немецкой военной миссии в Румынии, И. Антонеску выразил крайнее недовольство этим приказом и заявил, что «отношение Манштейна к румынской армии приводит к полной потере 4-й армии, входящей в состав группы армий «Дон»[104]. Кондукэтор позволил себе даже выразить сомнение в возможности гитлеровских войск остановить наступление Красной Армии.

Чтобы умерить пыл осмелевшего маршала, гитлеровцы решили ему напомнить о существовании еще одного претендента на пост кондукэтора — главаря железногвардейцев Х. Симы. В конце декабря 1942 г. был инсценирован побег последнего из лагеря, где он якобы был «интернирован». Одновременно, как явствует из отчета сигуранцы, в самой Румынии гитлеровской агентурой распространялись слухи, что «возникли разногласия между маршалом Антонеску и руководителями рейха, которые намерены произвести государственный переворот и сформировать правительство из легионеров»[105].

Но особого эффекта эта гестаповская затея не имела. В условиях поражения немецких войск и падения военного престижа Германии И. Антонеску позволил себе выразить возмущение подобными методами давления. Гитлеровцам пришлось бить отбой и искать пути сглаживания конфликта[106].

Кондукэтор и его заместитель были приглашены в ставку Гитлера. Заготовленное официальное коммюнике о переговорах, происходивших 10—12 января 1943 г. в ставке фюрера в Восточной Пруссии, было выдержа-

---

[104] Anale, 1960, N 1, p. 91.

[105] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit, situaţiei politice, mişcările sociale, profesionale şi minoritare în intervalul 1 aprilie 1942 — 1 aprilie 1943.

[106] См.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 417.

но в возвышенных тонах, в нем говорилось о «великом вкладе» военно-фашистской Румынии в войну[107], об общности судеб государств оси в «новой Европе»[108]. Гитлер обещал предоставить Румынии вооружение и снаряжение для «восстановления» 19 дивизий, причем с оплатой в кредит и в размере половины их стоимости[109], а также увеличить поставки железной руды, кожи и других товаров. В беседе Гитлер старался убедить кондукэтора, что поражение под Сталинградом не повлияет на ход войны, но тут же, запугивая румынского диктатора перспективой победы СССР, требовал новых жертв для успешного окончания войны[110]. И. Антонеску согласился оставить в распоряжении германского командования на Кавказе и в Крыму 8 румынских дивизий, а также «приложить все усилия», чтобы в 1943 г. довести поставку нефти Германии и Италии до 4 млн. т[111].

По возвращении в Бухарест кондукэтора ждали новые неприятности. Получив отказ штаба Паулюса от капитуляции, Красная Армия приступила к ликвидации окруженных немецко-румынских фашистских войск в районе Сталинграда. Вместе с гитлеровскими соединениями в этих боях были разгромлены и пленены 20-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии румын. В конце января сдались в плен командиры этих дивизий генералы Думитриу и Брэтеску[112]. Так плачевно закончилось

---

[107] Как и в предыдущих встречах с Гитлером, И. Антонеску привез с собой документы, свидетельствующие о «большом вкладе» Румынии в антисоветскую войну. Он надеялся, что сумеет добиться от фюрера ряда экономических и политических уступок. Эти документы лишний раз подтверждают антинациональный характер политики румынских правителей. Так, согласно им, Румыния предоставила государствам оси за 1940—1942 гг. около 8,3 млн. т нефти, в том числе Германии — свыше 6,3 млн. т, потеряв на этих поставках по довоенным ценам более 35 млрд. леев, и столько же потратила на содержание немецких войск, дислоцированных в Румынии.

[108] Universul, 1943, 18.I.

[109] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7-ми т., т. 2. М., 1958, с. 712.

[110] *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 274.

[111] *Hillgruber A.* Op. cit., p. 153; ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Notă asupra livrărilor de produse petrolifiere către Germania.

[112] ЦА МО СССР, ф. 341, оп. 5312, д. 145, л. 90.

участие румынских войск в походе немецко-фашистской армии на Сталинград. Это было самое крупное их поражение на советско-германском фронте. Все 18 румынских дивизий, брошенные в бой на Дону и Волге, были разгромлены. Румынская армия потеряла больше половины общего числа своих дивизий и две трети действующих на советско-германском фронте, причем наиболее опытных и боеспособных. Если в меморандуме «Военный вклад Румынии в войну против СССР», представленном Гитлеру в сентябре 1942 г., указывалось, что общие потери румынской армии составили до 1 августа 174 886 солдат, унтер-офицеров и офицеров, то в новом меморандуме, врученном И. Антонеску фюреру во время их встречи 10—12 января 1943 г., фигурировало число 370 206 человек (из них 286 332 убитыми, тяжелоранеными и пленными), а потери в вооружении увеличились за это время с 52,1 млрд. леев до 250 млрд. леев, не считая другого ущерба, выражавшегося также в десятках миллиардов леев[113]. С ликвидацией в январе 1943 г. окруженной сталинградской группировки гитлеровцев потери Румынии в живой силе и технике еще более возросли. Следовательно, за несколько месяцев боев под Сталинградом румынская армия понесла больше потерь, чем за весь предыдущий период войны.

Но и сумевшие вырваться из пекла румынские войска, как уже отмечалось, практически были непригодны для дальнейших боевых действий. Разведотдел 3-й румынской армии докладывал вышестоящему начальству: «Немецко-румынские войска, прибывшие из района

---

[113] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Die militärische Anstrengungen Rumäniens im Kriege gegen UdSSR; Anale, 1960, № 1, p. 84. В беседе с гитлеровским генералом Ганзеном, касаясь потерь румынской армии в вооружении, снаряжении и других военных материалах, И. Антонеску заявил: «Мы потеряли около 200 млрд. на Дону и в Сталинграде» (Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 711). О том, что представляли собой эти материальные потери для румынской армии, красноречиво говорят следующие цифры: за период с 6 сентября 1940 г. до 25 февраля 1943 г., т. е. за два с половиной года правления Антонеску, на материальное оснащение армии было выделено 217 млрд. леев, из них реализовано 192 млрд. леев. Эта сумма составляла более 80% того, что было израсходовано на эти цели за весь период с 1928 по 1942 г. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Sinteză privitoare la activitatea de înzestrare. Lucrarea răspunde ordinului d-lui Mareşal transmis prin cabinetul militar 22.II 1943.

боев на переформирование в зону Ростова, состоят из мелких, разрозненных групп, в большинстве случаев дезорганизованных, без вооружения, в рваном обмундировании». Далее в документе сказано, что среди личного состава много обмороженных, моральное состояние его низкое, «почти все шипят и обвиняют командование в отсутствии организованности и интереса к ним»[114]. В рапорте 4-й румынской армии от 26 января 1943 г. также отмечалось, что «дух офицеров и солдат совершенно подорван, что в настоящий момент на эти войска нельзя рассчитывать в военных действиях и что солдаты думают лишь о возвращении на родину». Такого же мнения придерживался начальник румынского генштаба Штефля[115]. Гитлер вынужден был согласиться, чтобы остатки 3-й и 4-й армий «были переведены в Транснистрию»[116].

Клика Антонеску всеми средствами старалась скрыть от народа правду о разгроме фашистских армий под Сталинградом. Но уже в начале декабря известия о событиях на Дону и Волге стали просачиваться в страну, активизируя и без того усиливавшиеся антивоенные настроения в армии и народе. Как отмечалось в приказе генштаба от 19 декабря 1942 г., подписанном генералом И. Архипом, «несмотря на все приложенные усилия, чтобы убедить общественность в необходимости продолжения войны против Советов, установлено, что как в армии, так и среди гражданского населения некоторые не понимают этого национального императива». Ссылаясь на личное указание И. Антонеску, генштаб требовал от всех контрразведывательных органов выслеживать сеятелей подобных настроений, виновных военнослужащих отдавать под суд, гражданских лиц отправлять в концентрационные лагеря, лиц еврейской национальности расстреливать[117].

---

[114] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 210.

[115] Anale, 1960, № 1, p. 91.

[116] Kriegstagebuch der Oberkomandos der Wehrmacht, Bd. III. Frankfurt am Main, 1965, S. 1531.

[117] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Marele Stat Major. Secţia a 2-a. Biroul Contrainformaţiei. Ordinul circular N 228564. 19 Decembrie 1942.

Спустя несколько дней всем частям и соединениям румынской армии был разослан приказ министра обороны Пантази от 23 декабря 1942 г., в котором под угрозой отдачи под военный трибунал военнослужащим любых рангов запрещалось комментировать события на фронте даже «среди родственников и ближайших друзей», персоналу госпиталей задавать, а раненым отвечать на вопросы, связанные с ходом военных действий. Приказ устанавливал, что военнослужащий может отвечать на такие вопросы лишь маршалу Антонеску, военному министру, командующему армией или корпусом, офицеру контрразведки при наличии у последнего на это специального разрешения. Запрещалось слушать передачи «враждебных радиостанций», издавать даже для командного состава информационные бюллетени, содержащие сообщения иностранной прессы и радио, пересылать письма на родину, минуя цензуру и т. д. Военнослужащим вменялось в обязанность задерживать и передавать в руки карательных органов лиц, высказывавших отрицательное отношение к антисоветской войне[118].

В целях запугивания жителей Бухареста, где паника приняла особые размеры, в самый канун нового года был обнародован приказ военного коменданта города, запрещавший «публично комментировать любые сведения, связанные с действиями армии, внутренней и внешней политикой»[119].

Однако грозные приказы не помогали. В начале января 1943 г. сигуранца докладывала: «Солдаты, возвращающиеся с фронта, с поразительным легкомыслием завязывают дискуссии, смысл которых заключается в том, чтобы показать, что румынско-немецкие войска отступают. Утверждается, что румынские части, которые воевали в излучине Дона и в районе Сталинграда, понесли большие потери, а некоторые были полностью

---

[118] Там же, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 193.
[119] Timpul, 1943, 1.I.

уничтожены»[120]. И народ, сказано в другом донесении, «с доверием относится к этим рассказам, так как они исходят от участников боев»[121].

Как явствует из приказа генштаба от 19 января 1943 г. разносчиками «пораженческих слухов» были не только солдаты, но и, что «особенно страшно... офицеры»[122]. 24 января министр обороны К. Пантази и начальник генштаба И. Штефля потребовали от командиров частей и соединений «объявить под расписку всем без исключения возвращающимся на родину» о суровых мерах наказания за распространение сведений о положении на фронте[123]. Спустя несколько дней за подписью генерала Штефли появился специальный приказ-циркуляр командованию разгромленных под Сталинградом 3-й и 4-й армий с требованием «тотчас же» внушить офицерам и солдатам необходимость «молчать», вести беспощадную борьбу с «пораженческими течениями». К приказу было приложено воззвание Антонеску к участникам боев под Сталинградом и на Дону с призывом «отречься от тягостных мыслей» по возвращении в страну, «перед лицом переживаемых трудностей сохранить спокойствие и бодрость духа», ибо, как старался доказать кондукэтор, оснований для уныния нет[124].

Но убедить в этом солдат не удалось. Как говорил Л. И. Брежнев, «даже для людей, одурманенных нацистской пропагандой, колокольный звон общегосудар-

---

[120] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4424, л. 660—661. Вот лишь некоторые высказывания солдат, записанные агентами тайной полиции: солдат Кэлин из 6-го кавалерийского полка заявил, что «полностью уничтожены 1, 2, 6 и 18-я дивизии вместе со штабами», а солдат Думитреску из 7-го тяжелого мотополка сказал: «Румынские солдаты деморализованы, и 75 тыс. были взяты в плен» (там же, л. 919). А. Борча из 5-го конно-артиллерийского полка рассказал, что «в излучине Дона румынская армия была полностью уничтожена, особенно пехота, и даже артиллерийские части вывезли каждая не более трех орудий» (там же д. 4709, л. 259). По словам солдата Г. Клаженко из 3-го кавалерийского полка, «румынские войска под Сталинградом были окружены и полностью уничтожены, из его полка осталось 30 человек...» (там же, д. 4592, л. 248 об.).

[121] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4418, л. 340.

[122] Там же; ф. Микрофильмы румынских документов. Ordinul circular N 22257. 24 Ianuarie 1943.

[123] Там же ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 193.

[124] Там же, л. 201—202.

ственного траура, официально объявленного Гитлером в феврале 1943 года, прозвучал предвестником поражения»[125]. В докладной записке политуправления Южного фронта «Политико-моральное состояние немецких войск, действующих на Южном фронте, по состоянию на 1 марта 1943 г.», написанной по горячим следам событий, читаем: «Гибель армии под Сталинградом вызвала известную растерянность, недоумение и тревогу за перспективы войны и свою судьбу. Некоторые солдаты, взятые в плен, даже считали, что поражение под Сталинградом означает проигрыш всей войны. Но и тех, кто верит в победу Германии, поражение под Сталинградом сильно обеспокоило... Одно несомненно, что нет былого единства подавляющей части немецких солдат в вопросах о перспективах войны»[126]. Для солдат и офицеров фашистских армий слово «Сталинград» стало созвучным со словами «окружение» и «катастрофа».

* * *

Как и следовало ожидать, пораженческие настроения, боязнь повторения сталинградского котла охватили румынские войска, находившиеся на Северном Кавказе. Несмотря на все ухищрения гитлеровского командования, известия о разгроме на Волге и наступлении Красной Армии в направлении Ростова-на-Дону, создавшем угрозу тылам группы армий «А», быстро дошли до солдат и офицеров румынских дивизий. Еще до ликвидации окруженной группировки Паулюса командование 2-й танковой армии немцев, в составе которой действовала 2-я румынская горнострелковая дивизия, докладывая о причинах снижения морально-боевого духа румынских частей, указывало: «Личному составу, по-видимому, были даны обещания об отправке на родину. Кроме того, они (солдаты. — *И. Л.*), кажется, осведомлены о положении в Сталинграде»[127].

С переходом в наступление войск Закавказского фронта деморализация румынских войск еще больше усилилась. Уже в январе 1943 г. румынское командо-

[125] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, с. 68.
[126] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 149, л. 97, 98, 104.
[127] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ, изд. 2-е, дополненное. М., 1973, с. 217.

вание поставило вопрос о переброске в Крым своих дивизий, «которые введены в бой в полосе 17-й армии», понесшей в этих сражениях значительные потери[128]. В начале февраля при высадке советского десанта на западном берегу Цемесской бухты особенно большой урон был нанесен 10-й пехотной дивизии румын[129].

На Северном Кавказе, как и под Сталинградом, неповиновение начальникам и прямой отказ сражаться против Красной Армии стали частыми явлениями среди румынских солдат. Многие дезертировали, уходили в тыл. В районе Джанкоя командование фашистских войск создало специальные лагеря, куда доставлялись схваченные при попытке к бегству румынские солдаты[130]. Как отмечалось в румынской разведсводке № 12, найденной среди захваченных трофейных документов, «немцы разоружают и направляют в лагеря для военнопленных болтающихся солдат, где для них устанавливается такой же режим, как и для советских военнопленных»[131].

Многие румынские солдаты, да и некоторые офицеры, видели выход из создавшегося положения в переходе на сторону Красной Армии. В январе 1943 г. только в полосе 37-й армии перешли линию фронта и сдались в плен более 500 румын[132]. 13 января 1943 г. в районе Черкасска целиком перешел на сторону Красной Армии личный состав 1-й батареи 1-го горного артдивизиона (всего 39 человек во главе с лейтенантом)[133]. Солдаты и сам командир имели при себе советские листовки («Братья-румыны!», «Отделение сержанта Бадикэ не хочет воевать за немцев» и др.). В районе станицы Тимошевской на сторону Красной Армии перешло целое отделение румын во главе с сержантом и привезло с собой подводу, груженную шине-

---

[128] *Гречко А. А.* Указ. соч., с. 331. В состав 17-й немецкой армии были включены 10-я и 19-я пехотные дивизии, 3-я горнострелковая и 9-я кавалерийская дивизии, а также другие румынские части.

[129] ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 13 об; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 92.

[130] Там же, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 13 об.

[131] Там же, д. 69, л. 11.

[132] Там же, д. 73, л. 4.

[133] Там же, д. 72, л. 19.

лями, сапогами, продуктами питания. Иногда солдаты при отступлении прятались у местного населения, дожидаясь прихода Красной Армии. В станице Советская таким образом перешли на сторону советских войск 43 румынских солдата, в станице Новая жизнь — 19, в совхозе имени И. В. Сталина — 26 и т. д.[134] По признанию многих солдат, решение таким путем покончить с ненавистной войной они приняли под влиянием советских листовок и обращений своих товарищей, находящихся в советском плену[135].

Как и в ходе Сталинградской битвы, во время наступательных операций Северо-Кавказского фронта политорганы Красной Армии отпускали некоторых румынских военнопленных в расположение противника, чтобы они рассказали правду и помогли развеять мифы фашистской пропаганды о советском плене[136]. Так, шесть военнопленных румын, переброшенных политотделом 9-й армии через линию фронта, вернулись назад, а один из них, Попеску, привел шесть гитлеровцев, потерявших дорогу[137].

На основе обобщения политдонесений армий, корпусов и дивизий в «Информационной записке о политико-моральном состоянии немецких, румынских и словацких частей в период наступательных операций войск Черноморской группы Северо-Кавказского фронта за период 15 января — 15 февраля 1943 г.» сделан следующий вывод: «...пораженческие настроения в наибольшей степени проявлялись среди фронтовых румынских частей, вызывая беспокойство германского командования и побуждая его усилить контроль над ними»[138].

В первых числах февраля 1943 г. командование группы армий «А» жаловалось, что на «подразделения румынских частей нельзя ни в коем случае надеять-

[134] ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 19—20.

[135] Там же, д. 69, л. 5.

[136] В целях поощрения добровольного перехода солдат противника на сторону Красной Армии Военный Совет Северо-Кавказского фронта принял специальное постановление, в котором указывалось, что перебежчиков следует «обеспечить бесперебойным снабжеинем продуктами питания, выдавать справки, удостоверяющие добровольный переход» (ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 69, л. 5).

[137] Там же, д. 73, л. 5.

[138] Там же, д. 76, л. 12.

ся»[139]. 2-я горнострелковая дивизия, в составе которой осталось около двух тысяч солдат и офицеров (из 16 тыс. в августе 1942 г.), была признана небоеспособной и отведена в тыл[140]. В целях предотвращения массовой сдачи в плен своих солдат румынские генералы и офицеры, учитывая горький опыт Сталинграда, стали оттягивать части от линий фронта, обещали солдатам скорое возвращение на родину.

Командующий группой армий «А» фельдмаршал Э. Клейст обратился в Бухарест с жалобой на «плохие действия» румынских войск на Кубани и просил указать командирам дивизий на «необходимость выполнения ими своего долга»[141]. 2 февраля Гитлер направил Антонеску письмо, в котором отмечалось, что в румынских дивизиях, включенных в состав 17-й немецкой армии, «вновь стали появляться симптомы разложения», вызванные якобы «колеблющейся позицией некоторых офицеров, которая отражается на моральном состоянии солдат». Ссылаясь на тяжелое положение на фронте, Гитлер просил И. Антонеску «как можно быстрее принять необходимые меры по поддержанию боеспособности и морального духа румынских соединений...»[142]

4 февраля И. Антонеску отправил Гитлеру ответное письмо. Он обещал немедленно послать на Северный Кавказ министра обороны К. Пантази, а по его возвращении сам проинспектировать войска в Крыму и на Кавказе. Не отрицая упадка морального состояния румынской армии и объясняя это «усталостью войск», румынский диктатор стал жаловаться и предъявлять свои претензии Гитлеру. Он сетовал по поводу того, что румынские армейские и корпусные штабы фактически отстранены от командования своими войсками, говорил о слабом оснащении румынских дивизий, потерявших в боях на Северном Кавказе 30—40% личного состава, тяжелой артиллерии и автотранспорта, об отсутствии резервов. Кондукэтор просил при дальнейшем

---

139 *Гречко А. А.* Указ. соч., с. 331.

140 ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 20.

141 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 89.

142 ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi d-l M-l Antonescu.

использовании румынских соединений в боях на Северном Кавказе отводить им участки, недоступные для советских танков. Он вновь ставил вопрос о переброске части румынских войск с Северного Кавказа в Крым[143].

Заметно раздраженный тон писем, взаимные обвинения лишь отчасти отражали усилившуюся грызню между партнерами по антисоветской войне. Стараясь скрыть свои просчеты в руководстве военными действиями, гитлеровское командование культивировало среди солдат и офицеров мнение, что причины поражений на Волге и Северном Кавказе кроются в нежелании союзников воевать, даже в их предательстве. Опрошенные политорганами Красной Армии немецкие солдаты, взятые в плен под Сталинградом, в большинстве своем придерживались этой точки зрения[144]. Она насаждалась и в самой Германии. 5 февраля 1943 г. румынский военный атташе в Берлине И. Георге телеграфировал в Бухарест: «Обращаю внимание, что в среду германской общественности проникло мнение, что события на Востоке вызваны слабым сопротивлением и даже негодностью союзных войск, то есть и наших»[145].

Румынские солдаты и офицеры в свою очередь вину за поражение на фронте возлагали главным образом на гитлеровцев. Разведотдел 3-й румынской армии, суммируя высказывания солдат и офицеров 5-го армейского корпуса, разгромленного на Дону, писал: «5, 6,

---

[143] Там же.

[144] Вот некоторые ответы немецких военнопленных на вопрос, каково их мнение о союзниках Германии, о боеспособности итальянских, румынских и венгерских войск (анкеты не подписаны): «итальянцы и румыны больше навредили немцам, чем помогли»; «солдаты союзников не заинтересованы в войне»; «думаю, что союзники Германии уже долго не выдержат»; «боеспособность союзников без помощи Германии равна почти нулю»; «союзники Германии очень слабы и все время терпят поражения, боеспособность их вообще никуда не годится; немецкие союзники являются ими лишь по названию» и т. д. (ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 100, л. 99, 112, 116, 125, 130 и др.).

[145] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Telergama ataşatului militar român la Marele Cartier German din Berlin referitor la starea de spirit din Germania. 5.II 1943.

13 и 15-я окруженные дивизии никакого военного вклада не внесли и напрасно были пожертвованы. Вину за это офицеры возлагают на Верховное командование и особенно на немцев... Безобразное поведение немецких войск вызвало глубокое недовольство наших войск по той причине, что части, посланные на помощь, первыми же и сбежали, понятно, под прикрытием румынских дивизий, которых принесли в жертву». Разгром штаба 5-го румынского армейского корпуса объясняется разведотделом внезапным отходом из Перелазовского немецкого саперного батальона и бегством «немецкой противотанковой роты при виде русских танков». «22-я (немецкая. — *И. Л.*) танковая дивизия, — сказано далее в этом документе, — без предупреждения отступила из Долчинска под прикрытием остатков 15-й дивизии, вырвавшихся из окружения. В Варламове под прикрытием взвода 55-й полицейской роты отступил и штаб 22-й танковой дивизии» [146].

Прямым следствием всего этого явилось дальнейшее усиление неприязни между солдатами и офицерами войск «союзников». «Достойным сожаления является то, — заключают сотрудники контрразведки, — что представители германской армии ведут пропаганду против нас, представляя как «нецивилизованных», «дикарей», «террористов», «воров» и «дезертиров с фронта». В другой докладной записке читаем: «Солдаты и унтерофицеры отступающих немецких колонн не по-товарищески относятся к румынским военнослужащим любого чина, грубят им и обвиняют в предательстве...»[147]

Озлобленные неудачами на фронте, гитлеровцы вымещали свою злобу на румынских солдатах: заставляли их в стужу и метель совершать многокилометровые переходы в пешем строю[148], отказывали в продовольст-

---

[146] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 206.

[147] Там же, л. 210.

[148] В докладной записке разведотдела 3-й армии говорится: «Летом позаботились доставить нас на фронт быстро, поездом, в то время как при отступлении остатков наших войск заставили добираться пешком от излучины Дона до самой Транснистрии» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 207).

вии[149], высаживали из поездов[150], в которых следовали немцы, били прикладами по рукам, когда кто-то из них пытался забраться в немецкий грузовик, иногда и расстреливали под видом борьбы с дезертирством. Говоря о положении на фронте, румынские солдаты приводили конкретные факты издевательств гитлеровцев, с ненавистью отзывались о них за «нетоварищеское отношение», «полное пренебрежение к румынским солдатам»[151], утверждали, что именно из-за немцев «почти вся румынская армия была уничтожена». «Все это, — отмечается в одном из документов сигуранцы, датированном 5 февраля 1943 г., — вызвало трения между немецкими и румынскими войсками, особенно в последнее время, когда среди солдат, участвовавших в боях на Востоке, проявляется ненависть к немецким воинам...»[152]

В условиях поражений на фронте, падения престижа рейха и углубления противоречий в лагере государств фашистского блока разраставшаяся неприязнь между офицерами и солдатами «союзных» армий вызывала беспокойство в Берлине. Там отдавали себе отчет в том, к каким тяжелым последствиям это может привести. 21 февраля 1943 г. И. Георге сообщал в Бухарест, что Гитлер, встревоженный «инцидентами между солдатами и румынскими воинами, вызванными недавними событиями», отдал приказ немецкому командо-

---

[149] Согласно телеграмме И. Георге от 21 февраля 1943 г., германское верховное командование якобы признало, что «инциденты, имевшие место между немецкими и румынскими войсками вследствие нервозности, вызванной недавними событиями, привели к упущениям в снабжении и эвакуации наших (румынских. — И. Л.) войск...» (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов). В результате этих «упущений» румынским солдатам приходилось неделями ходить голодными (ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4703, л. 243 об.).

[150] 11 февраля 1943 г. контрразведывательное бюро подполковника Бадарэу докладывало разведотделу 3-й румынской армии о случае, имевшем место на станции Запорожье: в немецком эшелоне выделили два товарных вагона для румынских солдат и офицеров, направляемых на Северо-Кавказский фронт. Но гитлеровцы выдворили своих румынских союзников (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 223).

[151] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4424, л. 917—920.

[152] Там же, л. 917 об.

ванию «в будущем всячески избегать создания подобного положения»[153].

Но «избегать» распрей стало невозможно. Как рассказывали жители освобождённых районов Северного Кавказа политработникам Красной Армии, на улицах населенных пунктов на глазах у местного населения часто возникали стычки между румынскими и немецкими вояками. Румынские солдаты порой не скрывали своей радости по поводу неудач немецких союзников[154].

Тяга к миру среди румынских солдат была столь велика, что они, как сказано в донесении политотдела 18-й армии, «безразлично относятся к своему отступлению, более того, большинство из них рады этому. Радуются тому, что лицом они обращены в сторону своего дома. Все думают скорее добраться до своих родных — вот главная мечта румынского солдата»[155]. Выдавая желаемое за действительное, румынские солдаты, как отмечается в одном из документов Военного Совета Северо-Кавказского фронта от 10 февраля 1943 г., распространяли слухи о том, что «Румыния заявила о своем выходе из войны»[156]. О многочисленных антивоенных высказываниях солдат докладывали и румынские карательные органы. Так, сигуранца доносила, что один из солдат в присутствии товарищей сказал: «...нам не нужны колонии в России» и не стоит вести «войну, чтобы создавать великую Германию»[157].

Глубоко встревоженные сообщениями об антивоенных и пораженческих настроениях солдат и офицеров фронтовых частей и соединений, правящие круги воен-

---

[153] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Copii din telegramele ataşatului militar român la Marele Cartier General din Berlin.

[154] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 82.

[155] Там же, л. 98, 98б. В документах приводятся такие конкретные факты: 16 февраля 1943 г. при отступлении один из румынских солдат во всеуслышание заявил: «Нам сейчас на фронте сказали, что война кончается, войну проиграли, и мы теперь уезжаем в Румынию, к себе домой, наши солдаты очень веселы и очень рады такому сообщению». Другой солдат также публично сказал: «Мы уже уходим отсюда. Мы воевать не хотим. Русский — наш брат» (там же, л. 82).

[156] Там же, ф. 224, оп. 958, д. 69, л. 3.

[157] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4703, л. 149.

но-фашистской Румынии развернули очередную кампанию по «оздоровлению» армии. В специальном письме, адресованном командующим соединений, министр обороны Пантази и начальник генштаба Штефля писали: «Проблемой капитального значения, от которой прямо зависит судьба армии и войны, являются моральное оздоровление и подъем национально-патриотических чувств у воинов всех чинов, главным образом участвовавших в тяжелых оборонительных боях последнего времени. Эту проблему следует рассматривать как особо важную, она должна быть предметом постоянной заботы командиров любого ранга»[158].

Отправляясь на Северный Кавказ, чтобы подбодрить войска и выяснить обстановку, Пантази прихватил с собой два приказа, подписанные И. Антонеску. В первом, адресованном командирам румынских соединений на Северном Кавказе, перечислялись задачи офицерского состава и генералов по восстановлению морально-боевого духа войск. Им вменялось в обязанность наряду с пропагандистской работой по поддержанию антисоветской войны применять самые суровые меры наказания против носителей пораженческих настроений. Антонеску наделил командиров румынских дивизий правом утверждать смертные приговоры. Во втором приказе, предназначенном для всего войска, кондукэтор старался убедить солдат и офицеров в необходимости продолжить войну «во имя того, чтобы уберечь страну и родной очаг от порабощения»[159].

Здесь уместно сказать, что после разгрома 3-й и 4-й армий фашистская пропаганда вынуждена была сменить тон. В новогодней речи короля Михая уходящий 1942 г. был назван «годом испытаний»[160], сам кондукэтор назвал его в новогоднем приказе по армии «годом невообразимых жертв»[161]. Если еще не так дав-

---

[158] Там же, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 193.

[159] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Comandamentul de căpetenie al Armatei. Ordinul N 101031 (S.). 6.II 1943; Ordinul circular N 738293. 1.II 1943.

[160] Curentul, 1943, 3.I.

[161] Timpul, 1943, 1.I.

но правящие круги фашистской Румынии уверяли народ в скорой победе, то теперь они заговорили о неизбежности затяжной войны, о трудностях борьбы на Востоке. В новогоднем обращении румынского командования «Слово к солдатам» прямо отмечалось: «Борьба в прошлом году была тяжелой. Борьба, которую придется вам вести в этом году, может быть, будет столь же жестокой. Нужны будут еще много жертв и колоссальные силы...»[162]

Конечно, великодержавные лозунги не сразу исчезли из лексикона фашистских правителей. В упомянутом приказе по армии от 6 февраля 1943 г. И. Антонеску, приводя в пример трехвековую историю Англии, еще подчеркивал, обращаясь к солдатам и офицерам: «Если мы хотим воссоздать Великую Румынию, нужно заслужить это в борьбе и приносить жертвы»[163]. Тем не менее все реже фашистская пропаганда стала называть рубежи восточных границ послевоенной Румынии и все чаще говорить о якобы «оборонительном» характере войны против Советского Союза, который, мол, желал и сейчас стремится покорить Румынию, завладеть плоештской нефтью и черноморскими проливами.

Смена пропагандистских лозунгов подтвердила крах великодержавных планов правящих кругов фашистской Румынии. После Сталинграда иные заботы донимали ее господствующие классы: как уйти от окончательного поражения, как спасти прогнивший режим? Чтобы как-то заставить солдат воевать, новая мутная волна шовинизма и антисоветизма была поднята средствами массовой информации и в устной агитации. Было приказано увеличить тиражи армейских газет «Солдатул», «Сентинела», «Ревиста арматей», а также начиная с мая 1943 г. отправлять для бесплатного распространения на фронте еженедельно свыше 10 тыс. экземпляров махровых националистических газет: «Универсул», «Курентул», «Тимпул» и др. В целях запугивания солдатам говорили: «Или победим на

---

[162] ЦА МО СССР, ф. 337, оп. 6386, д. 112, л. 175 об.
[163] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов.

Востоке, или исчезнем как государство на карте мира»[164].

В разосланной «Инструкции о моральном воспитании воинов», которая начинается с констатации состояния депрессии в армии, офицерам вменялось в обязанность внушать своим подчиненным, что в случае победы Советского Союза последуют «уничтожение раненых», «осквернение церкви», «массовые высылки румын в Сибирь», «вековое рабство» и, чтобы избежать всего этого, следует сражаться до конца на стороне гитлеровцев. Вместе с тем для поддержания боевого духа войск идеологические наставники румынской армии вслед за геббельсовской пропагандой старались убедить солдат, что «положение далеко не катастрофическое, даже довольно хорошее», а зимнее отступление «союзных войск» — всего лишь тактика, направленная «на укорачивание линии фронта и путей снабжения», выманивание противника «из берлоги» с целью нанесения по нему сокрушительного удара в период весенне-летнего наступления 1943 г., в ходе которого будет использовано «новое оружие» и война «закончится победой»[165]. Важнейшей же задачей офицерского состава считалась борьба с влиянием коммунистической идеологии. В «Инструкции» говорилось: «В данный момент, когда многие солдаты частей, посланных на переформирование, направляются к своим семейным очагам и будут обмениваться мыслями с теми, кто на родине, самое срочное и необходимое — предупредить проникновение большевизма в страну». Во имя этого офицеры, которые, как сказано в этом документе, «являются для солдат символом тех правящих классов, которые в России были ликвидированы», должны «максимально поднять свой авторитет».

Оснований для тревоги у клики Антонеску было предостаточно. Солдаты открыто обвиняли своих офицеров и генералов в бездарности, неумении руководить

---

[164] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 202.

[165] Там же, ф. Микрофильмы румынских документов. Instrucţiuni pentru educarea morală a ostaşilor.

войсками, трусости и шкурничестве[166]. Органы сигуранцы сделали вывод, что «участвовавшие в боях румынские солдаты потеряли доверие к своим офицерам»[167]. Разведотдел 3-й армии также сообщал, что «отъезд в в страну некоторых офицеров, которые под разными предлогами покинули свои части, комментируется неблагоприятно и оценивается отрицательно солдатами»[168].

Все более осознавая классовый характер войны, которую ведут фашистские государства, многие солдаты обращали свой гнев не только против офицеров и генералов своей части, но и в целом против господствующих классов и правящей верхушки страны. Капрал К. Джурджиу из 10-го егерского полка публично выразился следующим образом: «Нынешнее руководство — это военная диктатура, которая способствует обогащению офицеров. Крестьянин нигде не находит справедливости, а когда он ее добивается, его избивают.

---

[166] Вот лишь некоторые высказывания такого рода, отраженные в документах тайной полиции: «Сержант Г. Кристеску из 64-го полка тяжелой артиллерии открыто заявил, что из-за бездарности генерала Петровическу были уничтожены 3-й и 64-й полки тяжелой артиллерии, 53-й пехотный полк». В этом же донесении приводятся следующие слова старшего сержанта Г. Дамяна из 8-й роты 35-го пехотного полка: «Офицеры умеют только издеваться над солдатами, не знают их нужд, а во время боя находятся за 2—3 км от фронта» (ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4703, л. 260 и 260 об.). Солдат К. Гурзем из 29-го артполка, разгромленного в излучине Дона, обвинял офицеров дивизии в том, что они побросали материальную часть и «стремились увезти свои личные вещи, походные сундучки, заполненные военными трофеями», т. е. награбленными вещами (там же, д. 4596, л. 244). Солдат Д. Стэнкулеску из 94-го пехотного полка, уроженец с. Бекет уезда Долж, высказывался о своих офицерах следующим образом: «94-й и 96-й пехотные полки были разгромлены большевиками из-за бездарности командиров и офицеров, которые не принимали участия в атаках, возлагая это на помощников командиров взводов и отделений. А в перерывах между боями солдаты в качестве вознаграждения подвергаются оскорблениям и побоям от тех офицеров, которые прятались во время боя» (там же, д. 4702, л. 306 об.). Солдат Н. Вагнер клеймил своих командиров — полковника Иосифа, майора Нягу и старшего плутоиера Нистора — за то, что они «за каждый пустяк применяют к солдатам телесные наказания, угрожают расстрелом, держат впроголодь, а сами отправляют к себе домой ящики с продуктами, отнятыми у солдат» (там же, д. 4703, л. 1471).

[167] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4244, л. 917.

[168] Там же, ф. 706, оп. 2, д. 9, л. 207.

Румынские солдаты погибают на фронте во имя интересов буржуазии и офицеров, для солдат война не имеет смысла, ибо они бесправны»[169].

Солдаты открыто выражали сомнения в том, что правительство страны станет выполнять многократные обещания об улучшении материального и правового положения трудящихся. Солдаты Пандуру и Попа из 16-го артполка, отметив, что «за все время пребывания на фронте и в излучине Дона они не видели ни одного боярина, который бы сражался с ними бок о бок», сделали вывод, что «если мир будет заключен боярами, то все повторится, как в прошлой войне»[170], т. е. плодами его будут пользоваться господствующие классы.

Не только солдаты, но и некоторые офицеры, особенно из запаса, стали довольно открыто высказываться против зачинщиков войны. К тюремному заключению был осужден младший лейтенант запаса Г. Дима из 24-го пехотного полка за то, что «высказал ругательные слова в адрес маршала Антонеску»[171]. В этом же обвинялся младший лейтенант Лазареску из 14-го егерского полка[172].

По мере затягивания войны антиправительственные и антивоенные настроения проявлялись все чаще. Они усиливались в связи с поступающими из Румынии все более мрачными известиями об ухудшающемся положении трудовых масс. Нередко проявления антиправительственных настроений сопровождались одобрительными высказываниями о Красной Армии и Советской власти, хотя, как известно, таковое каралось особенно сурово. 2 декабря 1942 г. сигуранца докладывала, что «прибывающие с фронта румынские солдаты, ознакомившись с положением дел и реформами, осуществленными в СССР в пользу социальных низов, возвращаются с совершенно измененным мировоззрением. Кажется, они склоняются к оказанию доверия коммунизму»[173]. В донесении от 8 декабря 1942 г. говорится: «Румынские солдаты, возвращающиеся с фронта, заявляют, что советские солдаты воюют хорошо, с энтузи-

---

[169] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4468, л. 345.
[170] Там же, д. 4596, л. 242 об.
[171] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 30, л. 140.
[172] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 2, д. 1258, л. 2.
[173] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4378, л. 706.

азмом и в то же время обладают прекрасным вооружением. Относительно жизни русских рабочих при Советской власти они утверждают, что живут они в благоустроенных домах с комфортом, пользуются современными бытовыми установками»[174].

Капрал Г. Попеску из 12-го горного батальона, следовавший в поезде Одесса—Бухарест, в присутствии многих пассажиров заявил: «...советский режим не такой плохой, как об этом нам говорят, гражданское население живет лучше при большевиках»[175]. Министерство внутренних дел 15 апреля 1943 г. докладывало кондукэтору, что во многих населенных пунктах уездов Вылча и Сучава солдаты восхваляют «достижения большевиков»; в Брашове они рассказывали, что в СССР видели современные промышленные предприятия, «каких не ожидали увидеть»; в Бузэу и Калараше солдаты говорили о «богатствах колхозов»[176].

28 мая 1943 г. губернаторство Бессарабия сообщало генштабу, что отдан под суд уроженец г. Хуши младший лейтенант запаса Роман из 54-го батальона связи «за восхваление коммунистического режима». Он сказал, что «лично имел возможность убедиться на оккупированной территории СССР, что при колхозном строе население жило лучше, хорошо питалось и одевалось, а земля обрабатывалась тракторами очень хорошо»[177].

Румынские солдаты стали критически относиться к высказываниям своих идеологических наставников о плохом отношении Красной Армии к румынам. Солдат И. Джанта из 23-го пехотного полка, разоблачая версию о том, что «русские глумятся над румынскими военнопленными», заявил: «Наоборот, они обходятся с ними очень хорошо»[178]. Чины тайной полиции с явной тревогой писали: «Тенденции вести пропаганду в пользу Советов, стремление показать, что на фронте советские хорошо относятся к румынам, при одновременном выпячивании фактов о бедствиях и нищете румынских воинов в армии говорят о наличии симптомов, требую-

---

[174] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4378, л. 910.
[175] Там же, д. 4615, л. 1.
[176] Anale, 1960, № 1, p. 93—94.
[177] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 30, л. 158.
[178] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4611, л. 127 об.

щих принятия мер, которые сделали бы невозможным распространение подобных разговоров...»[179]

Просоветские настроения многих солдат проявлялись и в открытом осуждении зверств гитлеровцев на советской земле, в стремлении помочь советским военнопленным. Солдат Т. Видикан из 10-го пехотного полка, уроженец уезда Бихор, с возмущением рассказывал соотечественникам, как гитлеровцы «на пути отступления отнимают все состояние у местного населения, а то, что не могут увезти, уничтожают»[180].

Вместе с тем следует отметить, что под влиянием фашистской пропаганды часть солдат опасалась, что Красная Армия будет мстить румынам за участие в грабительской войне на стороне Гитлера. Было немало и таких, которые находились еще в плену монархических иллюзий и в стремлении к миру уповали на возвращение к власти свергнутого короля, который-де принесет народу мир. «Среди солдат, — говорится в политдонесении 18-й армии, — идут слухи о том, что Румыния скоро выйдет из войны, так как англичане пришлют в Румынию короля Кароля II, который заключит мир»[181]. Эти иллюзии насаждались среди солдат сторонниками бывшего короля. Их попытки приписать Каролю II миролюбивые тенденции, распространяемые слухи о том, что он приказал румынской армии покинуть Восточный фронт, а сам якобы сражается против гитлеровцев в рядах английской армии, отражали не столько стремление этих элементов реабилитировать обанкротившегося монарха, на возвращение которого, по-видимому, кое-кто еще надеялся, сколько противостоять растущему влиянию на солдат коммунистических идей.

В отношении борьбы с просоветскими настроениями вся румынская реакция независимо от политической ориентации была единодушна. По-прежнему отмежевываясь от Кароля II и в то же время продолжая разыгрывать из себя «оппозицию» по отношению к диктатуре Антонеску, национал-царанисты и национал-либералы в антисоветских целях усилили среди войск пропаганду за союз с Англией и США, которые якобы только

---

179 Там же, д. 4703, л. 245.
180 Там же, д. 4592, л. 248.
181 ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 217.

и могут обеспечить независимость и процветание Румынии в ее послеверсальских границах. Под влиянием этой пропаганды «некоторые солдаты, — как отмечается в реферате Генеральной дирекции полиции от 23 января 1943 г., — заявляют, что Румыния находится в преддверии внутренних изменений, смысл которых заключается в переориентации ее на Англию»[182].

Несмотря на ощутимый рост антивоенных и антигитлеровских настроений, 16 февраля 1943 г. по возвращении Пантази с Северного Кавказа И. Антонеску направил письмо Гитлеру с заверением, что «румынский солдат и офицер без колебания продолжат воевать бок о бок с бравыми немецкими воинами»[183].

Но так же, как приказы Гитлера не смогли создать «дух товарищества и взаимного доверия» между союзными армиями, так и И. Антонеску не удалось заставить румынских солдат «без колебания воевать бок о бок» с немцами. 23 февраля в журнале боевых действий группы армий «А» появилась такая запись: «Полностью отказался воевать 1-й батальон 19-й румынской пехотной дивизии. Румынское командование хотело расстрелять каждого третьего...»[184]

Определенное влияние на поведение румынских солдат стали оказывать призывы румынских военнопленных-антифашистов. В советском плену в начале 1943 г. находилось около 100 тыс. румынских солдат и офицеров[185], в том числе 72 тыс. взятых в плен под Сталинградом[186]. «На фронте, — писали историки СРР И. Георгиу и А. Роман, — еще больше укрепилось их убеждение в несправедливости этой войны. В плену они ближе познакомились с жизнью советских людей, их достижениями и поняли, что означает социалистическое общество. Здесь они поняли, что единственный путь спасения нашего народа от национальной ката-

---

182 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4424, л. 661.

183 ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Copii schimb de scrisori între Führer şi d-l M-l Antonescu.

184 *Гречко А. А.* Указ. соч., с. 332.

185 *Gheorghiu I.* şi *Roman A.* Din lupta P.C.R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic şi întoarcerea armelor împotriva hitleriştilor. — Anale, 1956, N 3, p. 75.

186 Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972, с. 195.

строфы, в которую его ввергли Гитлер и Антонеску, была борьба с оружием в руках против фашизма»[187]. Большую разъяснительную работу среди военнопленных проводили румынские коммунисты, которые, спасаясь от террора сигуранцы, проживали в СССР.

2 февраля 1943 г., в день полной ликвидации окруженной сталинградской группировки Паулюса, 2700 румынских солдат и 43 офицера подписали рапорты советскому командованию с просьбой послать их на фронт для борьбы совместно с Советской Армией против фашистских захватчиков[188]. Число военнопленных, изъявивших желание отправиться на фронт, росло с каждым днем. В апреле 1943 г. в освобожденном Краснодаре состоялась конференция представителей румынских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе боев на Северном Кавказе, на которой присутствовало 139 делегатов[189]. Они обратились ко всем румынским солдатам и офицерам с призывом вести борьбу за выход из антисоветской войны.

Решения и призыв конференции, напечатанные в виде листовок, распространялись среди румынских войск в низовьях Кубани и на Таманском полуострове в период подготовки и проведения операции по овладению станцией Крымская — важнейшим опорным пунктом гитлеровцев. Взятие войсками Северо-Кавказского фронта Крымской, бои в районе Киевского и Молдаванского[190], в ходе которых румынские дивизии понесли большие потери[191], вызвали новый прилив антивоенных настроений среди солдат и дальнейшее ухудшение отношений между «союзниками».

Несмотря на суровые приговоры военно-полевых судов по отношению к дезертирам и другим «нарушителям» дисциплины, на действия заградительных отрядов, выставленных гитлеровцами позади и на флангах румынских частей, которые расстреливали перебежчиков, продолжались не только одиночные, но и групповые сдачи в плен румынских солдат. 14 апреля 1943 г. перешли на сторону Красной Армии 14 солдат во главе

---

[187] Anale, 1956, № 3, p. 85.
[188] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 51.
[189] ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 9.
[190] См.: *Гречко А. А.* Указ. соч., с. 359—392.
[191] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 122.

с командиром противотанкового взвода 95-го пехотного полка. Они обратились к своим соотечественникам с антивоенным воззванием.

В районе Крымской сдался в плен взвод 19-й пехотной дивизии, другой взвод перешел на сторону Красной Армии 5 мая в районе Небеждаевки. В этот же день перешли линию фронта 12 румынских солдат из 21-го батальона 3-й горнострелковой дивизии и два отделения 94-го пехотного полка[192]. Многие солдаты имели при себе советские листовки: «К солдатам 3-й горнострелковой дивизии румын», «Братья из 19-й пехотной дивизии», «Камарады румыны», «Дорогие камарады из 94-го пехотного полка» и др.[193]

Большую разъяснительную работу среди противостоящих румынских дивизий проводил политотдел 18-й армии, возглавляемой с апреля 1943 г. Л. И. Брежневым. Справки и отчеты этой армии, составленные на основе богатого фактического материала, собранного путем опроса румынских военнопленных и местного населения, анализа социального и возрастного состава румынских войск, взаимоотношений между офицерами и солдатами, немцами и румынами, позволяют проследить развитие и степень влияния различных факторов на моральное состояние румынских дивизий на Северном Кавказе. В них, в частности, отмечается, что до первого соприкосновения с частями Красной Армии неверие в победу Германии и ее союзников вызывалось у румынских солдат главным образом такими факторами, как «огромное пространство, численность населения СССР и мощь его экономики». Солдаты обычно говорили: «Россию еще никто не побеждал, и Гитлер ее не победит». После же вступления в бой румынские солдаты, ощутив удары советских войск, в своих высказываниях о перспективах войны стали говорить и «о не-

---

[192] ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 9, 10, 20 об.

[193] С 1 февраля до 12 августа 1943 г. политуправление Северо-Кавказского фронта выпустило для распространения среди румынских войск 84 текста листовок тиражом 3575 тыс. экземпляров, в том числе информационных — 24, оперативных — 30, обращений военнопленных к соотечественникам — 20, тематических — 4 и т. д. (ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 23 об.). По-прежнему проводились рупорные передачи непосредственно на передовой. С 24 по 27 апреля только для 19-й пехотной дивизии было проведено 56 передач, в том числе многие с привлечением военнопленных.

сокрушимой мощи Красной Армии»[194]. В одной из справок политотдела 18-й армии о моральном состоянии войск противника подчеркивается, что «недовольство войной румынских солдат возрастает в связи с внутренней и внешней политикой Антонеску». «Пленные солдаты показывают, — сказано в этом документе, — что редко в каком доме довольны руководством Антонеску». «Антонеску продал страну немцам», — говорят многие[195].

В результате агитационной работы, проведенной политорганами Красной Армии среди действовавших на Северном Кавказе румынских войск, «групповые сдачи в плен после майских операций, — сказано в докладе политотдела 18-й армии, — стали более организованными и более массовыми». Так, 1 июня перешло на сторону Красной Армии второе отделение 1-го взвода санроты 94-го пехотного полка во главе с командиром отделения, а на второй день — первое отделение того же взвода. «В переходе (на сторону Красной Армии. — *И. Л.*) этих двух отделений, — сказано далее в этом документе, — характерным является то, что солдаты во главе с командирами заранее сговариваются и организованно подготавливают свою сдачу в плен». Прошло еще несколько дней, и снова 42 человека из 94-го пехотного полка добровольно сдались в плен[196].

В отчете политуправления Северо-Кавказского фронта за апрель—май 1943 г. делается вывод, что «солдаты, несмотря на фашистскую пропаганду, обещающую летним наступлением поправить дела и даже победоносно закончить войну, не видя перспектив для победы, мрачно смотрят на исход войны»[197]. Такие же признания содержатся в письме от 7 апреля 1943 г. начальника военного кабинета Совета Министров Румынии полковника Давидеску, адресованном министру обороны и начальнику генштаба. В нем, в частности, отмечается, что пораженческие разговоры, невзирая на все приказы и меры властей, не только не прекратились, но, наоборот, еще больше активизировались. Давидеску

[194] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 97, 97 об.
[195] Там же, л. 97 об.
[196] Там же, л. 121.
[197] Там же, ф. 224, оп. 958, д. 72, л. 10.

передал очередное распоряжение кондукэтора: «...применять самые строгие меры наказания против виновных в актах предательства интересов родины независимо от занимаемого положения и чина»[198]. В конце апреля Антонеску утвердил состав специальной комиссии во главе с генералом Арамэ по борьбе с «распространением тревожных слухов» и приказал ежемесячно докладывать ему о «применяемых санкциях»[199].

Два приказа генштаба от 19 июня 1943 г., подписанные генералом Штефлей и разосланные всем частям и соединениям румынской армии, свидетельствуют о том, что предпринятые ранее меры по борьбе с болезнью, именуемой в официальных документах «пораженчеством» («defetism»), не принесли желаемых результатов. В одном из упомянутых документов констатируется, что, «несмотря на все приказы, повсеместно в рядах армии многие не прониклись великим требованием молчать. Говорят офицеры, унтер-офицеры, говорят солдаты и заодно с ними все друзья и члены семьи. Более того, — сказано далее, — установлено, что солдаты в письмах, посланных родным и знакомым, допускали откровенности в вопросах, связанных с обстановкой на фронте и ходом операций... Такое положение, — восклицает Штефля, — терпеть больше нельзя... Все, кто нарушит требование молчать, будут отданы под суд военного трибунала». За разговоры жен военнослужащих ответственность возлагалась на мужей[200].

В другом приказе объявлялись очередные мероприятия по борьбе с «пораженчеством». Особое внимание обращалось на необходимость установить строгий контроль в поездах, «где обсуждаются вопросы, связанные с военным и политическим положением, насаждается пораженчество, критикуются власти и т. д.» Военно-полевым судам было приказано к 25-му числу каждого месяца представлять в генштаб списки осужденных за пораженческие разговоры, их имена вывешивать в общественных местах, публиковать в цент-

---

[198] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea Şefului Cabinetului militar Colonel Davidescu către Ministerul Apărării Naţionale. Marele Stat Major.

[199] Там же. Notă întocmită de Cabinetul Militar cu rezoluţia d-lui Mareşal Antonescu. 28.IV 1943.

[200] Там же. Marele Stat Major, N 464147 din 19 Iunie 1943.

ральной и местной печати[201]. Материалы, собранные агентами тайной полиции, устраивавшими в поездах охоту за инакомыслящими, показывают, что тень Сталинграда продолжала преследовать солдат и офицеров. К прежним разговорам добавились новые — о гибели многих тысяч солдат в боях на Северном Кавказе. Если в сентябре 1942 г. газета румынских промышленно-финансовых кругов с восторгом писала, что армии страна «обязана внутренним порядком», она является «залогом реализации всех наших национальных чаяний»[202], то после поражения под Сталинградом и на Северном Кавказе господствующие классы усомнились в надежности армии как оплота режима. Вместе с тем следует сказать, что среди высшего командного состава армии и офицерского корпуса было немало закоренелых фашистов, готовых и дальше сражаться против Красной Армии, да и часть солдат еще не освободилась от влияния националистической идеологии. Были и такие, которые поверили фашистской пропаганде, запугивавшей солдат тем, что советские войска якобы будут мстить румынам за участие в войне на стороне гитлеровской Германии.

---

[201] Там же. Marele Stat Major. Secţia a 2-a. Biroul contrainformativ, N 462975 din 19 Iunie 1943.

[202] Argus, 1942, 14.IX.

Глава II

НА ПУТИ К КРАХУ. БОРЬБА РУМЫНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ ВО ГЛАВЕ С КПР ЗА ВЫХОД ИЗ АНТИСОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ И СВЕРЖЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Разгром под Сталинградом и поражение на Северном Кавказе глубоко отразились на политико-моральном состоянии не только фашистских армий, но и гражданского населения стран гитлеровского блока. В самой Германии вера в победу была подорвана, пораженческие настроения охватили значительные слои немецкого народа. В первых телеграммах, направленных в Бухарест после капитуляции армии Паулюса, румынский военный атташе в Берлине полковник И. Георге с тревогой сообщал о царившем «чувстве глубокой озабоченности» в Германии, вызванном поражением под Сталинградом и объявлением «тотальной мобилизации», о том, что «нервозность растет и среди правящих кругов рейха»[1].

Но особенно ощутимо отразился разгром фашистских армий в излучине Дона и под Сталинградом на внутриполитическом положении Румынии. Как справедливо писал английский журнал «Нью-стейтсмен энд нейшн», поражение под Сталинградом «потрясло Румынию, может быть, сильнее, чем Германию»[2]. По при-

[1] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Copii din telegramele ataşatului militar român la Marele Cartier General din Berlin. На одной из первых таких телеграмм И. Антонеску написал: «Думаю, что полковник Георге Ион преувеличивает». Но телеграммы продолжали поступать одна тревожнее другой. Полковник Георге телеграфировал, что «растут акты саботажа в Польше, Протекторате, на Балканах и даже в Берлине произошел взрыв». Однажды он написал: «...не исключено, что и у нас они (акты саботажа. — *И. Л.*) появятся». Обеспокоенный тем, как бы эти известия не стали достоянием более широкого круга людей, кондукэтор запретил своему берлинскому атташе впредь отправлять сообщения по телеграфу.

[2] Цит. по кн.: *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 355.

меру Гитлера И. Антонеску вынужден был объявить трехдневный траур и справлять панихиды в память, как писала буржуазная пресса, «героев Сталинграда»[3]. 7 февраля 1943 г. погребальный звон церковных колоколов зазвучал над потрясенной Румынией. Умалчивая о подлинных виновниках гибели десятков тысяч солдат и офицеров, фашистская пропаганда старалась представить эти жертвы как необходимые и оправданные, принесенные якобы во имя спасения «европейской цивилизации и христианской веры». Но мало кого все это утешало. Десятки тысяч румынских семейств оплакивали своих родных и близких, погибших в степях Дона и Волги, в предгорьях Кавказа во имя чуждых народу интересов.

Недовольство в стране нарастало с каждым днем. Главными причинами его, как отмечалось в годовом отчете сигуранцы, «являлись затяжка войны на Восточном фронте и капитуляция германо-румынских войск под Сталинградом»[4]. Пораженческие настроения охватывали все более широкие слои гражданского населения Румынии. «После возвращения с фронта частей, воевавших на тех участках, где румынские и союзные войска потерпели поражение, — читаем в другом документе охранки, — наблюдается неверие в победу»[5]. И, как ни старалась фашистская пропаганда разговорами о предстоящем «великом наступлении на Восточном фронте», в результате которого якобы в 1943 г. будет достигнута победа, рассеять упаднические настроения и вселить веру в положительный исход войны, осуществить ей этого не удавалось. Сам факт затяжки обещанного наступления, отмечается в апрельском 1943 г. отчете сигуранцы Сучавского уезда, приводит «к утрате надежды, что война закончится осенью этого года, а заодно и невзгоды, мобилизации, реквизиции и ныне существующее тяжелое положение»[6].

Чтобы восполнить огромные потери на фронте, правительство стало призывать в армию новые континген-

---

[3] Universul, 1943, 10.II.

[4] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit, situaţiei politice, mişcărilor sociale, profesionale şi minoritare în intervalul 1 aprilie 1942 — 1 aprilie 1943.

[5] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 394, л. 284.

[6] Там же, л. 314.

ты военнообязанных, отрывая от своих хозяйств десятки тысяч крестьян-тружеников. Хотя численность румынской армии в 1943 г. по сравнению с 1942 г. уменьшилась, тем не менее под ружьем продолжало находиться 524 299 человек[7]. В 1943 г., говорится в отчете Министерства обороны Румынии, помимо мобилизации оперативного характера для 8 соединений, находившихся на фронте, были призваны на двухмесячную переподготовку еще 269 305 солдат, приписанных к соединениям, дислоцированным внутри страны[8], а также 71% офицеров запаса. После Сталинграда фашистские власти Румынии стали насильно мобилизовывать в армию также бессарабцев и буковинцев. Как указано далее в упомянутом отчете, в 1943 г. расходы на переподготовку призванных возросли против 1942 г. почти в 3 раза — с 440,6 млн. до 1106,5 млн. леев[9].

С каждым месяцем возрастали затраты и на содержание немецкой военной миссии в Румынии. Если в течение октября—декабря 1942 г. в соответствии с соглашением между двумя правительствами клика Антонеску выделяла на эти цели ежемесячно 500 млн. леев, то с начала 1943 г. — по 525 млн. Фактически же тратилось больше. Так, только по управлению железных дорог Румынии и «Румынскому анонимному обществу связи» превышение расходов против намеченных бюджетом ассигнований составило за девять месяцев — с 1 октября 1942 г. по 1 июля 1943 г. — 1750 млн. леев. «Эта задолженность, — писал И. Антонеску румынский министр финансов Д. Нягу, — непрерывно растет...»[10] 17 июля 1943 г. румынский вице-премьер и министр иностранных дел М. Антонеску и представитель германского МИД Клодиус подписали новое соглашение, согласно которому на август—сентябрь 1943 г. румынскому правительству надлежало

---

[7] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia efectivului sub arme faţă de efectivul mobilizabil pe anul respectiv.

[8] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Activitatea Ministerului de război. 6 Septembrie 1940 — 6 Martie 1944.

[9] Там же.

[10] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea Ministrului de finanţe D. Neagu d-lui M-l Antonescu. Bucureşti, 26 August 1943.

выделять на содержание немецкой миссии уже не 525, а 650 млн. леев в месяц[11].

Обосновавшись в Румынии, гитлеровцы вели себя как в завоеванной стране. После разгрома под Сталинградом, они, так же как и на фронте, еще с большим пренебрежением стали относиться к местным жителям — румынам, позволяя себе оскорбления в их адрес. На этой почве, как явствует из писем румынского генштаба в адрес немецкой миссии, происходили стычки, иногда со смертельными исходами[12].

Гитлеровцы усиливали с каждым днем эксплуатацию экономики Румынии[13]. Не считаясь с неоднократными просьбами румынского правительства, они производили нелегальные закупки и отправку в свою страну зерна, продовольствия и других товаров, способствуя этим дальнейшему росту цен, инфляции, что губительно отражалось в первую очередь на положении трудящихся масс. Кроме того, на основе договорных поставок Германия вывозила из Румынии нефть, лес, хлеб, мясо, жиры и т. д., покрывая лишь частично стоимость этих товаров своим импортом. В 1941 г. из 5195 тыс. т добытой нефти странам блока оси было отпущено 3636 тыс. т, в том числе Германии — 2871 тыс. т; в 1942 г. из 5648 тыс. т добытой нефти было отпущено соответственно 3070 тыс. т и 2200 тыс. т[14].

29 января 1943 г. на заседании так называемого «Военно-гражданского кабинета для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» (КББТ) было сказано, что «Германия по горло задолжала Румынии»[15]. Тем не менее 2 февраля 1943 г. в Берлине был

---

[11] Там же. Nota direcţiunei generale a mişcării fondurilor. Serviciul cheltuelilor pentru trupele germane. N 21168, 26.VIII 1943.

[12] Там же. Dosar: Schimb de corespondenţă între Marele Stat Major şi Misiunea germană.

[13] Подробно об этом см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 368—372; *Bălteanu B.* Aspecte ale aservirii economice a României de Germania hitleristă. — Studii, 1959, N 6; *Constantinescu N. N.* Exploatarea şi jefuirea economiei româneşti de către Germania hitleristă în perioada 1939—1944. — Anale, 1963, № 6.

[14] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Variaţia producţiei de ţiţei, a consumului intern, exportului de produse petrolifere în 1940—1944.

[15] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 53. Согласно румынским данным, к осени 1943 г. задолженность Германии Румынскому государству составляла 450 млн. марок.

подписан очередной «румыно-германский конфиденциальный протокол» о торговом обмене на 1943 г., отражавший дальнейшее подчинение румынской экономики интересам рейха. Согласно этому документу, экспорт Румынии в Германию на очередной год был определен в объеме 710 млн. немецких марок, в том числе на 450 млн. марок нефти и нефтепродуктов. На остальную сумму приходились сельскохозяйственные товары, кожевенное сырье. Было договорно закреплено обещание И. Антонеску, данное во время встречи с Гитлером в январе 1943 г., что количество экспортируемой нефти приблизится к 4 млн. т. Германский экспорт в Румынию был установлен в размере 400 млн. марок, в том числе на 220 млн. марок метизов и полуфабрикатов. Экспортировались такие товары, как летняя обувь на деревянном ходу (400 тыс. пар), сандалии на резиновой подошве (800 тыс. пар), машинки для стрижки волос (10 тыс.), косы (300 тыс.), серпы (385 тыс.), сапы (100 тыс.), лопаты (450 тыс.) и т. д. Остальную часть необходимых экспортных товаров гитлеровцы обещали предоставить в виде вооружения для румынской армии. Протокол зафиксировал очередные льготы немецким фирмам в Румынии, а также обязательство последней проводить свои торговые сделки со Швецией, Швейцарией и другими странами со свободно конвентируемой валютой только под контролем Берлина, на основе клиринга и не в ущерб поставкам в Германию[16].

Пока немецкие войска наступали, никто из членов правительства Антонеску не поднимал голос против кабальных для Румынии условий сотрудничества с рейхом. Все надеялись, что потери окупятся с лихвой за счет захваченных с помощью Германии советских территорий. Когда же провал стратегических планов гитлеровцев стал очевидным, министры начали высказывать разочарование. Даже такой профашистски настроенный деятель, как министр культуры и культов И. Петрович, на заседании правительства 4 февраля 1943 г. выпалил: «Пока мы продолжаем пожинать плоды политики 1940 г. Тогда мы давали нефть, давали хлеб и шли на всякие уступки, надеясь, что сумеем

[16] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 584, л. 50—210. Protocolul confidenţial asupra rezultatelor sesiunii a XIII a Comisiunilor guvernamentale română şi germană.

спасти то, чего спасти уже нельзя было, мы потеряли границы и ничего не приобрели... Постепенно, постепенно следует пересмотреть целую серию вопросов...»[17] Другие министры сетовали по поводу того, что Румыния «больше дает и меньше получает» от союзников, что Германия и Италия в целях улучшения своего негативного баланса в торговле с Румынией непрерывно повышают цены на экспортируемые товары; раздавались требования об установлении контроля над ценами[18]. Сам М. Антонеску, признав, что Германия «обеспечивает себе весь румынский экспорт», рекомендовал министрам «во взаимоотношениях с Германией постоянно осуществлять нажим», при снижении германского экспорта уменьшить и румынский. Но это были только слова. Губернатор Румынского национального банка Отулеску скептически заметил: «Мы не очень-то можем на них нажимать»[19].

На деле получалось, что по мере ухудшения положения на фронте и в самой Германии гитлеровцы усиливали нажим на своего румынского союзника, выставляя ему все новые требования. В мае 1943 г. руководитель немецкой военной миссии в Бухаресте Э. Ганзен сообщил, что Берлин не согласен с тем, чтобы продовольственные и другие товары, предоставленные немецкой армии губернаторством «Транснистрия», засчитывались в счет поставок Германии, предусмотренных румыно-германским торговым договором, хотя в «Соглашении об обеспечении безопасности, администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом (Транснистрия) и Бугом и Днепром (область Буг—Днепр)» от 30 августа 1941 г., именуемом еще конвенцией Хауффе—Тэтэряну, на этот счет содержалась специальная оговорка. Гитлеровское командование вообще отказалось признать счета, выставленные губернаторством «Транснистрия» за отпущенные немецкой армии до 1 августа 1943 г. сельскохозяйственные продукты и другие товары в общей сложности на сумму более чем 5,5 млрд. леев[20]. Оно посчитало, по-видимому, что нет никакой надобности оплачивать румын-

[17] Там же, д. 586, л. 240.
[18] Там же, л. 328, 333, 335.
[19] Там же, л. 328.
[20] Там же, д. 594, л. 136.

скому союзнику за награбленное им на советской территории.

В связи с приближением фронта к границам Румынии новые трения вызвал вопрос о том, кто должен нести бремя расходов на усиление противовоздушной обороны в районе плоештских нефтепромыслов и других важных объектов. Во время беседы, состоявшейся 7 июля 1943 г. между И. Антонеску и Э. Ганзеном, последний потребовал выделения румынской казной на эти цели более 11 млрд. леев. Сославшись на то, что экономика Румынии «находится в упадке», Антонеску предложил, чтобы Германия, Италия и другие союзники оси, которые пользовались ресурсами Румынии, разделили между собой бремя этих тяжелых расходов. Ганзен оборвал румынского диктатора: «У нас нет леев». Тогда И. Антонеску выразил желание получить вместо денег вооружение для оснащения 9—10 новых дивизий помимо того, что уже было обещано для возмещения потерь, понесенных зимой 1942/43 г. Ганзен ответил, что у него нет полномочий обсуждать этот вопрос, и тут же добавил: «Принимая во внимание современное положение, при котором Германия вынуждена снабжать всю Европу, думаю, что для поставки немецкого вооружения и оснащения имеется мало возможностей»[21].

Заявление гитлеровского генерала, фактически приравнивавшего Румынию к другим союзникам Германии, прозвучало оскорбительно для кондукэтора, который всегда подчеркивал наибольший вклад его страны в антисоветскую войну. И на сей раз он не преминул сказать: «Необходимо, чтобы поставки военных материалов находились в прямой зависимости от степени участия в войне. Мы уже доказали на деле, что являемся первыми как по числу жертв, так и по выполнению своего долга». И, как бы желая подчеркнуть преданность военно-фашистской Румынии союзу с рейхом и ненадежность Италии и Болгарии, также претендовавших на получение германского вооружения, Антонеску добавил: «Да, но следует помнить, что Румыния будет лояльной и что помощь никогда не будет использована против интересов Германии». Хотя немецкий генерал

[21] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7-ми т., т. 2. М., 1958, с. 713.

ничего определенного не обещал румынскому диктатору, последний «в принципе» согласился выполнить вышеуказанные германские требования.

Эта уступчивость правящих кругов военно-фашистской Румынии, в основе которой лежала их лютая ненависть ко всему советскому, дорого обходилась румынским трудящимся. Положение в стране ухудшалось с каждым годом и даже месяцем. На заседании правительства 17 марта 1943 г. И. Антонеску признал: «Нынешний год будет самый тяжелый со всех точек зрения»[22]. Не обещал кондукэтор уже и скорой развязки. «Мы должны, — сказал он своим министрам на заседании в середине мая 1943 г., — готовиться к тому, что война будет продолжаться много лет»[23]. Но из высказываний министров явствовало, что истощенная экономика Румынии даже при усиленном ограблении оккупированных советских территорий не в состоянии долго выдержать. 5 мая 1943 г. государственный субсекретарь по снабжению генерал К. Константин на заседании правительства жаловался: «Страна не имеет хлеба, пшеницы, кукурузы, ячменя, есть только просо»[24]. В 1942/43 г. по сравнению с 1940/41 сельскохозяйственным годом фонды на хлеб для внутреннего потребления были урезаны на 28%[25]. Тот же генерал Константин доложил, что внутренние ресурсы позволяют лишь на 10% удовлетворять потребности страны в кожтоварах. В целях «рационализации» расходования кожи он предложил перейти в городах в летнее время на обувь с деревянной подошвой[26]. «Что же касается сельского населения, то оно, — заявил И. Антонеску, — может ходить и босиком»[27]. Был сделан также вывод, что и «с одеждой осенью будет еще труднее»[28].

Инфляция и дороговизна принимали угрожающие размеры. «Цены на продовольствие и товары первой

---

[22] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 587, л. 103.
[23] Там же, д. 588, л. 34.
[24] Там же, д. 587, л. 45.
[25] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Consumul de cereale comparativ pe anii 1940/41, 1941/42, 1942/43 (fără Basarabia şi Bucovina). Reducerea consumului de cereale prin raţionalizare.
[26] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 587, л. 104.
[27] Там же, л. 107.
[28] Там же, д. 588, л. 33.

необходимости, особенно на одежду и обувь, непрерывно растут, вызывая особую озабоченность населения», — отмечается в квартальном отчете сигуранцы за апрель—июнь 1943 г. Далее в этом документе говорится: «Подчеркивается тот факт, что само государство подняло цены на монопольные товары примерно на 50%»[29]. Только за последние месяцы 1942 — начало 1943 г. индекс стоимости жизни, по признанию И. Антонеску, возрос на 50%[30]. К концу 1943 г. покупательная способность трудящихся городов сократилась почти в четыре раза по сравнению с 1939 г.[31] В донесениях и отчетах карательных органов военно-фашистской диктатуры за 1943 г. сплошь и рядом читаем о том, что рабочие недовольны «низкой заработной платой», выплата которой «задерживается месяцами», «сокращением производственной программы и увольнениями, вызванными отсутствием сырья», «дороговизной», «отсутствием предметов первой необходимости», «растущей спекуляцией продовольственными товарами, одеждой и обувью», «отсутствием медицинской помощи» и т. д.

Продолжало ухудшаться и положение трудового крестьянства. К началу 1943 г. из 3,5 млн. крестьянских хозяйств у 2 млн. не было коров, более 1,6 млн. не имели свиней, а у 250 тыс. не нашлось даже курицы[32]. Тем не менее реквизиции для армии продолжали проводиться главным образом за счет бедняцких и середняцких масс деревни. 13 марта 1943 г. в связи с очередной реквизицией на заседании правительства И. Антонеску распорядился: «В принципе от крупных и средних собственников брать как можно меньше средств»[33]. Это означало продолжать политику поощрения помещиков и кулачества. Для оказания последним помощи рабочей силой кондукэтор приказал кроме военноплен-

---

[29] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit ... în intervalul 1 Aprilie — 1 Iulie 1943.

[30] *Bălteanu B.* Influenţa bătăliei de la Stalingrad asupra situaţiei politice din România. — Anale, 1960, N 1, p. 87.

[31] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 375.

[32] Там же, с. 374.

[33] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 587, л. 94.

ных направлять им «путем мобилизации» также «отряды румынских крестьян»[34].

Глубокое недовольство крестьянских масс, как отмечается в упомянутых документах карательных органов, вызвано «реквизицией» хлеба, «разницей цен между промышленными и продовольственными товарами, установленной правительством», «тяжестью налогов», а также тем, что «большинство крестьян находится на фронте, а крупные земельные собственники сидят дома».

Недовольство охватывало и значительную часть средней и мелкой буржуазии, которая в свое время рассчитывала нажиться на войне. В документах сигуранцы отмечается, что коммерсанты жалуются на «большие налоги», «трудности в снабжении из-за недостатка транспортных средств и ограничения импорта», а промышленники ряда отраслей — на «отсутствие сырья и трудности в обеспечении топливом». Лишь «промышленные предприятия, работающие на армию, — говорится в упоминавшемся уже отчете сигуранцы за второй квартал 1943 г., — развивают бурную деятельность»[35], иными словами, большие доходы от войны продолжала главным образом извлекать крупная буржуазия, связанная с военным производством.

Огромные потери на фронте, усилившиеся классовый гнет и террор, непрерывное ухудшение материального положения вызвали дальнейший рост революционной борьбы трудящихся против военно-фашистской диктатуры Антонеску, помещиков и капиталистов, против германских оккупантов. Несмотря на суровые законы военного времени, рабочие все более открыто выступали против капиталистической эксплуатации, за удовлетворение своих экономических требований. В конце ноября 1942 г. по причине отказа предпринимателей улучшить условия труда прекратили работу рабочие военного завода «Конкордия» в Плоешти. 1 марта 1943 г. в этом же городе остановили производство рабочие предприятий «Узинеле ромыне». Как сказано в донесении сигуранцы, на названных заводах «постоянно поддержива-

---

[34] Там же, д. 588, л. 40.

[35] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie 1943—1 Iulie 1943.

ется атмосфера симпатии к коммунизму»[36]. 30 января 1943 г. объявили стачку рабочие Сандулештских карьеров, снабжавших химические заводы «Солвей» г. Турды[37]. 1 апреля 1943 г. из-за плохого питания отказались выйти на работу ученики предприятий г. Анина[38]. 17 апреля, как отмечается в отчете Генеральной дирекции полиции, около 400—500 рабочих центральных мастерских предприятий «Астра-Ромынэ» в Пояна-Кымпине собрались перед зданием управления, требуя повышения заработной платы. Остановили производство также рабочие нефтеочистительных заводов «Астра-Ромынэ» и «Ромынэ-Американэ». 1 мая в г. Турну-Северин была арестована группа рабочих-железнодорожников за «невыход на работу без уважительной причины»[39]. Этот день ознаменовался стачками и на ряде военных заводов Бухареста[40]. Ширилась стачечная борьба среди докеров и рабочих портовых городов Галац и Браила[41]. Летом успешно провели забастовку рабочие железнодорожных мастерских Николина в г. Яссы[42]. В августе 1943 г. в связи с введением 12-часового рабочего дня волнения произошли среди шахтеров Валя Жиулуй. В Брашове в этом же месяце бастовала группа рабочих фабрики «Сокотуб»[43].

Под влиянием событий на фронте и разъяснительной работы Компартии Румынии стачки, возникавшие в большинстве случаев на почве конфликтов с предпринимателями, стали получать политическую окраску. С

---

[36] *Grosu M., Găinuşi Gh., Iani B.* Acţiuni ale muncitorilor din industria metalurgică şi de armament pentru sabotarea războiului hitlerist. — Anale, 1964, N 5, p. 34.

[37] *Roman V., Zăhărescu V., Petri A.* Cercetarea istoriei mişcării de rezistenţă antifascistă din România. — Anale, 1965, N 2, p. 29.

[38] Anale, 1960, N 1, p. 88; 1965, N 2, p. 29.

[39] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul de la 1 Aprilie 1943 — 1 Iulie 1943.

[40] *Gheorghiu I., Roman A.* Din lupta P.C.R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic şi întoarcerea armelor împotriva hitleriştilor. — Anale, 1956, N 3, p. 71.

[41] *Munteanu N.* Acţiuni muncitoreşti desfăşurate în Galaţi şi Brăila împotriva exploatării capitaliste şi a dictaturii militare-fasciste (1941—1944). — Anale, 1963, N 4, p. 80—84.

[42] Tălăngescu M., Pintean T. Acţiuni ale muncitorilor ceferişti împotriva dictaturii militare-fasciste şi a războiului hitlerist (1941—1944). — Anale, 1964, N 3, p. 87.

[43] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 388, 389.

явной тревогой Генеральная дирекция полиции докладывала 16 февраля 1943 г., что в связи с поворотом в ходе войны среди рабочих столицы усиленно дискутируются «социальные проблемы», большинство рабочих уверено, что по окончании войны установится «режим подлинной демократии». В заключении документа сказано, что возникла благоприятная атмосфера «для вовлечения рабочих в крамольное движение»[44]. Характерным для этого периода является постепенное приобщение к революционной борьбе более отсталых рабочих, которые еще недавно находились под влиянием фашистской демагогии. На собственном опыте они стали убеждаться в антирабочем характере политики фашистских властей и созданных ими организаций вроде «Генерального союза ремесленников, хозяев и рабочих», пресловутой «Палаты труда» и др. «Часть рабочих, организованных в «Генеральный союз ремесленников, хозяев и рабочих», — говорится в отчете сигуранцы за июль 1943 г., — начала проявлять недоверие к этой организации, заявляя, что союз существует лишь на бумаге, не предпринимает никаких шагов для улучшения положения рабочих, а руководители его лишь извлекают выгоды от взносов трудящихся»[45]. Несколько раньше в квартальном отчете сигуранцы за апрель—июнь 1943 г. отмечалось, что среди рабочих «интенсивно дискутируется вопрос о необходимости воссоздания профессиональных союзов»[46]. В обзоре контрразведки румынского генштаба за июнь 1943 г. положение оценивается следующим образом: «настроение рабочих в общем тревожное», «рабочая масса медленно, но верно двигается в опасную зону коммунистического влияния»[47].

Карательные органы военно-фашистской диктатуры признавали, что на развитие рабочего движения определенное влияние оказывали советские военнопленные. Так, на Сандулештских карьерах вместе с румынскими рабочими трудились советские военнопленные, для ко-

---

[44] Anale, 1960, N 1, p. 87.

[45] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943.

[46] Там же. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie 1943 — 1 Iulie 1943.

[47] Anale, 1960, N 1, p. 89.

торых были установлены особенно высокие нормы выработки, от их выполнения зависело питание пленных. 6 мая 1943 г. военнопленные отказались выполнять норму и потребовали от властей ее снижения. В ответ руководство завода не выдало им ужина. «Но пленные, — сказано в донесении полицейских властей, — настояли на своем, заявив, что не будут работать, если даже им вообще будет отказано в питании». Полиция отмечала, что решительное поведение военнопленных произвело впечатление на рабочих карьера, решивших действовать в таком же духе[48]. В другом полицейском отчете сказано, что «коммунистическая деятельность в области (речь идет о Банате. — *И. Л.*) испытывает влияние со стороны русских пленных, посланных работать на государственные и частные предприятия»[49].

Рост рабочего движения в условиях поражений на фронте и разложения дисциплины в армии серьезно встревожил власти. 8 мая 1943 г. генеральный директор полиции генерал Диаконеску разослал всем подведомственным ему органам предписания впредь сообщать по телеграфу наиболее важные факты, «могущие вызвать волнения и другие более грозные вспышки среди рабочих». Областным инспекторам полиции было приказано также ежемесячно представлять отчеты о рабочем движении[50].

Распоряжением И. Антонеску секции пропаганды генштаба было вменено в обязанность развернуть совместно с министерством труда и военными комендантами фабрик и заводов широкую «пропаганду и контрпропаганду среди рабочих промышленных предприятий страны и столицы» с целью «объяснить рабочей массе необходимость продолжения войны на Востоке», «давать отпор коммунистической пропаганде» и «внушать доверие к нынешнему руководству страны». Во исполнение этого приказа в мае 1943 г. на промышленных предприятиях Румынии было организовано 274 доклада, на которые было согнано 77 тыс. рабочих. На боль-

---

[48] Anale, 1960, № 1, p. 89.
[49] ЧОГА, ф. 30 оп. 4, д. 395, л. 360.
[50] Там же, д. 394, л. 358.

шинство предприятий для проведения «воспитательной» работы были посланы «агенты-пропагандисты»[51].

Но деятельность властей по «оздоровлению» морального состояния рабочих не дала желаемых результатов, как не давала она и на фронте среди солдат. В Румынии, как и в других странах, где хозяйничали гитлеровцы и их прислужники, под влиянием побед Красной Армии ширилась борьба трудящихся, возглавляемых коммунистами, против фашистской диктатуры. «Поражение нацистских войск под Сталинградом, — пишут румынские исследователи И. Георгиу и А. Роман, — вселило новые надежды в наш народ и обусловило новый подъем антифашистской борьбы в Румынии»[52]. Трудящиеся массы убеждались в правильности предсказаний КПР о неминуемом поражении гитлеровской Германии и ее сателлитов. Как докладывала 25 февраля 1943 г. полиция г. Турды, большинство рабочих считает, что «победить может только Советская Россия». В другом донесении указывалось, что плоештские рабочие связывают наступление социальной справедливости с победой советских войск и многие заявляют: «Когда рабочих возьмут на фронт, они при удобном случае сложат оружие... без борьбы, ибо им воевать не за что»[53].

Авторитет компартии среди трудящихся повышался с каждым днем, ее ряды росли, возникали новые организации. Во всех донесениях и отчетах сигуранцы, ССИ, контрразведывательных органов армии подчеркивается активизация коммунистического движения в стране. С явным страхом сигуранца писала: «Деятельность коммунистов, убежденных в победе Советского Союза, направлена на усиление организационной работы, создание «Патриотического фронта»... с целью изгнания немцев и заключения мира с Советским Союзом, на пропаганду против существующего режима, за формирование демократического правительства...» Далее в документе сказано об антивоенной агитационно-пропагандистской работе компартии среди рабочих, военно-

[51] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Notă. 2 Iulie 1943. Activitatea de redresare a moralului lucrătorilor din întreprinderile industriale din Ţară şi Capitală în cursul lunei Mai 1943.
[52] Anale, 1956, N 3, p. 71.
[53] Там же, 1960, N 1, с. 88.

служащих, инвалидов войны и жен мобилизованных солдат, о деятельности по оказанию помощи через МОПР политзаключенным, их семьям и советским военнопленным, об организации на предприятиях и в мастерских подпольных групп для совершения актов саботажа[54]. В июльском 1943 г. обзоре о внутреннем положении генштаб также признает, что компартия является «единственной активно действующей политической силой»[55].

Все большее внимание стала уделять КПР работе в армии[56]. Коммунистические ячейки возникают в ряде воинских частей. О раскрытии такой ячейки в школе унтер-офицеров г. Ботошани говорится в обзоре Генеральной дирекции полиции за август 1943 г. У арестованных были найдены пропагандистские материалы. «Центр организации, — сказано в обзоре, — находится в Галаце, он имеет ответвления на всю Молдову (Запрутскую. — *И. Л.*)»[57]. Учитывая всевозрастающее недовольство войной не только среди рядовых солдат, но и среди командного состава армии, КПР в своих листовках стала обращаться с призывом включиться в борьбу за спасение родины также к офицерам и генералам[58].

К голосу коммунистов начали прислушиваться и люди, не разделявшие коммунистических идей, но искренне желавшие мира, избавления страны от фашистской диктатуры и германских «союзников». В конце 1942 г. благодаря усилиям КПР возник подпольный «Союз патриотов», объединявший в своих рядах самые различные слои населения, в том числе прогрессивную интеллигенцию, представителей мелкой буржуазии и т. д. 28 января 1943 г. вышел в свет первый номер органа «Союза патриотов» газеты «Ромыния либерэ» («Свободная Румыния»), в котором содержался призыв к созданию широкого национального патриотического

---

[54] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie 1942 — 1 Aprilie 1943.

[55] Anale, 1960, N 1, p. 89.

[56] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Activitatea Partidului Comunist Român în armată. 1921—1944. Bucureşti, 1974, p. 204.

[57] ЧОГА, ф. 30 оп. 4, д. 395, л. 359.

[58] Din lupta antifascistă pentru independenţa şi suveranitatea României. Culegere de studii. Bucureşti, 1969, p. 148.

фронта для изгнания гитлеровцев из страны, свержения фашистского правительства Антонеску и вывода Румынии из преступной антисоветской войны. В короткий срок число организаций и членов «Союза патриотов» быстро возросло. Его ячейки возникали не только в городах, но и во многих селах, они создавались среди учителей, преподавателей высших учебных заведений, журналистов и т. д.[59]

В начале января 1943 г. КПР обратилась к руководству социал-демократической партии с предложением о совместных действиях по объединению всех прогрессивных сил для борьбы за спасение родины от фашизма и войны[60]. Но эта инициатива не нашла поддержки у оппортунистически настроенных лидеров социал-демократии. Несколько подобных предложений было сделано также национал-царанистской и национал-либеральной партиям[61]. Однако враждебно настроенные к коммунизму руководители этих партий продолжали отвергать всякие совместные действия с КПР.

В июне 1943 г. ЦК КПР принимает решение о необходимости создания единого патриотического антигитлеровского фронта, включающего все партии и группы, выступавшие против политики военно-фашистской диктатуры. Компартия предлагала создать национальный комитет борьбы за освобождение страны и разработала платформу из десяти пунктов для объединения всех патриотических сил. В ней выдвигались следующие требования: отзыв румынской армии с Восточного фронта и привлечение ее на сторону Патриотического фронта, создание антифашистских партизанских отрядов; прекращение поставок Германии, организация саботажа для подрыва гитлеровской военной машины; немедленный выход из войны, разрыв с фашистским блоком и заключение сепаратного мира с госу-

---

[59] Подробно об этом см.: Din lupta antifascistă pentru independenţa şi suveranitatea României, p. 167—174.

[60] *Ţuţui Gh.* Realizarea Frontului Unic Muncitoresc — moment de însemnătate istorică în lupta de eliberare a poporului român. — Anale, 1969, N 2, p. 5.

[61] *Nicolae C., Ilie P.* Din activitatea P.C.R. pentru făurirea unei largi coaliţii antihitleriste. — Anale, 1969, N 3, p. 23; *Fătu M.* Sfârşit fără glorie. Partidul naţional-ţărănesc (Maniu) şi partidul naţional-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. Bucureşti, 1972, p. 75.

дарствами антигитлеровской коалиции; свержение диктатуры Антонеску и создание нового правительства из представителей всех патриотических партий и организаций; присоединение свободной и независимой Румынии к Объединенным Нациям; немедленное освобождение узников фашистских тюрем и лагерей; наказание виновников злодеяний и грабежей во главе с Антонеску; роспуск всех фашистских организаций; установление национального равноправия; ликвидация венского «арбитража» и освобождение Северной Трансильвании; обеспечение работой и пищей трудящихся городов и сел, оказание государством помощи инвалидам, сиротам, вдовам[62].

8 августа 1943 г. центральный комитет «Союза патриотов» заявил, что с удовлетворением принимает к сведению инициативу КПР, полностью одобряет ее платформу и готов на этой основе сотрудничать с ней[63]. Благодаря усилиям коммунистов во второй половине 1943 г. создается «Патриотический антигитлеровский фронт», в состав которого вместе с компартией вошли «Фронт земледельцев», «Союз патриотов», «Союз венгерских трудящихся Румынии» (МАДОС) и некоторые низовые организации социал-демократической партии Румынии.

В 1943 г. компартия значительно усиливает массово-политическую работу среди трудящихся и солдат. Регулярно вещала и все большую аудиторию собирала радиостанция «Свободная Румыния». Органы контрразведки доносили 13 марта 1943 г.: «Радио „Свободная Румыния" непрерывно подстрекает румынское население против Германии, призывает к стачкам и саботажу, отказу работать, уничтожению нефтепромыслов». Увеличивалось число подпольных изданий КПР. Многочисленные листовки и надписи, призывавшие на борьбу против диктатуры Антонеску и гитлеровцев, за выход из войны, были обнаружены полицейскими органами в Бухаресте, Яссах, Тимишоаре, Констанце, Крайове, Пятра-Нямце, Алба-Юлии, Лугоже, Брашове, Араде, Лупенах, Кымпия-Турзей, Карансебеше, Плоешти, Оршове, в селах Килад, Рекаш, Фратилия уезда

[62] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, 1953, p. 371—372.
[63] Anale, 1956, N 3, p. 73.

Тимиш-Торонтал, Рэешты и Турчешты уезда Вылча и др.[64] В воззвании по случаю 1 Мая компартия писала: «Патриоты! Независимо от социального положения и политических убеждений объединяйтесь с рабочим классом в Единый национальный фронт во имя спасения народа и армии от верной гибели. Боритесь против тотальной мобилизации, за немедленный отзыв армии с Восточного фронта и прекращение грабительской и захватнической войны»[65].

Среди материалов, обнаруженных полицией в мае 1943 г. в Бухаресте, было воззвание советского антифашистского комитета к молодежи мира[66]. В с. Тохань уезда Бузэу были найдены листовки «Смерть немецко-румынским захватчикам!», «Бейте врага с тыла!», выпущенные ЦК КП(б) Молдавии и распространенные на временно оккупированной территории Молдавской ССР летом 1943 г. Они были завезены в Румынию, по-видимому, приехавшими с фронта солдатами.

После поражения под Сталинградом активизировалась деятельность комсомола Румынии, организации «Патриотическая защита» и других, действовавших под руководством КПР. 1 и 17 августа 1943 г. в г. Карансебеше комсомольцы распространили написанные от руки листовки с требованием мира[67]. Из отчета «Патриотической защиты», составленного 12 июня 1943 г., явствует, что к этому времени организации удалось наладить связь с политзаключенными большинства тюрем и лагерей и переправлять им продовольствие, одежду, медикаменты и даже пропагандистские материалы. Выполняя указания КПР, местные организации «Патриотической защиты» развернули большую работу по оказанию помощи советским военнопленным, работавшим на предприятиях Тимишоары, Арада, Решицы, Брашова, Сибиу, Ясс, Бакэу и других городов. Полицейские органы сообщали, что в Решице и ряде населенных пунктов уезда Калараш выявлено

---

[64] Названные населенные пункты указаны в упомянутых нами годовых, квартальных и месячных обзорах Генеральной дирекции полиции.

[65] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4309, л. 312—315.

[66] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie 1943 — 1 Iulie 1943.

[67] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 359.

много случаев, когда рабочие шли в лагеря, где работали русские военнопленные, и тайком передавали им продовольствие, медикаменты, деньги[68].

Особую тревогу властей вызывали участившиеся акты саботажа и диверсий на заводах и фабриках, связанных с обслуживанием армии, на железнодорожном и речном транспорте, на линиях связи и т. д. На судоверфях Констанцы рабочие умышленно затянули ремонт военных кораблей «Мэрешты», «Королева Мария», «Дельфин», «Фердинанд»[69]. В Галаце были отданы под суд 14 рабочих, отказавшихся разгружать уголь, принадлежащий гитлеровцам[70]. В рапорте сигуранцы о деятельности Банатского областного комитета КПР, составленном в 1943 г., говорилось: «Рабочие Решицы много раз устраивали замыкания, портили орудия, станки и дорогостоящие машины; в Бокше-Монтане организовали акты саботажа, порвали провода высокого напряжения, вывели из строя моторы, работают медленно, предпринимают совместные действия с рабочими Решицы для повышения зарплаты. Создали ячейку в Бокше. Установили связь с Окна-де-Фер. В Симерие рабочие работают медленно, снизив выпуск продукции на 3%, организовали делегацию с требованием хлеба и обуви, отказались подписаться на заем. В Бокше-Монтане и Решице комсомол развернул деятельность в общежитии и в обществе „Труд и просвещение"»[71].

В конце 1942 г. был взорван военный завод в Авриге[72]. Акты саботажа были совершены на металлургических предприятиях в Решице, на бухарестских заводах «Малакса», «Вулкан», «Леметр», на заводе «Астра» в Брашове и т. д.[73] На станции Плоешти—Триаж было взорвано много вагонов с немецким вооружением для фронта, на железной дороге Бухарест—Констанца пу-

---

[68] *Matichescu O.* Apărarea patriotică în anii 1941—1944. — Anale, 1966, N 6, p. 65, 67. Подробно о деятельности «Патриотической защиты» см.: *Matichescu O.* Apărarea patriotică. Bucureşti, 1971.

[69] Anale, 1964, N 5, p. 28.

[70] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamâ asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943.

[71] Documente privind rezistenţa antifascistă din România. — Anale, 1969, N 4, p. 97.

[72] Там же, 1960, № 1, с. 86.

[73] Там же, 1964, № 5, с. 26—29.

щен под откос поезд с гитлеровцами, на участке железной дороги Овидиу—Нэводарь — поезд с материалами для фортификационных работ[74]. В августе 1943 г. был перерезан телефонный кабель немецкого командования на участке Бакэу—Роман—Яссы, а также между Плоешти и Тыргушорул-Ноу[75]. В квартальном отчете сигуранцы за апрель—июнь сказано, что в Констанце «члены компартии организовали взрыв фугасной бомбы на продовольственных складах немецких войск». Был арестован 51 коммунист[76]. В августе 1943 г. в порту Констанца были подожжены 2 немецких судна[77].

Особую тревогу фашистских властей вызывали акты саботажа в портах Дуная, в частности в Джурджу, где румынская нефть перекачивалась в речные танкеры для доставки в Германию. Осенью 1942 г. здесь были взорваны 4 речных танкера[78], 5 декабря 1942 г. — 19 танкеров, заполненных нефтью[79]. В июльском 1943 г. отчете сигуранцы говорилось: «Немецкое посольство вновь выражает озабоченность в связи с непрекращающимися в последнее время актами саботажа на Дунае, считая, что это еще одно доказательство слабости и отсутствия контроля со стороны румынских властей»[80]. Далее в отчете сказано: «Чтобы избежать актов саботажа в дельте Дуная, были выселены из Новой Килии 20, а из Вилкова — 15 подозрительных коммунистов». Вводилась смертная казнь за «экономический саботаж».

Росло сопротивление политике военно-фашистской диктатуры и в деревне. Партия усилила работу среди крестьян, направляя на помощь сельским коммунистам членов партии из рабочих. Благодаря их деятельности к активной борьбе против военно-фашистской диктатуры Антонеску были привлечены крестьяне сел Сеней-Банат, Паланка и Лэлоя уезда Бакэу, Гавана уезда

---

[74] Там же, № 3, с. 89—90.

[75] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 391.

[76] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie — 1 Iulie 1943.

[77] Anale, 1956, № 3, p. 71.

[78] Там же, с. 70.

[79] Там же, 1964, № 5, с. 32.

[80] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943.

Арджеш, Марачинены уезда Мусчел, Бучумены уезда Яссы, Фиербинць и Баламучь Гречь уезда Ильфов и многих других. Большое количество пропагандистской литературы распространили коммунисты в селах уездов Ильфов, Влашка, Прахова, Дымбовица, Арджеш, Брашов, Тимиш-Торонтал, Бакэу, Яссы, Долж[81].

Борьба крестьян против военно-фашистской диктатуры стала принимать все более разнообразные формы. В упомянутом рапорте сигуранцы о деятельности Банатского областного комитета КПР говорится, что крестьяне прячут зерновые и скот, чтобы избежать реквизиций[82]. Такие сообщения об отказе крестьян выполнять поставки, трудовые повинности, платить налоги поступали в Бухарест со всех концов Румынии. В апреле 1943 г. крестьяне с. Дета уезда Тимиш-Торонтал оказали организованное сопротивление властям, пытавшимся экспроприировать их земли для нужд германской армии. Такой же примерно случай повторился в с. Коркету уезда Ильфов, где крестьяне не допустили комиссию для изучения возможностей расширения военного аэродрома за счет их земель[83]. С тревогой докладывала в августе 1943 г. Генеральная дирекция полиции, что «крестьянские массы предъявляют все большие социальные и экономические требования...»[84]

Ярким проявлением всевозрастающего сопротивления румынских трудящихся антинациональной политике клики Антонеску, их желания покончить с антисоветской войной стали дальнейшее увеличение числа дезертиров не только на фронте, но и в тыловых частях, внушительные размеры уклонения от призыва в армию. «В связи с мобилизацией молодежи призыва 1943 г. замечено, — говорится в месячном отчете полицейских органов Сучавы за апрель 1943 г., — что среди нее (главным образом городской) царит настроение, противное интересам государства, проявлявшееся в том, что для отправки в части пришлось собирать ее силой, хотя она была оповещена индивидуальными повестками

---

[81] *Covaci A.* Acţiuni ale ţărănimii din România împotriva dictaturii militare-fasciste (1941—1944). — Anale, 1963, N 4, p. 98.
[82] Anale, 1969, N 4, p. 96.
[83] Там же, 1963, № 4, с. 98.
[84] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 334.

и барабанным боем»[85]. Неявки на призывной пункт только по пятому территориальному округу составили на 31 марта 24 822 случая[86]. 14 апреля 1943 г. в официальном правительственном вестнике появился чудовищный декрет, согласно которому схваченным дезертирам полагалось на ладонях обеих рук выжечь букву «Д» и отправить на фронт[87]. Тем не менее в июне 1943 г., как докладывало командование 1-й армии, не явилось по призыву 14 127 приписников, а по другим трем крупным соединениям — 43 940 человек[88].

Рост антивоенных и антифашистских настроений в армии, резкое обострение классовых противоречий в стране и ускорившееся после разгрома под Сталинградом полевение масс серьезно обеспокоили правящие круги страны. Румынские капиталисты и помещики отдавали себе отчет в том, что поражение в войне означало нечто большее, чем крах их великодержавных захватнических планов на Востоке. В обстановке усиления недовольства масс, обострения классового антагонизма в стране оно могло привести к революционному взрыву и свержению существующего строя.

Выступая перед командирами воинских соединений, кондукэтор признал: «...после того как 3-я и 4-я армии потерпели поражение, государство шатается»[89]. Сам факт созыва совещания верхушки армии во второй половине апреля 1943 г., на котором один за другим выступали члены правительства, «доказывая» своим высокопоставленным слушателям, что за два с половиной года правления И. Антонеску страна якобы достигла во всех сферах жизни гораздо больше, чем за двадцать предшествующих лет[90], говорил о глубоком кризисе военно-фашистской диктатуры. Чувствуя, что и без того нетвердая почва ускользает из-под ног, клика Антоне-

---

[85] Там же, д. 394, л. 314.
[86] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Op. cit., p. 192.
[87] Monitorul oficial, 1943, 14.IV, N 88.
[88] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Op. cit., p. 192—193.
[89] Anale, 1960, № 1, p. 94.
[90] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Realizările regimului în 2,5 ani (6 Septembrie 1940 — 6 Martie 1943) în comparaţie cu 20 ani anteriori (1920—1940). Conferinţe ţinute de departamente la Şcoala superioară de război la 15—21 Aprilie 1943.

ску старалась сплотить ряды армейской верхушки — главной внутренней опоры режима.

* * *

Во избежание полного провала правительство Румынии предприняло и ряд внешнеполитических акций. Разгром под Сталинградом подорвал у него, как и у правительств других стран-сателлитов, веру в победу Германии. Убедившись, что последняя не в состоянии уничтожить Советский Союз, правящая верхушка военно-фашистской Румынии лихорадочно стала искать путь, чтобы избежать поражения. В узком кругу своих приближенных И. Антонеску говорил: «Германия проиграла войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли»[91].

Все надежды на спасение правители стран-сателлитов возлагали на реакционные круги западных держав. В страхе перед СССР они, как откровенно пишет бывший секретарь румынского МИД А. Крецяну, «были готовы сдаться на милость Запада при условии, что будут даны заверения, что их страны не будут оккупированы красными войсками»[92].

Румынский диктатор, который еще в конце октября 1942 г. писал Д. Брэтиану, что он «верит в победу Германии», и отказывался вести рекомендованную «историческими» партиями политику лавирования («de basculа») между гитлеровским блоком и западными «демократиями» (допуская при этом неофициальные связи «оппозиции» с враждебными «западными политическими деятелями»), стал, как и пособники гитлеровцев в других странах-сателлитах, искать пути сближения с Англией и США в целях предотвращения катастрофы. Формально Румыния находилась с ними в состоянии войны, фактически же никаких военных акций «воюющие» стороны друг против друга не предпринимали. Участие фашистской Румынии в войне против СССР, ее притязания на территорию Бессарабии и Северной Буковины получили молчаливое одобрение правящих кругов западных держав. Не без основания реакционные румынские политики полагали, что в условиях про-

---

91 *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 412.

92 *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. London, 1957, p. 87.

движения Советской Армии на Запад дальнейшее участие фашистской Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии не только не явится препятствием, а, наоборот, будет положительным фактором в урегулировании отношений с Англией и США, заинтересованными в затяжке военных действий на советско-германском фронте в целях ослабления Советского Союза. Хорошо осведомленный в делах правительства А. Крецяну, говоря о политических расчетах вице-премьера М. Антонеску, писал: «Как и маршал, он считал, что западные союзники были более озабочены предотвращением советского вторжения в Европу, нежели ликвидацией фашистского режима»[93].

4 февраля 1943 г. на заседании правительства с участием губернаторов оккупированных советских территорий М. Антонеску изложил свои внешнеполитические планы в создавшейся новой обстановке после поражения под Сталинградом. Он выразил несогласие с теми, кто полагал, что во внешней политике следует отдавать предпочтение трансильванской проблеме. Румынский вице-премьер утверждал, что именно сейчас упор нужно делать на то, чтобы убедить англичан и американцев в необходимости отдать Румынии Бессарабию и Северную Буковину. «Следует обратить внимание... — сказал он, — что нашу европейскую миссию

[93] Там же, с. 89. Основанием для такого вывода послужили сведения о политических планах Англии, полученные правительством Антонеску в декабре 1942 г. из Стамбула, где состоялась конфиденциальная встреча румынского промышленника И. Георгиу, сопровождаемого агентом Секретной службы информации, с английским резидентом Шателеном. Последний среди прочего сказал, что «не в интересах Англии позволить победоносной России распространиться на Запад» и что «приостановление большевизации юго-востока Европы является одной из миссий англо-американской армии на Ближнем Востоке» (Anale, 1960, № 1, p. 95). Это мнение еще больше укрепилось у румынской правящей верхушки после встречи Черчилля с турецким президентом Иненю в Адане 31 января 1943 г., в ходе которой английский премьер изложил свои планы создания Дунайского или Балканского блока во главе с Турцией в качестве противовеса Советскому Союзу. Турецкие дипломаты, уведомившие об этих планах румынского посланника в Анкаре, внушали ему, что Румыния должна продолжать войну против СССР в интересах всей Юго-Восточной Европы (*Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965, S. 169).

и нашу роль плотины против славянства и защитников европейской цивилизации можно осуществить только через Бессарабию и Буковину. Это является основой нашей европейской пропаганды даже в англо-американском плане и строить эту пропаганду можно главным образом на базе Буковины и Бессарабии. Тот, кто не понимает проблем и не в состоянии вовремя оценить роль румынской системы в создании равновесия и преграды на пути славянской массы, в которой Бессарабия и Буковина являются территориями, препятствующими единству восточных и южных балканских славян, тот не выполняет свой долг ни румына, ни европейца... Эта идея лежит в основе проводимой мною внешней политики... Это является темой нашей международной пропаганды, даже среди тех, которые, не понимая нас, находятся сегодня с нами в состоянии войны»[94].

Министру пропаганды Марку было рекомендовано развернуть в этом направлении работу в европейских столицах, а губернаторам предложено «организовать манифестации» в целях «возбудить румынское самосознание» среди четырех миллионов жителей Бессарабии и Буковины.

Таким образом, после поражения под Сталинградом правящие круги военно-фашистской Румынии не отказывались от своих аннексионистских планов, а лишь ограничили размеры территории будущей «Великой Румынии». Все усилия прилагались к тому, чтобы в этой обстановке удержать хотя бы Бессарабию и Северную Буковину, при этом уповать они стали уже не столько на Германию, сколько на враждебность к СССР и коммунизму реакционных политиков Запада.

«Помочь» Западу определить роль и место Румынии в Европе взялся профессор Бухарестского университета, бывший министр пропаганды при королевской диктатуре Константин К. Джуреску. Высокие посты, которые он занимал при Кароле II и симпатии к «Железной гвардии» не помешали ему быть в фаворе и при военно-фашистской диктатуре И. Антонеску. В одном из отчетов губернатора Алексяну К. К. Джуреску удостоился высокой похвалы за прочитанные лекции по «обоснованию прав» военно-фашистской Румынии на так

[94] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 586, л. 216—219.

называемую «Транснистрию». В 1943 г. он написал статью «Европейская роль румынского народа», которая начинается большим экскурсом в историю, пронизанным от начала до конца враждебностью ко всему славянскому, русскому и советскому. К. Джуреску подводил к выводу, что война против Советского Союза «является нормальной, жизненной войной»[95]. Ссылаясь на «труды» Мехединца и других геополитиков, он определил фашистской Румынии роль «элемента стабильности и порядка» на границе между западноевропейской цивилизацией и миром «варваров-азиатов». «Величайшей услугой европейскому порядку и цивилизации» назвал он подавление румынской военщиной Советской власти в Венгрии в 1919 г. К. К. Джуреску кичился тем, что «после первой мировой войны Румыния долгое время не имела никаких связей с Советской Россией». В 1943 г. после поражения под Сталинградом Джуреску уже не предъявлял «права» на так называемую «Транснистрию». Продолжение войны против СССР он обосновывал, как и клика Антонеску, необходимостью защищать Бессарабию, жизнь и существование румынского народа, религию, семью, европейскую цивилизацию и т. д.

В этом же году срочно был выпущен опус другого профессора Бухарестского университета — Г. Брэтиану[96]. В 1941 г. глубокой осенью он вернулся с фронта, куда отправился добровольцем с целью «внести свой вклад в осуществление румынского единения». Тогда заместитель председателя национал-либеральной партии искал «естественные рубежи» Румынии, «проложенные на протяжении веков», далеко в степях Украины. К моменту выхода книги положение коренным образом изменилось. Г. Брэтиану, как и его вышеупомянутый университетский коллега, распространялся о великой миссии Румынии на восточных «рубежах Европы», определяемых им на Днестре.

Все эти «труды» должны были убедить Запад в готовности военно-фашистской Румынии служить, как и после первой мировой войны, форпостом империализма

---

[95] *Giurescu C. C.* Die europäische Rolle des rumänischen Volkes. Bucarest, 1943, S. 433.

[96] *Brătianu G. I.* Origine et formation de l'unité roumaine. Bucarest, 1943.

на юго-западных границах СССР. Клика Антонеску надеялась сыграть на антисоветизме правящих кругов западных держав. Она направила свои усилия на раскол антигитлеровской коалиции, примирение англо-американцев с фашистскими государствами и облегчение для последних продолжения войны против СССР. В январе 1943 г. М. Антонеску через итальянского посланника в Бухаресте Б. Скоппу предложил министру иностранных дел Италии Чиано предпринять совместную акцию по установлению связи с Англией и США «в целях защиты Европы от большевизма»[97]. По мнению румынского вице-премьера, заключение сепаратного мира с Румынией и Италией было выгодно Великобритании и США, так как создало бы дополнительную возможность помешать продвижению Красной Армии в Центральную и Юго-Восточную Европу. Однако Муссолини имел свои планы и не поддержал инициативу румынского министра[98]. Одновременно М. Антонеску предпринял шаги по установлению контактов с западными державами на той же антисоветской основе через Ватикан, Анкару, Лиссабон, Мадрид[99].

Особые надежды правящая верхушка фашистской Румынии возлагала на Ватикан. 13 марта 1943 г. на заседании правительства М. Антонеску прямо заявил: «Мы опираемся на Ватикан»[100]. Он рекомендовал министрам устранять всякие противоречия между православной и католической церквами, идти на всевозможные уступки последней. «Мы должны, наоборот, проводить политику солидарности и кооперации между церквами, — говорил М. Антонеску министрам в феврале 1943 г., — с тем чтобы в завтрашней Европе опереться на христианский порядок»[101].

Попытки фашистского правительства Румынии примириться с западными «демократиями» не означали

---

[97] *Scoppa R. Bova.* Coloqui con due Dittatori. Roma, 1949, p. 72—76; *Hillgruber A.* Op. cit., S. 170—171; *Ciano G.* Diario, vol. II (1941—1943). Milano, 1950, p. 243.

[98] См.: *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 269—271.

[99] Об этом см.: Anale, 1960, № 1, p. 95—100; *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 418—419, 424—425.

[100] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 587, л. 2.

[101] Там же, д. 586, л. 222—224.

отказа от союза с гитлеровской Германией. Но если до разгрома под Сталинградом в союзе с Германией румынские господствующие классы надеялись уничтожить Советскую страну и осуществить свои великодержавные захватнические планы на Востоке, то после тяжелых поражений в зимней кампании 1942/43 г. в рейхе они видели силу, способную сдержать наступление Советской Армии[102], пока на Балканы подоспеют англо-американские войска. Кроме того, при углублении внутриполитического кризиса в стране присутствие германских войск служило щитом от возможных революционных вспышек. Поэтому правящие круги военно-фашистской Румынии, несмотря на очевидную пагубность сотрудничества с гитлеровцами, продолжали выполнять все их экономические, финансовые и военные требования, направленные на укрепление потенциала фашистской Германии.

Румынское правительство информировало гитлеровцев о своих дипломатических акциях по примирению фашистского блока с западными державами во имя борьбы с «большевистской опасностью». Но, по-видимому, согласие на такие действия не было испрошено им заранее. Когда в Берлине по различным каналам, в том числе из просочившихся в зарубежную прессу сведений, узнали об этом, И. Антонеску через своего военного атташе поторопился заверить германское руководство, что Румыния «не предпримет никаких двусмысленных акций» и что «целью румыно-турецких переговоров является поиск выхода из нынешней ситуации»[103].

---

[102] Как явствует из дневниковых записей реакционного румынского генерала Р. Росетти, поддерживавшего дружеские связи с кондукэтором и часто беседовавшего с ним на военно-политические темы, в конце января 1943 г. И. Антонеску выражал надежду на то, что «немецкий фронт в России выдержит» и до осени Румыния сумеет воссоздать потерянные под Сталинградом дивизии. В марте указанного года, когда гитлеровцы предприняли контрнаступательные операции в районе Харькова, кондукэтор воспрянул духом, считая, что тактика «маневренной обороны», даже с оставлением территории, но сопровождаемая контрнаступательными действиями, может дать прекрасные результаты. См.: *Cazanişteanu C.* O sursă privitoare la criza regimului politic antonescian (1942—1943). — Studii, 1970, N 6, p. 1184—1185.

[103] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Copii din telegramele ataşatului militar român la M.C.G. german; Telegrama din 21 Februarie 1943.

Гитлеровцы не сомневались, что в главном, т. е. в продолжении антисоветской войны, правящие круги фашистской Румынии придерживаются той же, что и они, линии. Однако, несмотря на заверения кондукэтора и его заместителя в том, что дипломатические демарши через нейтральные страны предприняты в целях примирения с западными державами в интересах всего блока, в Берлине их не одобрили. В условиях военных неудач правители рейха стали с подозрением относиться к своим союзникам. Как писал А. Хильгрубер, «после Сталинграда в немецко-румынских отношениях наступил период частично открытого, а частично скрытого кризиса доверия»[104].

Гитлеровцы, сами искавшие пути примирения с западными державами на антисоветской основе, не считали нужным предоставлять своим младшим партнерам право вести такие переговоры вне своего контроля. Не без основания они опасались, что это усилит начавшийся уже под ударами Советской Армии развал фашистского блока, и решили с самого начала пресечь самостоятельные акции стран-сателлитов.

Особенно острый разговор на эту тему состоялся во время встречи Гитлера и Антонеску 12—13 апреля 1943 г. в Зальцбурге. В течение всего апреля фюрер поочередно приглашал к себе глав «союзных» государств. Эти встречи, как отмечает западногерманский буржуазный историк В. Герлитц, «должны были прежде всего помочь преодолеть тяжелый кризис доверия к германской сфере влияния, который был вызван катастрофой под Сталинградом»[105]. Главной темой переговоров было обсуждение обстановки на советско-германском фронте. По свидетельству личного переводчика Гитлера Шмидта, переговоры сопровождались нередко «обоюдными упреками и обвинениями»[106]. Желая подбодрить кондукэтора после серии неудач фашистских армий на Восточном фронте зимой 1942/43 г., Гитлер

---

[104] *Hillgruber A.* Die Kriese in deutsch-rumänischen Beziehungen in Herbst 1943. — Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1956, Heft 12, S. 663.

[105] *Görlitz Walter.* Der Zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 194.

[106] *Schmidt Paul.* Statist auf diplomatischer Bühne. 1923—1945. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Bonn, 1958, S. 552—553.

заявил, что «в ближайшее время будут снова предприняты удары, чтобы разгромить русские армии. Необходимо принять все меры для ведения борьбы до последней возможности... Только полная победа является решенцем проблемы»[107]. Гитлер потребовал от И. Антонеску прекратить какие бы то ни было переговоры о заключении мира с западными державами, отстранить М. Антонеску от должности министра иностранных дел и отозвать румынских дипломатических представителей из Мадрида, Лиссабона и Берна[108].

И. Антонеску в свою очередь высказался за прекращение войны с западными державами, с тем чтобы все силы сконцентрировать против Советского Союза. Однако Гитлер настоял на своем[109]. Антонеску обязался прекратить контакты с западными державами, но и фюреру пришлось пойти на некоторые уступки в экономических вопросах, согласиться на частичное погашение германской задолженности Румынии золотом[110].

Официальное коммюнике об этой встрече, как и все предыдущие, было составлено в помпезном, казенно-оптимистическом тоне. В Румынии, по сообщениям сигуранцы, встреча вызвала беспокойство общественности, опасавшейся, что за этим последует «всеобщая мобилизация для нового наступления на Востоке»[111]. В другом документе тайной полиции отмечается, что с точки зрения решения проблемы Северной Трансильвании встречи Гитлера с главами фашистских государств «вызвали разочарование, так как руководителю Румынии и представителю Венгерского государства был устроен идентичный прием»[112].

По возвращении в Бухарест И. Антонеску отчитал своего заместителя за «неосторожность», но требование Гитлера об его отстранении не выполнил. В знак

---

[107] Цит. по кн.: История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7. М., 1976, с. 339.

[108] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu..., S. 170.

[109] Anale, 1960, № 1, p. 101—102; *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ. соч., с. 292.

[110] *Лебедев Н. И.* Указ. соч, с. 418.

[111] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie — 1 Iulie 1943.

[112] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 394, л. 361.

недовольства тем, что М. Антонеску не был смещен, Берлин дал указание своему посланнику в Румынии демонстративно избегать встреч с вице-премьером и поддерживать контакт непосредственно с И. Антонеску[113].

Не прошло и месяца после встречи с Гитлером в Зальцбурге — и М. Антонеску предпринял очередную попытку договориться с итальянцами о совместных поисках путей для заключения мира с западными державами. Румынский вице-премьер посчитал, что военные неудачи Италии в Северной Африке, приведшие к потере всех африканских колоний, и приближение войны непосредственно к границам своей страны заставят дуче быть более сговорчивым. 17 мая Бова Скоппа сообщил итальянскому заместителю министра иностранных дел Бастианини, который после отставки Чиано фактически управлял Министерством иностранных дел Италии, новый проект М. Антонеску о создании «Средиземноморской Антанты». Румынский вице-премьер был приглашен в Рим. 1 июля 1943 г. он встретился с Муссолини. Дуче согласился предпринять совместно с Румынией действия для заключения перемирия с западными державами, но не раньше, чем через два месяца, полагая, что за это время положение на фронте несколько улучшится и удастся выторговать более мягкие условия перемирия[114].

Однако совместные итало-румынские акции так и не были предприняты. Спустя 25 дней после встречи с М. Антонеску Муссолини был смещен и арестован. К власти в Италии пришло правительство маршала Бадольо. По словам А. Крецяну, М. Антонеску в первый же день адресовал срочное послание министру иностранных дел нового итальянского правительства с предложением «объединиться и вместе выйти из положения», но получил от правительства Бадольо уклончивый ответ[115].

Постепенный отход И. Антонеску от односторонней ориентации на гитлеровскую Германию, его стремление установить контакты с западными державами сблизили

---

[113] *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ. соч., с. 293.

[114] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu..., S. 171; *Cretzianu A.* Op. cit., p. 89—93.

[115] Там же, с. 89.

точки зрения правительства и буржуазной «оппозиции» на внешнеполитический курс страны. Лидеры так называемых «исторических» партий — национал-царанистской (НЦП) и национал-либеральной (НЛП) — свои стратегические планы также строили в расчете на осуществление пресловутого «балканского варианта» Черчилля, сведения о котором они получали по различным каналам от представителей правящих кругов Англии, США и ряда невоюющих стран. В этих государствах в качестве эмигрантов проживали некоторые бывшие дипломаты и другие политические деятели королевской Румынии — сторонники НЦП и НЛП. В Англии они группировались вокруг бывшего румынского посланника в Лондоне В. Тили, в США — вокруг бывшего посланника К. Давилла. Эти эмигрантские круги прилагали немало усилий, чтобы утвердить на Западе мнение о наличии в Румынии сильной оппозиции фашистскому режиму со стороны «исторических» партий, в первую очередь лидера НЦП Ю. Маниу. На страницах ряда газет воспроизводились переправленные за границу письма Ю. Маниу и Д. Брэтиану, адресованные И. Антонеску[116].

Сам Тиля в статье «Положение в Румынии», опубликованной в июльском 1943 г. номере английского журнала «Контемпорери ревью», всячески расхваливал «борьбу» руководителей НЦП и НЛП против политики правительства И. Антонеску, цитировал выдержки из их писем, адресованных кондукэтору, называл Ю. Маниу и Д. Брэтиану «лидерами страны».

В начале 1943 г. в английских правительственных кругах получила распространение версия о том, что, мол, на советско-германском фронте по указанию Ю. Маниу 14 тыс. румын — уроженцев Северо-Восточной Трансильвании — сдались советским войскам. Сообщая Наркоминделу СССР о своих контактах с румынской «оппозицией», английские дипломаты оперировали этим домыслом явно с целью представить Маниу как противника антисоветской войны и влиятельного

---

[116] В английской газете «Санди Таймс» от 22 марта 1942 г. было помещено письмо Ю. Маниу и Д. Брэтиану, направленное И. Антонеску в январе 1942 г., в американской «Чикаго дейли ньюс» от 26 октября 1943 г. — письмо Ю. Маниу кондукэтору от 30 сентября 1943 г.

лидера своего народа. В письме от 20 марта 1943 г., направленном послу Великобритании в СССР, НКИД заявил, что сведения английского правительства о пленных не подтверждаются. Вместе с тем Советское правительство не возражало против поддержания контакта с Маниу, полагая, что «в ходе переговоров найдется база для сотрудничества между группой Маниу и Советским и английским правительствами»[117].

Однако реакционные деятели «исторических» партий вовсе не желали сотрудничать с Советским Союзом и в своей политической игре делали ставку исключительно на западные империалистические державы. С англо-американским вторжением на Балканы они связывали надежды не только на сохранение буржуазно-помещичьего строя в Румынии, но и на удовлетворение своих притязаний на Бессарабию и Северную Буковину.

Как и Антонеску, реакционные руководители НЦП и НЛП выступали за продолжение войны против СССР, чтобы не допустить приближения Красной Армии к границам Румынии. На основе высказываний лидеров национал-либералов сигуранца следующим образом определила позицию этой партии: «Стоять на точке зрения безоговорочного продолжения войны против СССР, если даже временно придется отложить проблему Северной Трансильвании, ибо в настоящее время наше (румынских капиталистов и помещиков. — *И. Л.*) существование зависит в первую очередь от обеспечения восточных рубежей, после чего можно будет ставить вопрос о воссоединении той части Трансильвании, которую пришлось уступить...»[118] За продолжение антисоветской войны ратовали и национал-царанистские вожаки, но, как представители интересов трансильванской буржуазии, они требовали от правительства, чтобы оно добилось от Германии аннулирования венского «арбитража» еще «до окончания войны»[119].

Ю. Маниу и Д. Брэтиану, как и прежде, считали, что, пока война против СССР продолжается и англо-

---

[117] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). Сборник документов. М., 1978, с. 395—396.

[118] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 477, л. 485.

[119] Там же.

американские войска не высадились на Балканском полуострове, следует не только сохранять, но и молчаливо поддерживать военно-фашистское правительство Антонеску. Выступая в начале января 1943 г. на совещании национал-царанистов, Маниу заявил: «Режим маршала Антонеску, если даже в политическом плане он и не находится в орбите демократии, необходимо поддерживать, и, следовательно, придется согласиться в принципе и с экономическими уступками, которые мы вынуждены будем сделать Германии»[120]. Таким образом, из ненависти к Советскому Союзу «демократ» Маниу солидаризировался с антинациональной политикой фашистского правительства Антонеску. Эта поддержка обусловливалась и боязнью собственного народа. На другом совещании Маниу заявил: «Нынешние и будущие интересы Румынии требуют, чтобы группировки... воздерживались от действий, которые могли бы создать трудности государственному руководству, с тем, чтобы правительство могло посвятить себя делу воспрепятствования крамольным элементам захватить в такие моменты бразды правления в стране». Говоря о «крамольных элементах», лидер НЦП имел в виду растущее антифашистское движение, возглавляемое коммунистами[121].

В духе этих указаний и действовали ведущие румынские буржуазные партии, именовавшие себя «демократическими» и «оппозиционными». Оценивая их деятельность, Генеральная дирекция полиции писала, что они «не предпринимают каких-либо акций, создающих трудности для правительства»[122]. Относительно позиции профашистской национал-христианской партии Кузы в квартальном отчете сигуранцы за апрель — июнь 1943 г. сказано следующее: на совещании со своими сторонниками Г. Куза заявил, что партия придерживается «точки зрения главы государства» и на дан-

---

[120] *Gheorghiu I.* şi *Roman A.* Din lupta P.C.R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic şi întoarcerea armelor împotriva hitleriştilor. — Studii, 1956, N 3, p. 85.

[121] Там же.

[122] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie 1942 — 1 Aprilie 1943.

ном этапе ограничивает свою деятельность «сохранением контактов с ее кадрами»[123].

Следовательно, усилившаяся после Сталинграда политическая активность «оппозиционных» партий, не представляла опасности для режима Антонеску и не беспокоила кондукэтора. Секретные службы регулярно докладывали И. Антонеску о встречах и содержании разговоров, которые вели между собой руководители «оппозиции», об их контактах с дипломатами нейтральных стран в Бухаресте и с секретными эмиссарами западных держав. Притом сообщения их были настолько полными и обстоятельными, что возникает вопрос: не сами ли «оппозиционеры» информировали таким путем правительство о своих акциях? Неудивительно, что последнее, несмотря на официальный запрет всякой политической деятельности в стране, спокойно взирало на действия своих «противников», не принимая против них никаких мер. Более того, надвигающаяся опасность поражения и стремление сохранить буржуазно-помещичий строй заставили правительство и «оппозицию» усилить свои контакты в поисках выхода из тяжелого положения. В материалах румынских контрразведывательных органов отмечалось, что Маниу и Брэтиану «поддерживают постоянную связь с господином маршалом Антонеску, чтобы в случае поражения Германии в войне иметь про запас список нового демократического правительства...», что Маниу «добился молчаливого согласия маршала Антонеску организовать свои партийные кадры как предупредительную меру в случае необходимости избрать внешнеполитическую ориентацию». Из этих же источников явствует, что перебирались различные варианты объединения сил буржуазных партий и группировок для предупреждения краха всей господствующей системы, в частности появился проект создания «блока» двух «исторических» партий и образования на его основе «Националистической директории» с включением в ее состав также представителей фашистских партий Кузы и Железной гвардии[124].

---

[123] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1 Aprilie—1 Iulie 1943.

[124] Там же.

На политической арене вновь появилась фигура бывшего премьера при диктатуре Кароля II — Г. Татареску. Он сделал попытку восстановить единство национал-либеральной партии под руководством Г. Брэтиану[125]. Ему же принадлежит проект создания «Социально-политического союза» либералов и царанистов. Но Д. Брэтиану и Ю. Маниу отвергали контакты с Татареску якобы из-за его поддержки диктатуры бывшего короля[126].

Правительство Антонеску и «оппозиция» предпринимали и совместные акции для завязывания сепаратных переговоров с английскими и американскими дипломатами. А. Крецяну пишет, что в мае 1943 г., когда он, выполняя поручения лидеров «оппозиции», собрался выехать в Турцию для установления связи с западными державами, М. Антонеску, который знал, с какими намерениями отправляется за границу бывший генеральный секретарь румынского МИД, предложил ему пост посланника в этой стране. «Маниу посоветовал, — отмечает Крецяну, — принять этот пост»[127].

Ю. Маниу, Д. Брэтиану и другие руководители «исторических» партий, естественно, по-прежнему скрывали от общественности свои контакты с кликой Антонеску и внешне всячески отмежёвывались от официального внешнеполитического курса правительства. Строя из себя «оппозицию», они старались предстать перед заграницей в качестве сторонников антигитлеровской коалиции, той силы, которая по праву сменит

---

[125] В 1927—1933 гг. Г. Татареску был генеральным секретарем национал-либеральной партии. В 30-е гг. партия раскололась на три основные группировки, возглавляемые Д. Брэтиану, Г. Брэтиану и Г. Татареску. В конце 30-х гг. первые две группировки вновь слились.

[126] 30 июля 1943 г. на совещании руководства национал-либеральной партии (участвовали Д. и Г. Брэтиану, И. Костинеску, К. Ангелеску) было решено убрать из банковских учреждений сторонников Татареску. Раскол между двумя группировками либеральной партии усилился. К группировке Татареску примкнули многие влиятельные деятели партии и даже целые организации. В июле 1943 г. Татареску поручил своим сторонникам А. Бентою, Х. Азнаворяну и К. Димитриу составить программу партии, в свою очередь Д. и Г. Брэтиану дали такое же поручение М. Джуваре (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943).

[127] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 96.

в надлежащий момент прогитлеровское правительство Антонеску.

В плане внутренней политики лидеры «оппозиции» опасались, что открытая поддержка правительственной линии лишит их всякого влияния в народных массах, значительная часть которых продолжала считать их борцами против войны и союза с Германией. И, наконец, они вовсе не собирались делить с кондукэтором ответственность в случае поражения в войне.

Вот почему, когда разгром фашистских армий под Сталинградом стал очевидным, Ю. Маниу и Д. Брэтиану поторопились тут же, в январе 1943 г., направить И. Антонеску еще одно совместное послание с укорами в том, что кондукэтор не внял их советам и послал большое число дивизий воевать в глубь России[128]. Лидеры «исторических» партий отвергли очередное предложение И. Антонеску о вхождении в состав правительства. Не принял этого предложения и Г. Брэтиану, известный симпатиями к фашизму. «Имеются сведения, — говорится в отчете сигуранцы о внутреннем положении в стране, — что Д. Брэтиану и Г. Брэтиану пришли к выводу о том, что либеральная партия не должна брать на себя какую-либо политическую ответственность и связывать себя прямым соглашением с нынешним руководством страны»[129].

Чтобы публично отмежеваться от правительственной политики, руководство национал-либералов решило исключить из своей партии тех членов, которые в существующем государственном аппарате выполняли политические функции, оставив, однако, тех, кто использовался военно-фашистской диктатурой в качестве «технических» специалистов. Национал-царанисты проделали такой маневр еще раньше. Своеобразной демонстрацией «несогласия» с правительственным курсом послужила и неявка 10 мая 1943 г. Г. Брэтиану, К. Ангелеску, И. Костинеску и других вожаков либералов на традиционный парад по случаю дня независи-

---

[128] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar cuprinzînd scrisori şi memorii ale d-lor Const. I. C. Brătianu şi Iuliu Maniu cu răspunsurile d-lui Mareşal.

[129] Там же. Darea de seamă asupra stării de spirit... in intervalul 1 Aprilie — 1 Iulie 1943.

мости Румынии[130]. И в то же время, как бы желая публично подчеркнуть, что у них иная политическая ориентация, Ю. Маниу, Г. Брэтиану, И. Костинеску, К. Ангелеску, М. Попович и другие руководители «исторических» партий появились на панихиде, устроенной в одной из церквей Бухареста в связи с годовщиной смерти бывшего американского посланника в Румынии Гюнтера[131].

10 июля 1943 г. Ю. Маниу и Д. Брэтиану направили И. Антонеску еще одно письмо, призванное засвидетельствовать перед историей непричастность «оппозиции» к проводимой правительством политике. Напомнив о своих прежних предостережениях, руководители «исторических» партий усиленно рекомендовали «почтенному кондукэтору» взять пример с Венгрии, которая заявила об отзыве своих войск с Восточного фронта для восстановления военного потенциала, хотя ее потери, по расчетам Маниу и Брэтиану, составляли примерно десятую часть румынских. В письме нет, однако, даже намека на необходимость выхода из антисоветской войны. Указав, что румынские войска «понесли катастрофические потери под Сталинградом, в излучине Дона и на Кавказе», что «целые дивизии были пленены и много тысяч румын напрасно погибло во имя завоевания территорий и городов, которые затем были покинуты», Маниу и Брэтиану рекомендовали Антонеску «восстановить армию страны» и сделать ее способной дать отпор «любой угрозе на пути реализации наших собственных чаяний». Уточняя эту фразу, они писали: «...Румыния не может оставаться привязанной к акции, направленной против западных демократий, которые оказали решающую помощь в создании Великой Румынии»[132], т. е. Румынии в границах Версаля. Только в этом направлении и в этих целях руководители «исторических» партий требовали «коренным образом ревизовать политику» правительства, а вовсе не в поисках путей к миру с Советским Союзом.

---

130 Там же.

131 Там же. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943.

132 Там же. Dosar cuprinzînd scrisori şi memorii ale d-lor Const. I. C. Brătianu şi Iuliu Maniu cu răspunsurile d-lui Mareşal.

Попытки отмежеваться от катившейся по наклонной плоскости военно-фашистской диктатуры предприняла и монархия. Отношения между И. Антонеску и королем Михаем, который в начале войны благословил поход против СССР и на каждом шагу восхвалял «маршала-кондукэтора», охладели еще во время летней кампании 1942 г. Размолвки возникли на почве личных разногласий: стороны не могли поделить «лавры побед» и договориться о своих прерогативах.

После поражения под Сталинградом король, прийдя к выводу об отсутствии шансов на благоприятный для Гитлера исход войны и учитывая антивоенные настроения подавляющей части румынского народа, во имя спасения своего трона решил предстать перед общественностью противником продолжения войны. Отвечая на новогоднее приветствие дипломатического корпуса, с которым выступил представитель Ватикана в Бухаресте Кассуло, Михай заявил о своем сокровенном желании «вновь увидеть мир и согласие между людьми». 1943 г., сказал он, был бы «поистине счастливым годом, если бы принес всем народам желанный мир»[133]. Публичное заявление короля, хотя и не содержало никакой критики в адрес Антонеску и германских «союзников», прозвучало как несогласие с официальной политикой правительства. В Берлине были крайне недовольны. Германский посланник в Бухаресте Киллингер заявил: «Гитлер не такой человек, который позволит выбросить себя после того, как его использовали для достижения цели»[134]. Чтобы доказать гитлеровцам свою непричастность к заявлению короля, И. Антонеску пошел на обострение отношений с двором. «Ваша роль чисто формальная, — внушал он Михаю, — и вы не должны вмешиваться в государственные дела»[135].

Таким образом, с одной стороны, стремление не допустить Красную Армию к границам Румынии, уйти от поражения, спасти буржуазно-помещичий строй сплачивало ряды различных группировок господствующих классов, заставляя их действовать в одном направ-

---

[133] Curentul, 1943, 3.I.

[134] Цит. по кн.: *Mourin M.* Le drame des Etats satellits de l'Axe de 1939 à 1945. Paris, 1951, p. 126.

[135] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 414.

лении. С другой стороны, угроза поражения усиливала грызню между ними, поскольку каждая сторона старалась свалить вину за создавшееся тяжелое положение на оппонентов.

Следует сказать, что если в период временных успехов фашистских армий в Берлине терпимо относились к деятельности румынской буржуазной «оппозиции» и требовали лишь решительных мер против «коммунистов и евреев», то после Сталинграда гитлеровцы стали проявлять недовольство активизацией в Румынии проанглийских и проамериканских кругов. Согласно дневниковым записям Р. Росетти, во время последней встречи Антонеску и Гитлера Риббентроп представил досье, содержащее переписку Ю. Маниу с различными английскими политическими деятелями, и потребовал от румынского диктатора принятия строгих мер против национал-царанистского лидера, вплоть до его ареста. Антонеску не согласился с этим. Гитлер, не желая, по-видимому, обострять и без того осложнившиеся отношения, якобы сказал: «Пусть маршал делает так, как он считает лучше»[136].

В целях шантажа И. Антонеску, а заодно и лидеров «оппозиции», которые опасались замены кондукэтора правительством во главе с Х. Симой — руководителем Железной гвардии, гитлеровцы затеяли новую возню с легионерами. И. Георге доносил, что «между легионерами в Германии и немецкой секретной полицией поддерживается связь»[137]. В свою очередь Генеральная дирекция полиции в одном из отчетов отмечала, что гитлеровцы укрепляют свою тайную агентуру в Румынии. «Усиленно ведется работа по организации информационной службы с особыми функциями: вести наблюдение и шпионить за политическими деятелями, членами правительства и теми, кто проявляет отрицательное отношение к государствам оси. Данная организация действует в контакте с гестапо»[138]. Все это лишний раз свидетельствовало о недоверии германского руководст-

---

[136] Studii, 1970, № 6, p. 1185.

[137] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Copii din telegramele ataşatului militar român la M. C. G. german din Berlin.

[138] Там же. Darea de seamă asupra stării de spirit.... în intervalul 1 Aprilie — 1 Iulie 1943.

ва к румынскому союзнику и об углублении раскола в фашистском блоке.

Отражением раскола явились и все усиливающаяся вражда между румынскими и венгерскими «союзниками» по гитлеровской коалиции, рост числа пограничных инцидентов, которые, как правило, заканчивались человеческими жертвами. Если в 1941 г., согласно румынским данным, произошло 14 инцидентов, в 1942 г. — 36, то за восемь с половиной месяцев 1943 г. — 37 инцидентов[139]. Как отмечается в одном из румынских документов, созданная для рассмотрения пограничных конфликтов итало-германская комиссия «ограничивается внушениями одной и другой стороне, избегает установления виновных, только сообщает о стычках в Берлин и Рим и *никогда не препятствует продолжению инцидентов* (выделено в документе. — *И. Л.)*». В условиях тяжелых поражений гитлеровских войск глубокие противоречия между союзниками по антисоветской войне подрывали блок фашистских государств, который в любой момент грозил развалиться.

* * *

Желая вернуть себе утраченную стратегическую инициативу, повернуть течение войны в свою пользу, взять реванш за Сталинград и тем самым предотвратить распад гитлеровской коалиции, правители рейха, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе и осуществив тотальную мобилизацию, сконцентрировали к лету 1943 г. на советско-германском фронте огромное количество войск и техники для продолжения большой войны.

5 июля немецко-фашистские войска перешли в наступление на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях. Началась одна из крупнейших битв второй мировой войны. Ценой больших потерь противнику удалось лишь незначительно вклиниться в нашу оборону. Но спустя несколько дней фашистские войска были остановлены. Красная Армия перешла в решительное контрнаступление и 5 августа освободила Орел и Белгород. Потери гитлеровских войск в ходе Курской

---

[139] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Ungaria. Incidente de frontieră cu România.

битвы были колоссальны и невосполнимы: разгромленными оказались 30 дивизий, вермахт потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. самолетов[140]. Военно-политические планы Гитлера окончательно провалились. Над фашистской Германией нависла реальная угроза полного поражения.

Победа под Курском положила начало крупному наступлению советских войск, развернувшемуся на фронте протяженностью в 2 тыс. км — от Невеля до Таманского полуострова. Удары Советской Армии по гитлеровцам создали благоприятные условия для высадки англо-американских дивизий на острове Сицилия, а затем непосредственно на Апеннинском полуострове. 25 июля, как уже отмечалось ранее, Муссолини был отстранен от власти и в Италии сформировано правительство во главе с маршалом Бадольо. 3 сентября новое правительство заключило перемирие с США и Англией. В эти дни «Правда» писала: «Нет сомнения, что безоговорочная капитуляция Италии произведет сильнейшее впечатление на тех союзников и сообщников Гитлера в Европе, которые еще состоят в его разбойничьей коалиции»[141].

Так оно и было. Правящие круги и так называемые оппозиционные группы в странах—сателлитах Германии усилили поиски выхода из войны. С целью предотвращения своего полного краха они стали бросать пробные мирные шары в сторону англичан и американцев, у которых надеялись найти понимание. В связи с получением информации английского посольства в Москве о попытках отдельных оппозиционных элементов Венгрии установить контакт с британскими представителями в нейтральных странах встал вопрос о выработке державами антигитлеровской коалиции единых требований к странам—сателлитам Германии при переговорах о мире. Еще 7 июня 1943 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в письме, адресованном послу Великобритании в СССР А. К. Керру, заявил, что «Советское правительство находит возможным для союзников иметь неофициальный контакт, а также вступать в переговоры (о чем бы желательно предва-

[140] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 178.
[141] Правда, 1943, 9.IX.

рительно информировать друг друга) с оппозиционными элементами в Венгрии, но считает, что в основу отношений союзников с Венгрией и другими сателлитами Германии и Италии должны быть положены следующие принципы: а) безоговорочная капитуляция, б) возврат захваченных ими территорий, в) возмещение причиненных войной убытков, г) наказание виновников войны».

В ответном письме от 19 июля 1943 г. А. К. Керр сообщил В. М. Молотову о том, что английское правительство согласно с предложением СССР относительно того, какую позицию «следует занять по отношению к державам—сателлитам оси», а также указал, что «взгляды Советского правительства внимательно изучаются».

8 сентября 1943 г. А. К. Керр писал В. М. Молотову, что, хотя правительство Великобритании и согласно с четырьмя принципами, изложенными Советским правительством в письме от 7 июня 1943 г., тем не менее оно считает, что формулу безоговорочной капитуляции желательно предъявлять таким образом, «чтобы она полностью не обескуражила какую-либо из групп в странах-сателлитах, которые работают над тем, чтобы уменьшить вклад их страны в военные усилия оси, и над возможным выходом этой страны из лагеря оси и действия которых могут быть в определенное время полезны для союзников».

Эта оговорка была предложена с явной целью сохранить за западными дипломатами, да и за правителями стран-сателлитов, возможность прибегать к различным маневрам. В ответе В. М. Молотова от 19 сентября 1943 г. говорилось, что Советское правительство продолжает придерживаться мнения о необходимости строго соблюдать формулы безоговорочной капитуляции, действовать быстро и решительно, дабы не дать возможность Германии и ее сателлитам оправиться от растерянности в связи с капитуляцией Италии и не позволить рейху укрепиться в Юго-Восточной Европе[142].

А растерянность в стане буржуазии и помещиков стран-сателлитов главным образом в связи с поражением под Курском была действительно велика. В сек-

---

[142] Советский Союз на международных конференциях..., т. 1, с. 396, 397.

ретных документах румынских карательных органов говорится, что последние события на фронте «вызвали удовлетворение среди коммунистических элементов, выражающих уверенность в победе демократических держав», в то время как зажиточное население, обеспокоенное продвижением советских войск, было охвачено «глубоким пессимизмом»[143]. В августовском отчете Генеральной дирекции полиции констатировалось, что «население все меньше верит официальным сообщениям о том, что отступление на Востоке — результат гибкой тактики, а не следствие сильного натиска русских»[144]. Потеря Орла и Белгорода, отмечается в другом документе сигуранцы, явилась «для большей части населения лишним доказательством того, что вооруженные силы оси потерпят полное поражение»[145].

Это убеждение по мере продвижения Красной Армии на Запад все более утверждалось. Требование широкой общественности о выходе Румынии из антисоветской войны усиливалось. Влиятельные круги буржуазии, по-прежнему придерживавшиеся точки зрения продолжения войны на Востоке, вместе с тем высказывались за отзыв румынских дивизий с Кавказа и Крыма в целях «защиты национальных границ от большевиков». Мотивировалось это и тем, что число относительно опытных и боеспособных румынских дивизий после разгрома на Дону, Волге и Кавказе очень невелико[146], а обещания Гитлера о выделении вооружения, снаряжения и обмундирования для воссоздания разгромленных соединений выполнялись лишь в незначительной мере. Не только тыловые, но и фронтовые части ощущали острый недостаток в вооружении и особенно обмундировании. Командир 2-го батальона 112-го пехотного полка капитан М. Кнурту в месячной информационной сводке за период с 20 июля по 20 августа 1943 г. писал: «Офицеры озабочены отсутствием обмундирования, рубах и других крайне необходимых принадлежно-

---

[143] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 394, л. 654.
[144] Там же, д. 395, л. 333.
[145] Там же, д. 394, л. 749.
[146] По данным румынского генштаба, в июне 1943 г. под ружьем находилось 474 522 человека (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia efectivului sub arme faţă de efectivul mobilizabil pe anul respectiv).

стей, так как потеряли их во время зимнего отступления... На 75% обмундирование, в особенности брюки, пришло в негодность. Многие солдаты ходят в подштанниках. Большая нужда имеется в теплых вещах... 75% белья также пришло в негодность, большинство солдат ходят без носков. Отсутствие хозяйственного и туалетного мыла с каждым днем чувствуется все больше. Солдаты недовольны питанием. Брынзу давали порченую и два раза были вынуждены ее выбросить»[147].

Все это, и в первую очередь известия о новых поражениях вермахта, накладывало тяжелый отпечаток на моральное состояние войск. Автор цитируемого выше документа сетовал по поводу того, что среди офицеров распространяются слухи о поражении в войне, что поведение большинства рядовых солдат «заставляет задумываться», что они «дезертируют и совершают много нехороших проступков», «имеются элементы, которым не то что во время операций, но даже во время затишья на фронте нельзя доверять». Самое «опасное», считал капитал Кнурту, — это укоренившееся среди солдат убеждение, что «в случае тяжелой ситуации следует не воевать, а большими массами убегать с поля боя»[148].

После зимней кампании 1942/43 г. основная масса румынских войск первого эшелона (5 дивизий) находилась на Тамани. Гитлеровское командование стремилось удержать полуостров, создав в этих целях оборонительный рубеж, тянувшийся от Черного до Азовского моря. Противник, вспоминал Л. И. Брежнев, «понимал: потеря Тамани неизбежно приведет к потере Крыма, поставит под угрозу его войска на Украине»[149].

Фашистская пропагандистская машина старалась убедить румынских солдат, что Тамань и Крым — области интересов Румынии и они «должны быть удержаны во что бы то ни стало, иначе Румыния окажется перед непосредственной угрозой русского вторжения»[150]. Но эти доводы не действовали на солдат, охваченных чувством обреченности. Один из перебежчиков на сторону Красной Армии следующим образом охарактери-

[147] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 171, л. 18.
[148] Там же, л. 19, 20.
[149] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 7. М., 1979, с. 34.
[150] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 227.

зовал настроение солдатских масс: «Наше положение на Тамани напоминает положение румын и немцев под Сталинградом. Мы окружены, и отсюда нам не выйти. Водный путь через пролив не спасет нас в тяжелые минуты»[151]. В связи с приближением советских войск к низовьям Днепра положение таманской группировки противника стало еще более тяжелым.

3 сентября 1943 г. И. Антонеску в сопровождении начальника румынского генштаба Штефли и других высших офицеров прибыл в ставку Гитлера для обсуждения создавшегося положения. Чтобы удержать дальнейший развал коалиции фашистских государств и успокоить румынских союзников, перепуганных успехами Красной Армии и событиями в Италии, Гитлер в очередной раз обещал, что скоро в ходе войны «произойдет поворот»[152], а также сообщил о намерении осуществить планомерную эвакуацию войск с Тамани[153]. Начальник генштаба германских сухопутных сил К. Цейтцлер внушал румынскому коллеге Штефле, что наступлением, начатым 5 июля в районе Орла и Белгорода, преследовалась скромная задача: «спровоцировать» русских и «заставить их выложить свои резервы». Немецкий генерал повторял басни о том, что отступление вермахта — всего лишь тактический маневр в целях «укорачивания линии фронта», что якобы в целом «немецкое командование, вводя в бой танковые части, справляется с непрерывными атаками русских», потери которых «велики», а моральное состояние «низкое».

В ходе переговоров Гитлер и Антонеску пришли к выводу о необходимости приложить все силы для удержания Крыма и плацдарма на левом берегу нижнего Днепра, чтобы не допустить советские войска к Перекопу и не поставить под удар крымскую группировку немецко-румынских войск.

---

[151] Там же, л. 217.

[152] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 173.

[153] 4 сентября 1943 г. был издан приказ ставки вермахта об отходе с Кубанского плацдарма и обороне Крыма (см.: «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 526—527).

Немецкая сторона затронула вопрос о моральном состоянии румынской армии. Кейтель в беседе со Штефлей выразил тревогу по поводу влияния «вражеской и подпольной пропаганды» и потребовал принять меры против «паникеров и сеятелей тенденциозных слухов». Во время обеда Цейтцлер поделился германским опытом повышения морального состояния войск. Он говорил о тщательном контроле за письмами, о том, что «недовольства следует устранять быстрыми и радикальными средствами».

Гитлеровским генералам в свою очередь пришлось выслушать жалобы румынских союзников на плохое выполнение немецкой стороной обязательств по оснащению румынских войск вооружением и обмундированием. «Генерала Бюле, — сказано в румынском отчете о посещении ставки Гитлера 3 и 4 сентября 1943 г., — ознакомили с жутким положением румынской армии: из-за отсутствия обмундирования солдаты вынуждены ходить в лаптях, нет смены белья, выдачу простыней в казармах отменили, их берегут для госпиталей и санаториев»[154]. Гитлеровцы дали очередное обещание в течение 10—12 месяцев снабдить военными материалами шесть румынских дивизий, а в конце сентября — начале октября выдать для оснащения в первую очередь фронтовых частей установленный для них месячный пай вооружения.

Но все намеченные в ходе этих встреч планы рухнули под ударами Красной Армии. 9 сентября 1943 г. Военному Совету Северо-Кавказского фронта стало известно, что 17-я немецкая армия получила приказ оставить Таманский полуостров[155]. В этот же день войска фронта при содействии Черноморского флота и Азовской флотилии начали наступление на Новороссийск, а 12 сентября — на Тамань. Вместо запланированной эвакуации немецко-румынским войскам пришлось отступать под ударами советских войск, неся большие потери в живой силе и технике.

---

[154] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra declaraţiunilor diferiţilor ofiţeri germani cu ocazia vizitei d-lui Mareşal făcute la O.K.W. în zilele de 3 şi 4 Septembrie 1943.

[155] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 220.

Опасаясь внутриполитических осложнений, И. Антонеску настаивал на эвакуации из Тамани в Крым прежде всего румынских дивизий. Но гитлеровцы не вняли этим просьбам. Им было не до румынских союзников. Они отходили, прикрываясь частями румынской армии. За месяц боев фашистские войска потеряли убитыми и ранеными около 60 тыс. человек[156].

Не сумели фашистские войска остановить наступление Красной Армии и на Украине. Тесня противника на запад, советские войска во второй половине сентября 1943 г. вышли к Днепру на широком фронте в 700 км и на многих участках форсировали реку. Под угрозой разгрома всего южного крыла немецкого фронта 15 сентября гитлеровское командование приняло решение об общем отводе войск группы армий «Юг» на линию Мелитополь—Днепр. Действующей на этом участке вновь созданной после Сталинграда 6-й немецкой армии было приказано любой ценой воспрепятствовать продвижению советских войск на запад. «Украина, — писал впоследствии бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх, — давала значительное количество сельскохозяйственной продукции, от которой в высшей степени нелегко было бы отказаться. Сталелитейная промышленность одну треть всей потребности в марганцевой руде покрывала за счет Криворожского бассейна... И, наконец, в случае потери Крыма и дальнейшего отхода на запад русские угрожающе близко подошли бы к нефтяному району Плоешти, поставлявшему около половины необходимого для нужд войны горючего»[157].

Между тем на самом южном участке советско-германского фронта положение фашистских армий с каждым днем все больше ухудшалось. 6-й немецкой армии не удалось удержаться на линии Мелитополь—Днепр. В октябре части Красной Армии ликвидировали плацдарм гитлеровцев в районе Запорожья и успешно наступали на Киевском, Кировоградском и Криворожском направлениях.

---

[156] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3. М. 1964, с. 353; *Гречко А. А.* Указ. соч., с. 442; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 235.

[157] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 324—325. Перевод с немецкого.

В связи с тяжелыми потерями, понесенными в ходе этих боев, Гитлеру пришлось обратиться за помощью к румынскому союзнику. В письме от 25 октября 1943 г. он, поблагодарив И. Антонеску за «посылку на фронт 15 стрелковых батальонов», отметил, что «настоящая опасность требует еще большего напряжения сил». Спекулируя на желании румынского фашистского правительства аннексировать советские территории до Буга, Гитлер писал далее: «Я знаю, что весной 1944 г. вы намерены были послать на Восточный фронт по возможности больше хорошо обученных и вооруженных дивизий. Однако опасность, угрожающая южному флангу, а следовательно Транснистрии и Бессарабии, должна быть ликвидирована сейчас же».

Гитлер просил также «о беспрепятственном и неограниченном какими-либо формально-юридическими или хозяйственными соображениями» использовании «Транснистрии» в качестве тылового района Южной армейской группы и армейской группы «А». Он прямо указал: «О количестве войск, запасах скота и продовольствия в Транснистрии, а также о регулировании платы из политических и хозяйственных соображений не может быть и речи, ибо настал решающий момент, когда мы всеми силами должны обеспечить нашим солдатам борьбу со стоящим у ворот в Румынию противником». Особый акцент в письме делался «на необходимость предоставить в распоряжение немецких властей железнодорожную сеть Транснистрии»[158].

Гитлер, который в 1941—1942 гг. твердил, что все территориальные вопросы будут решаться после победоносного окончания войны, проявил вдруг щедрость в отношении Румынии. В цитируемом письме он подчеркивал: «Все эти мероприятия имеют целью в конце концов сохранение Транснистрии за Румынией...»[159]

Но Антонеску не отреагировал на этот жест фюрера. В Бухаресте прекрасно понимали, что решение вопроса о принадлежности так называемой «Транснистрии» уже не зависит от Гитлера. И с ответом на его требования кондукэтор не стал торопиться. В данный момент больше всего он боялся повторения сталинградской ката-

---

[158] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 718, 719.
[159] Там же.

строфы. В письме от 28 октября 1943 г., переданном Гитлеру через генерала Ганзена, И. Антонеску, указав на то, что оперативные планы, согласованные в ходе встреч 3 и 4 сентября 1943 г., фактически провалились, просил принять срочные меры для спасения румынских дивизий в Крыму. «Отсутствие резервов, — говорилось в письме, — даст возможность противнику через дватри дня проникнуть в Крым. Это было бы катастрофой... это приведет к таким же потерям, какие были под Сталинградом и, что особенно страшно, поставит под угрозу положение Румынии, ибо к потере 18 дивизий зимою 1942 г. на Дону и Кавказе прибавится полная утрата еще девяти ее самых отборных дивизий, которыми она располагает»[160].

Ответное письмо Ганзена от 29 октября 1943 г. ничего утешительного для румынской правящей верхушки не содержало. Гитлеровцы не собирались уходить из Крыма[161], им надо было удержать его как плацдарм для нанесения удара по советским войскам, вышедшим к Днепру, советским морским коммуникациям на Черном море, а также нефтепромыслам Кавказа и промышленным районам юга Украины. Наконец, крымский плацдарм рассматривался правителями рейха и как важное средство давления на Турцию, Румынию и Болгарию[162].

Того, чего больше всего боялась тогда фашистская правящая верхушка Румынии, избежать не удалось. 31 октября 1943 г. советские вооруженные силы начали осуществление Керченско-Эльтингенской десантной операции, в результате которой был создан плацдарм в районе Керчи, а в начале ноября, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, советские воины вышли к Перекопскому перешейку и захватили плацдарм на южном берегу Сиваша[163]. Фашистские соединения в Крыму, в том числе семь румынских дивизий и ряд

---

[160] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori cu Misiunea militară germană.

[161] 29 октября 1943 г. Гитлер издал приказ, в котором было сказано: «Следует сохранить связь с Крымом через Перекопский перешеек». См.: «Совершенно секретно! Только для командования!» ..., с. 529.

[162] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 7, с. 232, 233.

[163] Там же, с. 269.

отдельных батальонов, были блокированы с суши и изолированы от остальных сил вермахта.

Румынское командование вновь забило тревогу. 2 ноября 1943 г. начальник румынского генштаба направил письмо генералу Ганзену с убедительной просьбой принять такие срочные меры по спасению румынских дивизий, последствия которых бы «ощутились максимум в течение двух дней». Штефля писал, что «для румынской армии создается угрожающее положение в случае потери войск в Крыму — последних уцелевших соединений из числа сражавшихся в России против большевиков вместе с войсками великого рейха». Начальник румынского генштаба настаивал на том, чтобы до принятия мер по деблокированию «в распоряжение войск в Крыму поступили все действенные средства борьбы с танками противника...» Он обращал также внимание на то, что «действия партизан все усиливаются и могут стать очень опасными». Напомнил румынский генерал и о тяжелом положении двух румынских дивизий, находившихся в подчинении 6-й немецкой армии[164].

На следующий день Ганзен прислал генералу Штефле ответ, в котором утешал его тем, что вместе с 80-тысячным румынским войском в Крыму находятся 100 тыс. немецких солдат и офицеров. Ганзен не обещал немедленной помощи. Он писал, что «нельзя установить точно день», когда удастся преодолеть тяжелое положение[165].

Отрезанных в Крыму солдат и офицеров 17-й немецкой армии и румынских дивизий командование вермахта заверяло, что скоро они будут вырваны из мешка. С этой целью во второй половине ноября 1943 г. началось наступление немецко-фашистских войск с Никопольского плацдарма. Одновременно ими были предприняты встречные удары с Крыма. Однако попытки восстановить сухопутную связь с запертыми на полуострове войсками не увенчались успехом.

Советское командование посредством листовок и рупорных передач сообщало солдатам и офицерам зажатых в Крыму войск противника о провале операции

[164] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori cu Misiunea militară germană.

[165] Там же.

по их деблокированию и об ожидаемых последствиях. Только за несколько дней ноября 1943 г. политуправление 4-го Украинского фронта выпустило с целью распространения в румынских войсках семь листовок тиражом 850 тыс. экземпляров, а политотдел 51-й армии — пять листовок тиражом 105 тыс. экземпляров, три из которых были составлены румынскими офицерами-военнопленными[166].

В тяжелейшем положении оказались 4-я и 24-я румынские пехотные дивизии, сражавшиеся в составе 6-й немецкой армии на нижнем Днепре. Под ударами Красной Армии они были разгромлены. Многие солдаты и офицеры сдались в плен, большинство же старалось спастись бегством. Специальная служба информации докладывала в Бухарест: «В промежутке между 3 и 10 ноября сего года более 5000 солдат 4-й и 24-й дивизий, главным образом из 12, 13, 14, 16 и 17-го артиллерийских полков, бежавших с фронта, были схвачены в Николаевской области 2-м жандармским батальоном. Часть из них бежала вместе с лошадьми и упряжью, а другие были без оружия и обмундирования, зато имели при себе патефоны и различные домашние вещи. Некоторые отказались вернуться в свои части, заявляя, что они уже были на фронте. Несколько человек, полностью не подчинявшихся дисциплине, были расстреляны в назидание другим»[167].

15 ноября 1943 г. И. Антонеску под впечатлением плохих известий, поступавших с фронта, отправил Гитлеру официальный ответ на его послание от 25 октября 1943 г. Соблюдая дипломатический этикет, кондукэтор поблагодарил Гитлера за его желание не допустить распространения военных действий непосредственно на территорию Румынии, но отклонил германское требование о посылке на фронт новых дивизий, мотивируя это тем, что не располагает боеспособными войсками. Антонеску жаловался на отсутствие оружия, на качество предоставленных Германией военных материалов, просил о срочном выделении для румынской армии танков, противотанковых орудий и др. Относительно «Транснистрии» кондукэтор согласился, что «сейчас

[166] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 162, л. 20.
[167] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. Nota informativă N 357.

неуместно и не время взвешивать с банкирским расчетом» все финансовые вопросы, связанные со снабжением войск, но вместе с тем дал понять, что не собирается тотчас же расставаться с этой территорией, желает сохранить за румынской оккупационной администрацией управление железными дорогами «Транснистрии», которые нужны были фашистской Румынии для продолжения массовых вывозов материальных ценностей и возмещения за счет этого огромных затрат на войну. И. Антонеску не преминул еще раз напомнить Гитлеру, что с 1941 г. Румыния затратила на войну 300 млрд. леев, что за этот период Германии было отпущено более 8 млн. т нефти, несмотря на угрозу ее национальным запасам и самим залежам, а людские потери составляют уже свыше 250 тыс. погибших в бою[168].

Кондукэтор не сгущал краски. Фашистская Румыния стояла на пороге военно-политического и экономического краха. Спустя год после разгрома на Дону и под Сталинградом новая катастрофа, на сей раз значительно ближе к границам страны, подстерегала румынскую армию в Крыму. Не было надежд, что запертые на полуострове румынские части и соединения будут отчаянно сражаться против советских войск. Как отмечалось в «Описании Крымской операции», составленном штабом 4-го Украинского фронта, «среди румынских солдат значительная часть понимала безнадежность и бессмысленность их борьбы за интересы Германии и жила мыслями о том, как скорее вернуться домой в Румынию»[169].

Гитлеровцы продолжали с недоверием и неприязнью относиться к своему младшему партнеру. Опасаясь перехода румынских солдат на сторону Красной Армии, командование 17-й немецкой армии отводило румынским частям, так же как в свое время на Северном

[168] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 504, 505. Не желая в создавшейся тяжелой ситуации на фронте обострять отношения с румынским союзником, Гитлер во время переговоров со Штефлей 22 ноября 1943 г. дал согласие временно оставить в ведении румынской администрации железные дороги «Транснистрии». Румынская сторона обязалась оказать содействие гитлеровцам в отправке в Германию награбленных в немецкой зоне оккупации Украины машин, скота, хлеба и других ценностей, временно приютить угоняемый оттуда скот. Немцы обещали часть награбленного отдать своим союзникам по разбою.

[169] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 171, л. 64.

Кавказе, участки фронта, расположенные между немецкими дивизиями[170]. В свою очередь румынские солдаты, как подчеркивалось в докладной записке политотдела 51-й армии, «проявляют враждебное отношение к немцам. Румыны не доверяют немецкому командованию, которое, по заявлению военнопленных, завело румын в крымский тупик. Имеют место стычки. Они (солдаты. — *Н. Л.*) не верят в возможность прорыва немецкими войсками крымской блокады и в благополучный выход из окружения»[171].

Настроения безысходности и глубокой тревоги ярко отражали солдатские письма к родным. 21 января 1944 г. командир отделения П. Лунгу писал жене и родителям: «Между нами и русскими расстояние не более чем 50 метров. Каждый вечер обстреливают они село, и вряд ли кто-либо останется в живых. В моем отделении только четыре человека, остальные ранены или убиты. Я не знаю, удастся ли мне спасти жизнь, и поэтому прошу тебя, дорогая жена, позаботиться о моих старых родителях». Румынский солдат Стану писал своему отцу, проживавшему в с. Бучумены Ильфовского уезда: «Нет у нас другого выхода, кроме Черного моря. Посмотрим, что будет с нами, как бы не получилось то же, что было в прошлом году под Сталинградом»[172].

Антивоенные и антифашистские настроения были особенно развиты среди солдат-бессарабцев и буковинцев, насильственно мобилизованных в румынскую армию и отправленных в Крым в качестве пушечного мяса. Сам И. Антонеску на заседании правительства 16 ноября 1943 г. признал, что бессарабцы «не хотят воевать», «тяготеют к красным»[173]. Однако, чтобы восполнить огромные потери своей армии и в то же время выполнить требования Гитлера о посылке новых контингентов войск на Восточный фронт, румынские правители отправили в Крым часть мобилизованных бессарабцев и буковинцев, полагая, что там, окружив со всех сторон гитлеровскими войсками, их заставят воевать.

---

[170] Там же, оп. 3000, д. 455, л. 34.
[171] Там же, оп. 2980, д. 148, л. 646.
[172] Там же, д. 171, л. 64, 64 об.
[173] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 590, л. 51.

Политорганы Красной Армии в своей работе среди войск противника учитывали наличие в составе румынских частей солдат — уроженцев Бессарабии и Северной Буковины. С расчетом на них стали выпускаться специальные листовки, в одной из которых — «Братья-бессарабцы» — говорилось о том, что Красная Армия приближается к Бессарабии и скоро освободит ее. Солдаты-бессарабцы призывались переходить на сторону Красной Армии и советских партизан[174]. Как отмечается в докладной записке политотдела 51-й армии от 6 января 1944 г., «по единогласному утверждению пленных румын, бессарабцы не хотят воевать, полуоткрыто говорят о необходимости скорее сдаваться в плен и открыто заявляют, что при русских им жилось лучше, чем при румынах: всего было вдоволь — продуктов и промтоваров, а теперь мы в Бессарабии голодаем»[175]. Пленные приводили факты о переходе солдат-бессарабцев на сторону советских партизан. Так, из 1-го батальона 33-го пехотного полка 10-й пехотной дивизии к крымским партизанам перешло семь солдат-бессарабцев[176].

Особенно резко стало ухудшаться моральное состояние румынских частей после ликвидации в феврале 1944 г. плацдармов немецко-фашистских войск в районах Никополя и Кривого Рога. Это лишило крымскую группировку всяких надежд вырваться из блокады путем встречных ударов. 22 февраля 1944 г. армейские контрразведывательные органы доносили из Симферополя в Бухарест: «Моральное состояние румынских войск продолжает падать. Вообще считается, что румынские войска отнесены к статье «Прибыль и убыль», иными словами, списаны»[177].

Как и после разгрома под Сталинградом и на Кавказе, донесения сигуранцы и ССИ конца 1943 — начала 1944 г. изобиловали фактами о росте антивоенных, антифашистских и пораженческих настроений в румынской армии. На вокзалах, в поездах и в других общественных местах прибывающие с фронта солдаты

---

[174] ЦА МО СССР, ф. 244, оп. 2980, д. 162, л. 20.
[175] Там же, л. 4 об.
[176] Там же, л. 19.
[177] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota. 22 Februarie 1944.

рассказывали о разгроме румынских дивизий на Таманском полуострове и в низовьях Днепра[178], приводили все новые примеры издевательств гитлеровцев над румынскими солдатами, громогласно объявляли ложной правительственную версию о возвращении Румынии за ее участие в антисоветской войне отторгнутой Трансильвании[179], заявляли, что «положение на фронте безнадежное», «война проиграна», «разгром румынских и немецких войск и победа советских армий неминуемы»[180].

Неудивительно, что дезертирство, несмотря на все более суровые меры наказания, применяемые к нарушителям воинской дисциплины, нисколько не уменьшилось. В 1943 г. военно-полевыми судами было осуждено за различные нарушения воинского устава 41 827 солдат и офицеров, в том числе более 23 тыс. — за дезертирство[181], т. е. столько же, сколько в 1942 г., хотя, как уже отмечалось, численность румынской армии после Сталинграда сократилась.

Некоторые антифашистски настроенные румынские солдаты, находившиеся среди оккупационных войск, переходили на сторону советских партизан и воевали вместе с ними. По далеко не полным данным, в партизанских отрядах Каменец-Подольской, Винницкой, Киевской и других областей Правобережной Украины сражались 23 румына. Группы румынских партизан были созданы в соединениях А. Ф. Федорова, М. И. Наумова, в партизанских отрядах Закарпатья[182].

Интересные факты об участии румын в партизанском движении в Крыму приводят в своих книгах и воспо-

---

[178] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4615, л. 1 и 1 об.; д. 4611, л. 127 об.

[179] Там же, д. 4656, л. 116; д. 4611, л. 127 об.; д. 4596, л. 243; д. 4703, л. 258.

[180] Там же, д. 4592, л. 248; д. 4596, л. 240.

[181] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Op. cit., p. 195.

[182] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3. Киев, 1975, с. 124. Подробнее см.: *Шевченко Ф. П.* Об участии румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. — В сб.: О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960.

минаниях И. Companies Вергасов, Е. Шамко, М. Македонский[183] и др. За героизм в боях против фашистских захватчиков многие румыны были награждены медалью «Партизану Отечественной войны», среди них Михаил Михайлеску, Георге Лазарь, Апостол Тома, Георге Мартинеску, Николай Комбори и др.[184]

Большое значение для развития освободительной и антифашистской борьбы румынского народа имела вторая конференция представителей военнопленных румын, проведенная с разрешения Советского правительства в Красногорске в первых числах сентября 1943 г. На конференции присутствовало 2 тыс. человек. Была принята программа борьбы, предусматривающая выход Румынии из войны, свержение диктатуры Антонеску, изгнание гитлеровцев из страны, установление демократического режима и дружбы с СССР. 16 сентября 1943 г. состоялось совещание представителей всех лагерей для румынских военнопленных, где было решено обратиться к Советскому правительству с просьбой создать на территории СССР румынские добровольческие части для участия в войне против гитлеровской коалиции[185].

4 октября 1943 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о формировании 1-й румынской добровольческой дивизии, названной впоследствии именем Тудора Владимиреску. Она создавалась в Селецких лагерях для военнопленных, недалеко от Рязани. В течение трех дней было подано 12 тыс. заявлений. Одними из первых в добровольческую дивизию вступили румынские эмигранты-антифашисты и среди них коммунисты: П. Борилэ, Д. Петреску, Г. Стойка, М. Бурка, С. Шевченко, С. Мунтян, М. Лунгу и др. Большинство из них в свое время сражались в составе интернациональной бригады в Испании. Советское командование выделило для формировавшейся дивизии вооружение, обмундирование и питание по действующим в Советской Армии нормам. Большая помощь

[183] *Вергасов И.* В лесах Таврии. Записки партизана. Киев, 1964, с. 234, 292, 293 и др.; *Шамко Е. Н.* Партизанское движение в Крыму в 1941—1944 гг. Симферополь, 1959, с. 83; *Македонский М.* Пламя над Крымом, изд. 3-е. Симферополь, 1969, с. 63—65 и др.

[184] *Попеску-Пуцурь И. и др.* Румыния во второй мировой войне. Бухарест, 1964, с. 99.

[185] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 51.

была оказана дивизии в подборе кадров, издании газеты, обучении личного состава, в том числе через двухмесячные курсы при Рязанском военно-пехотном училище[186]. Активно работали в дивизии прикомандированные для оказания ей содействия советские офицеры И. И. Антосяк, А. М. Лазарев, А. З. Матяш, Н. Н. Романенко, Л. И. Саратовский, Н. Б. Танасевский, А. С. Чебаненко и др.

Следует отметить, что события под Сталинградом отрезвляюще подействовали и на часть старших офицеров и даже генералов, находившихся в советском плену, которые до этого активно участвовали в антисоветской войне. Полковник Вильгельм Адам, один из деятелей движения «Свободная Германия», вспоминая о днях пребывания в лагере для военнопленных Войково, пишет: «Мы поддерживали очень тесные отношения с румынскими генералами. Они приходили к нам в комнату, гуляли вместе с нами, всегда дружески нас приветствовали. Они ненавидели Гитлера и его клику, которые принесли им и их народу так много страданий и горя. Мы часто беседовали на немецком или французском языке о будущих задачах обоих наших народов»[187].

Подполковник Н. Камбря, бывший начальник штаба 5-й румынской дивизии, возглавил дивизию имени Тудора Владимиреску, а генерал М. Ласкар, бывший командующий одной из окруженных группировок румынских войск в районе Распопинской, — 2-ю добровольческую румынскую дивизию имени Хории, Клошки и Кришана. Некоторые офицеры-антифашисты выезжали в составе пропагандистских групп на фронт, где посредством листовок, воззваний, рупорных передач вели разъяснительную работу среди румынских войск. Так, подполковник Н. Камбря, побывав в районе дислокации 4-й румынской горнострелковой дивизии, написал листовку-обращение к своему бывшему учителю по военной школе в Дорохое, командиру этой дивизии генералу Чуре, убеждая его «прекратить приносить в жертву румынских солдат во имя проигранной войны». «Вы не предадите и не обесчестите себя, — писал

186 Там же, с. 52—54.

187 *Адам В.* Трудные решения. М., 1972, с. 458. Перевод с немецкого.

Камбря, — а наоборот, останетесь верным истинным интересам народа. Антонеску, как и Муссолини, уйдет. Такие, как Антонеску, приходят и уходят, а страна остается и останется навеки, ей мы остаемся верными и сегодня. Мы не хотим теперь поражения вместе с немцами. Чтобы завоевать доверие великих союзных держав, ради завтрашнего мира нужно прекратить войну сегодня»[188].

Документы карательных органов и секретных служб военно-фашистской Румынии свидетельствуют о все растущем в армии недовольстве диктаторским режимом Антонеску, всем общественным и государственным строем страны. 26 февраля 1944 г. армейская контрразведка доносила из Крыма: «Офицеры и солдаты крайне недовольны и больше не верят словам маршала (И. Антонеску.— *И. Л.*)»[189]. По сообщениям сигуранцы, солдаты в разговорах обвиняли И. Антонеску в том, что «из-за него они напрасно погибают на фронте», что он глух к бедам рядовых солдат и даже объявил через печать о запрещении обращаться с жалобами непосредственно к нему[190]. Некоторые предсказывали, что «скоро в Румынии произойдет то же, что в Италии»[191], т. е. фашистская диктатура будет свергнута. Солдаты клеймили помещиков и капиталистов, которые наживались на войне, в то время как бедняки погибали на фронте, они верили, что час возмездия скоро наступит.

Солдат Г. Балан, доносили ищейки сигуранцы, публично заявил 10 октября 1943 г., что солдаты «гибли ради обогащения бояр, отсиживающихся в своих домах», и выразил надежду, что «скоро справедливость восторжествует для бедного люда, страдающего сейчас от невзгод и преследований»[192]. «Эти высказывания, — сказано в одном из донесений сигуранцы, — выдержаны в духе истинного возмущения и дополняются пораженческими слухами и сопоставлениями»[193]. Речь идет о сопоставлении румынскими солдатами положения румынского и советского народов.

---

[188] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 115, л. 180.

[189] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota. 26 Februarie 1944.

[190] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4596, л. 243.

[191] Там же, д. 4611, л. 128.

[192] Там же, л. 127.

[193] Там же, д. 4704, л. 258.

Положительные высказывания румынских солдат о социалистическом строе больше всего волновали военно-фашистских правителей. В конце 1943 — начале 1944 г. число таких высказываний, как явствует из тех же донесений сигуранцы, заметно возросло[194]. Не случайно 15 февраля 1944 г. Генеральная дирекция полиции разослала циркуляр с требованием расследовать подобные факты и доложить о результатах. В нем говорилось, что люди в поездах «слышали от румынских солдат, возвращающихся с фронта в отпуск или по демобилизации, хорошие отзывы о жизни в Советской России. Эти солдаты говорят, что большевики заботятся о благополучии населения, труд ремесленников оплачивается как положено, и вообще население тех мест довольно режимом»[195].

Некоторые солдаты не скрывали, что свое избавление от буржуазно-помещичьего гнета и издевательств реакционного офицерства они связывают со вступлением Красной Армии на территорию Румынии. Солдат И. Николау из 1-й смешанной дивизии рассказывал присутствующим пассажирам о своем пребывании на фронте и, доказывая, что «большевистский режим вовсе не такой, как о нем говорили», заключил: «...если большевики займут румынскую страну, положение трудового люда улучшится и бояре, которые сегодня командуют, будут за все в ответе»[196]. В этом же донесении сигуранцы приводятся слова капрала И. Васка из 7-го егерского полка, заявившего: «...если, бог даст, русские скоро придут, увидим, что скажут тогда офицеры и унтер-офицеры, которые только и умеют издеваться над солдатами». Эти высказывания говорили о резком полевении солдатских масс.

В самой Румынии последние месяцы 1943 г. и начало 1944 г. прошли под знаком растущего сопротивления рабочего класса и всех трудящихся Румынии политике войны и классовой эксплуатации. Только за месяц, с 15 октября по 15 ноября 1943 г., произошли выступления рабочих в 23 промышленных центрах и на ряде железнодорожных узлов. 16 октября вспыхнули волне-

---

[194] Там же, л. 127 об.; д. 4596, л. 243; д. 4703, л. 258 об.; д. 4615, л. 1.

[195] Там же, д. 4789, л. 201.

[196] Там же, д. 4592, л. 248.

ния на предприятиях «Пиротехника», «Икар» и «Роджифер»; три дня спустя — на заводе «Индустрия сырмий» в Кымпия-Турзий и на фабрике «Бухушь»; 28 октября — на заводах Бухареста, Сибиу и Рымникул-Сэрат; в последующие пять дней — на железнодорожных узлах Олтеницы и Валя Праховей, в депо Гривицы и Брашова, на предприятиях электрокомпании в Яссах, на заводе «Астра» в Араде; 11 ноября — на предприятиях «Стяуа ромынэ», «Вега» и «Копша, Мика ши Куджир»; 16 ноября — в Тырнавени, Зарнешти, Медиаше, на заводах «Малакса» и в Хунедоаре. В конце 1943 г. вновь начались волнения в шахтерском районе Валя Жиулуй[197]. 9 декабря объявили стачку рабочие шахты «Аршица» с. Якобены Кымпулунгского уезда[198], в последних числах октября забастовали портовые рабочие в Галаце и Браиле. Конфликт между ними и капиталистами продолжался много месяцев[199].

Росло число актов саботажа в промышленности и на транспорте. В течение декабря 1943 — февраля 1944 г. они имели место на заводах «Малакса», «Вулкан», «Леонида», «Конкордия» (Плоешти), УДР (Решица)[200], на железных дорогах[201].

В октябре 1943 г. на военизированном обувном предприятии «Мочиорница» в Бухаресте произошел взрыв, была уничтожена большая партия обуви для армии. В этом же месяце в результате саботажа произошел также взрыв на фабрике химчистки «Шмидт»[202].

В ноябре 1943 г. военные власти докладывали: «В последнее время пожары на военных складах и объектах приняли такое распространение, что отнести их к случайности нельзя. Эти пожары, бесспорно, имеют причины, которые в большинстве случаев следует искать в организованных актах саботажа...» В письме на имя И. Антонеску германский военно-воздушный атташе в Румынии генерал Герштенберг, жалуясь на частые повреждения телефонной связи германской армии в районах Констанцы, Плоешти, Кымпины, Брашо-

---

[197] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 443, 444.
[198] Anale, 1963, № 4, p. 108—109.
[199] Там же, с. 84.
[200] Там же, 1964, № 5, с. 29—31.
[201] Там же, № 3, с. 90.
[202] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 34 б, л. 181.

ва, заключал: «Подозрение, что речь идет о широком саботаже, весьма оправданно, ибо во многих случаях рядом проходящие румынские линии связи не были повреждены»[203].

Карательные органы военно-фашистской диктатуры Антонеску вынуждены были признать, что рабочий класс с удовлетворением воспринимал поражение гитлеровских войск на Восточном фронте и крах фашизма в Италии. В отчете Генеральной дирекции полиции за август 1943 г. отмечается: «Рабочие столицы, комментируя известия из Италии, заявляют, что они в ожидании новых событий, ибо устранение фашистского режима — лишь только начало»[204]. Передовые рабочие, как и многие солдаты на фронте, связывали свое освобождение от фашизма и классовой эксплуатации с вступлением Красной Армии на территорию Румынии. Плоештский областной инспекторат сигуранцы отмечал в ноябре 1943 г. в связи с событиями на фронте: «Рабочие подчеркивают, что приход русских, которых они рассматривают в качестве защитников пролетариата, будет означать начало рабочего господства». В следующем месяце этот же инспекторат сигуранцы докладывал: «Большая часть рабочих втянута в сферу коммунистических идей, что подтверждается с каждым днем. Рабочие с особенным вниманием следят за ходом войны, и большинство из них радуется любому событию, ослабляющему военную силу рейха. Главной темой их дискуссий является возможная победа коммунистов, которые, свергнув теперешний социальный строй, установят господство рабочих»[205].

Аналогичные сообщения поступали также из других мест. Галацкий областной инспекторат полиции отмечал, что на местных судоверфях «имеются коммунисты, которые распространяют благоприятные для Советского Союза известия», что многие рабочие «симпатизируют коммунистическим идеям». О настроениях рабочих местного металлургического завода «Титан» в отчете

---

[203] Lupta P.C.R. în fruntea forţelor patriotice, împotriva dominaţiei Germaniei naţiste şi a dictaturii antonesciene. Insurecţia naţională armată, antifascistă şi antiimperialistă din august 1944. — Anale, 1978, N 4, p. 120.

[204] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 368.

[205] Цит. по кн.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 443.

полиции за декабрь 1943 г. говорится: «В связи с отступлением немецких войск на Восточном фронте рабочие высказывались в пользу Советской России и даже пели песни (революционные. — *И. Л.*)». Далее в донесении отмечается, что «мастера завода не пользуются никаким авторитетом среди рабочих. Видя, насколько последние склоняются к коммунизму, они воздерживаются от принятия каких-либо мер»[206]. Из промышленного г. Брашова сигуранца сообщала в январе 1944 г., что рабочие открыто выражают свои симпатии Красной Армии, Коммунистической партии и полны решимости покончить с существующим режимом[207].

Угроза краха буржуазно-помещичьего строя в Румынии стала заметна и некоторым иностранным дипломатам. В ноябре 1943 г. секретарь шведского представительства в Бухаресте Н. Монтан высказал мнение, что «в случае выхода русских войск к румынским границам население пригорода столицы, крестьяне из окрестностей города и вообще все люди, недовольные этой жизнью, которую они во что бы ни стало желают изменить, взбунтуются, совершат акты саботажа, помогая тем самым русским. Паника, которая, несомненно, возникнет в стране, выльется в революцию народных масс...»[208]

Исходя из конкретного анализа событий на фронте, настроений в армии и стране, Компартия Румынии пришла к выводу, что имеются реальные предпосылки для свержения военно-фашистской диктатуры Антонеску и вывода страны из преступной войны: гитлеровская армия терпела одно поражение за другим; советские войска стремительно приближались к границам Румынии; измученные войной и жаждавшие мира рабочие, крестьяне, солдатские массы, а также значительная часть офицеров довольно открыто выражали недовольство политикой правящей верхушки, оказывали ей все большее сопротивление, а передовые рабочие и крестьяне связывали выход из войны с ликвидацией существующего эксплуататорского строя; среди господст-

---

[206] Anale, 1963, № 4, p. 82, 83.

[207] *Matei Gh., Bălteanu B.* Din lupta P.C.R. pentru pregătirea şi înfăptuirea insurecţiei armate de la 23 august 1944. — Studii, 1959, № 4, p. 128.

[208] Anale, 1956, № 3, p. 74.

вующих классов царила растерянность, даже многие высшие офицеры и генералы, ранее с гордостью выставлявшие свои гитлеровские ордена, под угрозой неминуемого поражения стали отказываться от политики союза с Германией. Появились трещины и в фашистском аппарате насилия.

В этих условиях Компартия взяла курс на подготовку вооруженного восстания. В августе 1943 г. ЦК КПР составил документ — «Направление партийной работы в период войны», — в котором содержались указания о создании на предприятиях, в армии, селах патриотических групп, усилении конспирации в условиях подполья, организации явок и конспиративных квартир и т. д.[209]

Принимаются меры по укреплению партийных рядов. В отчете сигуранцы за октябрь 1943 г. констатируется, что численность коммунистов «на частных предприятиях возрастает»[210]. Отмечается, что в Плоешти на нефтеочистительных заводах «Униря», «Орион» и «Конкордия» «обнаружены коммунистические ячейки», которые «собирали средства для оказания помощи коммунистам, находящимся в лагерях, тюрьмах, а также их семьям». На нефтеочистительном предприятии «Униря» утром 15 октября 1943 г. на стене одной из мастерских было написано мелом: «Да здравствует СССР! Долой хозяев!»[211]

Судя по упомянутому отчету и другим документам тайной полиции, осенью 1943 г. КПР и действующие под ее руководством антифашистские организации заметно усилили пропагандистскую работу среди населения, используя для этого различные каналы и формы. Подпольные организации Сибиу, поддерживавшие связи с патриотами-антифашистами из Себеша, Алба-Юлии, Аюда, Брашова, Рымника-Вылчи, в целях пропаганды не только раздобыли шапирографы, но и создали небольшую тайную типографию. В ночь с 23 на 24 сентября 1943 г. в городе появилась листовка-памфлет, озаглавленная «Крысы бегут с тонущего корабля», с изображением Муссолини и Антонеску. В ночь на 5 октября в Бухаресте были найдены антиправи-

[209] Anale, 1969, № 2, p. 5.
[210] ЧОГА, ф. 30, оп. 1, д. 395, л. 420.
[211] Там же, л. 430.

тельственные листовки «К румынам», заканчивающиеся подписью: «Движение национального вызволения». В этот же день была распространена подпольная газета «Вызволение»[212].

6 октября 1943 г. в румынской столице были разбросаны листовки «Союза патриотов», в которых говорилось о задачах организации. Одна из листовок — «К офицерам и солдатам» — призывала к отказу воевать на стороне Гитлера и свержению диктатуры Антонеску. На электрических и телефонных столбах города были наклеены небольшие этикетки с надписями: «Требуем мира, долой гитлеровцев!» В этот же день коммунистам и симпатизирующим им был роздан очередной номер газеты «Свободная Румыния»[213].

В стране по-прежнему распространялись листовки, издаваемые румынскими патриотами-антифашистами, находившимися на территории СССР. В ночь с 30 сентября 1943 г. при помощи авиации в Бухаресте были разбросаны листовки-воззвания «К румынам» со 102 подписями румынских антифашистов. Они звали румынский народ на борьбу против клики Антонеску и гитлеровских поработителей. В Синае в этот же день была обнаружена листовка под названием «Что ожидает нас на Тамани», обращенная к солдатам и офицерам 1-й горнострелковой дивизии. «Вообще, — делается вывод в одном из отчетов сигуранцы, — пропаганда проводится с большой осторожностью, от человека к к человеку, она получает сильный отклик в рабочих сферах». Отмечается также, что «среди румынских рабочих продолжают вести коммунистическую пропаганду советские военнопленные, которые трудятся на различных предприятиях в районе Тимишоары»[214].

Документы карателей показывают, что советские военнопленные, томившиеся в лагерях на территории военно-фашистской Румынии, с нетерпением ждали освобождения и готовились оказывать помощь Красной Армии. В лагере для военнопленных в Лупенах действовала подпольная организация, возглавляемая, согласно донесениям румынских карательных органов,

---

[212] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 423.
[213] Там же.
[214] Там же, л. 430—432.

полковником, имевшим в качестве помощников капитана, лейтенанта и старшего сержанта. «Эта организация, — сказано далее в документе, — замышляла в случае подхода советских войск к границам Румынии организовать вместе с военнопленными других лагерей Долины Жиу восстание с целью разоружить военную охрану, нарушить коммуникации, телефонную и телеграфную связь, ликвидировать гражданские и военные власти в области». При раскрытии организации у советского военнопленного капитана М. Трезова была найдена карта, отображавшая ход военных действий на советско-германском фронте. Каратели подозревали, что у советских военнопленных «в одной из шахт имелся склад с оружием и взрывчаткой»[215].

Клика Антонеску прилагала все усилия, чтобы подавить растущее антифашистское и антивоенное движение народных масс страны. В поисках вооружения и материалов антиправительственной пропаганды устраивались повальные обыски в рабочих кварталах городов, среди так называемых «подозрительных». Десятки людей арестовывались, подвергались избиениям и пыткам. В связи с раскрытием подпольных организаций в г. Сибиу было арестовано в октябре 1943 г. 55 человек, в Араде — 11 рабочих различных предприятий города, а всего в октябре органами сигуранцы под суд было отдано 110 коммунистов. 18 октября военно-полевой суд Констанцы вынес тяжелый приговор 41 коммунисту, в том числе трех приговорил к расстрелу. В начале января 1944 г. были осуждены на долгие годы тюремного заключения 50 активных членов «Союза патриотов» и «Фронта земледельцев». Однако подавить сопротивление трудящихся фашистским правителям не удалось. И находясь в лагерях и тюрьмах, коммунисты продолжали борьбу, устанавливали связи с оставшимися на воле товарищами. Генеральная дирекция полиции в докладной записке от 17 декабря 1943 г. вынуждена была признать, что даже «интернирование коммунистов в лагерь не является изоляцией их от остального общества»[216].

КПР отдавала себе отчет в том, что в условиях, когда основные партийные кадры находились в тюрь-

[215] Там же, л. 425.
[216] Anale, 1978, № 4, p. 119.

мах и лагерях и ее ряды основательно поредели, осуществить свержение диктатуры Антонеску и выход страны из антисоветской войны без союза с другими антифашистскими партиями и организациями и привлечения всех антиправительственных сил, в том числе той части господствующего класса, которая ранее всецело поддерживала внутреннюю и внешнюю политику кондукэтора, а сейчас была готова пожертвовать им ради избежания катастрофы, будет невозможно. Первый шаг в этом направлении уже был сделан патриотическим антигитлеровским фронтом. В конце августа — начале сентября 1943 г. видный деятель КПР Л. Патрашкану установил контакты с некоторыми представителями королевского двора для выяснения позиции монарха и его окружения по вопросу дальнейшей политики страны[217].

КПР возобновила переговоры с руководством социал-демократической партии о присоединении ее к Патриотическому антигитлеровскому фронту и создании Национального комитета. В сентябре 1943 г. удалось достигнуть на этот счет соглашения между двумя партиями, но спустя некоторое время руководство СДП отказалось от него, мотивируя тем, что «исторические» партии против создания Национального комитета, а без их участия и помощи, мол, ничего не выйдет.

Выразив «глубокое сожаление» по поводу отказа СДП присоединиться к Патриотическому антигитлеровскому фронту, КПР в письме от 15 ноября 1943 г., адресованном руководству социал-демократов, обращала внимание на ожидавшие страну тяжелые последствия в случае дальнейшего участия в войне на стороне Германии. «Если мы будем ждать отступления гитлеровских войск с территории Румынии, — отмечалось в письме, — страна будет полностью разорена, значительная часть народа уничтожена. Разрушений и убитых будет в десять раз больше, чем в случае, если Румыния выйдет из войны, даже при условии, что стране придется пережить временную оккупацию. Если же мы сейчас не поднимемся все на борьбу за разрыв союза с Гитлером, стране и народу придется разделять тяжелую участь побежденной гитлеровской Германии...»[218]

---

[217] Anale, 1969, № 3, с. 21; 1978, № 4, с. 128.
[218] Там же, 1969, № 3, с. 22.

Компартия предприняла новые шаги, чтобы склонить лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий к сотрудничеству в борьбе за спасение страны. Соответственно 7 и 15 ноября 1943 г. она направила им письма, содержащие условия этого сотрудничества: свержение правительства Антонеску и создание нового правительства из представителей всех антигитлеровских сил; выход из войны на стороне Германии и переход на сторону антигитлеровской коалиции; мобилизация и организация армии и широких масс трудящихся на борьбу с фашистскими поработителями. «Перед лицом угрожающего положения, не терпящего отлагательств, — говорилось в письме, — надеемся, что на сей раз вы ответите положительно на наше предложение о спасении страны и народа от неминуемой катастрофы»[219].

Но лидеры «исторических» партий и на сей раз фактически отвергли предложения коммунистов. Смертельно боясь народных масс, они делали все возможное, чтобы изолировать КПР, не допустить ее к решению судеб страны. Как явствует из отчета Генеральной дирекции полиции за октябрь 1943 г., руководство национал-царанистов предприняло шаги к «сближению» с социалистами. Переговоры вели от национал-царанистов М. Рэуту и Ч. Симионеску, постоянно информировавшие о состоянии дел Ю. Маниу, от социалистов — известный правый лидер К. Тител-Петреску. В отчете сказано, что «переговоры зашли очень далеко и стороны в принципе согласны сотрудничать, лишь осталось установить способ (сотрудничества. — *И. Л.)* и решить вопрос о лицах...» Относительно целей этого «сближения с социалистами» в документе румынской охранки сказано: «В связи с акциями по включению социалистов в состав национал-царанистской партии г-н Маниу заявил, что это означает подрыв попыток коммунистов привлечь на свою сторону социалистов»[220]. Не исключено, что сближение с национал-царанистами и обусловило отказ правых лидеров социал-демократов от участия в Патриотическом антигитлеровском фронте.

Национал-царанисты предпринимали все меры к тому, чтобы подорвать растущее влияние коммунистов

---

[219] Там же, с. 23.
[220] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 412, 413.

среди трудящихся. Сигуранца Брашова докладывала, что Ю. Маниу «дал указание своим доверенным людям установить контакт с рабочими уезда Брашов и попытаться привлечь их к национал-царанистам до того, как они анархизируются»[221].

После поражения под Курском румынская буржуазия, напуганная быстрым продвижением Красной Армии и ускоренным полевением трудящихся масс страны, с особым усердием стала искать пути предотвращения полного военного поражения и надвигающегося краха эксплуататорского строя. Совещания, взаимные консультации, встречи между руководителями различных партий и группировок, судя по донесениям агентов румынской охранки, не прекращались. Наибольшую активность проявлял лидер национал-царанистов Ю. Маниу. В течение июля—октября 1943 г. у него состоялись десятки встреч со всеми руководящими деятелями не только своей, но и других буржуазных партий, с турецким и швейцарским посланниками в Бухаресте, другими иностранными дипломатами[222].

Либералы, царанисты, кузисты, легионеры усиленно продолжали перестройку своих партийных рядов, переходили на положение боевой готовности, приспосабливали к новым условиям старые, изжившие себя политические программы. Наиболее «революционной» из них была программа, составленная Г. Татареску. В виде письма он разослал ее в начале октября 1943 г. бывшим министрам и генеральным секретарям правительств, которые он возглавлял в 1934—1940 гг.[223] «Со

---

[221] ЦГА МССР, ф. 195, оп. 1, д. 96, л.15.

[222] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 350, 411; ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra stării de spirit... în intervalul 1—31 Iulie 1943.

[223] Экземпляр этого письма Татареску вручил бывшему начальнику кабинета премьер-министра, своему близкому соратнику, журналисту и художнику Р. Григореску. В годы войны Григореску стал агентом контрразведки румынского генштаба. Через него экземпляр письма попал в разведотдел генштаба. В докладной записке, составленной 27 октября 1943 г. разведотделом и приложенной к экземпляру письма, сказано, что в ответ на просьбу Григореску «Татареску согласился передать это письмо органам информации генштаба с целью ознакомления г-на маршала, и создалось впечатление о желании Татареску сблизиться с г-ном маршалом». «Если г-н маршал, — сказано в заключение записки, — согласен и разрешает, можно выяснить вопрос о желании г-на

всех концов мира, — писал Татареску своим соратникам, — поступают сигналы, предвещающие страшные брожения и глубокие изменения...» Не скрывая страха, бывший премьер высказывает опасения, что «Румыния не сможет оставаться изолированным островом в гуще этих эпохальных изменений...», что «ее участие в мировой войне создало внутри страны такое положение, из которого без встряски выйти нельзя будет...», ибо «поднимается голос искателей справедливости, ряды которых увеличатся за счет воинов, возвращающихся с фронта с взбудораженными сердцами». Татареску предупреждает, что сейчас еще рано «составлять правительственную программу», но пора «установить общие контуры реформ... которые после заключения мира нужно будет обязательно осуществить ради социального умиротворения, а через социальное умиротворение будет достигнута национальная консолидация». Эти реформы, он считает, следует обнародовать «тотчас же».

Какими же «реформами» надеялся упомянутый видный представитель румынской буржуазии добиться «социального умиротворения», иными словами, спасения существующего общественного строя? Какое послевоенное устройство готовил он своей стране?

В области политической, считал Г. Татареску, Румыния должна являться «конституционной монархией», управляемой политическими партиями. «Возвращение к принципам либеральных конституций является выходом, единственным выходом для нормализации нашей общественной жизни», — заключал он. Таким образом, Татареску продолжал отстаивать довоенные формы правления, требуя лишь очищения прежних порядков от пороков, которые, как писал бывший премьер, «омрачали неоднократно нашу общественную жизнь и дискредитировали в прошлом весь режим, основанный на функционировании партий». А для этого «на долгие

Татареску быть к услугам г-на маршала» (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota. 27 Octombrie 1943). Ответ И. Антонеску на этот счет нам установить не удалось. Надо полагать, что кондукэтор, отрицательно относившийся к Татареску, отверг эти контакты. Противником Татареску выступил и Ю. Маниу, который сотрудничал с группой Брэтиану. Он дал указание провинциальным организациям царанистской партии вести кампанию против сторонников Татареску.

годы, — продолжал он, — должна прекратиться борьба между партиями и разрушительный дух должен уступить место духу сотрудничества». Татареску, внесший немалый личный вклад в подавление революционного движения и преследование компартии в межвоенный период, естественно, ратовал за сотрудничество между буржуазными партиями. В его длинной программе нет и намека на легализацию КПР.

В разделе, посвященном социальным проблемам, бывший премьер торжественно объявлял, что «Румыния должна стать страной социальной справедливости», незыблемыми основами которой, считал он, по-прежнему должны быть частная собственность и религия.

Для сглаживания классовых противоречий Г. Татареску предлагал несколько путей, в первую очередь установление «прожиточного минимума», без чего «роскошь одних будет по-прежнему являться вызовом для других». Бывший премьер не собирался ущемлять капиталистов, он лишь призывал к отказу от паразитического образа жизни и считал необходимым открыть доступ к частной собственности рабочим. Его формула гласила: «Капиталист должен трудиться, а рабочий должен стать капиталистом. Румыния должна стать государством собственников-тружеников и тружеников-собственников». Г. Татареску обращал внимание на необходимость срочного решения и такой «волнующей проблемы», как «пролетаризация значительной части румынской мелкой буржуазии».

Аграрная программа бывшего премьера, призванная умиротворить деревню, предусматривала ограничение размеров крупной земельной собственности в рамках закона 1921 г. об аграрной реформе, создание специального ведомства по наделению крестьян землей за счет угодий, предложенных к продаже, и т. д.

В своей программе Татареску не затрагивал внешнеполитических вопросов. В создавшейся обстановке он, по-видимому, решил сохранить за собой свободу действия. Однако наличие в его опусе указания на то, что в политике индустриализации румынский капитал должен базироваться на сотрудничестве с иностранным капиталом, уже о многом говорило. Бывший премьер не собирался порывать связи с западными монополиями. Он намекал также на то, что послевоенная Румы-

ния должна простираться на всей территории между Дунаем, Тисой, Днестром.

В заключение, обращаясь к своим соратникам, Г. Татареску писал: «То, что было начато поколением 1848 г., должно быть завершено». Объявляя себя продолжателем дела, за которое боролись революционеры 1848 г., бывший премьер как бы подчеркивал, что его программа не выходит за рамки задач, поставленных буржуазными революциями середины XIX в. Прекрасно зная консерватизм и реакционность румынской буржуазии, которая даже на заре своего утверждения как общественная сила не отличалась особой революционностью, Татареску опасался, что и эта весьма урезанная, куцая программа реформ покажется его соратникам крамольной. Он писал: «Многие из этих реформ, знаю, будут восприняты как революционные. Однако убежден, что только путем таких легальных революций, утверждающих новый порядок, можно избегнуть других, низвергающих революций... Только соглашаясь на жертвы и уступки... можно отвести опасность полного разрушения, вызванного вспышкой ненависти и насилия... которое ставит под угрозу не только социальные устои, но и саму жизнь, и будущее государства»[224], разумеется, буржуазного.

Исповедь Г. Татареску отражала смертельный страх румынских господствующих классов перед нарастающей революционной волной, сопутствующей мировой войне. В условиях приближения Красной Армии к границам Румынии трусливая румынская буржуазия даже на какое-то время боялась оставаться наедине с собственным народом и свои планы спасения прогнившего строя строила в расчете на помощь международной реакции.

* * *

Тактика «исторических» партий, объединявших главные силы румынской буржуазии, по-прежнему сводилась к тому, чтобы ни в коем случае не допустить советские войска на территорию Румынии, сохранить немецкое присутствие в стране, а заодно и военно-фа-

---

[224] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea-program politic de viitor a d-lui Gh. Tătărescu.

шистское правительство Антонеску до прихода на Балканы англо-американских войск.

Планы «оппозиции» были изложены в специальном послании Ю. Маниу правительствам США и Англии. Получив 13 августа 1943 г. упомянутый документ, посол США в Стокгольме Джонсон сообщил его содержание своему правительству. Маниу заверял западные державы, что национал-царанистская и национал-либеральная партии сделали все необходимое, чтобы в нужный момент заменить существующий режим, что, как только на Дунае появятся англо-американские войска, в течение 24 часов диктатура Антонеску будет низложена и «с помощью армии без кровопролития» власть перейдет к новому правительству. Маниу писал, что «оппозицию поддерживает И. Антонеску», заверял, что проанглийски и проамерикански настроен чуть ли не весь народ, «включая армию, буржуазию и большинство правительственных служащих».

Лидер НЦП неоднократно подчеркивал в своем послании, что «оппозиция» стремится осуществить указанные перемены «мирным путем», т. е. без привлечения масс к активной борьбе. Он убедительно просил правительства Великобритании и США в радиопередачах не призывать румын к восстанию против режима Антонеску, к саботажу против немецких оккупантов, дабы этим не «провоцировать нацистов на террор», что может привести к ликвидации условий, «позволяющих оппозиции работать относительно свободно» и «добиться конструктивных результатов». Маниу уверял, что в интересах западных держав иметь «сильную в военном и административном отношении Румынию» и ради этого также не следует подстрекать румынский народ против Германии, ибо в случае ее ухода из Румынии якобы «Венгрия и Болгария попытаются оккупировать Трансильванию и Добруджу».

Руководитель НЦП сообщал о намерениях «оппозиции» обратиться к королю с просьбой «немедленно отвести армию к Днестру» и о том, что национал-царанистская партия разделяет точку зрения фашистского правительства Антонеску о «необходимости защищать Бессарабию», т. е. продолжать войну против СССР. Чтобы заручиться поддержкой Англии и США в этом вопросе, Маниу прибег к избитому тезису империали-

стической пропаганды о «русской угрозе» черноморским проливам и Суэцкому каналу, предотвратить которую можно будет, только задержав Россию у дельты Дуная. Относительно Трансильвании руководитель НЦП писал, что правительство Антонеску придерживается позиции, занятой румынской делегацией в ходе румыно-венгерских переговоров в августе 1940 г. в Турну-Северине[225], в то время как «оппозиция» выступает против изменений старой границы и настаивает на замене венгерского населения, проживающего в Трансильвании, румынскими колонистами из Истрии и других районов Балканского полуострова. В конце послания Ю. Маниу выражал удовлетворение по поводу того, что американская авиация не бомбит территорию Румынии, дав понять, что и впредь не следует этого делать[226].

Лидер НЦП был глубоко убежден в скорой высадке англо-американских войск на Балканах. Сообщая о планах и расчетах национал-царанистов осенью 1943 г., сигуранца отмечала: «В связи с приближением линии Восточного фронта национал-царанисты уверены, что, в случае если германское сопротивление будет сломлено, Англия и Америка вмешаются в нужный момент и Румыния попадет в сферу англо-американского влияния»[227]. Лидеры НЦП полагали, говорится в этом же документе, что находящиеся в эмиграции деятели их партий сумеют убедить Лондон и Вашингтон в том, что у королевской Румынии «нет других целей, кроме борьбы против большевизма», доказательством чего служит тот факт, что «она не считает себя в состоянии войны с Англией и Америкой».

В ожидании высадки англо-американских войск на Балканском полуострове лидеры «исторических» партий продолжали перебирать различные варианты будущего правительства, которое в нужный момент заменит обанкротившуюся клику Антонеску. Делалось это не без ведома самого кондукэтора. В августе 1943 г., после

---

[225] На этих переговорах румынская делегация была склонна уступить Венгрии небольшую часть Трансильвании с последующим обменом населения.

[226] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее: FRUS), 1943, v. I. Washington, 1963, p. 498, 499.

[227] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 394, л. 872.

катастрофического поражения гитлеровцев под Курском, между заместителем председателя национал-царанистской партии И. Михалаке и И. Антонеску состоялся обмен мнениями относительно состава будущего правительства в случае, если обстоятельства заставят кондукэтора уйти с поста. Сам Антонеску предпочел бы видеть во главе будущего правительства национал-цараниста И. Михалаке, который, как надеялся кондукэтор, будет ограждать его от личных неприятностей. Он также полагал, что кандидатура Михалаке может быть одобрена Берлином. Но Михалаке отказался от предложения стать главой правительства, заявив, что момент пока не подходящий[228].

Национал-царанисты считали, что время замены правительства Антонеску еще не наступило. «В кругах национал-царанистов, — доносила сигуранца, — утверждают, что господин Юлиу Маниу не согласится сформировать правительство до того, как немцы покинут Румынию»[229]. В октябре 1943 г. Маниу дал указание своим сторонникам «пока не предпринимать никаких акций, ущемляющих интересы правительства»[230]. В таком же духе действовали национал-либералы. Полицейские органы Тимишоары с удовлетворением отмечали в ноябре указанного года, что «члены бывших политических партий никакой оппозиции правительству не создают, проявляют полную пассивность»[231].

Гитлеровцы были хорошо информированы о планах и маневрах «оппозиции». После промаха, допущенного в Италии и приведшего к свержению Муссолини, они решили на всякий случай приструнить проанглийски настроенных руководителей национал-царанистов и национал-либералов.

Сотрудник румынского посольства в Берлине Р. Брандш[232], выполняя поручения правительства рейха, встретился с Маниу и Брэтиану и сообщил им, что

---

[228] *Fătu M.* Op. cit., p. 77.
[229] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 325, л. 351.
[230] *Fătu M.* Op. cit., p. 81.
[231] Там же, с. 80.
[232] В 30-е гг. являлся лидером национал-социалистов немецкого меньшинства в Румынии, депутатом румынского парламента. В 1933 г. с ведома Кароля II он выезжал в Берлин по поручению тогдашнего премьера А. Вайды для налаживания отношений с фашистской Германией.

их последнее послание Антонеску от 12 августа 1943 г., в котором они требуют отзыва основной массы румынских войск с фронта, оставило неприятное впечатление у немецкого руководства. Несмотря на то, что в Берлине демаршу лидеров «исторических» партий, по словам Брандша, не придали большого значения, рассматривая его как чисто формальную и робкую акцию, тем не менее сочли нужным предупредить, что в случае продолжения этой линии могут последовать ответные действия со стороны германского правительства. Р. Брандш потребовал от Ю. Маниу и Д. Брэтиану не создавать Германии трудностей. Вместе с тем, чтобы не обострять отношений, лидерам «исторических» партий было сказано, что при сохранении ими ранее занимаемой позиции правительство рейха удовлетворит территориальные претензии Румынии. Ю. Маниу и Д. Брэтиану обещали выполнить требования Германии и не присоединяться «к анархическим и экстремистским акциям»[233].

Правители рейха предприняли очередной нажим и на самого кондукэтора. Ему напомнили, что в Румынии, да и за ее пределами у Германии имеются друзья, готовые разделить с ней участь до конца. Явно инспирировано гитлеровцами было письмо, направленное Антонеску группой прогерманских деятелей Румынии[234], с требованием проявлять лояльность и преданность по отношению к Германии в этот трудный для нее момент и осуществить следующее: заменить проверенными друзьями Германии министров, генеральных секретарей и генеральных директоров, в прошлом связанных с коро-

[233] *Fătu M.* Op. cit., p. 79.

[234] Специальная служба информации докладывала в конце октября 1943 г., что копия этого письма оказалась в руках швейцарского посланника в Румынии Рене де Века. По словам последнего, это письмо подписали А. Вайда-Воевод, В. Поп, М. Манолеску, Брэтеску-Войнешть и др. А. Вайда отрицал свое соавторство, но заявил, что подписали «его политические друзья». Рене де Век, однако, был убежден, что Вайда поставил свою подпись под письмом, которое, судя по наличию в нем фраз, типичных для геббельсовской пропаганды, было продиктовано германским посланником в Бухаресте А. Киллингером (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota. SSI. 27 Octombrie 1943). В отчете Генеральной дирекции полиции за октябрь 1943 г. сказано, что это письмо, копия которого имелась и у Г. Брэтиану, подписали Вайда, Джигурту, Урзичану, Прелипчану и др. (ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 411).

лем Каролем II, а также персонал Министерства пропаганды, составленный якобы из филоангличан; издать специальный закон об отстранении национал-либералов от банковских и финансовых дел, заменить руководителей Национального банка; проявлять полную солидарность с политикой Германии; пересмотреть приговоры в отношении легионеров и примириться с ними; отстранить от руководства М. Антонеску и отречься от его политики, якобы «неискренней» в отношении рейха.

И. Антонеску не выполнил этих требований, но кое-какие новые уступки Германии ему пришлось сделать. В частности, по настоянию гитлеровцев он признал так называемую Итальянскую социальную республику, возглавляемую Муссолини. Указав на заседании своего кабинета, что союз с Германией обременителен для Румынии, И. Антонеску вместе с тем заявил, что «будет рядом с Германией воевать до конца»[235].

Все это не мешало правительству Антонеску в тесном контакте с «оппозицией» продолжать поиски соглашения с англо-американцами. Большие надежды румынские правящие круги возлагали на своего нового посланника в Турции А. Крецяну, который впоследствии писал, что сам был «полон надежд и иллюзий». 15 сентября 1943 г. Крецяну прибыл в Анкару. Перед отъездом Ю. Маниу сказал ему для передачи запад-

---

[235] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 589, л. 112, 134. См. также: ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota referitoare la capitularea Italiei. На этом документе имеется резолюция И. Антонеску следующего содержания: «1. Г-н Бова Скопа был у меня последний раз 10 сентября (1943 г. — *И. Л.*). По этому случаю я подтвердил ему, что Румыния не займет отрицательного отношения к Италии при условии, если последняя официально не предпримет враждебных акций против Германии. 2. 23 сентября Бадольо в своей речи по радио заявил, что предпринимает совместно с англо-американцами акцию против Германии. Следовательно, был совершен враждебный акт. Г-н Бова Скопа через Михая Антонеску сообщил мне 29 сентября, что я обещал занять другую позицию, нежели ту, которую я занял признанием Дуче. Обещал, но при одном условии. Оно не было соблюдено. Думаю, что честь обязывает Румынию занять позицию рядом со своими союзниками, а не с теми, кто перешел во враждебный лагерь».

В письме, направленном И. Антонеску 30 сентября 1943 г., Ю. Маниу отругал кондукэтора за признание правительства Муссолини, так как, по его мнению, это ухудшит и без того сложные отношения с Англией и США и будет «истолковано жаждущими мира массами как новое проявление желания правительства продолжить войну».

ным дипломатам, что «все готово для высадки на Балканах» англо-американских войск и что с выходом их на территорию Болгарии произойдет смена правительства в Румынии. На вопрос Крецяну, как Маниу предполагает это осуществить, если Антонеску откажется передать власть, — «сверху» или «снизу», руководитель национал-царанистов, «...не колеблясь, ответил с улыбкой: „Сверху“»[236]. «Сам кондукэтор, — пишет Крецяну, — дал мне понять, что знает, на каких условиях я принял назначение, предупредив, что Анкара и Стамбул кишат германскими шпионами». Король Михай, информированный о всех аспектах будущей миссии Крецяну в Турции, просил последнего считать себя его «личным представителем и действовать соответственно»[237].

Одновременно с посылкой в Анкару А. Крецяну был заменен румынский посланник в Стокгольме. Им стал начальник протокольного отдела МИД Румынии Ф. Нану, лично знакомый с американским посланником в Стокгольме Джонсоном. Нану получил задание установить контакты с англо-американцами и выявить возможности заключения мира. При отъезде Нану из Бухареста М. Антонеску говорил ему: «Тем, кто в этом заинтересован, вы можете сказать, что я поставлю в известность Гитлера о том, что ни один выстрел с румынской стороны не раздастся по американским и английским войскам, если они появятся в Румынии»[238]. Переговоры о перемирии по указанию М. Антонеску завязал с американским послом в Мадриде К. Хейсом первый секретарь румынского посольства в Испании С. Григориу. Хейс сообщил в Вашингтон, что Григориу показал ему письмо М. Антонеску на этот счет[239].

Правительства Великобритании и США поощряли установление контактов с представителями вражеских стран, в том числе фашистской Румынии, но старались им придать неофициальный характер, дабы сохранить за собой возможность маневрировать. В директиве госдепартамента США от 4 октября 1943 г., разослан-

---

[236] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 96.
[237] Там же, с. 97.
[238] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu..., S. 331.
[239] FRUS, 1943, v. I, p. 503.

ной главам своих посольств в Анкаре, Стамбуле, Берне, Лиссабоне, Риме и Стокгольме, говорилось: «Если румынскими дипломатическими представителями будет проявлена инициатива, государственный департамент не возражает против неофициальных контактов между вами, сотрудниками ваших учреждений и такими представителями. Вы можете неофициально принять любой документ, какой пожелает вручить Вам румынский представитель для передачи нашему правительству. Мы заинтересованы в полной информации»[240].

Вопрос о позиции главных держав антигитлеровской коалиции по отношению к мирным обращениям стран-сателлитов, в частности фашистской Румынии, стал объектом специального обсуждения на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся 19—30 октября 1943 г. Он был внесен в повестку дня конференции делегацией Великобритании якобы с целью выяснить, «какой ответ следует дать» этим странам, а также для определения «общей линии в любых контактах, которые они могут иметь с малыми сателлитами оси в Европе»[241]. Эта же делегация представила письменную информацию «относительно мирных обращений Румынии в течение последнего времени». В ней говорилось, что румынский посланник в Анкаре А. Крецяну (он в этом документе охарактеризован как «член оппозиции» и близкий соратник Ю. Маниу) хотел передать лично послу Англии в Турции послания руководителя НЦП и короля Михая, но британскому дипломату якобы было дано указание не встречаться с Крецяну, а Ю. Маниу, желавшему покинуть Румынию, чтобы обсудить в Лондоне «обстановку», было сообщено, что «данный момент является неподходящим» ввиду открытия Московской конференции. Но ни в информационной записке, ни в ходе дискуссии по этому вопросу английские и американские дипломаты не сказали о том, что еще в первой половине августа они через Стокгольм получили послание Ю. Маниу, и, естественно, что от советской делегации была скрыта антисоветская направленность политики лидера НЦП.

---

[240] FRUS, 1944, v. IV. Washington, 1966, p. 246.

[241] Советский Союз на международных конференциях..., т. 1, с. 299.

В упомянутой информационной записке сказано также, что 30 сентября румынский военный атташе в Анкаре сообщил британскому военному атташе о том, что он получил указание от И. Антонеску передать послание румынского генерального штаба, в котором выражается готовность румынских военных властей на определенных условиях сотрудничать с союзниками. Английское правительство предлагало воспользоваться этим демаршем военных, заявив в то же время, что «от них потребуют безоговорочной капитуляции». Однако ввиду «невозможности осуществления ее в настоящий момент, они (румынские военные власти. — *И. Л.*) должны будут тем временем предпринимать некоторые активные шаги с целью создать для немцев затруднительное положение», а именно: сократить и задерживать поставку нефти, зерна и других товаров Германии, организовывать диверсии на коммуникациях гитлеровцев, прекратить посылку новых контингентов войск на советско-германский фронт и др.

Правительство Великобритании заявило, что «оно не может рассматривать обращения румынского правительства до тех пор, пока они не будут адресованы также правительствам Соединенных Штатов и Советского Союза, и что такие обращения должны быть сделаны в форме предложения о подписании безоговорочной капитуляции перед тремя союзниками»[242].

Позиция Советского правительства по этим вопросам была высказана в ходе их обсуждения 25 октября 1943 г. Нарком иностранных дел СССР заявил: «Я считаю правильным предложение г-на Идена о том, что Румыния должна безоговорочно капитулировать перед тремя союзниками... Что касается второго вопроса — насчет группы Маниу, то устанавливать какой-либо контакт с этой группой в настоящее время мне представляется нецелесообразным. Пока нечего ожидать от Маниу. Никакой пользы от такого контакта не будет, эта группа пока ничего дать не может»[243].

В ходе дальнейших переговоров стороны согласились «немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира, которые они могут

[242] Советский Союз на международных конференциях..., т. 1, с. 300—301.
[243] Там же, с. 186.

получить от правительства, отдельных группировок или лиц страны, с которой любая из трех сторон находится в состоянии войны», а также «консультироваться друг с другом, с тем чтобы согласовывать свои действия в отношении подобных предложений»[244].

Сговорчивость западных держав и признание ими за Советским Союзом первостепенного права решать вопросы о перемирии с фашистской Румынией диктовались реально сложившейся ситуацией. После разгрома гитлеровцев под Курском и блистательных побед Красной Армии в ходе летнего наступления стало ясно, что советские войска раньше, чем это смогут сделать англо-американские союзники, достигнут румынских границ. Бесперспективность сепаратных сделок с правителями фашистской Румынии и с так называемой «оппозиционной группой Маниу» была очевидной. Вместе с тем своевременное претворение в жизнь формулы «безоговорочная капитуляция», полагали правительства Великобритании и США, позволяет предотвратить вступление Советской Армии на территорию Румынии, чего они и добивались.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии была принята «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», согласно которой правительства союзных государств заявляли о решимости «продолжать военные действия против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции»[245].

Среди многих вопросов на конференции был рассмотрен и такой, как «Будущее Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос конфедерации». Западные державы пытались навязать СССР план создания в послевоенные годы различных федераций государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, в основе которого лежало стремление англо-американских политиков воскресить пресловутый «санитарный кордон» на западных границах СССР. Естественно, советская делегация воспротивилась этому и выдвинула

---

[244] Советский Союз на международных конференциях..., т. 1, с. 186—187.

[245] Там же, с. 347.

принцип, согласно которому освобожденным от гитлеровцев малым странам упомянутого региона должно быть предоставлено право самим решать свои судьбы после войны.

В дни работы конференции была опубликована от имени правительств СССР, США и Англии «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Она прозвучала как грозное предупреждение фашистам, бесчинствовавшим в оккупированных ими странах[246].

Спустя месяц, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., в Тегеране состоялась конференция глав правительств СССР, США и Англии, на которой благодаря усилиям Советского Союза была выработана согласованная стратегия трех держав. В опубликованной «Декларации трех держав» говорилось, что стороны «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»[247]. Конференция по сути отвергла балканский вариант Черчилля и в качестве главной военной задачи США и Англии установила подготовку операции «Оверлорд».

Решения Московской и Тегеранской конференций явились ударом по планам румынской реакции. Министр иностранных дел Турции Р. Манеменкиоглу после возвращения в начале ноября 1943 г. из Каира, где встретился с министром иностранных дел Англии А. Иденом, говорил А. Крецяну, что «не смог услышать от Идена каких-либо указаний относительно планов союзников на Балканах», а в отношении Румынии британский министр прямо сказал ему: «Ничего не остается делать, как капитулировать». Не принесла утешения румынскому посланнику в Анкаре и вторая беседа с Манеменкиоглу, состоявшаяся уже после Тегеранской конференции. Манеменкиоглу вместе с президентом Турции И. Иненю в начале декабря 1943 г. встретился в Каире с Черчиллем и Рузвельтом. Турецкий министр сказал Крецяну, что планы Черчилля о создании федера-

---

[246] Советский Союз на международных конференциях..., т. 1, с. 363—364.

[247] Там же, т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978, с. 175.

ции Балканских государств не получили одобрения в Тегеране и, по его мнению, «никакие военные действия англичан и американцев не будут подготовлены и осуществлены на Балканах». В записке, полученной Крецяну от английского посла в Турции, с которым он все же установил контакт, говорилось, что Англия не считает возможным сближение с Румынией, пока та не согласится на безоговорочную капитуляцию[248].

Чтобы склонить западные державы к отказу от формулы безоговорочной капитуляции и выторговать условия, исключавшие вступление советских войск на территорию Румынии, в середине ноября 1943 г. Ю. Маниу сообщил английскому правительству о желании направить своего специального представителя в лице К. Вишояну для переговоров по поводу условий перемирия[249]. Но и этот демарш не нашел отклика в Лондоне.

Безуспешно закончились также акции, предпринятые в Мадриде и Стокгольме в расчете найти поддержку у американской дипломатии. 14 ноября 1943 г. Хейс в беседе с С. Григориу сказал, что у Румынии есть единственный выход: безоговорочная капитуляция. Американский дипломат заявил, что в случае согласия румынское правительство должно направить в Каир военного делегата для обсуждения практических мер по осуществлению перемирия. В Стокгольме Нану получил от Джонсона такой же ответ. Но румынские фашистские правители не хотели верить, что это является заключительным словом англичан и американцев, что последние допустят советские войска на Балканы.

20 декабря 1943 г. состоялась очередная встреча Григориу с Хейсом. М. Антонеску с ведома кондукэтора передал согласие Румынии капитулировать при условии, что состоится высадка англо-американских войск на Балканском полуострове или Турция вступит в войну на стороне антигитлеровской коалиции[250].

В лютой ненависти к Стране Советов румынское фашистское правительство не только не искало переговоров с СССР, но по сути отклоняло какие-либо попытки к ним. Между тем Советский Союз, который продол-

---

[248] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 110—123.
[249] FRUS, 1943, v. I, p. 507; FRUS, 1944, v. IV, p. 133.
[250] FRUS, 1943, v. I, p. 511, 512.

жал нести главную тяжесть борьбы с фашистскими государствами и был единственной страной антигитлеровской коалиции, фактически воевавшей с фашистской Румынией, имел все основания выставить ей самые тяжелые условия перемирия, но не пошел на это. Наоборот, правительство СССР старалось облегчить Румынии выход из войны, восстановить ее национальную независимость и обещало поддержку в аннулировании венского диктата по вопросу Северной Трансильвании. Во время посещения Москвы в декабре 1943 г. бывший президент Чехословакии Э. Бенеш по поручению некоторых кругов румынской буржуазии[251] зондировал почву относительно условий выхода Румынии из войны. Он отметил, что И. В. Сталин обещал на мирной конференции поддержать Румынию в вопросе об отмене венского диктата, а по поводу перемирия сказал, что ей следует обратиться с такой просьбой одновременно ко всем трем союзным странам и с ними обсудить условия выхода из войны[252].

О позиции Советского правительства клике Антонеску, а также «оппозиции» стало известно в конце декабря 1943 г. непосредственно от Нану, установившего контакт с советскими дипломатами в Стокгольме. В инструкции, полученной из Бухареста, Нану было предложено продолжать эти контакты, «не связывая себя конкретными обязательствами, поскольку кондукэтор был решительно настроен сразу порвать контакты с Советским правительством, если позиция западных держав изменится»[253].

Правители фашистской Румынии, которые, как признались на суде в 1946 г. М. Антонеску и Е. Кристеску, все свои действия, касающиеся переговоров о перемирии, согласовывали с лидерами «исторических» партий, по-прежнему надеялись договориться на антисоветской основе с западными державами и добиться от них присылки в Румынию англо-американских войск. Эти надежды во многом поддерживались действиями западных держав. В декабре 1943 г. англо-американский

---

[251] Э. Бенеш поддерживал связь с Ю. Маниу, Г. Татареску и другими буржуазными деятелями.

[252] *Popescu-Puţuri I.* România în timpul celui de-al doilea război mondial. — Anale, 1966, № 5, p. 58.

[253] *Hillgruber A.* Op. cit., p. 174.

штаб переправил на территорию Румынии трех офицеров английской разведки во главе с полковником Шателеном с заданием установить прямую связь с Ю. Маниу и подготовить условия для переговоров. Случилось так, что разведчики были схвачены румынскими жандармами. О их приземлении в Румынии стало известно и гитлеровцам. Но И. Антонеску не передал разведчиков абверу и даже предоставил возможность лидерам «исторических» партий встретиться с Шателеном. Беседы проводились, естественно, с участием эмиссаров И. Антонеску[254]. А. Крецяну пишет, что присылка Шателена была расценена правящей верхушкой страны как готовность англичан и американцев осуществить десантную операцию в Румынии и что в лице трех английских офицеров правительство его страны видело «предвестников будущих оккупационных войск»[255]. 19 января 1944 г. Нану получил указание не предпринимать никаких дальнейших шагов в отношении переговоров с советскими дипломатами, в результате чего на том этапе переговоры заглохли.

По словам Крецяну, 31 января И. Антонеску поручил румынскому военному атташе в одной из нейтральных стран связаться с военным атташе США и передать Вашингтону, что Румыния не может последовать примеру Италии, «так как это приведет лишь к оккупации ее германскими войсками, которые вскоре будут заменены советскими. Когда английские и американские армии подойдут к Дунаю, румынская армия будет стоять у Днестра и отбивать атаки Красной Армии»[256]. Идентичные указания для передачи англо-американским дипломатам получил и Ф. Нану.

Между тем к началу 1944 г. обстановка на советско-германском фронте окончательно сложилась в пользу Советского Союза, а положение фашистских армий заметно ухудшилось. В течение января—февраля 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов полностью сняли блокаду Ленинграда, очистили от врага почти всю Ленинградскую и Калининскую области. В этот же период войска четырех Украинских фронтов в

---

[254] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 449.

[255] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 135.

[256] *Cretzianu Al.* The Rumanian Armistice Negatiations: Cairo, 1944. — Journal of Central European Affairs, 1951, N 2, p. 244.

результате успешно проведенных Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой наступательных операций завершили освобождение Киевской, Днепропетровской и Запорожской областей, очистили от оккупантов всю Житомирскую, большую часть Ровненской и Кировоградской областей, а также ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей. В ходе этих боев группировкам немецко-фашистских войск на Украине был нанесен огромный урон в живой силе и технике. Фронт приблизился к границам советской территории, оккупированной военно-фашистской Румынией. «Транснистрия» стала прифронтовым районом.

В руководящих кругах США и Великобритании успехи советских войск в зимней кампании 1943/44 г., их быстрое продвижение на Запад вызвали глубокую тревогу. Все отчетливее становилось, что Вооруженные Силы СССР в состоянии не только сами изгнать врага из пределов своей страны, но и освободить народы Европы от ярма фашизма. Еще 19 ноября 1943 г., следуя в Каир, президент США Ф. Рузвельт говорил своим начальникам штабов, что, если советские войска в ближайшие две недели форсируют Буг, они окажутся на пороге Румынии[257]. Спустя несколько дней на Каирской конференции он прямо заявил, что если дела в России пойдут как сейчас, то, возможно, будущей весной второй фронт и не понадобится[258].

Встревоженные таким развитием событий на Восточном фронте и ростом революционно-освободительного движения на Балканах, правящие круги Великобритании и США метались в поисках путей спасения прогнивших режимов в странах Юго-Восточной Европы. Особенно усердствовали английские политики, наиболее заинтересованные в положении дел в этом регионе. С одной стороны, в дипломатической переписке с НКИД СССР они продолжали признавать, что, «поскольку главный удар военных усилий Румынии направлен против советских сил и так как последние будут, по-видимому, первыми союзными силами, кото-

---

[257] FRUS. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Washington, 1961, p. 259.

[258] *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947, с. 161. Перевод с английского.

рые достигнут Румынии, Советское правительство будет играть главную роль в определении того, какими должны быть условия перемирия с румынами»[259]. С другой стороны, не отказавшись окончательно от мысли осуществить свой «балканский вариант» и желая выиграть время, некоторые английские дипломаты с явной целью вызвать в Румынии новую волну национализма и антисоветизма распространяли провокационные слухи о якобы больших территориальных требованиях СССР к Румынии. Румынские разведывательные органы докладывали 25 января 1944 г., что согласно сообщениям, полученным из Швейцарии, «английское посольство в Берне подтверждает прежнюю информацию о том, что Советский Союз желает оккупировать своими войсками Молдавию (имеется в виду область между Прутом и Карпатами. — *И. Л.*) и, по-видимому, аннексировать Добруджу»[260].

В государственном департаменте США перебирались различные варианты решения «румынского вопроса». Как явствует из американских дипломатических документов, 13 января 1944 г. европейский отдел госдепартамента представил на усмотрение руководства проект перемирия с Румынией. На первое место выдвигалось требование, чтобы Румыния согласилась «заплатить такие репарации и реституции, какие потребуют Объединенные Нации, и выполнять любые указания, поступающие от оккупационных властей в интересах Объединенных Наций»[261]. Американские политики полагали, что, чем суровее будут репарационные и реституционные условия, тем вероятнее, что обнищавшая и разоренная войной Румыния вынуждена будет обратиться за помощью к США.

Сторонником политики использования экономических рычагов в качестве главного орудия утверждения американского господства в странах Европы выступал и тогдашний посол США в Москве А. Гарриман. Он писал в госдепартамент: «...я считаю, что экономическая помощь — одно из наиболее эффективных средств

---

[259] Цит. по кн.: *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 330.

[260] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. 25.I 1944. Notă specială.

[261] FRUS, 1944, v. IV, p. 140.

для оказания влияния на европейские политические события в желательном для нас направлении и поможет предотвратить создание сфер влияния Советского Союза в Восточной Европе и на Балканах. Все рассматриваемые страны, включая Советский Союз, будут в большей или меньшей степени разорены войной и искать нашей помощи»[262].

В сопроводительном документе к упомянутому проекту условий перемирия с фашистской Румынией, составленном европейским отделом госдепартамента, поднимался вопрос и о будущем правительстве этой страны. Европейский отдел считал, что сохранение правительства Антонеску «может смутить общественное мнение в странах Объединенных Наций и в самой Румынии». «Поэтому, — отмечал он, — а также ввиду возможного желания использовать румынские войска в войне против Германии, вероятно, лучше до капитуляции или после нее заменить режим Антонеску правительством Маниу—Брэтиану или другой группой, более представительной, чем существующий режим...» Но во всех случаях госдепартамент считал, что это должно быть исключительно прозападное правительство[263].

1 февраля 1944 г. в Анкару прибыл подполковник английской разведки Тэд Матерсон, сообщивший А. Крецяну о согласии англо-американского командования принять в Каире представителя «оппозиции» для переговоров о перемирии. При второй встрече с Крецяну английский подполковник бросил такую фразу: «Давайте забудем наш разговор о безусловной капитуляции», но тут же сказал, что максимум, на что можно надеяться, — это добиться от Советского Союза не пересекать р. Прут, иными словами, дал понять, что от планов удержания Бессарабии и Северной Буковины придется отказаться. Слова Матерсона были истолкованы как намек на то, что в Румынию прибудут англо-американские войска[264].

После долгих дебатов все: лидеры «исторических» партий, король Михай и И. Антонеску — сошлись на том, чтобы в Анкару направить для переговоров с англо-американцами князя Б. Штирбея, известного

[262] Там же, с. 951.
[263] Там же, с. 145.
[264] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity, p. 125.

своими связями в Англии. Зять и внук Штирбея проживали в Лондоне и являлись английскими офицерами. И. и М. Антонеску обеспечили выезд Штирбея в Анкару.

Румынская буржуазная верхушка знала, что миссия Штирбея не из легких, но не теряла надежд сговориться с англо-американскими империалистами на антисоветской основе, добиться ввода их войск в Румынию до выхода Красной Армии к Днестру. На замечания одного из западных дипломатов о том, что вряд ли стоило направлять в Анкару эмиссара без полномочия подписать акт о капитуляции, Крецяну ответил, что Румыния надеется на разрыв в ближайшее время союзнических отношений Болгарии с Германией и высадку на болгарской территории английских войск, перед которыми румынская армия безоговорочно капитулирует. Относительно Советского Союза, как следует из донесения американского дипломата, Крецяну сказал: «Румыния скорее будет сражаться, чем позволит, чтобы в историю вошел факт о безоговорочной капитуляции ее правителей перед Россией». Крецяну дали понять, что нет надежды на появление в ближайшее время англо-американских войск вблизи румынских границ и было бы лучше повернуть оружие против Германии до того, как советские войска подойдут к границам Румынии[265].

В основе этих рекомендаций, надо полагать, был расчет на то, что румынскому примеру последуют Венгрия и Болгария, на войну против Германии решится Турция, и тем самым будут созданы благоприятные условия для интервенции англо-американских войск на Балканах.

Но, как отмечалось выше, и правительство Антонеску, и «оппозиция» мыслили осуществить переход на сторону западных держав в спокойной обстановке, без того, чтобы вступать в вооруженный конфликт с гитлеровцами, и приурочить этот переход к выходу на Дунай англо-американских войск. Такой линии должен был придерживаться в переговорах с западными союзниками Б. Штирбей. В документе, озаглавленном «Вопрос о сотрудничестве Румынии с союзниками. Точки

---

[265] FRUS, 1944, v. IV, p. 148.

зрения оппозиции в отношении переговоров правительства с союзниками», который, как полагает румынский исследователь М. Фэту, был вручен западным державам, прямо сказано: «...как оппозиция, так и правительство едины в том, что не следует предпринимать ничего такого, что могло бы ослабить немецкое сопротивление в России, пока существует перспектива, что англо-сакские войска достигнут Румынии раньше советских». Только тогда, когда выяснится, что такой перспективы нет, «оппозиция будет считать, что интересы нашей страны (читай — буржуазии. — *И. Л.*) требуют изменения политики, даже если это ослабит немецкое сопротивление в России»[266].

И хотя все сведения говорили об отсутствии перспектив высадки в ближайшее время англо-американских войск на Балканах, правители фашистской Румынии и лидеры «исторических» партий ничего не предприняли для изменения политики страны. Они следовали старому курсу.

9 февраля был подписан очередной кабальный для Румынии экономический договор о поставках в Германию и для немецкой армии продовольственных товаров, нефти, леса и др.[267] Румынская сторона взяла на себя обязательство выделять ежемесячно дополнительно 1160 млн. леев на содержание примерно 100 тыс. немецких солдат и офицеров[268], не считая расходов на содержание контингента немецкой миссии в Румынии.

Вопросам дальнейшего расширения военного сотрудничества между Румынией и Германией была посвящена встреча И. Антонеску и Гитлера в Зальцбурге, состоявшаяся 26—27 февраля 1944 г. Это была первая встреча двух диктаторов после серии неудач на фронте в последние месяцы 1943 — начале 1944 г., приведших,

---

[266] Цит. по кн.: *Fătu M.* Op. cit., p. 89.

[267] Согласно этому договору, Румыния должна была поставить Германии 200 тыс. т пшеницы, 70 тыс. т ячменя, 50 тыс. т овса, 30 тыс. т кукурузы, 250 тыс. т гороха, 10 тыс. т фасоли, 30 тыс. т подсолнуха, 51 тыс. т картофеля, 5 тыс. т табака, свежих овощей на сумму 166,7 тыс. немецких марок, 40 тыс. голов крупного рогатого скота, 50 тыс. свиней, 30 тыс. овец, нефти на 553 млн. марок и т. д. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Acordul economic din 9.II 1944).

[268] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu..., S. 178—179.

как отмечалось, к обострению немецко-румынских отношений. После капитуляции Италии Гитлер с еще большим недоверием стал относиться к своим союзникам. Он утратил веру в их лояльность, знал о попытках за его спиной договориться с западными державами о выходе из войны и поручил своему штабу на всякий случай подготовить план оккупации Венгрии (Маргаретта—I) и Румынии (Маргаретта—II) немецкими войсками.

О разработке таких планов правящие круги фашистской Румынии, конечно, не знали. Но до них доходили отрицательные высказывания высокопоставленных деятелей рейха о Румынии как союзнике. Известны были также закулисные контакты гестаповцев с легионерами — противниками кондукэтора. Это вызвало обиду у И. Антонеску, верой и правдой служившего фюреру.

Накануне поездки кондукэтора в Зальцбург для встречи с Гитлером появился документ, озаглавленный «Записка об отношении Румынии к Германии по сравнению с отношением и проявлением к ней других оккупированных и союзных стран». На документе указана дата — 15 февраля 1944 г. Составлен он был явно по заданию кондукэтора с целью доказать необоснованность недовольства гитлеровцев румынским союзником. Трудно сказать, была ли «Записка...» передана правителям рейха, но она представляет интерес как документ, разоблачающий предательскую политику клики Антонеску. Вот отдельные выдержки из него: «Румынское общественное мнение отдает себе отчет в том, что Румыния обеспечила немецкие военные интересы так, как ни одно другое оккупированное или союзное государство, и поэтому она считает всякое немецкое недовольство несправедливостью и непонятной неблагодарностью». Несколько дальше говорится: «Правление маршала Антонеску идеально служит военным потребностям Германии... Румынский экспорт почти полностью направляется в Германию... Румынская нефть на треть покрывает военные потребности Германии. Условия оплаты за нее, предложенные Румынией, более выгодные, чем для любой другой страны. Если проанализируем данные об активах различных неоккупированных

стран в Берлинском компенсационном банке, то заметим, что активы Румынии больше всего возросли по сравнению с предыдущими годами. Подчеркиваем, наконец, беспрепятственную деятельность немецкого капитала на румынском рынке...»

В «Записке...» отмечается, что ни в одной другой стране «оппозиция» не ведет себя так мирно, как в Румынии. «Оппозиция (речь идет о буржуазной оппозиции. — *И. Л.)* маршалу Антонеску, — читаем в рассматриваемом документе, — сводится к нескольким письмам и предупреждениям, в которых бывшие политические деятели обращаются опять-таки к правительству, и не предпринимает никаких действий. Следовательно, это оппозиция ягнят, платоническая оппозиция, которую правительство в любой момент может заставить совсем замолчать».

Особенно подчеркивается в «Записке...» военный вклад Румынии в войну против СССР. «Ни один историк, — говорится в этом документе, — не сможет обойти роль, которую сыграли румынские войска в войне на Востоке. Данные о их потерях сами за себя говорят... Какой другой союзник внес и вносит такой военный вклад? Болгария, которая даже не объявила войну России? Финляндия, которая засела в обороне?»

Авторы «Записки...» хвастались тем, что поступились своими суверенными правами и предоставили особые привилегии немецкому меньшинству в Румынии, а Германии дали возможность распоряжаться судьбами этого населения. Они задают вопрос и сами же отвечают: «Если немецкое меньшинство гордится своими 40 000 членов, отправленных в немецкую армию, разве часть этой гордости не распространяется и на румынское правительство, которое разрешило отправку людей, являющихся гражданами страны? Если немецкая этническая группа гордится своими политическими военизированными формированиями, разве тем самым она косвенно не выражает признание правительству, которое позволило этническому меньшинству то, чего не разрешило коренному населению? Если в прошлом году два банка немецкой этнической группы перешли в разряд крупнейших банков Румынии, разве не озна-

чает это, что немецкая этническая группа переживает экономический расцвет?»

Как величайшая заслуга правящей фашистской клики Антонеску перед рейхом выставлялось решение в нацистском духе еврейского вопроса. Авторы доклада хвастались тем, что десятки тысяч евреев отправлены в лагеря «Транснистрии» либо уничтожены в самой Румынии, с гордостью пишут они, что «еврейская собственность в городах и сельской местности экспроприирована, они (евреи. — *И. Л.*) изгнаны из прессы, свободных профессий, торговли, промышленности, и если еще незначительное число их действует в последних двух отраслях, то это допускается лишь для того, чтобы не нарушить ритма экономической жизни в момент, когда из-за войны ощущается нехватка рабочих рук». В заключение читаем: «Большинство евреев привлечены к выполнению трудовых повинностей и работ военного и экономического значения, и от этого в первую очередь получает выгоду Германия. Ни в одной стране, кроме Германии, не приняты были такие радикальные меры по ликвидации всякого влияния и какой-либо деятельности евреев»[269].

Гитлер мог быть довольным своим партнером по антисоветской войне, но он требовал от румынского союзника еще больших усилий. Во время зальцбургских переговоров фюрер старался подбодрить румынского диктатора и убедить его, что Германия еще в состоянии вести войну на двух фронтах и «сделает все возможное, чтобы удержать Крым»[270]. Антонеску заверил фюрера в своем стремлении до конца сражаться на стороне Германии. В ходе беседы Гитлер много говорил о нелояльности Венгрии, но не стал посвящать Антонеску в свои планы оккупации ее немецкими войсками. И на сей раз попытки кондукэтора добиться от фюрера отмены решений венского диктата о Трансильвании не

---

[269] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Externe. Diverse strict secret. 1944. Nota privitoare la atitudinea României faţa de Germania în comparaţie cu atitudinea şi manifestările ţărilor ocupate şi aliate.

[270] *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ соч., с. 334, 335.

увенчались успехом. Гитлер опасался, что этим он совсем оттолкнет Венгрию от союза с Германией.

Фашистские диктаторы расстались полные решимости вести войну против СССР до конца. К моменту зальцбургских переговоров расстояние от линии фронта до румынских границ составляло еще несколько сотен километров. Кондукэтор пока надеялся на какие-то внешнеполитические перемены, которые позволят ему избежать катастрофы. Но, как часто случалось в последний год, прогнозы и планы фашистских правителей рушились под ударами Красной Армии. То же произошло и сразу после зальцбургской встречи.

Глава III

УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ НАСИЛИЯ И ГРАБЕЖА НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ. ПОДЪЕМ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ

После поражения под Сталинградом румынские военно-фашистские правители, потеряв уверенность в победном исходе войны и стремясь восполнить огромные затраты на войну, торопились выкачать как можно больше богатств с оккупированных советских территорий. Это осуществлялось путем усиления вывоза материальных ценностей, налогового пресса, принудительного труда. Главный упор делался на оголение в первую очередь «Транснистрии», ибо если Бессарабию и Буковину, как было ранее показано, правители фашистской Румынии надеялись удержать с помощью западных стран, то в возможность аннексии территории между Бугом и Днестром они мало верили. На заседании правительства 17 марта 1943 г. И. Антонеску еще раз напомнил: «Транснистрия — оккупированная территория, она служит оккупантам, а оккупантами являемся мы. Нужно, следовательно, максимально эксплуатировать эту территорию»[1]. Если до конца 1942 г. правители военно-фашистской Румынии, нацеливая своих подчиненных на грабеж, не задумывались об ответственности за содеянное, то после Сталинградской битвы, когда нависла угроза поражения, они стремились замести следы своих преступлений. Воздав должное губернатору «Транснистрии» Алексяну за деятельность по ограблению возглавляемого им губернаторства в 1941—1942 гг., И. Антонеску сказал: «...без экономического вклада Транснистрии мы пережили бы острый экономический кризис, который вызвал бы социальные волнения в Румынии... Нужно брать из Транснистрии

---

[1] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 787, л. 141—142.

как можно больше, но не оставлять за собой документы, чтобы не могли русские завтра вытащить и предъявить их нам за столом переговоров»[2].

Особые указания были даны относительно ускорения вывоза «военных трофеев», к которым оккупанты относили оборудование промышленных предприятий, мебель, химикаты, бумагу, краски, железо-скобяные изделия, школьные и канцелярские товары, произведения искусства, музейные реликвии и т. д. Их отправкой занимались до конца 1942 г. «Одесская служба захвата и сбора трофеев» и так называемые «организации z-1».

В целях усиления грабежа по указанию И. Антонеску 10 октября 1942 г. при Министерстве национальной обороны военно-фашистской Румынии была создана «Служба трофеев» и разработана инструкция о функциях этого органа, в которой сказано, что губернаторствам Бессарабия, Буковина и «Транснистрия» вменяется в обязанность «сообщить Министерству национальной обороны — «Службе трофеев» — о наличии любых трофейных материалов на территории соответствующих провинций, которые можно отправить в глубь страны»[3]. В начале 1943 г. И. Антонеску приказал создать при каждом губернаторстве «Бюро трофеев», поставив перед ними задачу «выявлять и отправлять в страну трофейные ценности»[4].

Первостепенное значение придавалось вывозу промышленных предприятий из губернаторства «Транснистрия». В стенограмме заседания «Военно-гражданского кабинета для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» (КББТ) от 20 января 1943 г. на этот счет сказано: «Те, которые будут осуществлять их эвакуацию, несут особую ответственность перед правительством и нацией. Эти предприятия нужно разместить в хороших местах и тотчас же пустить в эксплуатацию, чтобы получить от них максимальную пользу»[5]. Далее читаем: «Губернаторство составило новый план

---

[2] Там же, л. 133.

[3] Instrucţiunea N 39124 din 27 Decembrie 1942 pentru organizarea şi funcţionarea Serviciului Capturării. Dirijarea şi depozitarea materialelor capturate. Cestionarea, verificarea, distribuţia şi evaluarea materialelor. Sancţiuni, p. 9.

[4] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 582 л. 7.

[5] Там же, л. 18.

(вывоза. — *И. Л.*), который был представлен маршалу»[6]. Согласно этому «новому» плану, составленному в конце 1942 — начале 1943 г., из «Транснистрии» подлежали вывозу 63 фабрики и завода. Судя по отчету бывшего руководителя «организаций z-1» Касиана, до 26 июля 1943 г. из «Транснистрии» было отправлено в Румынию 26 фабрик и заводов. В отчете также сказано, что оборудование еще пяти предприятий «готово к отправке», а других восьми «инвентаризировано»[7].

В сводной ведомости, составленной «Службой трофеев», отмечалось, что до 5 августа 1943 г. в Старое королевство было вывезено 40 513 вагонов «военных трофеев» общей стоимостью 33 105,9 млн. леев и 3302 вагона на сумму 3969 млн. леев подготовлены к отправке и временно находятся на складах в губернаторствах[8]. Данные эти далеко не полные. Руководитель «Службы трофеев» полковник Кырлан указывал в своем отчете, что имеются материалы, которые были переданы промышленным объединениям и частным предприятиям без предварительной инвентаризации, так как они были взяты до создания «Службы трофеев», т. е. до октября 1942 г.[9]

Большие усилия фашистские захватчики прилагали для изъятия без остатков продовольственных и сырьевых ресурсов. К действующим приказам добавились новые. Так, постановлением губернаторства «Транснистрия» от 31 декабря 1942 г. «вся шерсть, полученная от стрижки овец, баранов и ягнят», а также хлопок, пух и пряжа были объявлены перешедшими в распоряжение гражданского губернаторства[10]. Для выявления и учета сельскохозяйственных ресурсов 5 февраля 1943 г. началась новая перепись скота, птицы и ульев[11].

---

[6] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 121.

[7] Там же, л. 7.

[8] Там же, д. 894, л. 1—5 (см. графики № 2 и 3). Отправленные «военные трофеи» были распределены следующим образом: военным властям — 14 678 вагонов стоимостью 15 021 млн. леев, гражданским учреждениям и ведомствам — 23 851 вагон на сумму 17 196 млн. леев, частным лицам — 1984 вагона стоимостью 888,9 млн. леев.

[9] Там же, л. 13.

[10] Там же, д. 37, л. 13.

[11] Там же, ф. 814, оп. 2, д. 3, л. 71.

После этого были отобраны 3000 лучших пчелиных ульев и «в соответствии с планом оснащения девяти уездов Дунайской равнины» отправлены в Румынию[12]. 18 апреля 1943 г. Алексяну объявил, что подлежат сдаче оккупационным властям «льняная и конопляная пряжа, а также необработанные конопля и лен[13].

Ограбление местного населения усилилось и в связи с размещением на территории между Бугом и Днестром остатков разгромленных под Сталинградом 3-й и 4-й румынских армий. Военное командование потребовало для снабжения этих войск дополнительно 885 вагонов пшеницы, 112 вагонов сахара, 1540 т подсолнечного масла, 35 437 голов скота и т. д.[14] Появились приказы о введении новых и повышении старых налогов, выплачиваемых натурой. Дубоссарский жандармский легион докладывал префектуре, что население «недовольно претворением в жизнь приказа № 115/943 губернаторства Транснистрия, согласно которому каждый житель обязан сдать государству по 50 кг мяса, для чего жители должны сообща покупать скот и сдавать его живым государству, а также сдавать молоко, яйца, домашнюю птицу и т. д.» Жандармы были вынуждены признать, что местные жители «не имеют возможности выполнить эти обязательства, так как лишены самого необходимого для повседневного существования, а органы власти не считаются с их материальным положением»[15].

На заседании правительства 5 мая 1943 г. губернатор «Транснистрии» заверял кондукэтора, что «отдает все, до последнего зернышка»[16]. В одном из его отчетов говорится: «С 1 сентября 1942 г. до 31 июля 1943 г. отправки в страну зерна, продовольствия и различных материалов проводились ускоренными темпами»[17]. Усердие Алексяну было отмечено еще на заседании КББТ 12 февраля 1943 г. Один из ответственных работников этого правительственного органа Яманди, в частности, сказал: «Как я уже говорил, из Транснист-

---

[12] Там же, д. 585, л. 378.
[13] Там же, ф. 413, оп. 1, д. 16, л. 42.
[14] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 19, л. 130.
[15] Там же, ф. 411, оп. 1, д. 82, л. 246.
[16] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 588, л. 42.
[17] Там же, д. 518, л. 106.

рии было привезено много зерна. Из ста с лишним тысяч вагонов осталось еще взять 57 тыс. С учетом потребностей дислоцированных там войск нужно еще перевезти 30 тыс. вагонов»[18]. Доволен был и кондукэтор. 17 июня 1943 г. он написал на докладной записке Алексяну: «Без тех 53 тыс. вагонов зерновых, привезенных из Транснистрии только с сентября 1942 г., в стране был бы страшный кризис. Если добавить к этому... отмеченные в отчете товары, находящиеся на складах, а также доходы, указанные Министерством финансов от разницы цен при реализации продовольствия из Транснистрии (табака, водки, сахара), которые, если я не ошибаюсь, достигают 10 000 000 000 леев... то не могу не выразить глубочайшую признательность г-ну Алексяну, что бы там ни говорили беспомощные сплетники и завистники, коротающие время в кафе»[19].

Строгие указания об усилении «заготовок и отправок» зерна и продовольствия в Румынию получили также губернаторы Бессарабии и Буковины. Согласно отчету губернаторства Бессарабия, с 1 августа 1942 г. по 15 июля 1943 г. в Румынию было вывезено 31 662 вагона зерна, подсолнуха, картофеля и других сельскохозяйственных продуктов.

На основе материалов, представленных губернаторствами, КББТ составило сводную ведомость о «вкладе» Бессарабии, Буковины и «Транснистрии» в экономику Румынии до 1 августа 1943 г. В документе отмечается, что данные «неполные». Только из губернаторств Бессарабия и «Транснистрия», как следует из этой ведомости, в Румынию было отправлено: зерновых — 75 287 вагонов, продовольствия — 8032, фуража и овощей — 6422 вагона, скота — 96 118 голов, кожи — 171 009 единиц, птицы — 72 665 голов, других товаров — 8389 вагонов. Кроме того, для «союзных» армий (румынской, немецкой, венгерской, итальянской) в этих же губернаторствах было изъято: зерновых — 45 341 вагон, продовольствия — 7454, фуража и овощей — 65 912 вагонов, скота — 360 570 голов, птицы — 842 769 голов и т. д.[20] Стоимость отправленных в Румынию

---

[18] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 106.
[19] Там же, д. 52, л. 82.
[20] Там же, д. 945, л. 1.

продовольственных и сельскохозяйственных товаров оценивается в ведомости в 50 млрд. леев.

В условиях поражений на фронте, когда осуществление программы колонизации и румынизации оккупированной территории фактически срывалось, клика Антонеску решила приступить к ускоренной распродаже так называемой «румынизированной» собственности, которая по прежним планам должна была стать первоначальной материальной основой будущей колонизации. В постановлении ведомства румынизации и колонизации от 21 января 1943 г. говорилось, что к покупке этого имущества «допускаются только румыны, чье румынское этническое происхождение будет установлено и проверено комиссией»[21].

От реализации «румынизированной» собственности фашистская клика надеялась покрыть какую-то часть военных расходов, а также путем предоставления некоторых льгот в приобретении этих ценностей участникам антисоветской войны «внести, — как выразился вице-премьер румынского правительства, — успокоение в этом направлении»[22]. Но число желающих купить упомянутые ценности, особенно недвижимое имущество, резко сократилось. Под прикрытием «распродажи» материальных ценностей по «льготным» ценам довершалось начатое в 1941—1942 гг. уничтожение так называемого «румынизированного» имущества[23].

Капиталисты, которые под видом румынизации экономики хлынули в губернаторства в 1941—1942 гг. и уже успели нажиться, после поражения под Сталинградом стали лихорадочно отправлять награбленное в Румынию. В феврале 1943 г. квестура полиции Кишинева докладывала, что «в связи с окончанием сопро-

---

[21] Buletinul oficial al Bucovinei, 1943, N 3, 1 Februarie, p. 3.

[22] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 586, л. 306.

[23] Аналогичные факты имели место и в самой Румынии. Руководящий работник КББТ Рэдулеску, сопровождавший в инспекционной поездке осенью 1943 г. нового министра румынизации и колонизации Влэдеску, рассказывал на одном из заседаний: «То, что мы видели... ошеломило нас. Огромное имущество, оцениваемое в 150 млрд. леев, плохо администрируется. Мы посетили уезды Прахова, Бузэу, Текуч, Рымникул Сэрат... Уничтожены все эти ценности. В уезде Бузэу уничтожены десятки гектаров виноградников... Можно себе представить, что должно твориться в Бессарабии и Буковине» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 490).

тивления немецких и румынских войск под Сталинградом» возникло «тревожное состояние» и «некоторые лица отправили часть своего, наиболее ценного имущества в Бухарест и другие города в глубине страны»[24]. Подобные донесения поступали от местных властей многих городов и сел оккупированных советских территорий, а приводимые в них конкретные факты свидетельствовали о том, что вес отправляемого «ценного багажа» составлял сотни килограммов. Отдельные капиталисты начали свертывать производство. Как докладывала черновицкая квестура, владельцы предприятия «Текста» Рэдулеску и Врынчану с наступлением лета стали увольнять рабочих и вывозить материальные ценности в Старое королевство[25].

В новой обстановке утратила смысл и ранее проводимая шумная реклама так называемой колонизации советских территорий. Даже самые оптимистически настроенные вояки, мечтавшие стать колонистами-помещиками, усомнились в возможности этого. Пришлось приостановить начатое насильственное выселение русского и украинского населения с Приднестровья в целях создания земельного фонда для будущих колонистов. Армейская контрразведка сообщала, что во время осуществления этой операции «не обошлось без листовок, призывающих население оказывать вооруженное сопротивление подобным мерам, к поджогу хозяйств, с тем чтобы они не доставались врагу»[26]. Контрразведка предупреждала правительство, что продолжение «эвакуации» может привести к усилению саботажа и диверсий со стороны местных жителей, особенно на железных дорогах, к созданию такой ситуации, «сложность которой следует уже сейчас предвидеть»[27].

Опасения оправдались. Политика грабежа и насилия, проводимая фашистскими захватчиками на оккупированной территории, наталкивалась на растущее с каждым днем сопротивление советских трудящихся, возглавляемых коммунистами. «Благодаря известиям о ходе военных операций, проникшим в среду местного населения, — читаем в месячном отчете губернаторст-

---

[24] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4418, л. 342.
[25] ЧОГА, ф. Р-307, д. 1103, л. 1.
[26] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 16, л. 429 об.
[27] Там же, л. 433.

ва «Транснистрия», — коммунистическое подпольное движение в течение января 1943 г. прогрессирует»[28]. Далее в отчете отмечается, что в «Одессе, Тирасполе[29] и других населенных пунктах были разбросаны на улицах подпольные листовки, написанные на машинке и от руки, в которых воспроизводятся сводки и комментарии советских радиостанций о ходе военных операций». В мартовском отчете губернаторства «Транснистрия» с тревогой сообщается, что в листовках «население призывается прятать скот и зерно, уничтожать мосты и нападать на оккупационные войска», а «в листовках, распространенных в Тирасполе, военнопленные и все способные держать в руках оружие призываются вступать в партизанские банды»[30].

К усилению борьбы против оккупантов звали народ и подпольные организации правобережных районов Молдавской ССР. Кишиневские подпольщики в листовке, распространенной в городе в конце февраля 1943 г., взволнованно писали: «Граждане Бессарабии! День нашего освобождения из рабства приближается... Сталинград стал могилой войск оси. Сталинград стал символом и гарантией окончательного освобождения всех народов из-под ярма и рабства...» «Перед лицом террора, — говорилось далее в листовке, — сплачивайте ряды под знаменем Коммунистической партии, создавайте подпольные боевые комитеты, защищайте свой хлеб и имущество»[31].

О приближении «часа полного освобождения» сообщали трудящимся и советские патриоты Северной Буковины. В листовках, распространенных в Черновцах 27 февраля и 8 марта 1943 г., а также среди пассажиров в поездах, они звали рабочих и крестьян к объеди-

---

[28] Там же, д. 544, л. 11, 15.

[29] Сохранилось 29 листовок тираспольских подпольщиков, воспроизводящих сообщения Совинформбюро конца 1942 — первой половины 1943 г. (см.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 168, л. 1—19).

[30] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 544, л. 166.

[31] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. 2. Кишинев, 1976, с. 296, 297.

нению, к борьбе против румынских бояр и духовенства, против «государств оси»[32].

Трудящиеся оккупированной территории с восторгом и радостью встречали известия о наступлении Красной Армии, с нетерпением ждали своего освобождения и делали все возможное, чтобы приблизить этот час. «Занятие Сталинграда, Ростова и части Донецкой области советскими частями, — докладывала примария с. Твардица Комратской волости, — вызвало среди населения подведомственной нам территории, особенно в среде бедняков, удовлетворение; некоторые из них стали даже проводить пропаганду и сеять тревогу, заявляя, что русские находятся уже в Одессе, советуя населению не содействовать сельским властям в выполнении приказов, в связи с чем большинство жителей стали уклоняться от трудовой повинности, пряча подводы и лошадей, а другие исчезали из села на долгое время»[33].

Голтянский жандармский легион жаловался, что в связи с успехами советских войск многие жители стали открыто выражать враждебное отношение к румынскому государству, «произнося публично угрозы без всякого страха», нелестно отзываться о румынской армии и администрации, а сельский агроном В. Филоненко из с. Копаль в начале марта 1943 г., полагая, «что русские скоро будут в Транснистрии, не посчитался с распоряжениями румынских властей и без всякого приказа свыше распорядился в общинах № 214 и 315 раздать населению всю пшеницу и весь овес из амбаров, чтобы их не взяли отступающие румыны»[34].

Фактором огромного значения, способствовавшим подъему активного сопротивления оккупантам, явилась массово-политическая работа ЦК КП(б) Украины, ЦК КП(б) Молдавии, Украинского штаба партизанского движения (УШПД) и его Молдавского отдела (создан в декабре 1942 г.), штабов и политорганов армий Южного фронта среди населения юга Украины и Молдавии.

---

[32] Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали. Київ, 1967, с. 221, 222; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 394, л. 7; ф. Р-307, д. 1131, л. 2, 3.

[33] ЦГА МССР, ф. 112, оп. 2, д. 51, л. 20.

[34] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964, с. 171—173.

Масштабы этой работы резко возросли после Сталинградской битвы. Регулярно стали производиться заброски в эти районы листовок, воззваний, приказов Верховного Главнокомандующего Красной Армии, информационных материалов («Вести с Советской Родины», «Итоги двух лет войны» и др.), обращений антифашистских митингов представителей трудящихся Украины и Молдавии.

Более эффективно использовалось в массово-политической работе радиовещание. С весны 1943 г. кроме радиостанций «Радянська Україна» и имени Т. Г. Шевченко на Украине начала вещать станция «Дніпро»[35]. Осуществляемые этими радиостанциями передачи оказывали влияние и на борьбу трудящихся украинских областей, оккупированных фашистской Румынией[36]. Молдавская редакция при Всесоюзном радиокомитете организовала передачи для трудящихся республики под лозунгом «Молдавия была и будет советской!» Проводились они на молдавском языке пять раз в день, в том числе один раз под специальной рубрикой: «Передача для партизан»[37]. В передачах для временно оккупированных территорий участвовали руководящие партийные и советские работники УССР и МССР, фронтовики, передовые рабочие и колхозники, деятели науки и культуры.

Слово партии, ее призывы и советы доходили до трудящихся временно оккупированной территории, способствовали активизации народной борьбы. «Создается впечатление, — читаем в «Информационном бюллетене» кишиневской сигуранцы за май 1943 г., — что в последнее время коммунистические элементы усилили свою деятельность. В связи с отсутствием центрального руководства в Бессарабии ими руководит и призывает к действиям Москва через советские радиостанции и разные письменные обращения, сбрасываемые с самолетов (листовки, сброшенные в ночь с 14 на 15 мая

---

[35] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2. Киев, 1975, с. 201.

[36] Радянська Буковина. 1940—1945, с. 255.

[37] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. 1. Кишинев, 1975, с. 311.

сего года)»[38]. Из документов оккупационных властей явствует, что особенно большое распространение получила листовка «Бейте врага с тыла!», в которой ЦК КП(б) Молдавии и правительство республики сообщали об успехах Красной Армии на фронтах войны, заверили трудящихся, что «Гитлер и его румынские приспешники безнадежно проиграли войну» и «недалек тот час, когда Красная Армия придет в города и села Молдавии». Народ призывался не платить налогов и не сдавать оккупантам сельскохозяйственных продуктов, саботировать все их мероприятия, помогать Красной Армии «громить ненавистных врагов советского народа»[39].

В упомянутом бюллетене кишиневской сигуранцы сказано, что в результате советской пропаганды «саботируются любые мероприятия административного порядка, они постоянно сравниваются с мероприятиями, проводимыми Советами, делаются неблагополучные для нашего режима выводы, используются ошибки местных руководящих органов».

В обстановке роста освободительного движения ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)М разработали меры по установлению прямой связи с подпольными организациями Молдавии, западных и юго-западных областей Украины в целях оказания им необходимой помощи. В оперативном плане боевых действий партизанских отрядов Украины на весенне-летний период 1943 г. нелегальный

---

[38] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4657, л. 79. Упомянутые листовки, заброшенные на территорию Молдавии в середине мая 1943 г., получили распространение во многих селах, в частности Бужоры, Криково, Кристешты, Чоплены, Яловены Кишиневского уезда, Бульбока, Карбуна, Гангура, Гура-Быкулуй, Талмаз Бендерского уезда, Епурены, Калмацуй, Поганешты Кагульского уезда, а также в г. Котовске. Спустя месяц оккупационные власти докладывали, что в с. Сарата-Галбенэ жители продолжают хранить эти листовки «в качестве доказательства своей симпатии к большевикам, успехам которых радуются и ожидают их прихода» (там же, д. 4589, л. 477). В другом агентурном донесении говорится, что «после последнего визита советских самолетов, с которых были разбросаны листовки, стало заметно, что многие жители магалы Святой Пятницы и с. Скиносы (пригородов г. Кишинева. — *И. Л.*) выражают радость по поводу ожидаемого возвращения большевиков» (там же, д. 4722, л. 598).

[39] В тылу врага. Листовки партийных организаций и партизан периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1962, с. 165—166.

ЦК КП(б)У предусмотрел отправку в Винницкую, Каменец-Подольскую, Измаильскую и Черниговскую области уполномоченных ЦК КП(б)У и УШПД с группами партийных работников[40]. Но эти меры не сразу дали результаты[41]. Из-за трудностей выброски групп организаторов подполья и партизанского движения непосредственно на территорию Молдавии ЦК КП(б)М, учитывая опыт боевой деятельности рейдовых отрядов других республик, с согласия Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) принял решение о направлении групп организаторов партизанских отрядов Молдавии в районы деятельности украинских соединений, ставя перед ними задачу комплектования отрядов, приобретения боевого опыта и последующего выхода на территорию МССР[42].

Несмотря на неблагоприятные условия и отсутствие связи с Большой Землей, подпольные партийные, комсомольские и патриотические антифашистские организации росли и крепли на всей оккупированной территории от Прута до Буга. В феврале 1943 г. Одесский обком распространил распоряжение, в котором перед подпольными организациями города и области ставились конкретные задачи в связи с наступлением Красной Армии и усилением вывоза оккупантами промышленного оборудования и других материальных ценностей. Обком рекомендовал усилить диверсионные действия на предприятиях промышленности и транспорта, делать все возможное, чтобы не дать врагу грабить народное добро[43]. Устанавливая и укрепляя связи с

---

[40] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 3-х т., т. 2. Киев, 1980, с. 222.

[41] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 188; *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Кишинев, 1970, с. 234—235.

[42] Об организации, боевой и политической деятельности рейдовых отрядов и соединений молдавских партизан см.: *Кожухарь М.* Первое молдавское... Кишинев, 1963; *Шкрябач Я.* Дорога в Молдавию. Воспоминания командира. Кишинев, 1966; *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Указ. соч., с. 235—274; *Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии. Кишинев, 1974, с. 45—143; Партизаны вспоминают... Кишинев, 1980.

[43] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2, с. 216—217.

подпольными организациями города и области, обком помогал им литературой и агитационными материалами. Больше стал размножаться и шире распространяться среди подпольных организаций информационный бюллетень обкома «За Советскую Родину». Только для подпольщиков прибугских районов с осени 1942 по март 1943 г. обком прислал через связных 80 разных документов и агитационных материалов, которые на местах размножались и распространялись среди населения[44]. Благодаря большой организаторской и массово-политической работе обкома, его районных организаторов, Водотранспортного подпольного райкома в начале 1943 г. в городе и области возникли новые подпольные организации и группы, резко возросло число членов в ранее созданных организациях[45].

Укрепились коммунистические подпольные организации в южных районах Винницкой области, входящих в так называемую «Транснистрию». Жмеринская подпольная организация «Советские патриоты» во главе с коммунистами К. С. Гришиным и В. В. Киняевым к лету 1943 г. насчитывала 13 групп и распространяла свое влияние на многие села Жмеринского, Станиславского, Шаргородского и других районов[46]. Организация издавала газету «Красный партизан», листовки, вела активную пропагандистскую работу среди населения, а также словацких, венгерских и румынских солдат, ее члены организовывали диверсии на промышленных и транспортных предприятиях Жмеринки.

В Шаргородском районе коммунистическое подполье возглавлял партийный комитет (И. Г. Гречаный, И. К. Даньков, Е. И. Казимиров, Н. И. Малинский, Ф. И. Степанов). К лету 1943 г. в районе действовали 22 подпольные группы.

Большую работу по организации подполья осуществлял переправленный в начале 1942 г. в тыл противника в качестве уполномоченного ЦК КП(б) Украины

---

[44] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 189.

[45] Там же, с. 188—189; Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970, с. 273, 277—280, 288.

[46] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 187; *Бурченко Д. Т.* Рейд к Южному Бугу. Киев, 1978, с. 113—114.

М. Ф. Подгаецкий, работавший до войны секретарем Комсомольского райкома партии на Винничине. В результате его кипучей деятельности в течение 1942 г. возникли подпольные организации и группы во многих населенных пунктах Песчанского, Чечельницкого, Кодымского районов. Подгаецкий установил связь с подпольщиками Жмеринки, Одессы, Тирасполя и других населенных пунктов и снабжал их листовками, которые печатались в подпольной типографии Кодымы.

В октябре 1942 г. в Чечельницкий район был переправлен по заданию ЦК КП(б) Украины в качестве парторга Г. Я. Савранчук. Обосновавшись в с. Старо-Луг, он создал партийно-комсомольскую группу и вскоре, установив связь с подпольщиками Чечельника, Ободовки, Песчанки, Кодымы, стал координировать с ними свои действия.

Разветвленная сеть подпольных групп образовалась в Бершадском районе. Организатором подполья являлся коммунист А. Р. Пилипчук, оставленный на временно оккупированной территории Бершадским РК КП Украины. Еще в декабре 1941 г. начал действовать под руководством А. Р. Пилипчука и Я. М. Талиса районный штаб, практически выполнявший функции подпольного райкома партии. В 1943 г. он объединял уже свыше 220 человек[47].

После исторической победы под Сталинградом резко увеличилось число подпольных организаций в Молдавской ССР. В одном Тирасполе и его пригородах их действовало около десяти (В. С. Панина, П. Е. Кустова, З. Н. Чебан и др.). В г. Сороки и близлежащих селах Иоржница, Застынка и других возникла организация во главе с бывшим работником милиции Г. М. Гуменным. В Дубоссарах действовали три подпольные группы (И. Г. Дешевый, Д. И. Надводский, М. И. Куликов, Н. Д. Молчанов и др.). В Унгенах развернула деятельность молодежная организация под руководством комсомольца В. Н. Гавриша. Действуют подпольные организации во многих селах: Ново-Котовск (Н. Т. Будяк), Моара де Пятрэ и София (В. Вец, М. Вишневский), Дундук (М. М. Чернолуцкий), Шерпены (А. И. Руснак), Кугурешты и Николаевка (С. Гу-

---

[47] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 116, 176, 183, 184—186.

леватый), Новые Криганы (В. Мельник) и др. В организации вовлекаются крестьяне-единоличники.

Активизируется народная борьба против оккупантов в Северной Буковине. В «Бюллетене информации» от 2 апреля 1943 г. «Специального отряда» ССИ по Буковине отмечалось, что подпольные комсомольские организации появились на предприятиях Черновиц: «Хербес», «Трикотания», «Тринако»[48].

Несколько десятков человек объединяла подпольно-патриотическая группа в г. Черновцы, возглавляемая комсомольцем М. Батерро. Она выпускала листовки, проводила большую пропагандистскую работу среди населения[49].

В конце 1942 г. в с. Ивановцы Кельменецкого района комсомольцами И. С. Чепурняком и Н. Б. Рудым была создана подпольная комсомольская организация. Главную роль в ее возникновении и деятельности сыграл участник Хотинского восстания 1919 г. старый подпольщик Р. Д. Каланжий. К концу 1943 г. в организации уже насчитывалось 12 человек. Они собирали оружие, выпускали и распространяли листовки, устанавливали связи с подпольщиками Бричанского района Молдавской ССР, отсюда снабжались политической литературой. Члены подпольной комсомольской организации совершили несколько нападений на жандармские посты, сожгли хлеб у помещика Телинского. Осенью 1943 г. они совершили покушение на румынского подполковника, приехавшего из Хотина в Кельменцы для проведения мобилизации в румынскую армию. По машине были брошены две гранаты. В апреле 1943 г. Чепурняк и Рудой установили связь с разведчицей В. И. Бережной, заброшенной УШПД, и передавали ей ценные сведения о противнике[50].

В начале 1943 г. возникает подпольная патриотическая группа в районном центре Сокиряны, возглавляемая А. Я. Милевичем. В Сокирянском районе, в селе и на станции Романковцы, а также в окружающих селах действовали подпольные антифашистские группы (П. и

---

[48] ЧОГА, ф. 30, оп. 4 д. 396, л. 26—27.

[49] *Комарницький С. І.* Радянська Буковина в роки Великої Вітчизняної війни. 1941—1945. Київ, 1979, с. 75, 76.

[50] Битва за Буковину. Ужгород, 1967, с. 11—12; *Комарницкий С. И.* Указ. соч., с. 73—74.

В. Чайковские, К. Попович, В. Маковей, П. Хрущевский и др.), которые вели агитационно-пропагандистскую работу среди населения. Летом 1943 г. в разгар уборки урожая юные патриоты подожгли хлеб, скошенный в имении местного помещика Крупенского[51].

Ширилось движение сопротивления оккупантам на Измаильщине. В 1943 г. по поручению Болградской подпольной организации А. А. Иванов организовал молодежное подполье в с. Червоноармейское. Другая подпольная комсомольско-молодежная организация возникла в с. Владычены. Ее возглавил бывший инструктор Болградского РК ЛКСМУ И. И. Колев. Подпольная группа (И. Торов, М. Данчев, Г. Стоянов и др.) действовала в с. Задунаевка[52]. Советские патриоты проводили агитацию среди населения, призывая его к борьбе против оккупантов, организовывали саботаж их мероприятий.

Активизация деятельности подпольных организаций и групп сопровождалась совершенствованием форм и методов борьбы с врагом. Усиливая с каждым днем агитационно-пропагандистскую работу среди населения, подпольщики наряду с этим все больше внимания стали уделять диверсиям и саботажу. В упомянутом январском отчете губернаторства «Транснистрия» отмечается, что возле станции Григорьевка пущены под откос железнодорожные эшелоны, а на станции Раздельная выводятся из строя паровозы[53]. На Одесской электростанции подпольно-патриотическая группа, возглавляемая слесарем В. Я. Борисенко, выполняя задания организатора подполья по Ленинскому району Л. К. Ковальского, совершила крупную аварию, в результате чего электростанция была остановлена на ремонт. Советские патриоты выводили из строя инструменты, измерительные приборы и оборудование станции, некачественно ремонтировали котлы[54]. По заданию того же Л. К. Ковальского на Одесском комбикормовом заводе

---

[51] Битва за Буковину, с. 12; *Комарницкий С. И.* Указ. соч., с. 75; Зориле Буковиней, 1981, 15, III; Радянська Буковина, 1981, 9.XI.

[52] Советский Придунайский край. 1940—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970, с. 217—218.

[53] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 544, л. 14.

[54] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 278.

подпольно-патриотическая группа во главе с механиком Г. А. Ивановым вывела из строя трубопровод главной магистрали, затягивала ремонт машин и оборудования[55].

Много актов саботажа совершила подпольная организация, руководимая комсомольцем Г. И. Калитченко, электромехаником мастерских Одесского автомобильного техникума. Действуя по указанию обкома партии и организатора подполья в Ильичевском районе В. П. Добровольского, группа привела в негодность два токарных и зуборезный станки, неоднократно выводила из строя шлифовальную машину мастерских. Препятствуя оккупантам в вывозе оборудования и машин, подпольщики уничтожали приспособления к станкам, похитили три аккумулятора, на сантехзаводе были выведены из строя болторезный и револьверный станки, бормашина, паровой молот, штамповальный станок, спрятаны четыре электромотора; в железнодорожном техникуме спрятаны два токарных станка, сохранены оборудование литейного и кузнечного цехов, генератор и мотор местной электростанции.

С декабря 1942 г. установила связь и стала выполнять поручения В. П. Добровольского подпольная диверсионная организация В. В. Филиппова, действовавшая на железнодорожной станции Одесса-Товарная. Получив от Добровольского два килограмма наждачного порошка, подпольщики засыпали его в цистерны, с горючим и в буксы вагона передвижной железнодорожной мастерской, выведя их из строя. Через работника лаборатории Одесского торгового порта И. Г. Скумбрий группа систематически заражала вредителями зерно, отправляемое в Румынию. По заданию обкома совершала диверсионные акты в порту и на предприятиях Одессы подпольная группа А. Т. Веккера. На станции Балта подпольщики разрушали железнодорожные пути, выводили из строя семафоры и стрелки[56]. В марте 1943 г., как сказано в докладе руководителя румынской контрразведки Кристеску, «коммунистические ячейки главных железнодорожных мастерских (Январский завод) подожгли цех инструментов, который

[55] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 276.

[56] Там же, с. 252—253, 270—271, 275, 289.

был полностью уничтожен»[57]. По заданию Шаргородского подпольного райкома группа в составе И. Д. Малеванчука, М. К. Скальского и М. Г. Радецкого пустила под откос четыре вражеских эшелона. Диверсионная группа подпольной организации, руководимая Г. Я. Савранчуком, подожгла в Ободовке лесотарный завод, авторемонтные мастерские, невдалеке от станции Щербатово и Рудница взорвала два вражеских эшелона[58].

Документы оккупационных властей свидетельствуют о росте числа диверсий и актов саботажа на территории МССР и Измаильской области. В конце марта 1943 г. на станции Бендеры в результате диверсии взлетел на воздух эшелон с бензином, предназначенным для фашистской авиации[59]. В Тирасполе 12 мая 1943 г. были подожжены три склада награбленного оккупантами добра, из которых два принадлежали командованию «Трофейного имущества Востока», а третий — Тираспольской уездной префектуре. Полностью были уничтожены 68 т масла, 60 т мучных изделий, 8,5 т сушеных фруктов, 250 т фасоли, 300 т пшеницы, 4,7 тыс. банок консервов и многое другое. Сгорели также три вагона с военным имуществом. В донесении Кишиневского областного инспектората полиции от 31 мая 1943 г. с тревогой отмечается: «Нижеприведенные примеры за май заставляют нас думать, что коммунистические элементы в последнее время получили инструкцию об усилении деятельности по распространению пораженческих слухов и активизации саботажа. В ночь с 13 на 14 мая сего года в 3 часа 20 минут в с. Атаки Сорокского уезда загорелся и сгорел завод для рафинирования подсолнечного масла, принадлежащий государству[60]. В эту же ночь во время пожара над военным складом фуража были запущены ракеты тремя неизвестными лицами, охрана склада преследовала их ружейными выстрелами, но им удалось скрыться...

---

[57] Там же, с. 224.

[58] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 116.

[59] История Молдавской ССР, т. II. Кишинев, 1968, с. 467.

[60] В докладной записке арендатора завода говорится, что «завод был подожжен бандами так называемых партизан», и это предположение подкрепляется тем, что «в эту же ночь, в этот же час шесть человек, разделенных на две группы, атаковали одновременно бензохранилище и армейский склад, находящийся в этом селе» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 92, 92 об.).

Многочисленные пожары, возникшие в последнее время одновременно в селах Изворы, Албинец, Кирилены, Глодяны, Скуляны, Рышканы, Пырлица и Навырнец Бельцкого уезда и в с. Ниспорены Лапушнянского уезда, внушают подозрение, что они вызваны коммунистическими агентами.

Полагаем, что потопление дунайских судов «Измаил» и «Михай Витязул» при доложенных обстоятельствах было результатом саботажа коммунистических агентов»[61].

Особое беспокойство оккупационных властей вызывали участившиеся нападения на полицейских, жандармов и представителей армии. В отчете за март 1943 г. начальник голтянского жандармского легиона с тревогой писал: «Ход военных операций, благоприятный Советам в конце прошлого месяца и в начале марта, очень повлиял на умы партизан. Организуясь на протяжении всего оккупационного периода и не дожидаясь момента развязки намеченной программы, они в иных местах уже начали свою деятельность»[62]. Настоящий переполох вызвали в стане фашистских карателей действия юных патриотов с. Крымка. В ночь с 18 на 19 февраля группа подпольщиков, возглавляемая П. К. Гречаным, осуществила вооруженное нападение на жандармский пост села, убила жандарма и освободила двух арестованных товарищей[63]. «Из расследования случая нападения партизан в феврале 1943 г. на жандармский пост с. Крымка, — говорится в отчете губернаторства «Транснистрия» за март 1943 г., — установлено, что партизаны действовали по заранее продуманному плану, предварительно разведав местность, и на основе схемы размещения поста»[64].

Вооруженная стычка произошла в с. Балайчук Березовского района. Хорошо вооружившись, подпольная организация Березовки решила уйти в Савранские леса, предварительно перебив жандармов и полицаев в райо-

---

[61] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4657, л. 79.

[62] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 171.

[63] Одесса в Великой Отечественной Войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. 2. Одесса, 1950, с. 193—194; Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 319.

[64] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 544, л. 166.

не[65]. Но осуществить этот план не удалось. Жандармы напали на след организации и надеялись легко покончить с советскими патриотами. Однако, как отмечается в февральском 1943 г. отчете губернаторства «Транснистрия», при аресте подпольщики Березовки оказали вооруженное сопротивление карателям. В схватке были убиты офицер и два рядовых жандарма, двое ранены[66].

Напуганные активизацией борьбы трудящихся, оккупационные власти усилили террор, беспощадно карали за любое проявление сопротивления. С особой жестокостью они расправлялись с коммунистами, комсомольцами, членами подпольных организаций и партизанских отрядов, а также советскими военнопленными, все большее число которых бежало из лагерей и становилось на путь борьбы с иноземными захватчиками. В начале февраля 1943 г. по приказу немецкого командования в Одессе было расстреляно 78 советских военнопленных[67]. Мобилизовав весь аппарат карательных органов и использовав провокаторов, оккупационные власти «Транснистрии» в течение февраля—июня 1943 г. смогли раскрыть и арестовать около 300 участников одесского подполья, в том числе секретарей подпольного обкома А. П. Петровского и С. С. Сухарева, секретаря Воднотранспортного райкома М. Г. Решетникова, районных организаторов Л. К. Ковальского, В. П. Добровольского, А. О. Третьяка, руководителей организаций и групп М. Н. Евстратенко, А. Т. Веккера, В. И. Литовченко, В. А. Молотова, В. В. Филиппова, И. С. Соловьева и др.[68]

Руководитель ССИ Е. Кристеску в докладе «Об организации и подрывной деятельности обкома (партийного комитета Одесской области)» писал: «Проведенные до сих пор расследования приводят к выводу, что, хотя обком (подпольный) не был полностью организованным, тем не менее представлял большую угрозу для безопасности оккупационных армий и румынской ад-

---

[65] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 293.

[66] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 544, л. 93.

[67] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 137.

[68] Там же, с. 190; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2, с. 295.

министрации»[69]. Большинство схваченных подпольщиков Одессы было уничтожено фашистами. Тяжелые потери понесла Березовская подпольная организация: 59 ее членов было расстреляно в марте 1943 г.[70] От рук фашистских карателей погибли юные патриоты «Партизанской искры»[71].

В конце апреля 1943 г. фашистские каратели расстреляли «при попытке к бегству», как сказано в их документах, 46 членов подпольной организации с. Даниловка Очаковского уезда, у которых было найдено много вооружения. В этих же документах сообщается об аресте «партизанской организации» в Овидиопольском уезде, созданной еще зимой 1942 г. по инициативе рабочего водонапорной станции Алексея Радула. Были схвачены 44 советских патриота. Один из руководителей организации, сказано в донесении, «учитель-молдаванин Белявского лицея Матвей Малай... как только началось следствие, сжег архив партизанской организации»[72]. Большинство арестованных патриотов впоследствии было расстреляно. Трагически сложилась также судьба членов Шаргородского подпольного райкома И. Г. Гречаного, Н. И. Малинского, расстрелянных оккупантами в тираспольской тюрьме. Член этого же райкома Е. И. Казимиров был убит фашистами у себя на квартире.

Оккупационные власти полагали, что после произведенных арестов и расправ сопротивление советских трудящихся ослабнет. В этих целях была предпринята следующая демагогическая акция: 15 июня 1943 г. специальным декретом, подписанным И. Антонеску, было объявлено о передаче в «Транснистрии» колхозной и совхозной земли в индивидуальное пользование (с выплатой за полученный надел части урожая) тем, кто

---

[69] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 224.

[70] Там же, с. 293.

[71] За мужество и героизм, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно звание Героя Советского Союза организаторам и руководителям «Партизанской искры»: Гречанному Парфентию Карповичу, Дьяченко Дарье Григорьевне и Моргуненко Владимиру Степановичу. 37 участников этой организации были награждены орденами СССР.

[72] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Buletin de informații militare pe luna Mai 1943.

«имел корректное поведение по отношению к администрации и армии», «заботливо обрабатывал землю, выделенную ему по линии трудовых бригад» и вовремя вносил положенные поставки[73]. Считая крестьян прирожденными частными собственниками, оккупанты надеялись привлечь их на свою сторону и расколоть единый фронт народной борьбы. Но колхозники и рабочие совхозов развеяли иллюзии фашистских властей. Те же одиночки, которые клюнули бы на эту приманку, в обстановке 1943 г., когда поражение гитлеровской армии стало очевидным, не решались этого сделать.

В том же постановлении от 15 июня 1943 г. объявлялось о передаче в частную собственность жилого фонда городов, в первую очередь бывшим владельцам или их наследникам. Но и эта затея успеха оккупантам не принесла.

Цель ослабить борьбу трудящихся против оккупационного режима преследовал и приказ от 10 июля 1943 г. губернатора Бессарабии генерала Ставрата, согласно которому впредь «предпочтение» при аренде земель ведомства румынизации и колонизации будет отдаваться не «индивидуальным арендаторам», а так называемым «сельскохозяйственным товариществам» из крестьян. В приказе говорилось, что запрещается субаренда, вызывавшая озлобление крестьян. За крупными индивидуальными арендаторами сохранялась земля при наличии «необходимого инвентаря для ее эксплуатации». Как явствует из отчета губернаторства Бессарабия, упомянутые «сельскохозяйственные товарищества» не заинтересовали крестьян, за четвертый квартал 1943 г. их было создано всего 11[74].

С треском провалились и другие затеи оккупационных властей и их прислужников. В апреле 1943 г. группа так называемых «заднестровских румын» создала с одобрения губернаторства «Военный совет Транснистрии». На него возлагалась задача вербовать среди молдавского населения «добровольцев» в румынскую армию. Когда об этом стало известно, юные подпольщики г. Тирасполя во главе с комсомолкой М. Скопенко выпустили листовку, в которой, обращаясь к так называемым «добровольцам», писали: «Против кого вы

[73] Там же, ф. 706, оп 1, д. 518, л. 6; д. 17, л. 19.
[74] Там же, д. 1315, л. 35.

идете? Против своих братьев, отцов, которые с честью сражаются в бою, защищают вашу молодость, ваших невест, сестер, матерей. Постыдитесь, одумайтесь! Идите лучше в партизанские отряды и помогайте Красной Армии очищать нашу территорию от фашистских варваров»[75]. «Военному совету Транснистрии» не удалось сколотить даже роту наемников. Разъяренный губернатор Алексяну выдворил членов «Военного совета» из «Транснистрии». Обиженные «патриоты» решили жаловаться самому кондукэтору. Один из них, Шт. Булат, писал: «Хорошие, плохие, слабые, какие уж есть, но мы в данный момент единственная группа заднестровских интеллигентов с глубоко румынскими чувствами...»[76] Горькое признание: предателей и отщепенцев оказалось считанное количество.

В Бессарабии и Северной Буковине правители военно-фашистской Румынии, как уже отмечалось ранее, чтобы восполнить потери на фронте, стали насильно мобилизовывать местных жителей в армию. Но они натолкнулись на упорное сопротивление масс. В листовке, выпущенной подпольщиками Кишинева, говорилось: «Похоронив почти всю свою армию, сторонники Антонеску хотят бросить в огонь и нас, бессарабцев. Народ Бессарабии, однако, знает, что ему предстоит делать. Оружие будет направлено против немцев и против всех угнетателей.

Молодежь Бессарабии!

Палачи... толкают тебя на смерть ради своих интересов. Избегайте мобилизации! Румынская армия идет на верную гибель.

Матери Бессарабии!

Удерживайте своих сыновей от явки в воинские части. Прячьте их от преследователей, не допускайте их гибели»[77].

Подлежащие призыву в румынскую армию бессарабцы всячески уклонялись от мобилизации, а насильно включенные в румынские воинские подразделения часто дезертировали. 18 февраля 1943 г. губернатор Бессарабии докладывал в Бухарест, что из 189 мобилизованных бессарабцев в пути от станции Фокшани до

[75] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 150, л. 8.
[76] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 837, л. 907.
[77] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4771, л. 409.

Одессы сбежал 101[78]. На этом донесении И. Антонеску поставил следующую резолюцию: «Если повторится случай, расстрелять каждого десятого перед строем»[79]. Как явствует из документов оккупационных властей, отказ трудящихся Бессарабии и Северной Буковины служить в румынской армии носил массовый характер. 20 марта 1943 г. губернатор Бессарабии направил распоряжение всем подведомственным органам «довести до сведения жителей путем афиширования в каждом селе» приговор военно-полевого суда 3-го территориального армейского корпуса об осуждении к 25 годам каторжных работ с конфискацией имущества солдат-молдаван за отказ «принять присягу верности»[80]. Время от времени официальные вестники губернаторств Бессарабия и Буковина публиковали списки лиц призывного возраста, «исчезнувших» из своих сел. Так, например, в с. Старое Селиште «исчезло» 38 человек, Большие Милешты — 71, Кайнары и Гайдары — 35, Александрены — 72, Кишкарены — 37, Каракуй — 42, Баймаклия — 48 и т. д.[81]

Настроение насильственно мобилизованных в румынскую армию советских граждан хорошо передано в донесении полицейских органов г. Бендеры от 11 августа 1943 г. В этот день со станции Бендеры производилась отправка мобилизованных в румынскую армию местных жителей. На вокзал пришли жены и дети, которые «плакали, как на похоронах». Чтобы положить конец этой сцене, были вызваны жандармы. Далее в документе сказано, что «несколько рекрутов... начали бранить жандармов», а когда появились румынские офицеры, мобилизованные солдаты закричали по-русски: «Вот они, палачи! Но это долго не будет продолжаться, мы скоро избавимся от гнета!» Из вагонов, сказано в донесении, «раздавались русские песни»[82].

Факты показывают, что ни методом террора, ни демагогией фашистским властям не удалось подавить народную борьбу или хотя бы ослабить ее. На Одес-

---

[78] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 52, л. 50.
[79] Там же, д. 59, л. 49.
[80] Там же, ф. 112, оп. 1, д. 5281, л. 4.
[81] Buletinul Provinciei Basarabia, 1943, partea II, № 11—12.
[82] *Афтенюк С., Елин Д., Левит И.* РСС Молдовеняскэ ын Мареле рэзбой ал Униуний Советиче пентру апэраря Патрией 1941—1945. Кишинэу, 1961, п. 221.

щине ни одна из уцелевших от разгрома подпольных групп, действовавших под руководством подпольного обкома партии, не прекратила деятельности[83]. Продолжали активно действовать Пригородный и Овидиопольский подпольные райкомы партии Одесщины. В Ленинском районе г. Одессы в апреле 1943 г. на базе подпольных групп, возникших на заводе имени Красной гвардии, Ф. Э. Дзержинского, на мясокомбинате и в с. Кривая Балка, была создана большая подпольная организация во главе с бывшим секретарем Новоархангельского райкома КП(б)У К. А. Тимофеевым[84]. В Ильичевском районе после провала обкома и ряда руководителей подполья борьбу советских патриотов возглавила подпольная группа, руководимая С. И. Дроздовым и Д. И. Овчаренко[85]. Продолжали действовать десятки организаций и групп в Центральном и Воднотранспортном районах г. Одессы и в Одесской области. Создавались новые организации. Только в Одессе в течение 1943 г. их возникло более 20[86].

Характерной особенностью нового этапа в развитии народной борьбы против оккупантов, наступившего после победы под Сталинградом, явилась все усиливающаяся тенденция разрозненных подпольных организаций и групп к объединению, централизации и координации своих действий, к становлению на путь партизанской борьбы. В начале 1943 г. по инициативе коммуниста А. Т. Мазепы был образован Доманевский подпольный райком партии, в состав которого вошли представители Богдановской, Доманевской, Акмечетской и других подпольных групп. Понимая необходимость объединения сил подпольщиков для более успешной борьбы с врагом, Доманевский районный партийный комитет устанавливает связи с подпольными организациями соседних районов. На состоявшемся в июне 1943 г. совещании руководителей организаций ряда северных районов Одесской области был образован под

---

[83] *Егоров В., Зотов Н.* 907 дней в тылу врага. Одесса, 1969, с. 136.

[84] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 190—191; Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 261.

[85] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 145.

[86] Там же, с. 136—138, 148.

руководством А. Т. Мазепы организационный уездный комитет, который окончательно оформился в октябре 1943 г. на первом уездном партийном съезде Голтского (Первомайского) уезда[87]. Важнейшей задачей уком считал организацию партизанской борьбы.

В апреле 1943 г. на совещании партийной подпольной организации Балтского уезда по инициативе Т. Б. Брагаренко был создан руководящий орган уездной партийной организации — бюро — в составе трех человек. Готовясь к вооруженной борьбе, организация приобрела 12 винтовок, около 3 тыс. патронов, гранаты и пистолеты. Подпольщики создали опорную базу для вооруженной борьбы в Лесничевском лесу. Туда они начали свозить вооружение и продовольствие[88].

В этом же месяце на совещании руководителей подпольных групп и организаций Бершадского района, состоявшемся в Осиевском лесу, для координации действий существовавших в районе 24 подпольных партийных организаций и антифашистских групп, а также для руководства партизанской борьбой были избраны совет во главе с А. Р. Пилипчуком и партбюро в составе 6 человек. Одновременно по инициативе руководителей Черневецкого подпольного райкома партии В. Т. Горбатюка и П. В. Кучерявенко было создано межрайонное партбюро под руководством М. Г. Тугушова. В его состав вошли представители Могилев-Подольского, Черневецкого и Ямпольского райкомов[89].

В мае 1943 г. оформилась единая Кривозерская подпольная партийная организация, объединявшая подпольщиков Сыровской, Мазуровской, Врадиевской и Кривозерской подпольных групп. Ее возглавил коммунист И. А. Гуртовой. Летом Кривозерская подпольная партийная организация установила связь с Доманевской, Голтской (Первомайской) и Любашевской подпольными организациями. И. А. Гуртовой участвовал в упомянутом партийном совещании Голтского уезда в

---

[87] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 304—305.

[88] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 289. 12 июля 1943 г. сигуранца арестовала бюро уездной партийной организации во главе с Т. Б. Брагаренко. Оставшиеся на свободе подпольщики продолжали действовать.

[89] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 186—187, 197.

июне 1943 г. К этому времени Кривозерская организация уже насчитывала 33 человека. Она, как и другие подпольные организации, усиленно готовилась к партизанской борьбе[90].

Следует отметить, что вопрос о переходе к партизанским действиям ставился не только в лесном Прибужье, но и в степных районах Одесщины, а также в самой Одессе. 19 апреля Пригородный районный комитет, который после ареста обкома перебазировался в катакомбы, принял решение о создании двух партизанских отрядов: Куяльницкого и Усатовского. Начался усиленный сбор оружия и продовольствия[91]. 13 июня 1943 г. на совещании руководителей подпольной организации Ленинского района, возглавляемой К. А. Тимофеевым, было решено наряду с усилением пропагандистской деятельности и саботажа на заводах имени Ф. Э. Дзержинского, Красной гвардии и других проводить подготовительные работы в катакомбах по созданию базы партизанского отряда[92].

Тенденция к объединению усилий и стремление перейти к партизанской борьбе все больше проявляются среди подпольных организаций Молдавии. В следственных материалах областного инспектората полиции по делу Кишиневской подпольной организации (И. Бардотзи, Д. Москалюк, И. Епуре и др.) сказано, что ее члены «поддерживали действенные связи с членами других организаций как в г. Кишиневе, так и в сельской местности Лапушнянского и Оргеевского уездов, сумев создать в Кишиневе районный комитет и организовать большое количество ячеек в городе на предприятиях и в сельской местности среди крестьян, а в Оргеевском уезде — районный комитет с большим количеством ячеек, состоящих только из крестьян». Члены организации, сказано в этом же документе, наряду с пропагандой среди населения «создавали почву для организации партизанских банд»[93].

Укрепились связи между подпольными организациями левобережных районов Молдавии. Тираспольские

---

[90] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 309—310.
[91] Там же, с. 261—262.
[92] Там же.
[93] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4770, л. 12 об., 13.

организации взаимодействовали с организациями сел Суклея и Ближний Хутор, с двумя Григориопольскими организациями (В. Ф. Поляницын, Н. Г. Рычков и др.). Каменские, тираспольские, рыбницкие и дубоссарские подпольщики поддерживали контакты с советскими патриотами смежных районов Украины (Песчанского, Кодымского, Крыжопольского, Балтского и др.).

Таким образом, к середине 1943 г. на всей оккупированной территории между Прутом и Бугом освободительная борьба советских людей набирала силу, становилась серьезной угрозой для оккупантов и их прислужников. Возродилось партизанское движение как главная форма народной борьбы против фашистских захватчиков. Оккупационные власти с каждым днем все яснее осознавали, что их положение на советской земле крайне шаткое. Это ощущение особенно возросло после разгрома гитлеровских войск под Курском и летнего наступления Красной Армии.

* * *

Убедившись в неспособности немецкой армии остановить продвижение советских войск, фашистское правительство Румынии, следуя примеру гитлеровцев, перешло к полному опустошению захваченных территорий, чтобы, по словам И. Антонеску, «поставить противника в неблагоприятное положение»[94]. Соответствующие указания были даны всем префектам, те в свою очередь довели их до сведения преторов, примарей. «Я самым серьезным и категорическим образом предупреждаю Вас, — говорилось в приказе префекта Дубоссарского уезда, направленном всем преторам, — что в случае, если по получении данного приказа не станут ежедневно отправляться по 15—20 вагонов с каждой станции (Тирасполь, Чубовка, Затишье, Колбасна и Мардаровка), я расценю бездеятельность как саботаж...»[95]. Для сбора подвод и отправки зерна на железнодорожные станции в распоряжение преторов был отдан «весь личный состав жандармерии», а также армейские части. Местные жители, мобилизованные на транспортировку зерна и уборку урожая, за неявку или даже опоздание

---

[94] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 590, л. 49.

[95] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 157.

на работу подлежали аресту и отправке в лагерь в течение 24 часов[96].

Стараясь в случае отступления создать для Советской страны продовольственные трудности, оккупационные власти запретили проводить осенний сев в колхозах и совхозах, а семенной фонд велено было отправить в Румынию. Вывозу подлежало все, даже утиль. 1 августа 1943 г. Г. Алексяну приказал под угрозой тюремного заключения сдать властям все цветные металлы, старый каучук и т. п.

22 сентября 1943 г. в повестке дня заседания правительства с участием губернаторов вопрос об «эвакуации» материальных ценностей с оккупированных советских территорий был главным. И. Антонеску хотел опередить немецких союзников в опустошении оккупированных советских территорий, подведомственных фашистской Румынии. Он объявил, что отступающие немецкие части стали появляться на Буге и скоро появятся и на Днестре. «И тогда, — заявил он, — нам труднее будет управлять Транснистрией даже в такой мере, в какой мы управляли ею до сего дня»[97]. Кондукэтор требовал использовать для вывоза все виды транспорта, ибо «каждый потерянный час идет в ущерб национальной экономике». «Мы, — продолжал он, — не должны оставить противнику никакой промышленности». Государственному секретарю по военно-морским делам было дано указание из Одесского порта «вывезти все, что он считает необходимым, не частично, а все» и «тотчас же».

Алексяну было рекомендовано использовать всевозможные каналы для продажи материальных ценностей «Транснистрии» за границу на твердую валюту или же обмена их на промышленные товары, оборудование с завозом последних прямо в Старое королевство[98]. Этим правящая фашистская клика рассчитывала хоть маломальски укрепить расшатанную экономику страны. Ведь главную причину «позорной капитуляции» Италии, имевшей 70 укомплектованных дивизий, И. Анто-

---

[96] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 158; ЦГА МССР, ф. 455, оп. 3, д. 3, л. 255.

[97] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 589, д. 125.

[98] Там же, ф. 206, оп. 1, д. 589, л. 104;. д. 52, л. 94.

неску усматривал в экономическом крахе. Он также заявил, что намеревается путем вывоза хлеба и продовольствия с оккупированных советских территорий «уберечь румынскую нацию от беспорядка и анархии, которые могут возникнуть»[99] после опустошительной войны, иными словами, от революционных выступлений измученных войной и голодом народных масс.

Отправленное в Румынию промышленное оборудование было решено продать крупным капиталистам по цене металлолома. «Если машина нужна заводам Решицы, предоставляем ее им, если она необходима господину Мочиорница, отдаем ему», — заявил И. Антонеску. Нереализованное оборудование он велел сохранить на складах «для возвращения в случае проигрыша войны»[100].

На заседании правительства 22 сентября 1943 г. кондукэтор дважды подчеркивал, что указания относительно вывоза материальных ценностей из «Транснистрии» касаются также Бессарабии и Буковины[101]. В то же время, чтобы этими распоряжениями не усилить паники среди своих министров, и без того напуганных ходом действий на советско-германском фронте, И. Антонеску стал уверять их, что «вовсе не считает военное положение в Транснистрии угрожающим» и не следует думать, что он «потерял веру в победу». Кондукэтор заявил, что все его приказы якобы носят чисто «предупредительный» характер, рассчитаны на худший вариант окончания войны и подсказаны опытом первой мировой войны и событиями лета 1940 г. Охваченный приступом антисоветизма, И. Антонеску обещал, что «не прекратит борьбу, если русские проникнут в Транснистрию или даже в Бессарабию и Молдову[102]». «Эта борьба, — продолжал он, — будет вестись до конца независимо от количества убитых, до последнего человека, способного держать в руках винтовку»[103].

И. Антонеску уже не говорил о границах Румынии до Буга и дальше, но заверял, что «в любом случае

---

[99] Там же, л. 106.
[100] Там же, л. 121 об.
[101] Там же, л. 122.
[102] Имеется в виду территория Румынии между Прутом и Карпатами.
[103] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 589, л. 106.

война не может привести к потере Бессарабии и Буковины». Он подчеркнул, что «будет рядом с Германией воевать до конца»[104].

На основе директив правительства на места были разосланы новые приказы и секретные инструкции по ускорению вывоза национальных богатств советского народа, составлены графики, планы (секретный план № 1111) с указанием, какие предприятия в каждом городе и районе должны быть демонтированы и отправлены, отмечены станции погрузки и разгрузки, установлен порядок вывоза тракторов, сельскохозяйственного инвентаря, скота, ульев, оборудования МТС и т. д.[105] Ответственность за осуществление этих решений возлагалась на генштаб, министерство обороны и ряд других ведомств. И. Антонеску потребовал, чтобы ему докладывали «ежедневно о количестве вагонов, нагруженных и поступивших из Транснистрии водным путем и по железной дороге, а также о их содержимом...»[106] Аналогичное указание было дано и органам, ответственным за вывоз награбленного из Бессарабии и Буковины.

Правители военно-фашистской Румынии рассчитывали только из «Транснистрии», «в случае если удастся продержаться там всю зиму», вывезти 100 тыс. вагонов зерна, из Бессарабии — свыше 60 тыс.[107] Особый упор оккупанты делали на угон и вывоз скота. В одной из инструкций говорилось: «Вопросами перевозки скота из Транснистрии лично интересуется господин маршал Антонеску. Распоряжения, данные его превосходительством в этом отношении, строги и категоричны...»[108] В начале октября было получено указание об эвакуации из Одессы университета и институтов «согласно плану»[109].

---

[104] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 589, л. 122, 134.

[105] О характере этих инструкций и приказов см.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, док. № 144, 146—148, 153—158, 160, 164, 170—171, 173 и др.

[106] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 52, л. 91.

[107] Там же, д. 590, л. 64, 121.

[108] Там же, ф. 112, оп. 2, д. 34, л. 12—13.

[109] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 67.

Вывоз в Румынию материальных богатств советского народа резко возрос. В первой половине октября «Служба трофеев» докладывала Совету Министров: «Заводы и оборудование, намеченные для армии, в большинстве уже вывезены. Заводы и оборудование для частной промышленности отправлены только частично»[110]. Всего с 1 сентября по 20 ноября 1943 г., согласно отчету губернатора, из «Транснистрии» было вывезено 28 626,4 вагона зерновых, продовольствия и других ценностей, в том числе в Румынию отправлено 11 051,5 вагона зерновых, 2381,5 вагона продовольственных товаров, 2803 вагона других материальных ценностей, включая станки, машины и т. п., передано румынской армии 8238,2 вагона зерновых и т. д.[111]

В Бессарабии и Северной Буковине капиталисты и помещики не стали ждать распоряжений правительства о вывозе материальных ценностей. Как сказано в отчете черновицкого инспектората полиции за октябрь 1943 г., в связи с событиями на фронте, особенно после форсирования советскими войсками Днепра, «промышленники и коммерсанты стремятся ликвидировать свои предприятия и перевезти в глубь страны сырье и оборудование»[112]. Жандармские органы Северной Буковины также доносили 23 октября 1943 г., что коммерсанты и промышленники, «охваченные страхом», не приобретают товары и сырье «в большом количестве, как раньше», а некоторые предприятия «прекратили из-за этого работу»[113].

Румынские капиталисты и чиновники отправляли к себе на родину также сотни вагонов с мебелью, предметами домашнего обихода, произведениями искусства и т. д. В докладной записке контрразведки генштаба от 22 октября 1943 г., адресованной Президиуму Совета Министров, говорится: «В последнее время из Бессарабии в страну было отправлено много мебели и хозяйственной утвари, что вызвало панику... Только со станции Кишинев 2 октября 1943 г. было отправлено 38 вагонов мебели, принадлежащей государственным

---

110 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 163.
111 Там же, с. 174, 574.
112 ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 395, л. 8—9.
113 Там же, ф. Р-307, д. 1113, л. 2.

служащим. Такая отправка интенсивно проводится во всей Бессарабии еще со второй половины сентября. В основе лежит боязнь, что из-за отсутствия времени и транспортных средств будет потеряно недвижимое имущество»[114].

Подобным было положение дел и в Северной Буковине. В бюллетене КББТ № 93 от 1 ноября 1943 г. отмечалось, что в Черновцах крупные дельцы «сейчас стараются свои богатства припрятать в надежные места... те, которые еще не уехали, стоят наготове, чтобы отправиться»[115].

В начале ноября 1943 г., когда на территорию между Бугом и Днестром хлынуло большое количество немецких войск, отступавших под ударами Красной Армии, гитлеровцы, и раньше бесцеремонно относившиеся к своему румынскому союзнику, стали усиленно посягать на «суверенитет» Румынии в «Транснистрии», возникали частые споры из-за дележа награбленного.

3 ноября Алексяну «в строго конфинденциальном» письме сообщал И. Антонеску, что прибывшие немецкие войска распространяют слухи о переходе в ближайшее время администрации «Транснистрии» к немецкой армии. Этого якобы требовали у Гитлера военное командование и бывшая немецкая оккупационная администрация Украины, «объем деятельности которой резко сузился». Далее Алексяну докладывал о мерах, принятых им для лучшего размещения немецких войск и госпиталей, дабы показать гитлеровцам, что румынские власти не мешают, а, наоборот, всемерно помогают немецкой армии.

Румынские чиновники «Транснистрии», писал губернатор, нагруженные кульками с конфетами, папиросами, ликерами, посетили немецкие госпитали и раздали подарки раненым в знак проявления «особой заботы и внимания маршала страны к германской армии и ее храбрым солдатам»[116].

Для размещения немецких войск были выделены школьные помещения. В связи с этим под мотивом отсутствия топлива школы были объявлены закрытыми «до новых распоряжений». Учителей, прибывших из

---

[114] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 28, л. 65.
[115] Там же, д. 20, л. 70.
[116] Там же, д. 1115, л. 387.

Румынии, было приказано отправить обратно, а местных направить «в распоряжение дирекции труда для отбытия трудовой повинности»[117].

Губернатор Алексяну уговаривал И. Антонеску не соглащаться с передачей «Транснистрии» гитлеровцам «столько времени, сколько нынешнее положение сохранится».

Но Антонеску и сам не торопился этого делать. Он всячески старался выиграть время, чтобы дольше продержаться на оккупированной советской территории и, следовательно, больше вывезти оттуда награбленного. На упомянутом письме Алексяну от 3 ноября кондукэтор написал: «Сообщите ему (т. е. Алексяну. — *И. Л.*), чтобы он не беспокоился. Пусть не верит всяким разговорам. Немецкому командованию, желающему внушить ему такое решение, пусть отвечает, что администрацией Транснистрии занимаюсь я лично и переход администрации в немецкие руки был бы интерпретирован как наша неспособность организовать управление, что не соответствует действительности. Ко всему это было бы незаслуженное оскорбление нашей армии и стране»[118].

Но гитлеровцы от роспуска слухов стали переходить к открытым требованиям. В рапорте от 7 ноября 1943 г. Алексяну сообщил в Бухарест, что в связи с массовым демонтажем и вывозом в Румынию оборудования фабрик и заводов представитель немецкого командования в «Транснистрии» потребовал передать часть предприятий немецкой армии, ибо в противном случае «ставится под угрозу снабжение немецких и румынских войск»[119]. Но и в этом случае И. Антонеску сделал попытку не уступить. На рапорте Алексяну он написал: «Никто не имеет право вмешиваться в дела румынской администрации в Транснистрии. Отказывайтесь дискутировать на эту тему. Считаю всякое вмешательство в этом деле нарушением нашего суверенитета... Все, что оттуда вывозится, монтируется в стране, следовательно, также в интересах совместного ведения войны»[120].

16 ноября И. Антонеску созвал очередное заседание правительства с участием губернаторов оккупирован-

[117] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 68.

[118] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 386.

[119] Там же, л. 408.

[120] Там же, л. 409.

ных советских территорий, продолжавшееся два дня. На нем были подведены итоги ограбления советских территорий, намечены задачи и решены некоторые другие вопросы, связанные с оккупационной политикой. На сей раз И. Антонеску уже не говорил, как 22 сентября, о том, что положение в «Транснистрии» не следует считать «угрожающим». Наоборот, он признал, что «германская армия находится в неблагоприятной стратегической ситуации». С ноткой сожаления он сказал о возможном уходе с так называемой «Транснистрии», которая «одна была бы в состоянии обеспечить продовольствием румынскую страну»[121]. И. Антонеску еще раз потребовал от своих подчиненных ускорить вывоз материальных ценностей с территории между Бугом и Днестром. «Мы не должны оставлять в Транснистрии то, что можем вывезти и использовать в стране», — заявил он[122]. Алексяну было дано также указание «на месте обеспечить убой свиней и рогатого скота и в консервированном виде отправлять в Румынию»[123].

На этом же заседании И. Антонеску предложил чудовищный план вывоза из так называемой «Транснистрии» в Румынию 20—30 тыс. юношей и девушек для покрытия «недостатка рабочих рук в румынском государстве» из-за огромных потерь на войне. «Чтобы заполнить эти пустоты, — говорил фашистский правитель, — хорошо... привезти эту молодежь из Транснистрии, дать ей румынское воспитание и затем послать в Транснистрию, если представится возможность. Если же нет, то останется здесь»[124].

И. Антонеску допускал, несмотря на все заверения Гитлера, что придется и дальше отступать и скоро линия фронта установится на Южном Буге. В таком случае, заявил он, последствия фронтовой обстановки «будут ощущаться вплоть до Бессарабии». Обращаясь к ее губернатору, генералу Ставрату, он потребовал «...действовать как хорошие и предусмотрительные хозяева и вывезти все излишки продукции из Бессарабии»[125], имея в виду все, что превышало потребности

---

[121] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 590, л. 60.
[122] Там же.
[123] Там же, л. 112.
[124] Там же, л. 104—105.
[125] Там же, л. 67.

армии. Губернаторам было сказано, что промышленные предприятия, которые по тем или иным причинам не будут вывезены, должны быть взорваны[126].

И. Антонеску дал понять, что за предоставленное немецкой армии продовольствие, зерно, скот и т. д. не следует ждать платы[127]. Тем не менее кондукэтор приказал вести учет всех материальных ценностей, переданных гитлеровцам.

Согласно данным губернаторства «Транснистрия», за август—ноябрь 1943 г. Германии было предоставлено на 1806 млн. леев продовольственных товаров, скота, зерна, фуража и др.[128] Гитлеровцы, конечно, не ограничивались тем, что выделяли им румынские власти. Они и сами активно проводили реквизиции материальных ценностей в общинах, на фермах и у местного населения, забирали продукцию фабрик и заводов. Сотни вагонов, главным образом с продовольствием, отправлялись в Германию[129].

В письме от 13 декабря, адресованном И. Антонеску, Алексяну жаловался, что немецкие войска сплошь и рядом нарушают румынский «суверенитет», бесцеремонно распоряжаясь и тем, что является «собственностью Румынии». Антонеску написал на этом письме: «Сегодня я изложил генералу Аулебу[130] принципы, которые должны быть соблюдены в наших взаимоотношениях, а именно: а) одна администрация — румынская; б) одно руководство — румынское, в) оплата всех румынских поставок — продовольствия, промышленных товаров, ремонта; г) финансовые расчеты в рамках общего румыно-германского торгового соглашения»[131]. Но гитлеровцы и не помышляли придерживаться этих принципов.

В конце 1943 г. возник еще более острый конфликт между союзниками. Начало его было положено еще в феврале указанного года. На заседании румыно-германской комиссии по урегулированию вопроса о реквизициях, произведенных германской армией в Румынии

---

[126] Там же, л. 74.
[127] Там же, л. 76.
[128] Там же, д. 594, л. 136.
[129] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4517, л. 204.
[130] Командующий немецкими войсками, размещенными в губернаторстве «Транснистрия».
[131] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 52, л. 32.

и на оккупированной последней советской территории, гитлеровцы отказались выплатить своему союзнику деньги за отнятые материальные ценности не только в «Транснистрии», но даже в Бессарабии и Северной Буковине, которые вроде были признаны Германией «национальной румынской территорией»[132]. В связи с приближением линии фронта к Днестру и превращением территории междуречья Днестра и Прута в прифронтовой район вновь встал вопрос о порядке оплаты немцами реквизированных в губернаторствах Бессарабия и Буковина материальных ценностей. Интендантские службы вермахта по-прежнему отказывались выплатить румынским властям стоимость награбленного в Бессарабии. Директор экономического управления МИД Румынии В. Петала сообщил Совету Министров, что он выразил специальному уполномоченному по экономическим вопросам в Румынии германского МИД Клунквисту удивление по поводу того, что «немецкие военные власти ставят на одну доску Бессарабию и Транснистрию, хотя Бессарабия входит в состав нашей национальной территории»[133]. Дабы не обострять отношений, Клунквист свел все к досадной «ошибке», допущенной интендантскими службами. Чтобы положить конец сомнениям относительно статуса Бессарабии, стороны договорились, что при ратификации «Конвенции между германским рейхом и румынским королевством относительно возмещения взаимного ущерба, причиненного армиями каждого из двух государств» германский уполномоченный передаст румынскому представителю вербальную ноту, в которой «будет подтверждена немецкая точка зрения относительно признания Бессарабии румынской национальной территорией»[134].

Но, как будет показано далее, формально признав за фашистской Румынией Бессарабию, гитлеровцы не собирались придерживаться каких-либо правил при ограблении этой территории, равно как и румынские оккупационные власти не помышляли уступить своим союзникам часть награбленного в «Транснистрии». К 15 января 1944 г. число вагонов с материальными ценностями, отправленных после 1 сентября 1943 г. из

[132] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 54, л. 603.
[133] Там же, л. 596.
[134] Там же, л. 596 об.

«Транснистрии» в Румынию и переданных губернаторством румынской армии, достигло 44 тыс.[135] Среди вывезенного было оборудование 120 пищевых, текстильных, консервных предприятий, 2084 трактора и др.

8 декабря губернаторство докладывало в Бухарест, что «все типографии из Транснистрии вывезены или вывозятся в Румынию»[136], а в письме Г. Алексяну от 23 декабря 1943 г. сказано, что вместе с тракторами отправлены прицепной инвентарь, плуги, бороны, культиваторы, сеялки, а также оборудование мастерских, мельниц, маслобоек, электростанций, фабрик и т. д.[137] С 4 ноября по 9 декабря 1943 г. из «Транснистрии» было угнано, по «неполным данным», 136,1 тыс. голов различного скота[138], вывезен 7721 вагон селекционных семян[139].

Развернулась лихорадочная подготовка к «эвакуации» материальных ценностей из губернаторств Бессарабия и Буковина. Ответственность за проведение этой операции под кодовым названием 1111-Б была возложена на румынский генштаб. Наряду со списками предприятий, подлежащих обязательному вывозу, отдельно указывались объекты, намеченные к разрушению. «Подготовка и проведение разрушений, — сказано в строго секретном циркуляре генштаба от 15 февраля 1944 г., — должны проводиться согласно инструкциям, которые своевременно будут даны 3-м отделом генерального штаба, установив для каждого промышленного предприятия один из следующих вариантов: разрушение путем демонтирования и вывоза основных деталей, без которых фабрика не может работать; разрушение путем поджога»[140]. В документе отмечается, что все гарнизоны по первому требованию представителя генштаба полковника Мосиу, ответственного за осуществление операции 1111-Б, должны предоставить ему людей и транспорт, учитывая при этом, что «погру-

---

135 Там же, д. 923, л. 399—404.

136 Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 69.

137 ЦГА МССР, ф. 112, оп. 2, д. 34, л. 12.

138 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 176.

139 Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 71.

140 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 183.

зочно-разгрузочные операции имеют приоритет даже по отношению к военным занятиям». Особые указания содержала инструкция по поводу угона скота.

Согласно ежедневным «Сводкам об отправке зерновых и материалов из Транснистрии, Бессарабии и Буковины сухопутным путем», составленным КББТ, между 1 января и 19 марта 1944 г. в среднем из «Транснистрии» отправлялось в день 100 вагонов различных материальных ценностей, из губернаторств Бессарабия и Буковина — по 120—130 вагонов[141].

Эти грабежи достигли бы еще более внушительных размеров, если бы оккупанты не встретили растущего сопротивления советских людей. Под влиянием побед Красной Армии в ходе летне-осеннего наступления 1943 г. освободительная борьба на всей территории между Прутом и Бугом с каждым днем нарастала, все больше принимала всенародный характер, все основательнее подтачивала власть оккупантов и их прислужников.

Не имея прямой и постоянной связи с Большой землей, коммунистическое подполье в Молдавской ССР и Северной Буковине, на Одесщине и Измаильщине строило свою работу с учетом развития событий на фронте и конкретных условий на местах. Подпольные организации продолжали регулярно принимать сообщения Совинформбюро, слушать специальные передачи советских радиостанций для трудящихся временно оккупированной территории, руководствоваться советами и указаниями ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)М, политорганов Красной Армии, содержащимися в листовках и других материалах, забрасываемых при помощи авиации в тыл врага. Только 2 июля и 27 августа 1943 г. по маршруту Тирасполь—Бендеры—Кишинев—Оргеев — Бельцы—Сороки было сброшено более 600 тыс. листовок[142].

Во второй половине 1943 г. на оккупированной военно-фашистской Румынией территории СССР непосредственное руководство народной борьбой осуществляли Балтский и Голтский уездные партийные комитеты, Межрайонный партийный комитет, объединявший ком-

---

[141] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 923, л. 925.

[142] Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1968, с. 293.

мунистов Чечельницкого, Ольгопольского, Крыжопольского, Песчанского, Ободовского и Кодымского районов, Могилев-Подольский межрайонный центр, руководивший партийным подпольем Могилев-Подольского, Ямпольского, Черневецкого и Ярышевского районов, Кривозерский, Доманевский, Песчанский, Любашевский, Великоврадиевский, Савранский, Приморский, Ленинский, Каменский, Рыбницкий и другие районные партийные комитеты, Кишиневская межрайонная подпольно-патриотическая организация, многочисленные отдельные партийные, комсомольские и патриотические группы. Только на территории Одесской и Измаильской областей борьбу с оккупантами вели около 50 подпольных партийных, комсомольских и патриотических организаций, в которых насчитывалось более 1500 человек[143]. В Молдавской ССР к концу 1943 г. в городах и селах республики действовало свыше 40 подпольных организаций и групп[144].

Главными задачами организаторской и политической работы партийного и комсомольского подполья в обстановке второй половины 1943 г. явились подготовка населения оккупированной территории к оказанию разносторонней помощи наступающим частям Красной Армии, воспрепятствование осуществлению чудовищных планов «выжженной земли» немецко-румынских захватчиков, развитие всех форм народной борьбы против оккупантов, в первую очередь партизанского движения.

Во второй половине 1943 г. диверсии и саботаж становятся массовыми и повсеместными. Советские патриоты продолжали делать все возможное для подрыва мощи фашистской военной машины. На Одесском судостроительном заводе подпольно-диверсионная группа, возглавляемая разведчиками-чекистами Н. А. Гефтом и В. Э. Бурзи, с помощью группы рабочих и инженеров совершила диверсионные акты на сторожевых судах противника Д-6, Д-8, Д-9, Д-10, на буксирном теплоходе «Ваграин», на быстроходном эсминце Р-204, на буксирных теплоходах «Лобау» и «Рейн кантор», на пароходах «Айнтрах», «Драч», «Кинбурн», «Амур» и на

---

143 Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 72.

144 *Елин Д. Д.* Указ. соч., с. 149.

истребителе подводных лодок КТ-39[145]. На судоремонтном заводе № 1 подпольщики всячески тормозили ремонт торпедных катеров. Члены подпольной организации имени Я. М. Свердлова, работавшие на Одесском гвоздильном заводе, портили проволоку, на заводе имени Январского восстания дважды выводили из строя паровой котел, в подшипники воздушного вентилятора засыпали наждачный порошок. На заводе мельнично-элеваторного оборудования патриоты вывели из строя заводскую блок-станцию[146].

Большой урон наносили оккупантам члены подпольной организации Ленинского района г. Одессы, руководимой К. А. Тимофеевым. На заводе имени Красной гвардии они вывели из строя 10 электромоторов и выпустили в воздух большое количество необходимого для производства кислорода[147].

В Черновцах на обувной фабрике, выполнявшей заказы для фашистских армий, местным подпольщикам также удалось вывести из строя электромоторы[148]. Управляющий карьером «Лиман» в г. Белгород-Днестровском жаловался сигуранце, что мобилизованные рабочие не выходят на работу, а если выходят, то плохо работают, добывая значительно меньше камня, чем могут. В результате, сказано в документе, 18 вагонов стоят незагруженными. «Все наши уговоры мирным путем не привели к какому-либо результату. Просим расследовать этот случай и отдать их под суд за саботаж»[149].

В связи с военными операциями на юге Украины и массовым вывозом в Румынию и Германию материальных ценностей подпольные организации уделяли особое внимание диверсиям и саботажу на транспорте. Подпольщики г. Гайворона привели в полную негодность компрессор паровозоремонтного завода, устроили 18 крушений поездов, вывели из строя 100 железнодорожных вагонов. Подпольная организация Любашев-

---

145 Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 112, 113.

146 Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 231, 246.

147 Там же, с. 262.

148 Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 г., т. 3. Киев, 1975, с. 113.

149 Советский Придунайский край. 1941—1945 г., с. 209, 210.

ского района магнитными минами взорвала 13 вагонов с военными материалами, 2 цистерны с горючим, паровоз. На станции Любашевка систематически приводились в негодность выездные пути, что приводило к задержке поездов[150]. По приказу члена подпольного укома партии А. Т. Мазепы 4 октября 1943 г. одна из подпольных групп, действовавших на территории Любашевского района, между железнодорожными станциями Врадиевка и Любашевка, пустила под откос шедший на Восток поезд с немецкими солдатами, техникой и боеприпасами[151].

Не прекращались акты саботажа на узловой станции Раздельная. Советские патриоты выводили из строя паровозы, совершали аварии, задерживали движение поездов[152].

Систематически саботировались перевозки по железной дороге на узловой станции Бессарабская. В депо станции ежедневно готовились к отправке 20—25 паровозов. В октябре 1943 г., как отмечается в докладной записке сигуранцы, число подготовленных паровозов снизилось до 10—15. Далее сказано, что и эти паровозы, пройдя 5—6 км, не в состоянии были тянуть за собой состав и возвращались обратно на станцию[153]. 18 ноября в результате саботажа на станции Заим произошло столкновение товарного поезда, шедшего со стороны Бендер в направлении Кайнар, с четырьмя вагонами, груженными зерном. Составам, как отмечается в сообщении Кишиневского областного инспектората полиции, были нанесены «серьезные повреждения»[154]. Резко возросло число актов саботажа и диверсий на железных дорогах Черновицкой области[155].

Ширился с каждым днем саботаж мероприятий оккупантов и на селе. В связи с приближением линии фронта оккупационные власти усилили мобилизацию советских людей, особенно крестьян, на окопные рабо-

---

[150] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 300, 311.

[151] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 130.

[152] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 241.

[153] *Афтенюк С., Елин Д., Левит И.* Указ. соч., с. 220.

[154] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4664, л. 407.

[155] *Комарницкий С. Т.* Указ. соч., с. 78.

ты, строительство мостов, ремонт дорог и т. д. Устраивались массовые реквизиции крестьянских подвод для транспортировки военных материалов, вывоза к железнодорожным станциям награбленного имущества. Однако в осуществлении этих действий оккупанты столкнулись с растущим сопротивлением крестьян и колхозников. Претор Бершадского района Балтского уезда докладывал префекту, что «среди населения этого района создалось неспокойное настроение, выражавшееся в неподчинении властям и невыполнении приказов, вызванное слухами о положении на фронте»[156]. Префект в свою очередь писал губернатору, что «местные проводники наших воинских и транспортных колонн исчезают, бросая подводы, или исчезают вместе с подводами»[157].

Управление дорог губернаторства «Транснистрия» сообщало, что из 45 подвод, направленных из с. Петровка для ремонта шоссейной дороги Тирасполь—Одесса, к месту назначения прибыло 25, остальные сбежали[158]. 30 сентября 1943 г. претор Григориопольского района отправил в трудовой лагерь сроком на два месяца 10 возчиков, сбежавших с работы[159]. Спустя семь дней он же обратился в дубоссарскую префектуру с отношением о заключении в лагерь многих жителей с. Кошница за саботаж мероприятий властей[160].

Массовый характер принимал саботаж и среди крестьян-единоличников. Кишиневский областной инспекторат полиции жаловался в Бухарест, что «саботируются путем пассивного сопротивления любые мероприятия административного порядка», местные жители «отказываются выходить на полевые работы и работы военного характера»[161]. О массовом саботаже говорят такие факты. В сентябре 1943 г. только из с. Бороганы «были задержаны и интернированы в лагерь Фриденсталь за то, что отказались отработать общественную повинность», 138 крестьян, из с. Яргара — 34, Ларгуца — 38,

[156] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 257.
[157] Там же, с. 151.
[158] ЦГА МССР, ф. 411, оп. 2, д. 17, л. 131.
[159] Там же, л. 20.
[160] Там же, д. 28, л. 308.
[161] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 404.

Капаклия — 15, Беюш — 170 крестьян[162]. 30 ноября 1943 г. примария с. Мерены докладывала претуре Будештской волости, что население «не желает подчиняться приказам властей и особенно выполнять общественные работы, что большинство жителей перестало подчиняться (властям. — *И. Л.*) и только силой можно заставить их выполнять приказы...», а прорумынская пропаганда, которая проводилась в селе некоторыми интеллигентами и «более состоятельными жителями», уже «не имеет никакого отклика в среде нуждающегося населения, которое постоянно лелеет надежду опять попасть под власть бывшего советского режима»[163].

Такого же характера сообщения поступали из Черновицкой области. В бюллетене информации от 1 ноября 1943 г. румынских воинских частей, дислоцированных в северных районах Бессарабии и Буковины, отмечалось, что местное население выражает недовольство повинностями и саботирует «общественные работы», при этом имеют место случаи «открытого выражения симпатии к коммунистам», а «украинцы на Буковине посылают жандармам письма с угрозами (Вижница, Бэнила, Испас)»[164]. Тысячи жителей области, мобилизованных на лесозаготовки, не являлись на сборные пункты, бежали из-под конвоя, плохо работали[165].

В обстановке все усиливающегося грабежа и насилия со стороны оккупантов подпольные организации использовали все средства, чтобы не допустить опустошения врагом советской земли, сохранить для народа оборудование фабрик и заводов, сельскохозяйственных машин и инвентаря, хлеба, скота и других материальных и культурных ценностей. В постановлении состоявшегося 1 октября 1943 г. первого съезда подпольных организаций Голтского уезда записано: «Уездный партийный съезд требует от всех (районных) партийных комитетов немедленно провести в жизнь широкую разъяснительную работу о всестороннем саботаже и вредительстве на всех полевых работах по молотьбе хлебов и эвакуации скота и сельскохозяйственных машин (тракторов и комбайнов). Всю работу проводить

---

162 Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4599, л. 133; д. 4722, л. 153.
163 Там же, ф. 339, оп. 1, д. 100, л. 64.
164 Там же, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 70.
165 *Комарницкий С. Т.* Указ. соч., с. 79.

под лозунгом: «Лучше предать огню, чем в пользование врагу»[166]. В этот же день подпольная партийная организация Доманевского района обратилась к трудящимся с листовкой, озаглавленной «Ко всему трудолюбивому народу», в которой говорилось: «...не давайте врагу грабить и вывозить народное имущество, скот, хлеб, тракторы и комбайны, лучше предать все огню, чем в руки гнусному врагу»[167].

С аналогичными призывами обращались к народу и другие подпольные организации. Кишиневские подпольщики в листовке, озаглавленной «Искра» и распространенной в октябре 1943 г., писали: «Товарищи рабочие завода и мастерских, не допускайте заминирования фабрик, не допускайте вывоза машин с заводов и фабрик... Товарищи рабочие и крестьяне, мы видим, как чиновники, приехавшие из Румынии с небольшим узелком подмышкой, сейчас вагонами вывозят краденые вещи». Грозным предупреждением оккупантам звучали слова листовки: «Мы советуем всем тем, кто уезжает в Румынию или в другие края, уехать так, как они приехали, и соблаговолить оставить на месте добро и имущество Бессарабии, так как мы знаем, как они все приехали, как хотят уехать и куда, и найдем их, где бы они ни были, и сумеем их судить по заслугам и по их деяниям»[168].

Как уже было показано, оккупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству захваченных областей. Однако не все планы им удалось осуществить. Подпольные партийные, комсомольские и патриотические организации, партизанские отряды, опираясь на поддержку широких масс трудящихся, сумели сохранить часть материальных ценностей от вывоза в Румынию и Германию.

На Одесской джутовой фабрике подпольщики при помощи рабочих сняли с машин предназначенные для вывоза в Румынию основные детали, бросили в пруд 15 ткацких станков, которые после освобождения города были подняты и восстановлены. На заводе имени

---

[166] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 184.

[167] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 143.

[168] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4771, л. 396.

Красной гвардии была сорвана попытка оккупантов вывезти в Румынию 30 электромоторов. Подпольщики с помощью рабочих железнодорожных мастерских укрыли от оккупантов детали двух ткацких станков, генератора местной электростанции. На суперфосфатном заводе советские патриоты закопали 25 т меди, 10 т чугунных труб, 4 трансформатора, бормашину и несколько электромоторов[169]. Когда было объявлено об эвакуации Одесского судоремонтного завода, на базе которого оккупационные власти намеревались оборудовать новый завод в г. Констанца, члены подпольной организации, возглавляемой П. А. Гефтом и В. Э. Бурзи, при помощи рабочих закопали в землю все ценное оборудование, инструменты, дефицитные материалы, а в ящики, подготовленные для отправки, закладывали куски железа и непригодный инструмент[170].

Группа рабочих г. Оргеева, узнав о намерениях оккупантов увезти в Румынию передаточные ремни электростанции, закопала их в специально устроенную яму и вернула советским органам при освобождении города[171]. Благодаря деятельности подпольных организаций в Одессе удалось уберечь часть ценного научного оборудования университетских лабораторий, центральной стоматологической поликлиники, ряда школ, обсерватории и т. д.[172] Большая заслуга в этом рабочих одесского порта. Вагоны с материальными ценностями, предназначенные для срочной погрузки на суда, умышленно разгружались в склады, в комплектование грузов вносилась путаница, создавалась полная неувязка в работе железнодорожного и морского транспорта. На железнодорожных путях и в порту устраивались столкновения составов, исчезали ящики с ценными грузами[173].

Мощное движение развернули сельские труженики за спасение от вывоза хлеба, скота, сельскохозяйст-

---

[169] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 232, 241, 280.

[170] *Немятый В. Н.* В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. Киев, 1962, с. 202.

[171] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1, с. 493.

[172] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 234, 236, 246, 277, 278 и др.

[173] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 245—246.

венных машин. Несмотря на суровые приказы оккупационных властей и массовые отправки «саботажников» в трудовые лагеря, крестьяне и колхозники не выходили на уборку урожая, всячески задерживали обмолот хлеба и его отправку на станции, выводили из строя тракторы, комбайны, молотилки и т. д. Начальник жандармского управления Дубоссарского уезда докладывал префекту, что 150 человек, согнанных жандармами для проведения уборочных работ в госхозе «Лунга», 7 и 8 июля «разбежались по домам»[174]. Такие же сведения поступали из других мест. Начальник жандармского легиона Одессы сообщал префекту, что «рабочие фермы „Королева Мария“ бегут с работы», что «из присланных с помощью жандармских властей рабочих осталось очень мало человек»[175]. В результате саботажа, организованного подпольной организацией Доманевского района, только в колхозе имени С. М. Буденного Марьевского сельсовета остались неубранными 120 га кукурузы и не обмолочен ячмень со 150 га[176].

Чтобы задержать уборку и молотьбу, советские патриоты выводили из строя комбайны, молотилки. Секретная служба информации докладывала 1 сентября 1943 г. в Бухарест, что в с. Яски Овидиопольского уезда «в снопах пшеницы были найдены куски железа, подброшенные с целью вывода из строя молотилок»[177]. В Песчанском районе подпольщики и партизаны во время уборки урожая уничтожили 107 молотилок, 5 комбайнов, 26 двигателей, раздали населению 400 т хлеба[178]. Некий майор Олтяну, ответственный за вывоз в Румынию зерна, скота и сельскохозяйственных машин, доносил 10 ноября 1943 г., что из-за саботажа в Голтском уезде не обмолочено до 50% зерновых, в Ананьевском — 35% овса и 20% ячменя. Он же жаловался, что «все уезды испытывают трудности при угоне скота, ибо местные жители бросают стада и остаются одни сельскохозяйственные жандармы, которые са-

---

[174] ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 82, л. 250.
[175] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 254.
[176] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 130.
[177] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 137.
[178] *Немятый В. Н.* Указ. соч., с. 162.

ми не в состоянии дальше отправлять скот»[179]. Об этом же сообщал и претор Дубоссарского уезда[180].

Крестьяне и колхозники оказывали всяческое сопротивление реквизициям. Начальник жандармерии г. Балты доносил 20 октября 1943 г., что население не отвечает на вызовы комиссии по проведению реквизиций, прячется в лесах[181], а претор Бершадского района в отчете от 24 ноября писал, что во время реквизиции скота жандармы столкнулись с открытой враждебностью населения, а на территории Войтовского жандармского поста при реквизиции коров «крестьяне выбегали с сапами и топорами...»[182]

Упоминавшийся уже майор Олтяну просил начальство, чтобы «во время операций по эвакуации» воинские части выделяли вооруженных солдат в целях «оказания помощи преторам в сборе материальных ценностей у жителей», а также «минимум по 10 человек на каждый эшелон, груженный тракторами и сельскохозяйственными орудиями для охраны этих ценностей во время перевозок»[183]. Начальник балтского жандармского легиона, обосновывая такие же просьбы, писал 12 ноября 1943 г.: «Мы информированы, что трактористы, которые будут сопровождать трактора, подлежащие вывозу в Румынию, имеют задание со стороны местных партизан выбрасывать запасные части тракторов на ходу поезда, с тем чтобы эти трактора по прибытии на место были негодными»[184]. За 10 дней до этого упомянутый начальник сообщал, что «трактористы, которые сопровождали четыре трактора из Баксы в Песчанку, намеренно их опрокинули и повредили[185]. В связи с этим в специальной инструкции губернаторства о порядке вывоза в Румынию сельскохозяйственных машин и оборудования подчеркивалось, чтобы «отправку МТС и МТМ производить под большим надзором, остерегаясь саботажа», так как «токарный ста-

---

[179] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 404.

[180] Там же, ф. 411, оп. 2, д. 17, л. 229.

[181] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 256.

[182] Там же, с. 258.

[183] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 404.

[184] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 257.

[185] Там же, с. 154.

нок не может работать, если с него снять две-три детали, о которых знают только мастера». «А посему, — сказано далее в инструкции, — проверку состояния отправленного инвентаря производить под наблюдением ответственного лица в каждом центре погрузки»[186].

Проявляя исключительную находчивость, советские патриоты смогли уберечь от вывоза в Румынию и Германию часть урожая и сельскохозяйственных машин. Под воздействием агитации подпольной организации значительную часть выращенного хлеба спасли крестьяне Больше-Врадиевского района. С приходом Красной Армии они сдали этот хлеб советским властям. Во время уборочной кампании 1943 г. много хлеба было роздано колхозникам с целью сохранения его до прихода Советской Армии[187].

В Кривозерском районе подпольной организации удалось сорвать вывоз 30 тракторов, 40 комбайнов, 60 молотилок, 50 тракторных плугов, в Шаргородском — 110 тракторов, в Доманевской МТС советские патриоты разобрали и припрятали 4 трактора[188]. Большую работу в этом направлении проделал Каменский подпольный партийный комитет. По его указанию сотни центнеров пшеницы и кукурузы были розданы колхозникам. Комбайнеры по окончании трудового дня уводили машину с полным бункером зерна в сторону, а ночью колхозники увозили хлеб. В районе удалось сохранить 20 тракторов. Осенью вопреки запрету оккупационных властей здесь было засеяно 4256 га озимой пшеницы[189].

Нередко, чтобы хлеб, скот и другие ценности не доставались оккупантам, подпольщики прибегали к их уничтожению. В упомянутой докладной ССИ от 1 сентября сказано, что в с. Калаглия Овидиопольского уезда был подожжен урожай зерновых с 23 га[190]. В ряде

---

[186] ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 141, л. 33.

[187] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 г., с. 118.

[188] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 304, 310; *Немятый В. Н.* Указ. соч., с. 162.

[189] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 444.

[190] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 137.

сел подготовленный для отправки в фашистскую Румынию скот был заражен ящуром и другими болезнями, а где появлялась возможность, его отдавали на хранение колхозникам. Так, например, в с. Фрунзовка Одесской области подпольная организация раздала населению 45 лучших коров, задержала отправку 20 вагонов скота путем заражения его ящуром[191]. В Бершади советские патриоты сожгли свыше тысячи тонн сена, привели в негодность 64 трактора[192].

Уделяя главное внимание диверсиям и саботажу, подпольные организации вместе с тем не ослабляли массово-политической работы среди населения. Наиболее распространенной ее формой по-прежнему оставалась устная пропаганда. Регулярно слушая сводки Совинформбюро и другие передачи советских радиостанций, подпольщики и партизаны в устных беседах сообщали трудящимся о ходе военных действий, об успехах Красной Армии и тружеников советского тыла. «Следует отметить, — сказано в одном из донесений оккупационных властей г. Одессы, — что, как только вражеские (т. е. советские. — *И. Л.*) радиостанции передадут какое-нибудь специальное сообщение, оно сейчас же становится известным всему городу... особо следует отметить, что большая часть населения ждет возвращения Советской власти. Это моральное состояние поддерживается различными заинтересованными агентами, которые распространяют слухи»[193].

Губернатор Бессарабии также сетовал по поводу так называемых «подозрительных элементов», которые «слушают передачи иностранных станций и поддерживают среди населения пораженческие настроения»[194], т. е. убеждения о неминуемом поражении фашистских государств.

Советские патриоты умело использовали для пропаганды даже те скудные сведения о наступлении Красной Армии, которые сообщала фашистская печать. Начальник 2-го полицейского участка Одессы докладывал

[191] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 326.

[192] *Еурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 187; *Немятый В. Н.* Указ. соч., с. 162.

[193] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 105.

[194] ЦГА МССР, ф. 197, оп. 4, д. 4, л. 3.

своему руководству: «Продавцы газет учитывают, что большая часть населения ждет большевиков, и стараются вовсю выкрикивать названия оставленных населенных пунктов. Это они делают в особенно людных местах с видным удовлетворением»[195].

В некоторых донесениях карательных органов оккупантов отмечается, что все чаще «коммунистические агенты» в целях пропаганды используют надписи на стенах домов, заборах, телефонных столбах и т. д. Например, в отчете Кишиневского областного инспектората полиции за ноябрь 1943 г. сказано: «В ночь с 1 на 2 и 28 ноября 1943 г. неизвестными лицами была нарисована на заборах мелом коммунистическая эмблема — серп и молот»[196].

Шире стало применяться коммунистическим подпольем и такое испытанное средство идеологического воздействия, как листовки. Теперь они выпускались не только в городах, но и во многих селах. «31 октября 1943 г. ... — докладывала полиция г. Бельцы, — в с. Боросены найдены две коммунистические листовки и около участка, засеянного свеклой, водружено красное знамя таким образом, чтобы оно на следующий день было замечено рабочими». Далее в донесении говорится о распространении листовок в с. Балан и о том, что «в ночь с 13 на 14 ноября 1943 г. в с. Сынжерея Бельцкого уезда обнаружена серия коммунистических листовок и воззваний, написанных от руки, различного содержания»[197]. По мере приближения фронта все большее количество листовок и воззваний доставлялось на оккупированную территорию с Большой земли авиацией.

С полным основанием можно сказать, что во второй половине 1943 г. массово-политической работой коммунистического и комсомольского подполья были охвачены почти все районы оккупированной территории между Бугом и Прутом. В докладной записке командования 3-го румынского армейского корпуса от 24 октября 1943 г. так и сказано: «В последнее время вражеская

---

[195] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 105.

[196] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4662, л. 191.

[197] Там же, д. 4661, л. 428—429; д. 4590, л. 14. Листовки были написаны и распространены молодежной подпольной организацией под руководством В. Журжиу.

пропаганда через листовки усилилась *на всей территории Транснистрии* (курсив наш. — *И. Л.)* ...Листовки размножаются типографским способом, на шапирографах, пишутся от руки и т. д.»[198]

Бессарабский центр ССИ отмечает в донесении от 30 ноября 1943 г.: «В последнее время в связи с военными событиями на Восточном фронте коммунистические элементы усилили свою деятельность», при этом в документе подчеркивается, что «пропагандистская деятельность развертывается на всей территории провинции». Агенты ССИ вынуждены признать колоссальное воздействие указанной деятельности на трудящихся. «Эта пропаганда, — пишут они, — не только воодушевляет приверженцев коммунизма, но и привлекает лиц, которые, хотя и не являются сторонниками коммунистических идей, действуют против нас... . Отмечены случаи, когда коммунистические элементы использовали листовки, распространенные в ночное время, призывающие народ объединиться в партизанские банды, чтобы в надлежащий момент противостоять румынским властям и поддержать советских парашютистов... Благодаря этой пропагандистской деятельности в Бессарабии образовались различные партизанские организации, состоящие из местных жителей...»[199]

Подпольные организации и группы усиливали помощь узникам фашистских тюрем и лагерей, которым в связи с отступлением гитлеровских войск грозила расправа в любой момент, устраивали побеги советским военнопленным, арестованным подпольщикам и партизанам. 5 мая 1943 г. И. Антонеску на заседании правительства признал, что «в Транснистрии большинство бегут из лагерей, ибо население помогает в этом»[200]. Подпольная организация г. Одессы, возглавляемая врачом М. Г. Чернышевым, снабжала советских военнопленных продовольствием, одеждой, организовала побег и укрыла более 40 пленных солдат и офицеров. В декабре 1943 г. устроила побег из лагеря большой группы советских военнопленных подпольная организация Ленинского района г. Одессы, руководимая К. А. Тимофеевым. Бежавших снабдили необходимыми

[198] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 20, л. 58.
[199] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4662, л. 191—192.
[200] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 588, л. 62.

документами, продуктами питания, одеждой. Многое сделали в этом плане подпольщики Доманевского и других районов Одесщины.

Большую помощь узникам местной тюрьмы, считавшейся одной из крупнейших в губернаторстве политических тюрем, оказали подпольные организации Тирасполя. Здесь томились в труднейших условиях подпольщики и партизаны из разных районов «Транснистрии». В самой тюрьме действовала подпольная партийная организация, поддерживавшая связь с находящимися на воле товарищами. Самыми разнообразными способами в тюрьму переправлялись медикаменты для больных политзаключенных, продукты питания, одежда, организовывались побеги приговоренных к смертной казни советских патриотов[201].

Во второй половине 1943 г. усиливаются тенденции к объединению подпольных организаций для совместной борьбы с врагом, все большее число подпольных организаций, в первую очередь лесных районов Прибужья, реорганизовывались в партизанские отряды. В августе Савранская подпольная организация создает партизанский отряд «Прибужец» во главе с Е. А. Благодырем. В этот отряд вливаются и некоторые члены Любашевской, Врадиевской, Кривозерской и Песчанской подпольных организаций. В сентябре отряд уже насчитывал 60 человек[202].

Большую роль в развитии партизанского движения в прибугских районах сыграла парашютно-десантная группа во главе со старшим лейтенантом И. А. Кухаренко, заброшенная 15 августа 1943 г. на территорию Кривозерского района штабом партизанского движения 4-го Украинского фронта. Эта группа установила связь с местными подпольными организациями и партизанским отрядом «Прибужец», который затем примкнул к ней. Большую помощь десантной группе И. А. Кухаренко оказали подпольные организации Кривозерского, Гайворонского, Любашевского районов. Кривозерская организация направила в распоряжение И. А. Кухарен-

[201] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 159, л. 3; д. 153, л. 5, 6.

[202] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 324; *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 157, 158.

ко 30 человек, Гайворонская — 64, Хощеватская — 52, снабдив их 69 винтовками и обрезами, 6 ручными пулеметами и 36 гранатами. Кривозерская организация передала партизанам около 10 т муки, более 20 ц мяса, 12 ц жиров и другие продукты, поставляла медикаменты, одежду и др. Любашевские подпольщики предоставили отряду И. А. Кухаренко 100 тыс. оккупационных марок, 52 ц муки, 30 т зерна, 1 т горючего, много одежды, оружия. К началу 1944 г. в этом отряде, названном «Буревестник», насчитывалось около 700 партизан[203].

Партизанское движение охватило и другие районы «Транснистрии». В августе 1943 г. состоялось совещание руководителей подполья Чечельницкого, Ольгопольского, Крыжопольского, Песчанского, Ободовского и Кодымского районов, на котором был создан нелегальный партийный комитет (М. Ф. Подгаецкий, Г. Я. Савранчук, И. М. Грановский, Н. С. Назарук), решено было организовать партизанский отряд в составе 15 человек (командир В. В. Кривенцов, комиссар И. И. Чернов), активизировать борьбу против оккупантов[204].

На базе подпольных организаций сел Песчанка и Ольгополь создается партизанский отряд под руководством Ф. К. Байдана (Черного)[205]. В Кодымском районе в с. Будей летом 1943 г. стала складываться партизанская группа, возглавляемая В. В. Курбало. В этот же период Ямпольский районный комитет (Ф. Г. Тонкопия, М. М. Струкачев и др.), направлявший деятельность девяти подпольных групп, созданных в селах района, образовал на их базе партизанский отряд. Жмеринские патриоты объединились в партизанский отряд под руководством В. Ф. Слюсаренко. Из подпольщиков Бершадского района в конце лета 1943 г. был сформирован партизанский отряд под командованием С. О. Печеного. В лесах близ Вапнярки успешно действовали народные мстители, возглавляемые Я. С. Кокошко[206]. Активно готовились к партизанской борьбе подпольщики Балтского уезда. В ноябре уком, утвер-

---

[203] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 300, 310, 311, 329.

[204] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 184—185.

[205] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 321—322.

[206] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 158, 187, 193, 196.

дивший А. Т. Мазепу руководителем партизанских отрядов и групп, разослал приказ командирам сельских отрядов о подготовке боевых подразделений для выхода в лес[207].

Снова становились центром партизанского движения одесские катакомбы. Созданные в апреле 1943 г. одесским Пригородным райкомом Куяльницкий и Усатовский партизанские отряды, базировавшиеся в катакомбах, к январю 1944 г. насчитывали в своих рядах до 100 человек, имели на вооружении 8 автоматов, 60 винтовок, 65 гранат, 11 пистолетов и 8000 патронов[208]. Для ведения партизанской борьбы осенью 1943 г. решила перебраться в катакомбы подпольная организация имени Я. М. Свердлова г. Одессы. В этих целях во дворе одного из подпольщиков был вырыт 17-метровый колодец, через который советские патриоты стали спускать в катакомбы продовольствие, оружие и боеприпасы[209].

Летом и осенью 1943 г. усиливаются тенденции к объединению и переходу к партизанским действиям среди подпольных организаций Молдавии. Взаимодействуют бендерские подпольно-патриотические группы (Н. Ф. Калашников, В. Н. Лунгу, Г. Ф. Савченко, И. Д. Ткач и др.), они устанавливают связь с патриотами Комрата и близлежащих сел, добывают оружие. В документах карательных органов оккупантов констатируется, что бендерским подпольщикам, пытавшимся добыть оружие и взрывчатку у румынских военнослужащих, «удалось привлечь: сержанта, начальника охраны военного склада, капрала-кладовщика этого же склада, капрала из охраны другого склада, двух солдат из других военных учреждений»[210].

Устанавливают между собой связь две подпольные организации г. Сороки (Г. Булат, Г. Гуменный и др.) и примыкающие к ним группы из сел Застынка, Воронково, Иоржница. Делались попытки связаться с укра-

---

[207] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 184—185.

[208] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 315.

[209] Там же, с. 246.

[210] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4578, л. 6, 27—28.

инскими партизанами с целью получения от них оружия и боеприпасов[211].

Во второй половине 1943 г. связи между подпольными организациями Украины и Молдавии все больше укрепляются. Завязываются контакты между подпольщиками Черновицкой области и Кишинева, Бельц, Сорок[212]. Но особенно тесными они были между подпольем Каменского района МССР и примыкающих к нему районов Винницкой и Одесской областей. 4 августа 1943 г. в лесу «Липки» состоялось совещание представителей партизанских организаций этих районов, на котором присутствовало 42 человека. Было решено перейти к партизанской борьбе, поставлена задача всячески препятствовать врагу в вывозе материальных ценностей и вопреки его приказам проводить осенний сев[213].

Стремясь установить связь с ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)М, подпольные организации ряда районов (Чечельника, Кодымы, Каменки, Григориополя и др.) направляют своих представителей за линию фронта.

Удары подпольщиков и партизан становились с каждым днем все ощутимее для врага. В ноябре на участках железной дороги Крыжополь—Рудница и Рудница—Попилюха они пустили под откос два воинских немецких эшелона. Кишиневский областной инспекторат полиции по этому поводу докладывал 18 ноября в Бухарест: «Железнодорожные подъемные краны со станций Бендеры и Тирасполь были затребованы железной дорогой Транснистрии... где, по нашим сведениям, 16 ноября сего года партизаны разобрали железнодорожную линию, и по этой причине немецкий поезд, состоящий примерно из 70 вагонов, загруженный материалами, потерпел крушение»[214].

Ночью 28 ноября 1943 г. небольшая группа, возглавляемая И. А. Кухаренко, вместе с любашевскими подпольщиками на перегоне Любашевка—Заплазы пу-

---

[211] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 559, л. 26—28; ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4808, л. 274—278; *Грекул А.* Их было тридцать семь. Кишинев, 1958.

[212] *Комарницкий С. И.* Указ. соч., с. 77.

[213] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 599; ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 160, л. 41.

[214] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4611, л. 207.

стила под откос эшелон с живой силой противника. В результате крушения было уничтожено 70 вражеских солдат и офицеров. Выведен из строя паровоз и 9 вагонов, задержано движение по железной дороге на 32 часа. Другая группа 5 декабря уничтожила немецкого офицера и двух солдат. Третья группа 7 декабря пустила под откос воинский эшелон на участке Балта—Первомайск. Было убито и ранено около 200 вражеских солдат и офицеров, выведены из строя паровоз и 13 вагонов[215]. В конце декабря 1943 г. группа партизан «Буревестника» уничтожила охрану Сальковского сахарного завода (13 человек), захватила ее оружие и боеприпасы, а всего за декабрь отряд уничтожил 406 вражеских солдат и офицеров.

7 января 1944 г. партизаны разгромили на дороге Кривое Озеро—Гвоздевка немецкую автоколонну, уничтожив 10 солдат и офицеров, 4 автобуса и 8 грузовиков и захватив 2 станковых и 4 ручных пулемета, винтовку и 6 тыс. патронов. Спустя два дня партизаны «Буревестника» обстреляли из засады другую автоколонну противника, уничтожив 5 автомашин и 9 гитлеровцев, а 12 января на дороге Саврань—Слюсарево они внезапным ударом разгромили большой румынский обоз[216].

Следует отметить, что и в безлесных районах «Транснистрии» подпольные организации, хотя и продолжали базироваться в населенных пунктах, фактически переходили к методам партизанской борьбы. Как явствует из сообщений румынских карательных органов, 30 августа 1943 г. между 22—23 часами «неизвестные лица стреляли в часовых взвода противовоздушной обороны», охранявших мост через Днестр в районе Дубоссары—Криуляны, названный оккупантами именем Адольфа Гитлера[217]. 28 сентября нападение на охрану моста повторилось[218].

Группа подпольщиков Каменки в составе 11 человек на участке железной дороги Крыжополь—Рудница

---

[215] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 328.

[216] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 181—182; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3. Киев, 1980, с. 176—177.

[217] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4592, л. 50.

[218] Там же, д. 4669, л. 31.

разобрала путь и пустила под откос воинский эшелон с 18 вагонами и 9 платформами. Другая группа уничтожила грузовую машину и четырех гитлеровцев по дороге Каменка—Песчанка, перерезала провода военной связи на расстоянии 1,5 км. Подпольщики Григориопольской организации, чтобы затруднить оккупантам вывоз хлеба, разобрали путь узкоколейной железной дороги, «...по каковой причине, — как сказано в докладной записке начальника жандармского легиона, — 22 ноября 1943 г. один поезд сошел с рельсов...» В этих же целях советские патриоты прокалывали скаты вражеских автомашин, засыпали бензобаки солью и песком[219].

С нескрываемым беспокойством Специальная служба информации докладывала в Бухарест: «Деятельность партизан в Транснистрии получила большое развитие, особенно с августа. Быстрый рост числа партизанских организаций в этом году, главным образом в последнее время, объясняется благоприятным развитием военных действий на Востоке, в связи с чем надежды партизан на конечную победу увеличились, следовательно, и энтузиазм, и желание чем-то помочь благоприятному ходу операций»[220]. В донесении отмечается, что «численность партизанских организаций доходит до 50 и даже 100 партизан».

В ряде районов «Транснистрии» партизанское движение стало принимать массовый характер. Оккупационные власти доносили о десятках случаев нападения партизан на жандармов, представителей администрации, о диверсиях и т. д. Так, только в сводке, составленной бендерской полицейской резиденцией на основе отдельных дошедших до нее донесений из губернаторства «Транснистрия», за период с 3 октября по 7 ноября 1943 г. приводятся 23 конкретных факта о боевых действиях партизан. В этом документе, лишь в определенной мере отражающем размах партизанского движения в области, сказано, в частности, что в ночь с 10 на 11 октября «партизанами была заминирована железная дорога между станциями Бар и Мотейка, в

---

[219] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 413, 596.

[220] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 20, л. 142.

результате произошло крушение паровоза с 40 вагонами», что в ночь с 15 на 16 октября партизаны «атаковали охрану казармы в Дубоссарах», срезали «телефонные провода в Дороцком», а в ночь с 8 на 9 ноября «заминировали железнодорожное полотно между станциями Слободка и Борщи Рыбницкого уезда», прервав движение поездов[221].

Многочисленные факты о деятельности советских патриотов в этот же период приводятся и в других документах оккупационной администрации. В одном из полицейских донесений сказано, что 30 октября 1943 г. «большевики-партизаны разрушили железную дорогу между Голтой и Бирзулой в нескольких местах, в связи с чем поезда из Голты не могли прибыть в Бирзулу»[222].

Особенно много хлопот доставляли партизаны оккупационным властям Тульчинского и Балтского уездов. В информации балтского жандармского легиона штабу 17-й пехотной дивизии говорится, что 25 октября 1943 г. партизаны, выйдя из леса, агитировали население с. Ольшанка «бросить работу у сельскохозяйственных машин», 28 октября они отрезали телефонный провод и забрали телефон в с. Малая Киреевка, в ночь со 2 на 3 ноября подожгли в Бершади конюшню сахарного завода, устроили пожар в колхозах № 19 и № 9». 3 ноября «по настоянию партизан» жители с. Хидрашовка разделили между собой пшеницу со складов. 5 ноября 1943 г. партизаны обезоружили сельскохозяйственного жандарма из с. Романовка[223]. 17 ноября 1943 г. префект Балтского уезда доложил губернатору о новых диверсионных действиях партизан. «Утром 15 ноября с. г., — читаем в его донесении, — партизаны уничтожили жандармский пост в с. Бондуровка Бершадского района. Начальник поста вместе с шестью жандармами были убиты... В с. Ольшанка Песчанского района партизаны убили капитана и солдата из воинской части № 337. Село Ольшанка занято уже три дня, и над ним развеваются красные флаги. Поезд, перевозивший на линии Бершадь—Рудница сахарную свеклу на Бер-

---

[221] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4611, л. 436—438.

[222] Там же, л. 25.

[223] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 153—154.

шадский сахарный завод, сошел с рельсов у въезда на завод, что указывает на умышленные действия чьих-то рук... В лесу близ сел Устя и Осиевка было пущено много ракет разных цветов, и немедленно после этого в общине № 47 с. Осиевка появилось несколько партизан, которые захватили различные тракторные части и увели трех трактористов, которые там находились.

По установленным до настоящего времени данным, партизаны подслушивают телефонные разговоры между властями, пользуясь телефонными аппаратами, забранными из примарии... Вечером 7 ноября в 18 часов неизвестные лица застрелили полицейского из с. Шумилова Бершадского района, который сопровождал нескольких арестованных на жандармский пост с. Войтовка»[224].

На основе приведенных фактов префект Балтского уезда полковник В. Нику сделал вывод: «Активность партизан особенно заметна в Ободовском, Бершадском, Песчанском и Савранском районах, число их от нескольких десятков увеличилось теперь до пятисот и все время возрастает. Продолжают организовываться новые отряды, которые вооружаются оружием, отобранным у жандармов и военных. Больше нельзя считать нашими села: Малая Кириевка, Большая Кириевка, Осиевка, Романовка Бершадского района, Бондуровка, Ольшанка, Гидрашевка Песчанского района, Цыбулевка, Балаклановка Ободовского района, Гетмановка, Полянское, Дубиново Савранского района»[225]. Таким образом, в ряде районов так называемой «Транснистрии» в конце 1943 г., т. е. за несколько месяцев до их освобождения Красной Армией, реальная власть находилась в руках партизан. Они стали отдавать распоряжения находящимся на службе у оккупантов старостам, примарям, шефам «общин» и «ферм». 16 октября 1943 г. на дверях продуктового склада в с. Балановка Балтского уезда была наклеена листовка, в которой в повелительном тоне говорилось: «Староста села и старосты общин! Приближается время освобождения Украины из-под ярма немцев и румын... Примите меры

[224] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 150—151.
[225] Там же, с. 151.

для оказания помощи тем, отцы и братья которых сражаются... Дайте хлеба и топлива!»[226] Иногда свои требования партизаны оформляли в виде приказа. «В ночь с 19 на 20 ноября 1943 г., — отмечается в информационном сообщении балтского жандармского легиона, — на дверях столовой Бершадского сахарного завода была обнаружена листовка на русском языке следующего содержания:

«Приказ от 15 ноября 1943 г.

В связи с приближением фронта и бегством румынских оккупантов, которые стараются вывезти оборудование фабрик и заводов, и согласно приказа Верховного Главнокомандования Красной Армии, приказываю:

1. Все директора фабрик и заводов должны принять меры для препятствования вывозу машин и оборудования, сохраняя все это для всенародного блага.

2. Все жители, работающие на фабриках и заводах, должны принять активное участие в сохранении машин и оборудования, помня, что все это — их собственность.

3. В случае, если лица, выполняющие эти задания, будут преследуемы румынскими властями, они найдут защиту в лице партизанских отрядов...

Руководитель партизанского движения в „Транснистрии“»[227].

Партизаны и подпольщики требовали, чтобы их распоряжения и приказы выполнялись беспрекословно, и карали не желавших подчиняться предписаниям коммунистического подполья. «В ночь с 8 на 9 ноября, — читаем в донесении префектуры Балтского уезда, — вооруженные лица явились в общину № 50 с. Романовка и забрали старосту, который не поделил урожай между жителями, хотя ему заранее было предложено это сделать»[228]. Но немало было и таких, которые, до поры до времени занимая должности в аппарате оккупационной администрации, старались искупить свою вину и в дальнейшей деятельности стали следовать указаниям подпольщиков и партизан. В с. Кузьмин Каменского района подпольная группа направила

---

[226] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 150.

[227] Там же, с. 151—152.

[228] Там же, с. 151.

шефу «общины» письмо, в котором, в частности, говорилось: «Чтобы оправдать себя перед Советской властью, сделай все возможное, чтобы хлеб остался в колхозе и были засеяны поля озимого сева». Получив такое письмо, шеф «общины» сам предложил способ укрытия хлеба и организации осеннего сева. При его содействии было припрятано 100 т кукурузы, засеяно озимой пшеницей 350 га пашни[229].

Местные оккупационные власти «Транснистрии» вынуждены были признать свое бессилие в борьбе с партизанами и подпольщиками. Подполковник Гават, начальник балтского жандармского легиона, писал в ноябре 1943 г., что «жандармы не в силах бороться с партизанами», которые «пользуются большими симпатиями у населения, так что любое преследование остается безрезультатным»[230]. Префекты и преторы просили вышестоящие органы «принять энергичные меры и усилить жандармские легионы жандармами из Румынии», «пополнить состав жандармских постов» регулярными войсками, возложив на последних задачу «преследования партизанских группировок». С просьбами о принятии «своевременных и соответствующих мер» для борьбы с партизанами обращалась к губернатору «Транснистрии» и тайная полиция[231].

Но в условиях огромных потерь на фронте выделять новые контингенты регулярных войск для борьбы с партизанами становилось все сложнее. Да и перебрасывать в «Транснистрию» жандармов из Румынии, где росло сопротивление трудящихся военно-фашистской диктатуре, а тем более из уездов губернаторств Бессарабия и Буковина также было опасно. Губернатор Бессарабии генерал Ставрат сам просил, «учитывая враждебное отношение населения», открыть здесь на юге дополнительную жандармскую комендатуру и четыре жандармских поста для охраны «государственных ферм», созданных на базе румынизированного имущества[232].

---

229 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 443.

230 Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 154.

231 Там же, с. 145, 151.

232 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 30, л. 1 об.

В донесениях румынских карательных органов в Бессарабии и Северной Буковине все чаще встречались сообщения следующего содержания:

5 августа 1943 г. «Утром 5 августа на участке железной дороги Врынчены и Козмены произошло крушение поезда из-за взрыва бомбы при прохождении поезда»[233].

10 августа 1943 г. «...В своде мостика, находящегося на 419-м километре с обеих сторон каменной кладки преступниками были произведены подкопы»[234].

22 сентября 1943 г. «В последнее время получены сведения о целой серии фактов, указывающих на то, что подпольные агенты работают с большой избирательностью... В нескольких местах найдены различные гранаты или трубки со взрывчатыми веществами, уложенные на железнодорожных линиях или вблизи станций, мостов и сооружений общественного пользования. Найдены в вагонах с грузами также гранаты, патроны, трубки со взрывчаткой или куски тротила, особенно в вагонах с углем, строительным лесом или другими легковоспламеняющимися грузами с целью вызвать взрывы, которые должны разрушить железнодоржный подвижной состав и таким образом тормозить перевозки»[235].

8 октября 1943 г. «Между станциями Адынката и Берхомет злоумышленники на железнодорожных рельсах на расстоянии 30 м положили камни»[236].

3 ноября. «Докладываем, что сегодня в 8 часов 45 минут примерно в 20 м от будки № 2, расположенной между полустанком Редены и станцией Корнешты, незадолго до прохождения скорого поезда № 701 была найдена на железнодорожной линии под одной из шпал вмонтированная граната»[237].

5 ноября 1943 г. «Полицейский отряд станции Липник в докладной № 1471 от 4 ноября сего года сообщает, что в ночь с 3 на 4 ноября сего года в 4 часа 30 минут военный патруль железной дороги заметил, что между железнодорожными станциями Дондюшаны

---

[233] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 397, л. 321—422.
[234] ЦГА МССР, ф. 112, оп. 1, д. 489, л. 2.
[235] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4592, л. 45 об.
[236] Там же, д. 4612, л. 211.
[237] Там же, д. 4611, л. 62.

и Редю-Маре на 152-м километре железнодорожные рельсы были демонтированы неизвестными лицами. Патруль был встречен преступниками револьверными выстрелами, на что им ответили огнем из винтовок»[238].

13 ноября 1943 г. «Сегодня в 6 часов с пассажирского поезда, уходящего из Бендер на Кишинев, были выброшены неизвестным лицом на железнодорожный мост Калфа шесть кусков тротила, упакованных в бумагу. Между кусками тротила находились взрыватель и 6 м фитиля медленного горения, который в момент выброски был уже зажжен. Взорвался только капсюль, а тротил остался целым»[239].

8 декабря 1943 г. «...Поезд в составе 2 паровозов и 18 вагонов, который шел со стороны Бугаза, после отъезда со станции Шабо сошел с рельсов... Причина— разбор пути. Виновники не обнаружены»[240].

Обеспокоенный ростом диверсий и актов саботажа на транспорте, Кишиневский областной инспекторат полиции разослал подведомственным органам предписание, в котором говорилось: «Вам строго вменяется в обязанность предупредить подобные действия, принимая совместно с компетентными властями меры контроля на вокзалах, устанавливая личность всех, совершающих посадку, а также усилить охрану инженерных сооружений»[241].

В Бессарабии и Северной Буковине, как и на Одесщине, участились случаи нападения на представителей оккупационной администрации. На заседании румынского правительства 16 ноября 1943 г. губернатор Буковины генерал Драгалина прямо заявил: «Ясно, что и на Буковине начались террористические действия, вершиной которых является убийство начальника сигуранцы. Эти действия направляются подстрекателями...»[242]

Успешные наступательные операции Красной Армии во второй половине 1943 — начале 1944 г., всевозрастающие удары подпольщиков и партизан, массовый

---

238 ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 378, л. 84.
239 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4611, л. 152.
240 Там же, ф. 679, оп. 1, д. 75, л. 181.
241 Там же.
242 Там же, ф. 706, оп. 1, д. 590, л. 53.

саботаж советскими трудящимися мероприятий фашистских властей резко ускорили развал фашистского оккупационного режима. Созданный кликой Антонеску на советской территории аппарат насилия стал давать глубокие трещины. Обращаясь за помощью к командованию 12-й пехотной румынской дивизии, префект Балтского уезда писал осенью 1943 г.: «...террористические акты и саботаж... увеличились настолько, что они совершенно убивают дух администрации и служащих, которые считают жизнь свою под угрозой, особенно в прифронтовой полосе»[243]. Поняв, что война проиграна, румынские чиновники стали лихорадочно искать возможность спастись, бежать с советской земли. Как отмечается в бюллетене Министерства внутренних дел Румынии от 27 сентября 1943 г., в связи с тяжелым положением на фронте «моральное состояние румын в Одессе с каждым днем падает, каждый думает, как бы ему вовремя убраться из этой области»[244]. Растерянность, говорится далее в документе, проявляют и коллаборационистские элементы. О стремлении румынских чиновников «всячески получить разрешение на возвращение в страну» неоднократно сообщал в Бухарест и губернатор «Транснистрии» Алексяну.

Такие же тенденции все сильнее проявлялись и среди оккупационной администрации в губернаторствах Бессарабия и Буковина. На заседании КББТ 29 ноября 1943 г., как явствует из стенограммы, констатировалось, что под влиянием событий на фронте в Бессарабии и на Буковине одни чиновники «сочли нужным подать в отставку, другие попросту взять свои багажи и покинуть занимаемые посты»[245].

Паникой были охвачены и местные эксплуататорские классы. Оккупационные власти докладывали в центр, что сельские примари, набранные из «состоятельных» местных жителей, опасаясь за последствия сотрудничества с румынскими оккупационными властями, увиливали от выполнения своих обязанностей, старались сложить полномочия. В одном из циркуляров

---

[243] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 144—145.

[244] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 34.

[245] Там же, д. 582, л. 420.

губернаторства Бессарабии прямо сказано: «В последнее время установлено, что некоторые служащие, главным образом сельские примари, просят отставки от занимаемых должностей или отказываются от принятия на себя возглагаемых на них государственных обязанностей». Далее в документе отмечается, что «административные органы на местах пассивны, а главное они лишены авторитета». «Это падение авторитета государственного аппарата имеет страшные последствия», вызывает у населения неповиновение, выражающееся «в уклонении от реквизиций, трудовых повинностей, уплаты налогов и т. д.»[246]

Черновицкий жандармский инспекторат докладывал 15 октября 1943 г., что во многих населенных пунктах Хотинского уезда (Маршеница, Единцы, Бузовщик, Сокиряны и др.) «подозрительные элементы, враждебно относящиеся к румынскому государству», убежденные в том, что «в скором времени советские армии займут Бессарабию», стали создавать комитеты и на своих собраниях, проводимых под видом семейных праздников, обсуждают вопрос о том, как «организовать власть в селах после бегства румын», «составляют списки людей, сотрудничавших с румынскими властями»[247].

Оккупантов тревожило и то, что некоторые государственные служащие из местного населения, чтобы както реабилитировать себя в глазах трудящихся, попустительствуют «саботажникам». Имелось, конечно, немало таких, которые перед надвигающимся крахом своего благополучия и фашистских идеалов еще больше злобствовали на оккупированной территории. Но, как бы то ни было, прежняя самоуверенность, характерная для местных помещиков, кулаков, буржуазных националистов в первый год оккупации, исчезла, стремление во что бы то ни стало выслужиться перед иноземными господами потеряло смысл, и многие, особенно после разгрома гитлеровцев под Курском и на Днепре, стали уезжать в Румынию. «Материально обеспеченное население Бессарабии и Буковины, — читаем в бюллетене КББТ за 15 декабря 1943 г., — продолжает эва-

[246] Там же, ф. 277, оп. 1, д. 57, л. 87—88.
[247] ЧОГА, ф. Р-307, д. 1100, л. 13.

куировать свое имущество, стараясь припрятать его в Олтении, Мунтении и Трансильвании»[248]. Силы местных эксплуататорских классов, служивших опорой оккупантов в Бессарабии и Северной Буковине, ослабли.

Правящие круги фашистской Румынии делали отчаянные попытки предотвратить развал оккупационной администрации и подавить растущую освободительную борьбу советских трудящихся. 16 ноября 1943 г. на заседании правительства И. Антонеску, обращаясь к губернаторам, сказал: «...Господа губернаторы, если в какой-то миг проявите слабость, вы же поплатитесь своей головой. Все лица, пойманные с оружием, которые занимаются мятежами или дискредитацией внутреннего порядка, должны быть расстреляны... В ваших руках военная и административная власть, вы несете ответственность и имеете полную свободу действовать так, как подсказывает вам сознание румына. Любое проявление слабости в этом отношении обойдется дорого румынской нации». В стремлении запугать своих подчиненных кондукэтор дошел до оскорбительных высказываний в адрес всей румынской нации. «В данный момент, — заявил он, — проявление признаков слабости администратором является признаком слабости всей нации; если в ее рядах есть такие представители, значит, она устала и заслуживает того, чтобы исчезнуть. С такой нацией не хочу иметь дело до самой смерти»[249]. Было решено усилить репрессии против советских патриотов, создать новые «трудовые лагеря» и загнать в них всех «подозрительных», а для поднятия духа вооружить не только военных, но и всех гражданских румынских чиновников губернаторства.

В целях запугивания местного населения, оказывающего помощь партизанам, во всех населенных пунктах губернаторства «Транснистрия» были вывешены приказы командования 3-го румынского армейского корпуса и местной оккупационной администрации о том, что за связь с партизанами, нападение на румынских и немецких военнослужащих и чиновников село будет

---

[248] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 22.

[249] Там же, д. 590, л. 53.

совершенно «уничтожено»[250]. В губернаторствах Бессарабия и Буковина для успокоения не в меру перепуганных чиновников префекты стали разъезжать по районам и проводить совещания с руководящим составом местной администрации. На одном из таких совещаний, проведенном в ноябре 1943 г. претурой Липканской волости, префект полковник В. Попович потребовал ускорить отправку в концлагеря «подозрительных» и «сеятелей тревожных слухов», а своих подчиненных старался убедить в том, что немецкая армия «в состоянии защитить Европу, в том числе Румынию, от большевиков», ее отступление «укладывается в нормальные рамки военных операций», что вскоре с помощью новых видов оружия «большевистским армиям будут нанесены решающие удары»[251].

Но как не удалось гитлеровцам приостановить победоносное наступление Красной Армии, так и правители военно-фашистской Румынии не смогли предотвратить дальнейшего разложения оккупационной администрации. Свидетельством краха подобных попыток является циркулярное письмо губернатора Бессарабии генерала Ставрата от 8 февраля 1944 г., в котором среди прочего сказано: «Те, кто будет колебаться в проявлении власти, а также те, кто попытается уклониться, уходя в отставку или ходатайствуя о переводе в другие районы страны, будут наказаны или отданы под суд в законном порядке за отказ от выполнения служебных обязанностей»[252].

Потерпели крах и попытки подавить освободительное движение на временно оккупированной территории. Правда, некоторые подпольные организации и группы под впечатлением успехов в борьбе с врагом нарушали правила конспирации, что дало возможность карательным органам оккупантов при содействии местной агентуры арестовать и уничтожить многих советских пат-

---

[250] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 256; Николаевщина в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., с. 188.

[251] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 3, д. 1098, л. 2.

[252] ЦГА МССР, ф. 277, оп. 1, д. 57, л. 88.

риотов[253]. В течение января—февраля фашистское командование дважды бросало крупные карательные силы на уничтожение партизанского отряда «Буревестник». В этих исключительно трудных боях с численно превосходящим противником отряд понес определенные потери, но значительно больший урон в живой силе и технике был нанесен фашистам[254]. Потери не привели, как это было в конце 1941 г., к ослаблению народной борьбы. Наоборот, она нарастала с каждым днем.

Большое значение для подъема подпольного и партизанского движения в южных районах Винничины и прилегающих к ним районах Одесской области имел выход на эту территорию рейдового соединения партизанских отрядов Винницкой области под командованием Я. И. Мельника, на базе которого действовал Винницкий подпольный обком КП(б)У во главе с Д. Т. Бурченко (он же комиссар соединения)[255], а также партизанского соединения имени В. И. Ленина (с

---

[253] Во второй половине 1943 — начале 1944 г. произошли провалы среди подпольных организаций Одессы, Жмеринки, Кишинева, Бендер, Тирасполя, Сорок, Григориополя, Кривозерского, Савранского, Больше-Врадиевского, Доманевского, Первомайского, Кодымского, Могилев-Подольского, Ямпольского и других районов. Даже будучи арестованными, советские патриоты до последнего вздоха оказывали сопротивление фашистским палачам, открыто выражали презрение к оккупантам, умирали, как герои. Среди документов румынских оккупационных властей сохранился акт, составленный карательным отрядом 2 декабря 1943 г., о расстреле в тираспольской тюрьме 18 членов подпольной организации г. Жмеринка. Из этого документа явствует, что при попытке карателей заставить подпольщиков покинуть камеру «осужденные, которые все время держались одной сплоченной группой в глубине камеры, оказали сопротивление, бросая золу в глаза солдат, а один из осужденных попытался ударить одного из солдат железным прутом, вырванным из решетки» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 681, л. 45—46). Руководитель подполья Кривозерского района коммунист И. А. Гуртовой перед расстрелом на вопрос румынского офицера, почему он, молдаванин, изменил румынскому государству, ответил: «Моя родина — Советский Союз, и своему народу я не изменил, есть правда на земле — в Москве...» (Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 2, с. 41).

[254] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 85; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 3, с. 183.

[255] *Григорович Д., Денисенко П., Немятый В.* Коммунистическое подполье на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1976, с. 74—75.

середины января 1944 г. командир — М. И. Владимиров, комиссар — В. Е. Нижник).

В середине января 1944 г., двигаясь через крыжопольские леса параллельно железной дороге Жмеринка—Одесса, соединения остановились в с. Павловка Ободовского района. В этом районе партизаны уничтожили 35 автомашин и более 250 вражеских солдат и офицеров. Осуществив налет на станцию Вербовка на участке Рудница—Бершадь, партизаны уничтожили охрану, путевое хозяйство, разобрали 50 м железнодорожного полотна, сожгли два склада с продовольствием и девять вагонов с фуражом. В с. Бритовка партизаны разгромили местный немецко-румынский гарнизон, на шоссейных дорогах Луги—Черномин и Бритовка—Кодыма подожгли деревянный мост, подорвали 10 автомашин, уничтожили 86 гитлеровцев. 22 января 1944 г. в боях с карательным отрядом гитлеровцев в 8 км севернее м. Кодыма партизаны подорвали 3 автомашины, захватили 9 автоматов, 40 винтовок, 11 тыс. патронов, уничтожили 130 фашистов.

Выполняя указания ЦК КП(б)У, подпольный обком и командование соединений установили связь с местными подпольными организациями и партизанскими отрядами Чечельницкого, Шаргородского, Кодымского, Крыжопольского, Ободовского и других районов, ознакомили их с обстановкой на фронте и оккупированной территории, создали новые организации и комитеты, поставили перед местными патриотами конкретные задачи, активизировали их действия. Подпольный обком и командование соединений обратились к населению области с призывом вступить в ряды партизан. Местные подпольные организации и трудящиеся области оказали соединениям большую помощь, многие влились в ряды партизан. Озлобленные оккупанты в с. Павловка за оказанный партизанам приют сожгли более 200 домов, расстреляли много крестьян, не успевших уйти в лес.

Продолжая в тяжелых боях рейд по тылам противника, соединения винницких партизан в феврале 1944 г. вышли к Днестру в районе Могилева-Подольского. В одном из сел состоялась встреча секретаря подпольного обкома Д. Т. Бурченко с представителями Могилев-Подольского партийного центра П. Ф. Кучерявенко и

И. И. Рудым. Партийный центр передал в распоряжение Винницкого партизанского соединения сто полностью вооруженных бойцов из числа местных подпольщиков[256].

В подъеме народной борьбы большую роль сыграли также партизанские организаторские группы, заброшенные на оккупированную территорию в начале 1944 г. Начало их создания было положено еще в конце 1943 г. В связи с подготовкой крупных наступательных операций Красной Армии ЦК КП(б) Украины утвердил план развития партизанского движения на временно оккупированной территории республики на январь—март 1944 г.[257] При участии представителя ЦК КП(б) Молдавии был также составлен план организации и развития партизанского движения на территории МССР на тот же период[258]. Планы боевых действий партизан тесно увязывались с будущими операциями фронтов. В этих целях при военных советах украинских фронтов были созданы представительства УШПД. Своих представителей при штабах 3-го и 4-го Украинских фронтов имел и ЦК КП(б) Молдавии.

В течение января—февраля 1944 г. на оккупированную военно-фашистской Румынией территорию штабами партизанского движения при Военном Совете 3-го и 4-го Украинских фронтов было заброшено около 15 групп организаторов партизанского движения, каждая из которых насчитывала в среднем 8—10 человек. «Все группы, — пишет бывший начальник штаба партизанского движения при Военном Совете 3-го Украинского фронта А. Н. Асмолов, — должны были активно собирать разведывательную информацию: устанавливать местонахождение важных военных объектов противника, уязвимые места в его обороне, расположение аэродромов и штабов. Особенно подробная информация требовалась штабу фронта о группировках противника в районах Кодыма—Вапнярка, Кодыма—Каменка, Кодыма—Балта и других местах, прилегающих к реке

[256] *Бурченко Д. Т.* Указ. соч., с. 175, 176, 182, 187, 197—199 и др.; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 3, с. 177—178, 212.

[257] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 75.

[258] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 10, л. 22.

Днестр»[259]. Перед группами ставилась также задача выявить и установить связь с местными подпольными группами и партизанскими отрядами, активизировать их деятельность, путем широкой массово-политической работы вовлечь население в активную борьбу с оккупантами и создать новые партизанские отряды и группы[260].

Многие организаторские партизанские группы, заброшенные на оккупированную территорию, благодаря помощи местных подпольных организаций и партизанских групп успешно справились с поставленными задачами. За счет местного населения и бежавших из лагерей военнопленных партизанские организаторские группы превращались в крупные отряды. Так, группа организаторов партизанского движения из 10 человек во главе с И. А. Артюховым, переправленная 14 января 1944 г. в район западнее Бершади, за два месяца выросла в партизанский отряд численностью 188 человек[261]. Другая организаторская группа под руководством Н. Н. Морозова, десантированная в район действия отряда «Буревестник», 15 января 1944 г. создала отряд численностью до 200 человек, названный именем А. А. Жданова. Большую помощь группе Морозова оказал партизанский отряд Песчанского района, возглавляемый Ф. К. Байданым[262].

Тесная связь установилась между парашютно-десантной группой во главе с Д. Б. Мурзиным и подпольной организацией с. Будей Кодымского района, руководимой В. В. Курбалой. В заброшенной в тыл противника 22 февраля группе насчитывалось 8 человек, но четверо из них были схвачены врагом. Прошел ровно месяц, и на базе маленькой группы вырос отряд численностью около 580 человек[263].

Разностороннюю работу в тылу врага проводила организаторская группа под командованием С. Д. Ав-

---

[259] *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1977, с. 173.

[260] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 10, л. 22; ПА Черновицкого обкома КП Украины, ф. 3538, оп. 1, д. 1, л. 62; д. 4, л. 62.

[261] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 30, л. 85; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 77.

[262] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., 186—187.

[263] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1. д. 74, л. 3—7.

теньева, десантированная в ночь с 24 на 25 января 1944 г. у с. Плоское (в 18 км севернее г. Тирасполь). Установив связь с местным населением, парашютисты организовали девять партизанских групп: в г. Тирасполь (две), в селах Плоское, Трофимовка, Ивановка, Васильевка, Парканы, Карманово, Ново-Грушка. Эти группы объединяли 224 человека, а состав отряда самого С. Д. Автеньева, названный именем Г. И. Котовского, увеличился с 8 до 70 человек. За короткий срок пребывания в тылу противника отряд пустил под откос три вражеских эшелона, уничтожил и ранил около 150 фашистских солдат и офицеров, совершил ряд диверсий на линиях связи и др.[264]

Особенно большую роль в активизации народной борьбы на временно оккупированной территории сыграла группа В. Д. Авдеева (Черноморского), заброшенная в тыл врага в ночь с 15 на 16 января 1944 г. в районе с. Осиповка Фрунзенского района Одесской области. Группа, насчитывавшая 10 человек, быстро наладила связь с местными советскими патриотами, создала партизанскую группу в с. Осиповка во главе с Н. И. Орликом, развернула большую агитационную работу среди населения Фрунзенского, Раздельнянского, Великомихайловского и Пригородного районов Одесской области. Сам В. Д. Авдеев с группой десантников направился в Одессу, где в течение февраля установил связь почти со всеми одесскими подпольными организациями и группами. Деятельность В. Д. Авдеева была направлена на создание единого центра по руководству борьбой против оккупантов в г. Одесса и близлежащих населенных пунктах. Одесса была разбита на микрорайоны, в каждом из которых Авдеев создал партизанский штаб с задачей организации партизанского отряда. Вместе с ближайшими помощниками — Д. С. Гавшиным и Е. П. Баркаловым — он налаживал работу штабов районов. 2 марта 1944 г. румынской контрразведке удалось арестовать В. Д. Авдеева. Он погиб, как герой[265].

---

[264] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 446, 600.

[265] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 283—285; *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 188—199; *Карев Г. А.* Одесса — город-герой. М., 1978, с. 146—149.

Но проделанная им организаторская работа сыграла большую роль в усилении борьбы против оккупантов. В Одессе и ее пригородах стали активно действовать три партизанских отряда и две группы. Одесские катакомбы вновь превратились в своеобразный партизанский край. Сюда стали стекаться сотни жителей Одессы, чтобы укрыться от репрессий немецко-фашистских захватчиков и избежать угона в рабство. Здесь же находили приют многие солдаты словацких подразделений, ставших на путь антифашистской борьбы.

В партизанский отряд Ильичевского района, созданный на базе крупной подпольной организации во главе с С. И. Дроздовым и Д. И. Овчаренко, были зачислены 1660 человек, которые были разбиты на десять рот. Отряд имел свой медицинский пункт, оружейную мастерскую. В конце марта 1944 г. он стал издавать газету «За счастье Родины»[266].

В поселке Кривая Балка стал действовать партизанский отряд Ленинского района, костяк которого составляла подпольная организация, руководимая К. А. Тимофеевым. Боевая группа партизанского отряда, насчитывавшая свыше 100 человек, была разбита на две роты. В декабре 1943 г. боевая группа, возглавляемая П. Е. Пироговым, организовала нападение на три грузовые автомашины, увозившие советских людей на каторгу, разоружила охрану и освободила пленников. В районе Пересыпи подпольщики вызволили 200 мирных жителей, угоняемых в рабство. Совершая вооруженные нападения на румынские воинские подразделения, охрану обозов и складов, советские патриоты собрали много оружия. Отряд Ленинского района имел свою типографию, где печатались листовки и газета «За Родину», начавшая выходить с 20 февраля 1944 г. Он также располагал медицинским пунктом с операционной и обслуживающим персоналом. Большую помощь вооружением и продовольствием оказали отряду словаки-антифашисты, перешедшие на сторону партизан в катакомбы (88 человек во главе с Я. Крошлаком и Л. Лаучиком). Они передали 3 машины с продовольствием, 700 кг взрывчатых веществ, 1400 патронов,

---

[266] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 243—244.

180 мин, 257 гранат, 6 автоматов и различный инженерно-шанцевый инструмент[267]. Усиленно готовились к боевым операциям Усатовский и Куяльницкий партизанские отряды.

В значительно более сложных условиях протекало становление партизанского движения в междуречье Днестра и Прута. В ночь с 13 на 14 января 1944 г. в районе с. Романковцы Черновицкой области была высажена группа организаторов партизанского движения (отряд имени С. Лазо) в составе 8 человек под командованием Ф. Г. Хайрутдинова[268], которая должна была развернуть боевую деятельность в смежных районах Молдавии и Черновицкой области, а также установить связь с партизанами, действовавшими в районе Кишинева.

В эту же ночь в Черновицкую область, недалеко от Сокирян, была десантирована другая группа также из 8 человек во главе с И. К. Примаком. Ей предстояло установить связь с местными партизанскими отрядами, активизировать борьбу против оккупантов[269]. В течение 15—16 января 1944 г. в районе Кишинева были высажены три группы организаторов партизанского движения (по 8—10 человек каждая) во главе с И. Ф. Чечеткиным, А. Строговым и А. И. Макаренко, перед которыми ставились задачи развернуть боевую и диверсионную работу в лесном районе вокруг города, главным образом на железной дороге Кишинев—Унгены, на шоссейных и грунтовых дорогах этого района, установить связь с местным населением и привлечь его к активной борьбе с врагом. На помощь этим отрядам в двадцатых числах февраля 1944 г. были направлены две группы (по 12 человек каждая) во главе с Т. Ф. Прокиным и А. И. Лисицыным.

Всем упомянутым отрядам и группам пришлось действовать на неосвоенной территории, с первого же дня после приземления вести тяжелые бои с крупными карательными силами оккупантов, насчитывавшими,

---

[267] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 263—265; *Григорович Д., Денисенко П., Немятый В.* Указ. соч., с. 120.

[268] ПА Черновицкого обкома КП Украины, ф. 3538, оп. 3, д. 4, л. 2.

[269] Там же, д. 3, л. 62, 63.

как явствует из отчетов врага, сотни жандармов и полицейских[270]. В такой ситуации, например, оказалась и группа М. Н. Уданова численностью 25 человек, направленная из состава 1-го Молдавского соединения партизанских отрядов в район хотинских лесов с последующим выходом на территорию МССР с целью разведки маршрута движения соединения, активизации народной борьбы на Буковине и в Молдавии, развертывания в первую очередь диверсионной деятельности на коммуникациях противника и на железнодорожной магистрали Кишинев—Унгены[271].

В ходе этих тяжелых, изнурительных боев названные отряды и группы нанесли фашистским карателям значительный урон, но погибло и большинство советских патриотов. Своим героизмом, бесстрашием и самопожертвованием они на протяжении полутора месяцев сковывали большие силы врага, держали его в постоянном напряжении. «Все члены отрядов, — вынуждены были признать фашистские каратели, — в совершенстве умеют пользоваться оружием. Боевая подготовка, их боевой дух и самопожертвование оказались отличными»[272]. Сами не способные к таким подвигам, жандармы были буквально потрясены тем, что один из десантников, «оставаясь без боеприпасов, покончил с собой, раздавив на груди гранату»[273].

---

[270] См. об этом: ПА Черновицкого обкома КП Украины, ф. 3538, оп. 3, д. 1, л. 28, 62, 63, 117; д. 4, л. 1, 2, 8, 9, 62—65; ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 27, л. 116—121, 324—325, 408—412; ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 741 (микрофильм); Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 387—390, 400—402, 404—405, 590—592; Радянська Буковина. 1940—1945, с. 255—256; Битва за Буковину, с. 68—71; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 3, с. 179.

[271] ПА ИИП ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 75, л. 52. О деятельности группы М. Н. Уданова см: ПА Черновицкого обкома КП Украины, ф. 3598, оп. 3, д. 7; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 377, л. 330, 486, 496—497; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 428—430, 597; Битва за Буковину, с. 72—76; Радянська Буковина. 1940—1945, с. 225—227, 255—257.

[272] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 27, л. 421.

[273] Там же, л. 32. Это был партизан группы Ф. Г. Хайрутдинова. Такой же подвиг совершила радистка Ольга Степанова из группы Т. Ф. Прокина, которая, истратив все патроны, вывела из строя рацию, а затем, подпустив к себе жандармов, взорвала гранату в своих руках.

Признав свое бессилие в борьбе с советскими партизанами, руководитель румынской жандармерии в губернаторстве Бессарабия полковник Т. Мекулеску в паническом тоне просил свое начальство, ввиду «оснащения парашютистов новейшими оружием и средствами боя, ярости, проявляемой ими в бою с жандармами», направить для борьбы с ними «специальные части»[274].

Беспокойство оккупационных властей вызывали не только смелые действия самих партизан, их высокие моральные качества, но и поведение местного населения, оказывавшего помощь партизанам. В донесениях жандармерии отмечается, что «жительница с. Кобылчаны два дня прятала парашютиста», которого преследовали жандармы, а жена лесника 15-го участка Каприянского лесничества Е. Макаревич, ее брат П. Чеботару из с. Каприяна, И. Суман и В. Бурдуян из Страшен снабжали парашютистов разведданными, предоставили им приют и кормили[275]. Всемерную помощь в борьбе с румынскими карателями группам Хайрутдинова, Примака, Уданова и другим оказывали жители сел Шебутинцы, Коболчин, Васильевка, Роскопенцы Сокирянского района, Ржавинцы, Добрыновцы, Баламутовка, Громовка Заставновского района, Перебыковцы Хотинского района. Семья А. И. Запаренюк из с. Баламутовка приютила партизанскую группу М. Н. Уданова, снабжала ее разведданными о противнике, помогала временно оторваться от преследовавшего врага. Последний бой с противником эта группа вела, будучи окруженной в доме В. Ю. Дробота из с. Ржавинцы, который скрывал у себя больных и обмороженных партизан и вместе с ними был брошен карателями в черновицкую тюрьму[276].

Напуганный действиями партизан и отношением к ним населения, губернатор Бессарабии генерал Ставрат издал и развешал во всех населенных пунктах приказ, в котором объявлялось, что «будут считаться пособниками врага и преданы суду в соответствии с действующими законами и приказами» не только тот, кто приютил советских патриотов, но и тот, кто не известил вовремя жандармов о их появлении или же не

---

[274] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 27, л. 410.
[275] Там же, л. 160—161.
[276] Битва за Буковину, с. 13—14.

явился по вызову властей «для участия в преследовании парашютистов»[277].

Заслуга групп организаторов партизанского движения, заброшенных на территорию Северной Буковины и в правобережные районы Молдавии в январе—феврале 1944 г., состоит в том, что, несмотря на неудачи, они все-таки усилили деморализацию противника, первыми установили связь с местным населением и способствовали рассеиванию ложных представлений о советских партизанах, распространяемых фашистской пропагандой и духовенством среди отсталой части населения, оживили освободительное движение в Черновицкой области и правобережных районах Молдавии.

Во многих населенных пунктах стали появляться местные партизанские группы и новые подпольные организации. Возникшая в с. Белоусовка Сокирянского района патриотическая группа разрушила линии связи между Сокирянами, Белоусовкой и Ивановцами, на железнодорожной станции Сокиряны вывела из строя паровоз и задержала более чем на сутки отправку эшелона с боеприпасами[278].

В конце февраля 1944 г. в районе сел Малинцы, Шиловцы, Тризенцы и Клишковцы Хотинского района начал действовать партизанский отряд Д. Н. Баблюка, в который входило 22 человека. Другая группа во главе П. Ф. Горченко, насчитывавшая сначала 27, а затем 50 человек, вела борьбу против оккупантов в районе сел Атаки, Чепоносы, Рухотин, Зарожаны, Шиловцы. С 9 по 18 марта партизаны этой группы уничтожили 37 фашистских солдат и жандармов, подбили 13 грузовых автомашин, 6 мотоциклов, 3 легковых автомобиля с офицерами[279]. Возникают местные партизанские группы в правобережных районах Молдавии.

Таким образом, к весне 1944 г. борьба трудящихся на всей территории между Бугом и Прутом принимает всенародный характер. Ее главной формой становилось партизанское движение. Благодаря выходу в Приднестровье соединений винницких партизан, а также деятельности групп организаторов, заброшенных штабами партизанского движения 3-го и 4-го Украинских фрон-

[277] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 27, л. 437.
[278] Радянська Буковина. 1940—1945, с. 255.
[279] Там же, с. 257.

тов, борьба против оккупантов принимает более организованный характер, деятельность партизанских отрядов начала согласовываться с оперативными задачами Красной Армии. К марту 1944 г. только в тылу немецкой группы армий «А», в основном в тылу 6-й немецкой армии, противостоящей войскам 3-го Украинского фронта, действовало около 20 организаторских, разведывательных и разведывательно-диверсионных групп, которые к этому времени за счет огромного притока добровольцев превратились в боеспособные отряды и соединения[280].

1 февраля 1944 г. было объявлено о ликвидации так называемой румынской «гражданской администрации» в «Транснистрии» во главе с Алексяну и передаче всей власти «военной администрации» под руководством генерала Потопяну. Эта власть оказалась непродолжительной. Войска 3-го и 4-го Украинских фронтов, разгромив криворожско-никопольскую группировку немецко-фашистской армии, вышли на р. Ингулец, и фронт вплотную приблизился к «Транснистрии». Оккупантам стало ясно, что им долго здесь «хозяйничать» не придется.

Охваченные страхом, правители фашистской Румынии решили, что оттягивать вопрос об очистке архивов от документов, раскрывающих их грабительскую политику на оккупированной советской территории, дальше нельзя. В конце февраля была срочно создана «Комиссия по расследованию деятельности гражданского губернаторства Транснистрия». 26 февраля 1944 г. перед членами этой комиссии выступил М. Антонеску. Румынский вице-премьер, который еще недавно хвастался перед министрами, что делает все для того, чтобы в будущем «Транснистрия» принадлежала Румынии, на сей раз стал убеждать присутствующих в том, что Германия чуть ли не заставила Румынию «администрировать» территорию между Днестром и Бугом, что сам он-де на вопрос правителей рейха, какие территориальные претензии на Востоке предъявляет его страна, отвечал, что «Румыния не выдвигает территориальных требований», иными словами, М. Антонеску утверждал, что оккупация так называемой «Транснистрии» с самого начала носила временный характер. «Первейшая и

[280] *Асмолов А. Н.* Указ. соч., с. 175.

важнейшая задача, — говорил М. Антонеску, — состоит в том, чтобы ни из одного документа губернаторства Транснистрия... не вытекало, что наша оккупация носила иной характер»[281]. «Думаю, — продолжал М. Антонеску, — что весьма важно, чтобы из находящихся там архивов изъять документы, в которых содержится такая неосторожность»[282].

Признав, что «Транснистрия» своими богатствами оказала Румынии «колоссальную помощь» в преодолении экономических трудностей, особенно в 1941—1942 гг., М. Антонеску требовал изъять из архивов губернаторства, а также местной администрации документы, которые служат «неопровержимым доказательством огромных заслуг военной администрации Транснистрии перед страной». Более того, румынский вице-премьер доказывал, что «было бы очень полезно, чтобы фигурировали документы, из которых вытекало бы, что Транснистрия была обременительной»[283] для военно-фашистской Румынии. «Меня главным образом интересует, — говорил М. Антонеску, — чтобы не остались документ или переписка, которые можно было бы обобщить и которые явились бы завтра оружием против нас»[284].

Перед комиссией ставилась также задача выявить, где находятся материальные ценности, вывезенные из «Транснистрии». Стараясь замести следы грабежей, М. Антонеску говорил: «Мы заинтересованы в том, чтобы рассредоточить эти ценности, как можно более незаметно внедрить их в румынскую экономику, а не держать их компактной массой»[285].

М. Антонеску подчеркнул, что Румыния еще желает сохранить за собой пути сообщения в «Транснистрии». Но 18 марта 1944 г. гитлеровцы заставили своих союзников подписать «Протокол о передаче военной администрации территории между Днестром и Бугом генералу Аулебу, уполномоченному верховного главнокомандования германской армии»[286]. Стараясь свалить в

---

[281] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 58, л. 301.
[282] Там же, л. 302.
[283] Там же, л. 206.
[284] Там же, л. 213.
[285] Там же, л. 217.
[286] Там же, д. 1314, л. 4, 5.

будущем на Германию вину за политику «выжженной земли», проводимую фашистскими армиями на советской территории, И. Антонеску велел генералу Потопяну при передаче немецкой стороне промышленных предприятий и других объектов запастись фотографиями, чтобы «у зеленого стола показать, что не мы уничтожили Транснистрию»[287]. Правящая верхушка фашистской Румынии старалась также замести следы массовых расстрелов советских граждан. В ходе суда над главными военными преступниками в Бухаресте (1946 г.) И. Антонеску признал, что военный министр генерал Пантази заверил его в том, что «принял меры, чтобы исчезли трупы»[288].

При подписании соглашения о передаче территории между Днестром и Бугом немецкой администрации румынские фашистские правители выторговали для себя право продолжать вывоз в свою страну «военных трофеев», а также других материальных ценностей, награбленных на этой территории. Но воспользоваться данным «правом» им, как будет показано далее, уже не пришлось.

---

[287] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 293.

[288] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma dezbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti, 1946, p. 54.

Глава IV

КРАХ ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ПЛАНОВ. ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЗЕМЕЛЬ. СВЕРЖЕНИЕ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

После тяжелых поражений в ходе зимней кампании 1943/44 г. командование вермахта свои надежды остановить наступательный порыв Красной Армии связывало с созданием неприступной обороны на Южном Буге и Днестре. Гитлеровцы и их румынские союзники также полагали, что после кровопролитных зимних боев и в связи с начавшейся в конце февраля 1944 г. весенней распутицей советские войска не смогут продолжить наступление и на какое-то время в ходе военных операций на Украине наступит затишье.

Однако такой передышки фашистский блок не получил. В первых числах марта 1944 г. на огромном фронте от Луцка до устья Днепра почти одновременно начали наступление 1, 2 и 3-й Украинские фронта[1]. Войска 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков), прорвав 4 марта оборону противника, спустя несколько дней достигли Тернополя, где натолкнулись на сильное сопротивление врага.

Успешно развивалось наступление 2-го Украинского фронта (командующий генерал И. С. Конев), начатое 5 марта. 10 марта эти войска овладели Уманью, а на следующий день танковые части достигли Южного Буга.

Существенных успехов добились и войска 3-го Украинского фронта (командующий генерал Р. Я. Мали-

[1] Подробно о наступательных операциях указанных Украинских фронтов см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6-ти т., т. 4. М., 1962, с. 74—83; История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т., т. 8. М., 1977, с. 80—96; *Грылев А.* Днестр—Карпаты—Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М., 1970.

новский), начавшие 6 марта осуществление Березнеговато-Снигиревской операции. 12 марта передовые части фронта вышли к Ингульцу южнее Снигиревки, а на следующий день овладели Херсоном.

В связи с успешным прорывом вражеской обороны Ставка поставила войскам трех Украинских фронтов задачу завершить разгром главных сил южной стратегической группировки противника и выйти на государственную границу СССР[2].

Отразив атаки противника на рубеже Тернополь—Проскуров, войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Они форсировали Южный Буг и 18 марта овладели крупной узловой станцией Жмеринка, где «хозяйничали» румынские оккупанты. Враг делал отчаянные попытки задержать продвижение советских войск. Но это ему не удалось. 24 марта войска 1-го Украинского фронта вышли к Днестру и с ходу форсировали реку в верхнем ее течении. Не дав противнику закрепиться, они двинулись к р. Прут и вплотную подошли к г. Черновцы.

Стремительно продвигались вперед и войска 2-го Украинского фронта. Преследуя разбитые под Уманью фашистские войска, подвижные части фронта с ходу форсировали Южный Буг на 100-километровом участке и устремились к Днестру. Несмотря на распутицу, им всего пять дней потребовалось, чтобы достигнуть Днестра. «Наступление советских частей,— писала в те дни газета «Известия»,— настолько стремительно и ошеломляюще для врага, что немцы в ряде мест не успели даже уничтожить переправы. Буквально на плечах противника наши войска вырвались за Днестр, овладели на правом его берегу уездным городом Молдавской ССР Сороки...»[3] Было положено начало освобождению Советской Молдавии[4].

Преодолевая многочисленные трудности, связанные с бездорожьем, весенней распутицей и растущим сопротивлением противника, войска 2-го Украинского фронта за несколько дней боев освободили в между-

---

[2] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 86.

[3] Известия, 1944, 21.III.

[4] Подробно об освобождении северных и восточных районов Молдавской ССР см.: В боях за Молдавию, кн. 1. Кишинев, 1964, с. 185—198; кн. 2. Кишинев, 1968, с. 161—176; кн. 3. Кишинев, 1970, с. 23—31; и др.

речье Днестра и Прута сотни населенных пунктов, в том числе районный центр Черновицкой области Сокиряны, районные центры Молдавской ССР Рышканы, Тырново, Вертюжаны, Атаки, Флорешты, Единцы, Братушаны, Фалешты, Глодяны, Болотино и др. 22 марта части и соединения левого крыла фронта освободили г. Первомайск на Южном Буге и устремились вперед, создавая угрозу охвата с севера и окружения группировки немецко-румынских войск, действовавших в причерноморских степях. Чтобы закрыть брешь, созданную прорывом войск 2-го Украинского фронта, немецкому командованию пришлось переправить на север часть сил группы армий «А», противостоящих войскам 3-го Украинского фронта. Но приостановить наступление Красной Армии ему не удалось. Брошенные в бой румынские пехотные дивизии (5, 8, 14-я и др.) были смяты, целые подразделения сдавались в плен[5].

Продолжая теснить противника, 26 марта в результате обходного маневра войска 2-го Украинского фронта овладели г. Бельцы — важным железнодорожным узлом. Развивая наступление, они вышли на государственную границу с Румынией — р. Прут — на фронте протяженностью в 85 км, между населенными пунктами Липканы и Скуляны. Этот день стал одним из знаменательных в ходе Великой Отечественной войны Советского Союза.

Вся страна с большой радостью, ликованием встретила сообщение о выходе Красной Армии на государственную границу СССР. «Вот она перед нами,— писал в «Правде» военный корреспондент, писатель Борис Полевой,— долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом... Здравствуй, рубеж родной земли!»[6]

Большую и разностороннюю помощь наступавшим советским войскам оказали партизанские отряды и подпольные организации, действовавшие в тылу фашистских войск. Так, рыбницкие подпольщики помогли разведчику 2-го Украинского фронта лейтенанту

---

[5] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 128, л. 116, 117, 125; Сообщения Советского информбюро, т. 6. М., 1944, с. 157, 161 и др.

[6] Правда, 1944, 27.III.

М. Е. Рыбаку и радистке Н. Г. Захаревой, заброшенным 11 марта 1944 г. в тыл врага, легализоваться, достали для них румынские паспорта, укрыли в надежном месте рацию, снабжали их разведданными о противнике, которые по рации передавались командованию советских войск[7].

«Обширная разведывательная информация,— пишет бывший начальник штаба партизанского движения при Военном совете 3-го Украинского фронта А. Н. Асмолов,— стекалась отовсюду. В Каменке, например, жили родственники и знакомые подпольщиков станции Кодыма, частенько приезжавшие к ним в гости. Партизаны получали сведения о румынских и немецких частях в окрестностях села Каменка... Не раз партизанским отрядам удавалось высылать конную разведку к Днестру и в другие места для уточнения особо важных разведывательных данных»[8]. А. Н. Асмолов отмечает также, что «обширная разведывательная информация о продвижении немецких и румынских войск между Южным Бугом и Днестром, передаваемая партизанскими силами в штаб, не раз получала высокую оценку Военного Совета».

Особенно хорошо отзывается А. Н. Асмолов о специальной разведгруппе, возглавляемой отважной партизанской разведчицей Марией Головатой. Вместе с ней за линию фронта была десантирована ее сестра Анастасия. Партизанские разведчики обосновались в городах Ямполь и Сороки. «Разведывательная информация, переданная группой М. М. Головатой,— пишет А. Н. Асмолов,— оказала большую помощь штабу фронта в организации маневра силами и средствами в ходе наступления наших войск»[9].

В начале марта 1944 г., с переходом в наступление советских войск, партизанские отряды и подпольные группы усилили удары по отступающим в панике немецко-румынским войскам.

Успешно действовал партизанский отряд «Буревестник», возглавляемый И. А. Кухаренко. Разбившись на несколько групп, вначале он громил врага на подсту-

---

[7] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. 2. Кишинев, 1976, с. 409, 595.

[8] *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1977, с. 175.

[9] Там же, с. 176.

пах к Южному Бугу, не давая ему организованно переправляться через реку. В течение 7—12 марта партизанские группы под командованием Н. С. Костюка, И. И. Выходцева, Н. Ф. Фостуса, Н. А. Храновского, Н. С. Деревянко и других уничтожили сотни гитлеровцев и их приспешников.

Основное ядро «Буревестника» перебазировалось на правый берег Южного Буга и оказало содействие советским воинам в переправе через реку. Организовав базу в Савранском лесу, партизаны устраивали засады на дорогах Саврань—Слюсарево, Саврань—Колбасово, нападали на небольшие группы врага и уничтожали их, а с 22 марта, за два дня до соединения с передовыми частями Красной Армии, они окружили и уничтожили 100 гитлеровцев, пытавшихся под натиском советских воинов найти убежище в Савранском лесу[10].

Ряд успешных операций провел отряд имени А. А. Жданова, руководимый П. Н. Морозовым. 19 марта на дороге Черная—Кодыма партизаны разбили вражеский обоз со снарядами, а на второй день, заминировав дорогу Кодыма—Балта, подорвали несколько автомашин[11].

В Кодымском районе отряд под руководством Д. Б. Мурзина, действуя совместно с разведкой 21-го десантного полка 7-й гвардейской дивизии, произвел ряд диверсий на коммуникациях противника, разгромил обоз и штаб воинской части гитлеровцев и т. д. Только 23 марта в бою у с. Будей Кодымского района было уничтожено более 200 фашистских солдат и офицеров[12].

В Ананьевском районе партизанская группа, возглавляемая П. Д. Ткаченко, во время наступления советских войск нарушила связь между наблюдательными пунктами и огневыми позициями немецкой артиллерии[13].

---

[10] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970, с. 336, 337.

[11] Там же, с. 323.

[12] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 2, д. 74, л. 8; *Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии. Кишинев, 1974, с. 163.

[13] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 288, 289.

Активные действия развернули партизанские отряды и подпольные организации в Приднестровье. Ямпольская подпольная организация (руководители Ф. Г. Тонкопий и Н. А. Гоцеридзе) и партизанский отряд под командованием М. М. Струкачева помогали частям Красной Армии в форсировании Днестра и освобождении г. Сороки. Переправившись на правый берег Днестра, отряд захватил у отходившего противника 200 подвод с различным военным имуществом, 15 автомашин, 3 цистерны. Партизаны отправили в район Ямполя для танкистов 57-й мотострелковой бригады под командованием Героя Советского Союза П. З. Шамардина 18 бочек дизельного топлива[14]. В районе местечка Атаки большую помощь в переправе через Днестр оказал одному из соединений 40-й армии могилев-подольский партизанский отряд. Еще накануне он переправился на правый берег реки, захватил плацдарм и удерживал его до прихода советских войск[15].

Тесно взаимодействовали с частями Красной Армии партизаны Северной Буковины. Особенно отличился партизанский отряд во главе с Героем Советского Союза А. В. Тканко, созданный на базе группы из 12 человек, десантированной в ночь на 22 марта 1944 г. у с. Ржавинцы Заставновского района Черновицкой области. В короткий срок за счет жителей сел Ржавинцы, Громивка, Грозницы, Шиловцы и других группа превратилась в крупный отряд[16]. К группе А. В. Тканко примкнули местные партизанские отряды Д. Н. Баблюка и П. Ф. Горяченко[17]. Партизанское движение на Буковине стало приобретать более организованный характер. С первого дня группе пришлось вести тяжелые бои с карательными отрядами румынской жандармерии[18]. Еще до прихода советских войск партизанский

---

[14] Вінниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941—1945). Збірник документів і матеріалів. Одеса, 1971, с. 157; *Гайсан В.* Партизанские удары. — Советская Молдавия, 1969, 18.III.

[15] *Елин Д. Д.* Указ. соч., с. 165, 166.

[16] ПА Черновицкого обкома КП Украины, ф. 3538, оп. 3, д. 1, л. 15.

[17] Радянська Буковина. 1940—1945 гг. Документи і матеріали. Київ, 1967, с. 257.

[18] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы, т. 3. Киев, 1980, с. 195.

отряд А. В. Тканко разгромил в ряде сел Хотинского, Заставновского и Садагурского районов вражеские гарнизоны и восстановил в них Советскую власть. Партизаны помогли частям Красной Армии форсировать Днестр, а затем оказывали содействие танкистам 44-й танковой бригады в боях за освобождение Буковины[19].

Несколько партизанских отрядов, созданных на базе десантированных групп, действовало в лесных районах (Кодры) правобережной Молдавии. В ночь с 17 на 18 марта, недалеко от с. Сесены была сброшена группа парашютистов в составе 11 человек во главе с коммунистом Г. Смилевским. 26 марта 1944 г. на базе группы Г. Смилевского была высажена группа из 6 человек, возглавляемая И. И. Лысовым. В ночь с 19 на 20 марта в районе с. Садово (в 42 км северо-западнее Кишинева) была десантирована разведывательно-диверсионная группа в составе 10 человек под руководством В. И. Петрова с задачей парализовать движение на участке железной дороги Кишинев—Унгены, выявить и активизировать местные партизанские отряды, поднять население на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В ночь с 21 на 22 марта в районе с. Сипотены (в 52 км северо-западнее Кишинева) высадилась группа из 8 человек под командованием Г. А. Посадова.

Все названные группы быстро установили связь с местными жителями. Опираясь на их повседневную помощь и пополняясь за счет них, эти группы превратились в партизанские отряды, получившие названия «Журналист» (Г. Смилевский), имени М. В. Фрунзе (И. Лысов), имени Ф. Э. Дзержинского (Е. Петров), имени Щорса (Г. Посадов)[20]. В период освобождения северных районов Молдавии они наносили с тыла внезапные удары по врагу.

Возникают и начинают действовать местные партизанские отряды, не имевшие связи с Большой Землей. В с. Кондрица Страшенского района местные патриоты образовали небольшую партизанскую группу во главе

---

[19] Радянська Буковина.1940—1945, с. 258; Битва за Буковину, с. 78, 79.

[20] Об организации и деятельности этих отрядов см.: Молдавская ССР в Великой Отечественой войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 438, 439, 534—539, 595—596, 609—610.

с П. Поповичем[21]. Уходит в лес и становится на путь партизанской борьбы подпольная организация с. Мирное Новоаненского района во главе с М. М. Чернолуцким[22]. В оргеевских лесах начал действовать партизанский отряд под командованием бежавшего из фашистского плена летчика Е. Ф. Ярмакова. Главной базой его отряда служил дом крестьянина с. Иванча Оргеевского района И. И. Атаманюка[23].

Активно участвовал в боях с врагом отряд «Советская Молдавия» (командир до 18 марта 1944 г.— Я. А. Мухин, с 18 марта по 14 апреля 1944 г.— А. В. Смирнов), который 6 февраля 1944 г., отделившись от Второго молдавского соединения партизанских отрядов, вышел в рейд и, пройдя с боями по тылам противника сотни километров, 18 марта 1944 г. вступил в с. Окница Каменского района МССР. 20 марта он освободил Каменку, и в течение трех дней, до подхода советских танкистов, партизаны отражали атаки немецко-румынских войск. Они также переправлялись на правый берег Днестра и нападали на румынские пикеты. Отряд «Советская Молдавия» помог воинам Красной Армии переправиться через Днестр, участвовал в освобождении ряда сел Каменского, Рыбницкого, Резинского и Оргеевского районов[24].

Нередко на сторону партизан переходили дезертировавшие из румынской армии насильственно мобилизованные жители Молдавской ССР. Бывший сержант 2-го дивизиона 24-го артполка 14-й пехотной румынской дивизии молдаванин Д. Тоницой рассказывал: «Я уже давно хотел сдаться в плен, но решил сделать это в Бессарабии, где это было удобнее. Здесь мне легче было договориться с населением и спрятаться до прихода Красной Армии. Свою часть я оставил 24 марта и укрылся в деревне Пересечино. В деревню почти каждый вечер приходили партизаны. Я, как и многие другие дезертиры, скрывавшиеся в этих местах, отдал им свою винтовку и патроны. Спустя некоторое время я ушел сам к ним в лес... Мы нападали на охрану,

---

[21] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 482.

[22] Там же, с. 431.

[23] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 750, л. 23.

[24] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 431—436.

сопровождавшую крестьян, мобилизованных на окопные работы, и таким образом мешали немцам строить оборонительные рубежи. Отрядом командовал капитан, бывший летчик Красной Армии...»[25]

К партизанам, которые действовали в Рыжковском лесу, примыкали не только покидавшие румынскую армию молдаване, но и румынские солдаты-дезертиры[26].

Большую помощь наступавшим войскам Красной Армии оказывали трудящиеся освобожденных городов и сел Украины и Молдавии, с неописуемой радостью встречавшие советских воинов-освободителей. «Население освобождаемых деревень,— писала «Правда»,— по личной инициативе помогало нашим войскам громить врага. Тысячи людей выходили на строительство мостов, целые деревни Молдавии и Украины восстанавливали дороги, а когда это требовалось, крестьяне сами подходили к грузовым самолетам, подвозившим снаряды, брали эти снаряды и в мешках несли туда, где бушевал бой»[27]. «...Я видел,— отмечал военный корреспондент «Известий» Л. Кудреватых,— как колхозники выводили коров, навьючивали на них ящики с патронами из остановившихся автомобилей и доставляли эти боеприпасы к линии фронта»[28].

Военные корреспонденты отмечали праздничную встречу воинов Красной Армии с жителями городов и сел Молдавии, вызволенных из-под гнета немецко-румынских оккупантов. «Советская Молдавия восторженно встречает своих освободителей — бойцов и офицеров Красной Армии,— рассказывал на страницах газеты «Труд» военный корреспондент А. Дорохин.— На улицах деревень и поселков, на трактах стоят толпы людей, горячо приветствующих проходящие войска. Нет предела радости молдаван»[29]. «Эти дни,— читаем в «Известиях»,— напоминают незабываемый июнь 1940 года. Тогда молдавский народ с такой же радостью встречал своих освободителей»[30]. Восторженная встре-

---

[25] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 130, л. 40, 41.
[26] Там же, л. 42.
[27] Правда, 1944, 27.III.
[28] Известия, 1944, 28.III.
[29] Труд, 1944, 28.III.
[30] Известия, 1944, 26.III.

ча еще больше поднимала наступательный дух советских бойцов и командиров.

О радушной встрече воинов-освободителей писали в своих донесениях политорганы частей и соединений, принимавших участие в изгнании фашистских захватчиков с советской территории между Южным Бугом и Прутом. «Население освобожденных сел,— читаем в донесении политотдела 5-й гвардейской танковой армии от 22 марта 1944 г.,— приветствует Красную Армию как свою освободительницу»[31]. Политотдел 2-й танковой армии докладывал: «В своем наступательном порыве войска 2-й танковой армии прошли по Бессарабии уже несколько десятков километров, освободили несколько десятков населенных пунктов, десятки тысяч измученных оккупацией бессарабцев. Везде, где ни появлялись наши части, они встречались с радостью... в каждом крестьянском доме наши бойцы и офицеры находят приют, пищу, ласковую встречу»[32]. Так мог встречать Красную Армию только народ, страстно ждавший своего освобождения от иноземного фашистского ига и гнета местных эксплуататоров[33].

[31] ЦА МО СССР, ф. 332, оп. 4982, д. 52, л. 337.

[32] Там же, ф. 240, оп. 2772, д. 124, л. 4 об.

[33] Фашистская пропаганда путем распространения клеветы о Советском Союзе и запугивания местного населения «зверствами» большевиков по отношению к тем, кто находился на оккупированной территории, стремилась создать враждебную для воинов Красной Армии атмосферу, разными путями побудить как можно больше местных жителей покинуть родные места и бежать в Румынию. Еще в начале 1944 г. местным оккупационным органам было дано указание составить списки «добровольно желающих эвакуироваться». Но таковых было очень мало. Например, примария с. Гратиешты докладывала, что списки не составлены, «ибо таковых (т. е. добровольцев. — *И. Л.*) не оказалось» (ЦГА МССР, ф. 339, оп. 1, д. 8707, л. 6). В ход были пущены методы насилия, запугивания, клеветнической фашистской пропаганды.

В докладной записке «Содержание и формы немецко-румынской пропаганды» начальник политотдела 2-й танковой армии гвардии полковник Матюшин писал: «В простом народе румынские фашисты ставили задачу разжечь шовинизм. Для этого они обвиняли русских в том, что последние пренебрегают молдавским народом, смеются над ним, издеваются над его культурой и обычаями». В докладной записке приводятся конкретные примеры грубой работы фашистских пропагандистов, пугавших население тем, что с «приходом советских войск молдаван заставят за две недели изучить русский язык и после этого все молдаване должны будут говорить только на русском языке», что «большевики будут убивать детей». Далее в упомянутой докладной читаем: «Румыны

В бессильной злобе немецко-румынские фашисты и их пособники перед бегством продолжали совершать массовые злодеяния на советской земле. Они расстреливали арестованных коммунистов, комсомольцев, партизан и подпольщиков, уничтожали узников лагерей, военнопленных, многих мирных жителей, заподозренных в связях с партизанами или открыто выражавших радость в связи с приближением дня освобождения. «В местечке Бершадь, что между Бугом и Днестром,— писал военный корреспондент «Известий» Л. Кудреватых,— мы видели похороны жертв румынских палачей ... десятки мирных советских граждан: украинцев, русских и молдаван — были расстреляны румынами перед отступлением. В этом же местечке, в гетто, ютились евреи, согнанные сюда из Молдавии и Северной Буковины. Они были обречены на голодную смерть и, действительно, умирали сотнями...»[34] Только стремительное наступление Красной Армии спасло многих узников от уничтожения фашистскими палачами.

Страшную расправу перед бегством 25 марта 1944 г. устроили немецко-фашистские палачи над жителями с. Хилиуцы Бельцкого уезда. За день до этого неизвестный партизан разобрал путь возле железнодорожной станции Марандены. Не обнаружив «виновника», гитлеровцы расстреляли 12 человек, в том числе 14-летнего подростка. В это время другая группа фашистов ходила по селу и забирала скот, одежду, поджигала дома. Сожжено было 73 дома, много сараев со скотом и кормом, 123 человека гитлеровцы увели из села в неизвестном направлении[35].

Нечто подобное произошло в с. Левинцы Кельменецкого района на Буковине. 27 марта село было осво-

немало наболтали молдаванам о «разбоях» Красной Армии. В то время, когда немцы гнали через бессарабские деревни насильно эвакуированных украинцев, примари кричали: «Смотрите, бессарабцы! Это украинцы бегут от зверств Красной Армии» (ЦА МО СССР, ф. 240, 2772, д. 124, л. 1—3). Полковник Матюшин отмечает, что «кое-кто из молдаван попадался на эту удочку», но подавляющая часть народа, как об этом убедительно свидетельствуют документы, не верила фашистской клевете и с радостью встречала своих освободителей.

[34] Известия, 1944, 2.IV.

[35] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 16, л. 149; Правда, 1975, 21.VI.

бождено советскими войсками. Местные жители с радостью встречали своих освободителей и помогали им вылавливать гитлеровских мародеров, засевших на чердаках и в подвалах. На второй день отступающая колонна немецко-фашистских войск на несколько часов вновь заняла село. Фашисты расстреляли 15 жителей с. Левинцы и 2 крестьян с. Гыртоп[36]. Среди них — юного пионера-партизана Илюшу Головачука, впоследствии награжденного посмертно орденом Отечественной войны второй степени[37].

До последнего часа немецко-румынские захватчики продолжали грабить народное хозяйство и имущество советских граждан. Отступая, они поджигали и взрывали промышленные предприятия, жилые дома, склады и т. д. Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, участвовавший весной 1944 г., будучи командующим 38-й армией, в Проскуровско-Черновицкой операции, отмечал, что «...войска 38-й армии, освобождая советскую территорию, не увидели большой разницы между теми районами, которые находились под временной оккупацией немецко-фашистских войск, и теми, которыми управляла румынская военная администрация. Насилие, мародерство и грабеж осуществляли также и румынские фашисты»[38]. Если они не сумели полностью осуществить свои планы «выжженной земли», то лишь потому, что им помешали стремительно продвигавшиеся советские войска. Благодаря этому удалось спасти от отправки в Румынию часть демонтированного и упакованного в ящики оборудования ряда промышленных предприятий г. Бельцы (сахарного, мотороремонтного, маслобойного заводов, мельниц). При паническом отступлении противнику пришлось многое из награбленного бросить[39].

Корреспондент «Красной звезды» майор Б. Король, вступивший в г. Бельцы вместе с передовыми советски-

---

[36] ЧОГА, ф. Р-653, оп. 1, д. 141, л. 5—6; Битва за Буковину. Ужгород, 1967, с. 157—159.

[37] Радянська Буковина. 1940—1945, с. 259.

[38] *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. 1943—1945 гг. Воспоминания командарма, изд. 2-е, кн. 2. М., 1973, с. 328—329.

[39] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. I. Кишинев, 1975, с. 369.

ми частями, отмечал, что противнику также не удалось осуществить свои замыслы по уничтожению ряда фабрик, заводов, коммунальных предприятий, жилых домов города. «Рабочие на второй же день, — писал Б. Король, — после очищения города от противника занялись налаживанием коммунального хозяйства. Они сами искали представителей правительства Молдавской ССР и предлагали свои услуги. Многие рабочие и служащие оставались на своих местах в момент боя за город, чтобы передать имущество и оборудование в руки советских властей. Так поступали, например, на лесном складе и мельнице»[40].

Многое сделали по спасению народного добра от уничтожения и увоза фашистами партизаны и подпольщики. Любашевские подпольщики организовали тушение пожара, устроенного оккупантами перед уходом на пункте «Заготзерно», и спасли хлеб[41]. Благодаря действиям отряда «Советская Молдавия» и местных подпольщиков удалось спасти от поджога склады на железнодорожной станции Каменка и предотвратить уничтожение подвижного состава. Партизанский отряд под командованием М. М. Струкачева спас от вывоза из района своей деятельности 14 тыс. т хлеба, 7 тыс. лошадей, 1500 голов крупного рогатого скота, 500 овец, 800 свиней[42].

В эти дни фашистское правительство, господствующие классы буржуазно-помещичьей Румынии пребывали в состоянии смятения и растерянности. Столь быстрого оборота событий на фронте они не ждали. Планы, намеченные кликой Антонеску и «оппозицией», рушились. На заседании правительства 3 апреля 1944 г. И. Антонеску признал, что немецко-румынское командование было удивлено масштабами советского наступления и его надежды на то, что распутица и усталость советских войск после продолжительного зимнего наступления приведут к ослаблению последнего, не оправдались[43].

---

[40] Красная звезда, 1944, 1.IV.

[41] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 311.

[42] Винничина в роки Великої Вітчизняної війни (1941—1945), с. 157.

[43] *Matei Gh.* şi *Bălteanu B.* Din lupta P.C.R. pentru pregătirea şi înfăptuirea insurecţiei armate de la 23 august 1944. — Studii, 1959, N 4, p. 134.

Не сбылись надежды и на успешные сепаратные переговоры князя Б. Штирбея с английскими и американскими дипломатами в Турции. В обстановке быстрого продвижения Красной Армии к Днестру Штирбею было предложено отправиться в Каир для переговоров с представителями трех великих союзных держав, которые начались 17 марта 1944 г. За день до этого Б. Штирбей выразил через англичан пожелание предварительно встретиться для частной беседы с советским послом в Каире Н. В. Новиковым, уполномоченным НКИД СССР вести переговоры с румынским эмиссаром. На состоявшейся встрече Штирбей заявил, что представляет «оппозицию», но и король Михай, придворные круги и часть генштаба также одобряют его миссию. На вопрос советского посла относительно позиции Антонеску румынский эмиссар ответил, что глава его правительства не вполне убежден в неизбежности поражения Германии и потому колеблется, но в случае противодействия с его стороны выходу из войны он будет устранен при условии поддержки союзных сил на Балканском полуострове. На это Н. В. Новиков ответил: «Если Румыния прекратит военные действия против Советского Союза и перейдет на сторону союзников, она будет поддержана всей Красной Армией. Это будет в интересах нашей совместной борьбы против гитлеровской Германии»[44]. По-видимому, такой ответ мало устраивал князя Штирбея, ибо он не склонен был продолжать разговор на эту тему.

На официальной встрече с представителями СССР, США и Англии Штирбей в пространном выступлении заявил, что лидеры «исторических» партий Ю. Маниу и Д. Брэтиану, которых он представил в качестве «лучших выразителей чаяний румынской нации», пришли к твердому убеждению в необходимости скорейшего выхода из войны. При этом, противореча тому, что он говорил советскому послу накануне, добавил, что, по словам Маниу, аналогичной точки зрения придерживается и И. Антонеску[45]. Из этого заявления вытекало,

---

[44] *Новиков Н. В.* Пути и перепутья дипломата (Записки о 1943—1944 гг.). М., 1976, с. 222.

[45] Там же, с. 223; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее: FRUS), 1944, v. IV. Washington, 1966, p. 150.

что лидеры «исторических» партий находятся в прямом контакте и согласуют свои дипломатические шаги с И. Антонеску, их «оппозиция» фашистскому режиму весьма и весьма относительна, а князь Штирбей представляет правящие классы страны.

Штирбей попытался убедить союзников послать в Румынию англо-американские войска для обеспечения ее выхода из войны и добивался внесения такого пункта в условия перемирия. Из предложения румынского эмиссара также явствовало, что правительство его страны не собиралось воевать против Германии, предпочитая ограничиться приглашением германских войск покинуть Румынию в определенный срок. «Нетрудно было видеть, — пишет в своих записках Н. В. Новиков, — что подобные условия в завуалированной форме преследовали цель осложнить военные действия Красной Армии против вермахта и послужили бы сильнейшим тормозом освобождения Балканских стран из гитлеровской неволи, в силу чего не могли быть приемлемы для Советского Союза». В информации Наркоминделу советский представитель охарактеризовал румынские предложения неудовлетворительными и выразил сомнение в том, что румынская «оппозиция» способна на какие-либо действия против диктатуры Антонеску[46].

А пока суд да дело клика Антонеску проводила поголовную мобилизацию в армию военнообязанных, сколачивала новые дивизии для отправки на фронт и взывала о помощи к своему германскому союзнику. 19 марта кондукэтор направил письмо фюреру, в котором, сообщив ему о проведении тотальной мобилизации, просил срочно направить «современное оружие», в первую очередь противотанковое, чтобы оснастить им новые дивизии, создать надежную оборону на перешейке Фокшаны—Галац и «защитить остальную часть страны, столицу и нефть». И. Антонеску сетовал на то, что после февральской встречи не были приняты должные военные меры для удержания фронта, а его, Антонеску, плохо информировали о ходе военных действий и тем самым «лишали необходимой ориентации в руководстве государством». Сожалея по поводу того, что его администрация не успела до конца ограбить оккупирован-

---

[46] *Новиков Н. В.* Указ. соч., с. 223.

ную территорию, И. Антонеску указывал, в частности, на то, что из-за отсутствия верной информации под угрозой в Бессарабии еще находятся «огромные богатства» и «никто не подсказал необходимость их эвакуации в связи с положением на южном фронте».

Кондукэтор просил Гитлера во избежание окружения и потери боеспособных румынских дивизий, дислоцированных в «Транснистрии» вдоль черноморского побережья, отвести войска самого южного участка фронта к Днестру, а также «пересмотреть вопрос» о положении в Крыму, переправить находящиеся там дивизии «для укрепления южного фронта»[47].

Гитлеру пришлось предпринять отчаянные попытки, чтобы не допустить дальнейшего развала коалиции. Опасаясь выхода из войны Венгрии и тяжелых военно-политических и экономических последствий в связи с этим для своей страны, он приказал германским войскам приступить к осуществлению плана «Маргаретта-1». Заняв Венгрию, гитлеровцы заменили кабинет Каллаи более послушным правительством во главе со Стояи — бывшим венгерским посланником в Берлине. 20 марта последовало срочное приглашение И. Антонеску в Зальцбург для очередной встречи с Гитлером. Беспокойство в рядах верхов румынской буржуазии, обусловленное этим вызовом, еще больше возросло. Ситуация требовала безотлагательного определения дальнейшей политики правительства. 21 марта 1944 г. Ю. Маниу и Д. Брэтиану обратились с очередным письмом к И. Антонеску. Оно, как и все предыдущие письма, начиналось с того, что лидеры «исторических» партий снимали с себя вину за создавшееся катастрофическое положение и целиком возлагали ее на И. Антонеску, который «не прислушивался к советам и всю ответственность за политические последствия предпринятых акций взял на себя». Это, естественно, делалось, чтобы оправдаться перед историей.

Далее лидеры двух буржуазных партий высказывали мнение, что дальнейшее военное сотрудничество с Германией, которая не в состоянии «защитить» Румынию от русских, бессмысленно и продолжать военные

---

[47] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea d-lui Mareşal Antonescu către Führer întocmită de G-l Şteflea şi col. Davidescu. 19.III 1944.

действия против держав антигитлеровской коалиции было бы «грубой ошибкой». Они предлагали: «Так как в данный момент никто не может брать на себя ответственность за созданное вами положение, нужно, чтобы вы же убедили немцев в необходимости отозвать остатки наших войск, участвующих в операциях против России, в невозможности оказывать Германии прежнее военное содействие и сообщили, что мы впредь становимся невоюющей страной», т. е. формально не участвующей в войне. Об этом согласованном с гитлеровцами решении Маниу и Брэтиану предлагали поставить в известность затем «англо-русско-американских союзников».

Такое, по расчетам «оппозиции», решение вопроса предупредило бы вступление Советской Армии на территорию Румынии, чего больше всего и добивались правящие классы Румынии, опасавшиеся, что присутствие советских войск в стране вызовет дальнейший подъем революционного движения румынских трудящихся против существующего строя. Вместе с тем положение невоюющего государства не связывало бы Румынию с какими-либо определенными обязательствами в отношении воюющих государств, позволило бы сохранить остатки армии, укрепить ее для использования с выгодой в конце мирового конфликта.

В заключение письма Маниу и Брэтиану писали: «Если не можете осуществить эти акции, остается только показать Его Величеству королю, что дальше не можете руководить политикой страны и следует сформировать новое правительство, которое хотя бы частично исправит положение, в котором мы находимся, и не подвергнет страну новым осложнениям»[48].

Но планы лидеров «оппозиции» были явно нереальными. В момент, когда Гитлер прилагал все усилия, чтобы удержать развал фашистского блока, и оккупировал в связи с этим Венгрию, трудно было рассчитывать, что Германия добровольно откажется от людских и материальных ресурсов Румынии и отведет свои войска из этой страны. Да и вряд ли Маниу и Брэтиану сами верили в такую возможность. Не случайно, по-видимо-

[48] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar cuprinzînd scrisori şi memorii ale d-lor C. I.C. Brătianu şi Iuliu Maniu cu răspunsurile d-lui Mareşal.

му, на следующий день, 22 марта, Маниу обратился через Штирбея к английскому и американскому правительствам со специальным посланием, в котором, указав на «угрозу» оккупации Румынии, просил помощи Англии и США якобы для «сопротивления» немцам. В действительности этим преследовались, в первую очередь, антисоветские цели. Это было настолько очевидным, что дипломатический представитель Великобритании на переговорах в Каире лорд де Мойн, дабы не вызвать осложнений в отношениях с СССР, отказался принять послание Маниу под предлогом, что оно адресовано не трем, а только двум державам антигитлеровской коалиции[49].

Одновременно очередную попытку выяснить позицию англо-американской дипломатии по румынскому вопросу перед своим выездом в Зальцбург для встречи с Гитлером предпринял И. Антонеску. Крецяну пишет, что 21 марта им была получена телеграмма от М. Антонеску, в которой последний сообщал о предстоящей встрече с Гитлером и просил срочно выяснить, на какую военную и политическую поддержку со стороны Англии и США могла бы рассчитывать Румыния в связи с приближением Красной Армии к ее границам.

22 марта Крецяну передал содержание телеграммы румынского вице-премьера в Каир. На следующий день он получил ответ от командующего союзными войсками на средиземноморском театре военных действий английского генерала Вильсона, лично адресованный И. Антонеску, в котором говорилось:

«1. Вы не должны ни под каким видом встречаться с Гитлером. Если вы это сделаете, то это будет рассматриваться как окончательное свидетельство румынского намерения сотрудничать с Германией до конца, и ваша страна вынуждена будет понести все последствия, вытекающие из этого.

2. Вы немедленно должны капитулировать перед тремя великими державами и приказать румынским войскам прекратить сопротивление русским. Немцы находятся в безнадежном положении на юге России, и у вас теперь наилучший шанс для того, чтобы способствовать их полному поражению. Мы будем судить по результатам, и характер мирных условий, которые бу-

[49] FRUS, 1944, v. IV, p. 156.

дут предъявлены Румынии ультимативно, в большей части будет зависеть от размера тех усилий, которые она внесет в поражение Германии...»[50]

Эта телеграмма, как явствует из американских дипломатических документов, была послана Вильсоном без предварительной консультации с СССР[51]. Рекомендуя правительству Антонеску капитулировать «перед тремя великими державами», англо-американские политики руководствовались прежними расчетами, а именно, что выход Румынии из войны до занятия ее территории советскими войсками позволит им легче осуществить свои цели на Балканах, в том числе в упомянутой стране.

Трудно сказать, успел ли И. Антонеску до начала переговоров с Гитлером, которые состоялись 23 и 24 марта 1944 г., ознакомиться с ответом генерала Вильсона. Фактически это значения не имело. Поскольку в телеграмме Вильсона звучало то же предложение о капитуляции и ничего не говорилось о присылке англо-американских войск в Румынию, то повлиять на позицию Антонеску в переговорах с Гитлером она не могла, равно как и на его дальнейшие практические действия. Правящие круги фашистской Румынии, несмотря на очевидность поражения, не были склонны безоговорочно капитулировать, вступить в вооруженный конфликт с Германией и сложить оружие перед Красной Армией.

Действиями верхушки румынской буржуазии руководил единственный фактор — страх: боязнь ответственности за содеянное на оккупированной советской земле, страх перед Красной Армией — армией государства рабочих и крестьян, страх перед собственным народом, который с каждым днем усиливал борьбу против своих классовых угнетателей и фашистской диктатуры. И пока реальных гарантий в том, что на смену гитлеровским армиям в страну придут англо-американские войска, не было, верхи румынских господствующих классов не собирались порывать с фашистской Германией. Характеризуя позицию правящих кругов Румынии, восточноевропейский отдел госдепартамента США в

---

50 *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. London, 1957, p. 130.
51 FRUS, 1944, v. IV, p. 150.

меморандуме, составленном в конце марта 1944 г. в связи с предстоящей поездкой помощника государственного секретаря Стеттиниуса в Лондон, отмечал, что они, понимая неизбежность поражения Германии, тем не менее «не проявляют никакого стремления активно выступить против (немцев. — *И. Л.*) или сдаться без сопротивления русским» и продолжают уповать на то, что «должно случиться нечто такое, что позволило бы им капитулировать перед англо-саксами»[52].

Антисоветские маневры верхушки румынской буржуазии были настолько очевидными, что правительству СССР не приходилось надеяться на какие-либо положительные результаты в переговорах как со Штирбеем, официально представлявшим «оппозицию», так и с правительством Антонеску. Касаясь характера миссии Штирбея и перспектив каирских переговоров, Советское правительство отмечало в своей ноте английскому правительству от 22 марта 1944 г.: «Что касается самого Маниу, то теперь стало ясно, что он не принадлежит к числу таких лидеров, которые могут вести борьбу против Антонеску, а, скорее всего, следует считать, что то, что он делает, он делает с разрешения Антонеску... С другой стороны, ни из сообщений Штирбея, ни из других данных сейчас не видно, чтобы Антонеску проявил интерес или стремился к переговорам с союзниками по поводу выхода Румынии из войны и перехода на сторону союзников против Германии. Ввиду такого положения приходится сделать вывод, что, судя по имеющейся информации, нет оснований придавать значение сообщению Штирбея и следует выразить сомнение в том, что переговоры, которые велись с князем Штирбеем в последние дни в Каире, могут привести к положительным результатам»[53].

В тот же день было обнародовано опровержение ТАСС по поводу явно провокационного сообщения швейцарской газеты «Журналь де Женев» о том, что якобы румынскому представителю, князю Штирбею, были вручены в Анкаре «русские условия перемирия, одобренные англо-саксами». Объявив сообщение швейцарской газеты вымышленным, ТАСС заявил, что

[52] FRUS, 1944, v. IV, p. 146.

[53] Цит. по кн.: *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 331.

«вообще никаких советских условий Штирбею или какому-либо другому румынскому представителю не передавалось»[54]. Такие условия будут переданы Румынии в апреле 1944 г.

Гитлер знал о целях миссии Штирбея в Каире, однако претворить в жизнь план «Маргаретта-2» не считал нужным. В Румынии стало скапливаться большое количество немецких войск, отступавших с Восточного фронта, поэтому и без того можно было контролировать положение в стране. Он также был уверен в том, что трусливая и антисоветски настроенная румынская буржуазия, не желая допустить на свою территорию Красную Армию, будет цепко держаться за Германию, пока в ее страну не высадятся англо-американские войска. Но такой возможности для западных союзников фюрер в тот момент не видел и поэтому продолжал более или менее спокойно взирать на закулисные маневры румынских политиков.

Учитывая все это, Гитлер во время новой встречи с И. Антонеску в Зальцбурге не очень считался с просьбами своего союзника. В центре внимания переговоров стоял вопрос о дальнейших совместных операциях против Красной Армии. Антонеску требовал эвакуации венгерских войск из Северной Трансильвании под предлогом того, что они, мол, представляют угрозу для тыла румынской армии, дислоцированной между Прутом и Карпатами. Кондукэтор, как и во время февральской встречи в Зальцбурге, явно стремился воспользоваться обострением немецко-венгерских отношений для аннулирования решений венского «арбитража» по вопросу о Трансильвании. В момент острого кризиса военно-фашистской диктатуры это, по расчетам Антонеску, несколько укрепило бы его положение в стране и подняло бы боевой дух армии и народа. Но Гитлер не удовлетворил просьбу своего собеседника об отводе венгерских войск из Северной Трансильвании, дабы не вызвать дальнейшего ухудшения отношений с Венгрией. Хотя фюрер и выразился в ходе беседы, что для него «венгерский арбитраж более не существует» (это заявление, кстати, ни к чему его не обязывало), тем не менее он ограничился лишь тем, что объявил спорную

---

[54] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. 2. М., 1946, с. 342.

территорию оперативной зоной и подчинил находившиеся в этом районе венгерские войска германскому военному командованию. Гитлер пообещал предпринять крупное контрнаступление с целью преградить советским войскам путь в Румынию, а также нарисовал радужную картину «решительных перемен» в пользу Германии, которые-де вот-вот произойдут на советско-германском фронте в целом[55].

Однако подлинная цена обещаний фюрера выявилась сразу же по возвращении И. Антонеску в Бухарест. 27 марта, преследуя противника, войска 2-го Украинского фронта перешли границу с Румынией и положили начало ее освобождению от фашизма.

Одновременно продолжалось освобождение советских территорий, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. 28 марта войска правого крыла 2-го Украинского фронта, содействуя войскам 1-го Украинского фронта в разгроме вражеской группировки севернее Каменец-Подольского, освободили районный центр Черновицкой области Кельменцы, 30 марта — районный центр Новоселица и местечко Липканы (МССР), 4 апреля — г. Хотин. Части и соединения левого крыла фронта 29 марта освободили г. Балта, 30 марта — г. Рыбница, 2 апреля — г. Резина.

В это же время войска 1-го Украинского фронта продолжали очищать от противника города и села Северной Буковины. 27 марта они освободили районный центр Заставна, 28 марта — г. Кицмань, а днем 29 марта в результате обходного маневра и удара с тыла полностью очистили от врага областной центр г. Черновцы[56]. Стремительность наступления позволила уберечь город от разрушений, захватить у противника большие трофеи. В честь освобождения в городах и селах Северной Буковины проходили многолюдные митинги и собрания. На состоявшемся в Черновцах большом митинге трудящихся города и области было принято письмо, в котором выражалась сердечная бла-

---

[55] *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ. соч., с. 335—336; *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 453.

[56] Подробно о боях за освобождение г. Черновцы и Черновицкой области см. кн.: Битва за Буковину, с. 80—113; *Комарницький С. І.* Радянська Буковина в роки Великої Вітчизняної війни. 1941—1945. Київ, 1979, с. 95—103.

годарность Красной Красной Армии за вызволение из-под ига немецко-румынских фашистов[57].

С потерей г. Черновцы стратегический фронт вермахта оказался разделенным на две части. Немецкое командование лишилось последнего связующего звена между войсками, действовавшими к северу и к югу от Карпат. Для связи с южной группировкой оставались только окружные железные дороги, идущие через Венгрию и Румынию.

Однако не только военно-стратегические, но и важные политические мотивы диктовали гитлеровцам необходимость принять срочные меры по стабилизации положения на южном участке советско-германского фронта. От этого зависели их господство в Румынии и на всем Балканском полуострове, а также дальнейшая позиция Турции в мировом конфликте. Между тем, как показали очередные письма Антонеску, направленные фюреру в конце марта, после визита в Зальцбург, нервозность правящей верхушки военно-фашистской Румынии не уменьшилась, а значительно возросла. В письме, пересланном Гитлеру через генерала Т. Гырбю, назначенного 8 марта 1944 г. румынским представителем при верховном главнокомандовании вермахта, И. Антонеску выражал крайнее недовольство тем, что в Зальцбурге он вновь получил неверную информацию о положении на фронте. Отметив, что советские войска глубоко вклинились в расположение немецко-румынских войск и что их передовые части уже находятся в районе Стефанешты—Яссы и одновременно ведут наступление между Днестром и Бугом, кондукэтор с упреком заключал: «Оказывается, германский фронт в этом районе отодвинут к югу намного дальше, чем это было представлено во время моего отъезда из ставки».

В новом письме, отправленном Гитлеру 27 марта, Антонеску еще раз просил в этот час, когда «решается судьба Румынии», возвратить в страну 11 «самых лучших, полностью укомплектованных и оснащенных, опытных дивизий, которые находятся в Крыму и в «Транснистрии», а до присылки противотанковых орудий и другого современного оружия направить на помощь румынской армии немецкие части, оснащенные этими средствами борьбы с танками. Кондукэтор на-

[57] Радянська Буковина. 1940—1945, с. 267—268.

ставивал на том, чтобы во имя поднятия морального состояния своих войск исправить несправедливость, совершенную венским «арбитражем», который якобы и «в сущности и по форме утратил силу», так как один из «гарантов» румынских границ — Италия — в данный момент не выполняет своих обязательств[58]. Но Гитлер и на сей раз оставил без внимания просьбы И. Антонеску. В одном из писем, направленных ему в конце марта, Гитлер потребовал от своего союзника «ускорить мобилизацию и развертывание румынских дивизий и вывести каждое боеспособное соединение... в северном направлении на Прут»[59].

Необходимо отметить, что в эти последние мартовские дни англо-американское командование, встревоженное переходом Красной Армией р. Прут, сделало еще одну попытку повлиять на верхушку румынской буржуазии, с тем чтобы склонить ее к капитуляции до того, как советские войска далеко углубятся на территорию Румынии. В упоминавшемся уже меморандуме, составленном в конце марта 1944 г. в связи с предстоящей поездкой Стеттиниуса в Лондон, читаем: «Сейчас имеются две проблемы: а) найти быстрые средства для вывода Румынии из войны и б) определить степень заинтересованности англичан и американцев в румынских делах. С американской точки зрения, эти две проблемы тесно связаны и решение второй в огромной степени определит способы решения первой...»[60] Аме-

---

[58] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi D-l Mareşal Antonescu.

[59] Цит. по кн.: История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 89. 2 апреля ОКХ отдало оперативный приказ, в котором перед вермахтом ставилась задача стабилизировать фронт, отстоять свои позиции в Крыму, закрепиться на линии Днестр—Кишинев—Яссы—восточные предгорья Карпат—Териополь—Ковель. Для удержания Одессы намечалось сохранить крупный плацдарм на Днестре — от Дубоссар до Тилигульского лимана.

Стараясь свалить на своих генералов вину за последние поражения, Гитлер 31 марта отстранил от командования группами армий «Юг» и «А» генерал-фельдмаршалов Манштейна и Клейста. Их посты соответственно заняли генерал-фельдмаршал В. Модель и генерал-полковник Ф. Шернер. Спустя несколько дней группа армий «Юг» была переименована в «Северную Украину», а группа армий «А» — в «Южную Украину».

[60] FRUS, 1944, v. IV, p. 147.

риканская, как и английская, сторона считала, что следует «проявлять интерес к этой стране».

Несмотря на то, что официального ответа от Антонеску на письмо от 22 марта 1944 г. получено не было, Вильсон спустя неделю направил новое послание румынскому правительству. Сообщив о готовности Советского правительства на переговоры с Румынией, Вильсон предлагал Антонеску отдать приказ румынским войскам в Крыму о капитуляции, а также организовать сопротивление гитлеровцам на остальных участках фронта. Для выработки конкретных мер по организации выхода Румынии из войны Антонеску было предложено «установить прямой контакт с советским командованием и решить вопрос об общих действиях против немцев», выделить для переговоров с командованием Красной Армии одного генерала из числа находившихся в советском плену[61].

Кондукэтор оставил и этот демарш Вильсона без ответа. Тогда последний направил через Крецяну послание лидеру буржуазной «оппозиции» Ю. Маниу. Вильсон писал: «Если вы свергнете правительство Антонеску, не желавшего порывать с немцами, Советское правительство согласится вести переговоры с вами...» Английский генерал рекомендовал: «Лучший шанс на военный успех, по моему мнению, заключается в том, чтобы избегать прямого военного конфликта с германскими войсками и сконцентрироваться на немедленном подрыве германских коммуникаций в Румынии (шоссе, железные дороги, мосты, подвижной состав, локомотивы)». Вильсон даже обещал оказывать «оппозиции» содействие в выполнении этой задачи путем воздушных налетов на цели, указанные ею.

Не дожидаясь ответа Маниу, англо-американское командование, чтобы принудить правительство Румынии к решению о немедленной капитуляции до полного занятия ее территорий Красной Армией, с 4 апреля начало производить массированные авиационные налеты на Бухарест, Плоешти и другие центры страны.

Бывший фашистский генерал Кирноагэ писал, что эти бомбардировки лишь вызвали среди населения «волну ненависти» к западным державам, и Маниу через Штибрея обратился к ним с просьбой прекратить

---

[61] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 131.

налеты авиации, которые наносят большой вред делу англо-американской политики[62].

Чтобы ознакомить мировую общественность с подлинной позицией Советского Союза в отношении Румынии и развеять всякие клеветнические измышления на этот счет, 2 апреля 1944 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов пригласил представителей советской и иностранной печати и сделал от имени Советского правительства следующее заявление:

«Красная Армия в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей между СССР и Румынией. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной в 1940 году договором между Советским Союзом и Румынией, вероломно нарушенным в 1941 году румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией...»

«Советское правительство, — сказано далее в заявлении, — доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[63].

Таким образом, в заявлении подчеркивалась принципиальная позиция Советского правительства относительно советско-румынской границы по Пруту. Правящим кругам военно-фашистской Румынии, а также тем западным дипломатам, которые еще пытались поднимать бессарабский вопрос[64], правительство СССР дало

---

[62] *Chirnoagă P.* Istoria politică şi militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. Madrid, 1965, p. 140.

[63] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 105.

[64] FRUS, 1944, v. IV, p. 152.

ясно понять, что наша страна никакого торга относительно Бессарабии и Северной Буковины не допускает. Как подчеркивала английская газета «Йоркишер пост» в комментарии по поводу советского заявления, «русские условия находятся в полной гармонии с неизменной политикой Кремля в отношении западных границ России»[65]. В то же время заявление продемонстрировало глубоко интернационалистический характер позиции СССР, его уважение к суверенитету и национальной независимости других народов.

Заявление Советского правительства получило широкий международный отклик. Государственный секретарь США Кордел Хэлл указал, что оно «должно помочь румынам понять, что их собственные интересы требуют изгнания немцев из Румынии»[66]. По сообщению американского агентства «Юнайтед пресс», английского агентства «Рейтер», а также западной печати, члены конгресса США, «официальные» и «авторитетные круги Лондона» приветствовали заявление Советского правительства.

Ведущие буржуазные газеты Запада отмечали, что советское заявление «сделано с ведома и согласия» Англии и США, а некоторые, как, например, английская «Ивнинг Стар», вынуждены были признать, что политика, провозглашенная Москвой в этом заявлении, «рассчитана на то, чтобы увеличить шансы прочности союза между Россией и западными державами». Сам Черчилль, выступая в палате общин и касаясь вопроса сотрудничества великих держав, сказал: «Заявление Молотова представляет собой исключительно удовлетворительный пример. Советское правительство было настолько любезно, что заблаговременно послало нам текст. Мы выражали свое восхищение этим. Это заявление обнародовано, и я убежден, что оно значительно поможет нашим совместным военным усилиям».

Западная буржуазная печать характеризовала советскую политику в отношении Румынии как «терпеливую и дальновидную». Английская «Ньюс кроникл» писала, что «Россия говорит с румынами явно умерен-

---

[65] Цит. по газ.: Известия, 1944, 5.IV.

[66] Здесь и далее цитаты из высказываний политических деятелей Запада, английской и американской печати воспроизводятся по газ.: Известия, 1944, 4 и 5.IV.

ным тоном». Газеты выражали надежды, что заявление «окажет желаемое психологическое влияние на румын и побудит их отказаться от положения вассалов Германии». «Заявление по поводу того, что Россия не стремится к территориальным приобретениям в Румынии, — писала английская «Дейли телеграф энд Морнинг пост», — и что она не намерена вмешиваться по внутреннюю жизнь страны больше, чем это необходимо для того, чтобы разгромить германские армии, расценивается как типичный пример умеренной политики, уже продемонстрированной Россией в ее мирных переговорах с Финляндией».

Но румынское фашистское правительство не сумело сделать правильных выводов из заявления Советского правительства. Не вняло оно и советам Вильсона. Клика Антонеску продолжала усиленно мобилизовывать людские и материальные ресурсы для продолжения войны. Гитлеровцы могли быть довольны кондукэтором. Начальник германской военной миссии в Румынии генерал Ганзен докладывал 2 апреля в ставку верховного главнокомандования вермахта о несгибаемости «боевого духа» румынского диктатора. Гитлеровский эмиссар полковник Полек, побывавший в Бухаресте со специальной миссией, после контактов с румынскими политиками и военщиной 4 апреля также писал, что «Румыния не развалится, а, наоборот, и впредь будет с еще большими усилиями продолжать борьбу»[67].

Что касается руководителей национал-царанистов и национал-либералов, то они продолжали свои дипломатические маневры, не торопились с ответом на послание Вильсона и тем более не спешили свергать правительство И. Антонеску. Все свелось к очередному письму, которое 6 апреля председатель национал-либеральной партии Брэтиану направил кондукэтору. По содержанию оно мало чем отличалось от совместного с Маниу послания, направленного кондукэтору 21 марта 1944 г.

Письмо начиналось с констатации, что плохо вооруженная и обмундированная румынская армия, к тому же «лишенная энтузиазма», вряд ли сумеет «оказать сопротивление советскому наступлению». Брэтиану счи-

---

[67] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965, S. 186.

тал, что бесполезно дальше воевать и надеяться на успех. Да и бюджет государства, который лишился «поступлений» из Бессарабии, Буковины и Молдовы, не в состоянии больше выдерживать растущие военные расходы. Цены и инфляция, пишет Брэтиану, растут, «Национальный банк не может бесконечно выпускать денежные знаки», «население страны деморализовано», «никто в Румынии уже не верит, что в результате военной акции можно будет отвоевать то, что уже потеряно», и «все убеждены, что следует, пока еще позволяет время, добиться соглашения с тремя союзными державами, ибо в противном случае Румыния понесет большие убытки от бомбардировок, а при заключении мира будет находиться в трагическом положении».

К старым доводам о необходимости разрыва с Германией, которая не в состоянии «противостоять наступлению русских» и «гарантировать границы» Румынии, Брэтиану добавил еще один. Старый реакционер обнаружил среди войск вермахта в Румынии бациллу разложения и опасался, как бы ею не заразилась румынская армия, в которой он еще надеялся найти опору в борьбе против революционного движения масс.

Казалось, что после столь мрачных констатаций последует призыв к решительным действиям. Но Брэтиану лишь повторил прежнее требование, чтобы Антонеску, как политический деятель, три года сотрудничавший с Гитлером, полюбовно договорился с ним о выходе из войны и объявил Румынию «невоюющей» страной. В противном случае лидер национал-либералов вновь предлагал кондукэтору подать в отставку и рекомендовать королю назначить новое правительство. На сей раз Брэтиану уточнил, что хочет видеть во главе страны правительство «из генералов»[68]. Таким образом, верхушка румынской буржуазии, устами которой говорил один из ее руководителей, стремилась лишь несколько изменить фасад старого здания, ничего не предпринимать, что могло бы нарушить ее покой и поставить под удар ее господство. Брэтиану, как и Маниу, не собирался в этот сложный момент взять на себя ответственность за судьбы страны и предпочел спря-

---

[68] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea d-lui C.I.C. Brătianu adresată d-lui M-l Antonescu. 6 Aprilie 1944.

таться за спиной правительства из реакционных генералов[69].

Между тем части Красной Армии продолжали углубляться на территорию северо-восточной Румынии.

В первой декаде апреля войска 2-го Украинского фронта, освободив районные центры Черновицкой области Вижница, Глыбока, Путила, овладели уездными городами Ботошани, Дорохой, Рэдэуць, Сучава, Фэлтичены. Пересекли государственную границу с Румынией также войска 1-го Украинского фронта и заняли свыше 30 населенных пунктов.

На Кишиневском направлении 6 апреля войска 2-го Украинского фронта при содействии партизанского отряда «Советская Молдавия» освободили г. Оргеев. Другие части фронта, действовавшие в междуречье Южного Буга и Днестра, двигались к г. Дубоссары.

Успешно развивалось наступление войск 3-го Украинского фронта на Одесском и Тираспольском направлениях[70]. Форсировав в конце марта Южный Буг, они перешли к преследованию противника. 4 апреля конно-механизированная группа выбила врага из узловой станции Раздельная, захватив при этом 37 паровозов, 990 вагонов с военным имуществом и много боевой техники[71]. Одесская группировка войск противника была отрезана от тираспольской. Немецко-румынские войска оказались прижатыми к Черному морю и Днестровскому лиману. В одесском тупике скопились остатки их потрепанных дивизий.

Собрав в кулак значительные силы, немецкое командование решило любой ценой вырваться к Тирасполю. В районе Раздельной завязались ожесточенные бои. Противник с отчаянием обреченного, не считаясь с огромными потерями, предпринял несколько атак на

---

[69] В марте—апреле верхи румынской буржуазии и монархия перебирали различные варианты отстранения И. Антонеску от власти и предотвращения полного краха, но никаких решительных шагов они не предприняли, продолжая прежнюю линию (*Liveanu V.* Consideraţii asupra căilor de acţiune ale coaliţiei forţelor antihitleriste din România. Problema luptei armate. — Studii şi materiale de istorie contemporană, v. III. Bucureşti, 1978, p. 28—30).

[70] Подробно об этих боях см.: *Чуйков В. И.* В боях за Украину. Киев, 1972; *Плиев И. А.* Под гвардейским знаменем. Орджоникидзе, 1976, с. 199—248.

[71] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3. Киев, 1975, с. 38.

позиции советских войск. Но попытка прорваться к Тирасполю не увенчалась успехом. Враг потерял здесь свыше 7 тыс. убитыми и 3200 пленными[72].

Ожесточенный характер приняли бои за Одессу. Гитлеровское командование в соответствии с оперативным приказом ОКХ от 2 апреля 1944 г. стремилось удержать Черноморское побережье в районе Одессы. От этого во многом зависела участь крымской немецко-румынской группировки. В случае потери Одессы под удар Красной Армии попадали центральные районы Румынии. На подступах к городу гитлеровцы заранее подготовили четыре оборонительных рубежа, использовав для этого все выгодные естественные рубежи: лиманы, овраги, балки. Одновременно, следуя своей преступной политике «выжженной земли», гитлеровцы начали на случай отхода готовить уничтожение города[73]. Были заминированы многие промышленные предприятия, портовые сооружения, лучшие архитектурные и скульптурные памятники Одессы.

Ломая сопротивление противника, советские войска шаг за шагом приближались к городу. Вечером 9 апреля они начали штурм. К 10 часам утра 10 апреля в результате умелого обходного маневра пехоты и конно-механизированных соединений в сочетании с фронтальной атакой войска 3-го Украинского фронта овладели Одессой. Нашими частями были захвачены большие трофеи. Противник бросил на подъездных путях эшелоны с заводским оборудованием, автомашинами, зерном[74].

В то время как одна группа войск 3-го Украинского фронта освобождала Одессу, другая продолжала наступление на Тирасполь. 11 апреля к вечеру она вышла на северные и восточные окраины города и начала его штурм. Всю ночь продолжались уличные бои. К рассвету 12 апреля 1944 г. Тирасполь был полностью освобожден от фашистских захватчиков. В этот же день на Кишиневском направлении советские войска овладели районными центрами Молдавской ССР городами Дубоссары и Григориополь.

---

[72] Правда, 1944, 10.IV.
[73] Известия, 1944, 14.IV.
[74] Там же, 11.IV.

Вслед за отступающим в панике противником войска 2-го и 3-го Украинских фронтов форсировали в ряде мест Днестр и захватили плацдармы на правом берегу реки. Наиболее крупный из них был создан южнее г. Бендеры, в районе Кицканы—Копанка.

В ходе осуществления Одесско-Тираспольской операции войска 3-го Украинского фронта получали большую помощь со стороны местного населения, партизан и подпольщиков.

В листовках и воззваниях подпольные организации предупреждали трудящихся о приближении часа освобождения от фашистского ига, раскрывали коварные планы оккупантов о насильственной эвакуации населения, уничтожении предприятий и памятников архитектуры, звали к активной борьбе с врагом. «Будем бить врага общими силами, чтобы ему не было повадно в другой раз приходить на нашу землю», — говорилось в листовке Пригородного подпольного райкома КП(б)У[75].

Куяльницкий (командир Л. Ф. Горбель) и Усатовский (командир Н. А. Крылевский) партизанские отряды в течение 29 марта — 9 апреля совершили несколько нападений на вражеские обозы и колонны, убили и ранили 173 солдата и офицера противника, захватили 84 винтовки, 8 автоматов, 4 полуавтомата, 28 повозок, 29 тыс. патронов и 44 гранаты[76]. Смелые вылазки против врага совершила партизанская группа во главе с К. Н. Сербулым и Н. Д. Голубенко. Партизаны передали Красной Армии 4 автомашины с боеприпасами и продовольствием, захваченные у противника, укрыли в катакомбах до 600 советских граждан, которым угрожала фашистская каторга, загнали в подземелье до 500 голов скота[77]. Успешно действовал в поселке Кривая Балка отряд Ленинского района Одессы (командир Д. С. Гавшин). За время боевой деятельности — с 24 марта по 10 апреля 1944 г. — этот отряд уничтожил

---

[75] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. 2. Одесса, 1950, с. 158—160; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 3, с. 196.

[76] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 317.

[77] Там же, с. 274, 275.

70 вражеских солдат и офицеров и 207 взял в плен[78].

Несколько налетов на войска противника совершили партизаны Беляевского района Одесской области (командир М. Т. Богачев). 7 апреля они разоружили 100 румынских солдат, на следующий день в бою партизаны истребили 30 вражеских солдат и офицеров[79].

Учитывая большое значение узловой железнодорожной станции Раздельная для снабжения войск противника, одесские подпольщики усилили диверсии на транспорте. Группа, возглавляемая И. И. Карповым и С. Н. Жигановым, 19 марта 1944 г. пустила под откос воинский эшелон, а 1 апреля устроила столкновение 2 воинских эшелонов с боевой техникой и живой силой врага. Поезда потерпели крушение[80].

Благодаря стремительному наступлению Красной Армии, умелым действиям советского командования и ударам с тыла партизан и подпольщиков фашистские подрывники и факельщики не успели довести до конца свои чудовищные планы разрушения и ограбления Одессы. В этом отношении, как пишет Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, «многое сделали патриотические группы города, действовавшие под руководством подпольных партийных организаций; они приняли меры, чтобы предотвратить разрушение дворцов и театров города, не допустили взрыва, угрожающего гибелью нескольких кварталов»[81]. Партизанский отряд под командованием С. И. Дроздова предотвратил взрыв железнодорожного моста на станции Одесса-Товарная, спас от угона в фашистское рабство около 10 тыс. человек. Благодаря ему были сохранены инвентарь, зерно и рогатый скот совхоза Ленинского поселка[82].

Группа, руководимая Н. А. Гефтом, зная схему закладки оккупантами мин на судостроительном заводе, в ночь на 7 апреля повредила саперные провода и тем самым спасла от взрыва электростанцию и котельно-

---

[78] Там же, с. 265—266.
[79] Там же, с. 291.
[80] Там же, с. 242.
[81] *Чуйков В. И.* Сражение века. Воспоминания и записки. М., 1975, с. 172.
[82] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 111, 114.

корпусный цех предприятия[83]. Подпольная группа суперфосфатного завода, возглавляемая О. Е. Бойцуном, в ночь с 9 на 10 апреля проникла на завод и уничтожила фашистских подрывников, обезвредив заминированные участки. Благодаря решительным действиям подпольной группы, руководимой Т. Ф. Латенко и Г. К. Норайксом, была частично спасена одесская городская телефонная станция[84].

Конечно, многое не удалось спасти от разрушительных действий фашистских захватчиков. На второй день после освобождения Одессы военные корреспонденты «Правды» Д. Акульшин и В. Куприн писали: «Прекрасный город запылал. Здания, выстроенные известнейшими зодчими, безжалостно уничтожались. Только обезумевший в своей бессильной злобе варвар мог превратить в руины домик-музей Пушкина или разграбить и сжечь много чудесных зданий. Здание знаменитого Одесского театра оперы сохранилось — немцы не успели взорвать его. В огне прекрасный Дом учителя. Горят лучшие здания на улицах Пушкина и Дерибасовской, горят школы и жилые здания... Еще сегодня продолжаются взрывы в порту, на вокзале и на станции Сортировочная... Торчат искореженные конструкции мощных портальных кранов, разворочены нефтяные трубопроводы. В огне и развалинах некоторые предприятия города»[85].

С освобождением Одессы, Одесской области и левобережных районов Молдавии стали известны новые факты злодеяний оккупантов, жертвами которых стали сотни советских людей.

23 марта 1944 г., перед тем как покинуть Одессу, румынские карательные органы при спровоцированной попытке к бегству расстреляли второго секретаря Одесского подпольного обкома С. С. Сухарева. То, что не успела сделать сигуранца, довершили гестаповцы. 30 и 31 марта они уничтожили более 100 подпольщиков, находившихся в одесской тюрьме. Среди них были

---

[83] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 3, с. 112; *Немятый В. Н.* В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. Киев, 1982, с. 202—203.

[84] *Егоров В., Зотов Н.* 907 дней в тылу врага. Одесса, 1969, с. 229, 230.

[85] Правда, 1944, 12.IV.

руководители подпольных групп М. А. Лыткина, И. М. Орлов, Г. С. Синяков, В. А. Ченцов, О. П. Якобсон, В. О. Мюллер, Л. Я. Бачинский, А. В. Починок, А. К. Чернюк и др. 5 апреля были убиты руководители подпольных групп М. П. Никитина, В. И. Зотов, М. К. Емельянова и многие члены их организации[86]. Убегая, оккупанты расстреляли 38 подпольщиков Балтской организации, в том числе ее руководителей: Т. Б. Брагаренко, Н. В. Осокина и В. Н. Ганжеленко, — 71 члена Березовской подпольной организации, много членов подпольной комсомольско-молодежной группы «Чайка» во главе с ее руководителем С. Воиновым[87].

Кровавую расправу устроили фашисты над узниками тираспольской политической тюрьмы, в которой содержались схваченные ими партизаны и подпольщики из разных городов и сел губернаторства «Транснистрия». С конца марта 1944 г. гитлеровцы стали ежедневно выводить на расстрел по 150 человек. Этот чудовищный акт совершался в саду учебного хозяйства местного сельскохозяйственного института. Особенно много советских патриотов было уничтожено 3 апреля 1944 г. Всего на территории этого хозяйства было расстреляно около 2 тыс. человек[88]. Нельзя без волнения читать сохранившиеся на стенах тюрьмы предсмертные надписи расстрелянных советских граждан. Вот одна из них: «Здесь расстрелян 3 апреля 44 г. Акимов Аким Перфильевич, рождения 24 г. Товарищи, меня нет, но я знаю, что жизнь свою я отдаю всем тем, кто будет жить. Я иду на смерть, но знаю, что на меня Родина-мать не будет обижаться. Я молод, но я знаю, что дело, за которое я боролся, будет жить... Прощайте, товарищи!»[89].

В числе убитых оккупантами были руководители и много членов подпольных организаций Григориополя (В. Ф. Поляницын, Г. Г. Столбин, Н. Г. Рычков и др.),

---

[86] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 206.

[87] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 290, 293, 307.

[88] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 33, л. 12—14.

[89] Некоторые надписи опубликованы в кн.: Говорят погибшие герои. М., 1973, с. 381—385. Более подробно см.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 197—200.

Ананьевского района (В. С. Ермоленко, Н. Г. Виноградов, В. И. Бутенко, Н. П. Дроздов и др.).

Жестоко расправились оккупанты с узниками политической тюрьмы г. Рыбница. Здесь вместе с советскими подпольщиками и партизанами отбывали заключение коммунисты из Румынии. Во второй половине марта 1944 г., за несколько дней до освобождения города, немецко-румынские фашисты и их сообщники прошлись по камерам тюрьмы и расстреляли 238 политзаключенных, а затем, чтобы скрыть свои преступления, подожгли тюрьму изнутри[90]. Перед отступлением гитлеровцы в бессильной злобе уничтожали не только активных участников антифашистской борьбы, но и мирных жителей: женщин, детей, стариков. 9 апреля 1944 г. в селах Усатово и Куяльник фашисты расстреляли всех жителей, не успевших скрыться в катакомбах. В с. Усатово из 570 убитых было 28 детей в возрасте до одного года. В с. Холодная Балка Пригородного района Одесщины немецко-румынские захватчики в течение 7—8 апреля уничтожили 306 человек, в том числе 62 колхозника местной артели «Ударная пятилетка», 7 мужчин, 42 женщины, 13 детей[91].

Можно представить себе и понять радость советских людей, встречавших в эти весенние дни Красную Армию. В Одессе, Тирасполе, многих других городах и селах состоялись многолюдные митинги, на которых трудящиеся со словами глубокой благодарности обращались к воинам-освободителям, обещали быстро восстановить разрушенное хозяйство, все силы отдать делу быстрейшего разгрома ненавистного фашизма[92].

Таким образом, за месяц и десять дней наступательных операций Красная Армия освободила большую часть территории, на которой почти три года действовала оккупационная администрация военно-фаши-

---

[90] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 216—217; *Covaci M.* 25 ani de la masacrul de la Rîbniţa. — Anale, 1969, N 2.

[91] Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., с. 205—206.

[92] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. 3. Одесса, 1951, с. 26—28; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1, с. 360—361.

стской Румынии: южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей, Одесскую и Черновицкую (за исключением ряда сел Путиловского района) области, северные и восточные районы Молдавской ССР. Было положено начало освобождению Румынии. Советские войска продвинулись в глубь румынской территории более чем на 100 км, освободив на площади почти 10 тыс. кв. км свыше 800 населенных пунктов. Здесь проживало 400 тыс. человек[93]. С потерей Одессы и Северного Причерноморья от Очакова до Днестровского лимана практически безнадежным стало положение крымской группировки немецко-фашистских войск[94], против которой еще за два дня до освобождения Одессы, 8 апреля, войска 4-го Украинского фронта, а спустя три дня и Отдельная Приморская армия предприняли мощное наступление.

В результате наступления 1, 2 и 3-го Украинских фронтов весной 1944 г. советские войска нанесли тяжелое поражение группам немецких армий «Юг» и «А». Большие потери понесла 3-я румынская армия, действовавшая в составе группы армий «А». Только в результате переброски соединений с других европейских театров военных действий, из резервов ОКХ и ОКВ, а также выдвижения 1-й венгерской армии в район западнее г. Черновцы, 4-й румынской армии (8 дивизий и одна бригада) в район Ясс и еще 7 румынских дивизий и двух бригад на Кишиневское направление германскому командованию удалось спасти фронт от полного развала. Соотношение сил на этом участке советско-германского фронта временно стало складываться в пользу противника, сопротивление которого в предгорье Восточных Карпат, на Ясском и Кишиневском направлениях возросло. К тому же силы Украинских фронтов растянулись, артиллерия и тылы в условиях бездорожья и распутицы отстали от передовых частей. Поэтому в середине апреля советские войска приостановили дальнейшее наступление. Линия фронта

---

[93] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 59—60.

[94] К апрелю 1944 г. крымская группировка противника включала 12 дивизий (5 немецких и 7 румынских), 2 бригады штурмовых орудий, различные части усиления и насчитывала более 195 тыс. человек. Румынские дивизии в Крыму находились в полном подчинении командования 17-й немецкой армии.

на участке 2-го и 3-го Украинских фронтов проходила севернее Ясс, Оргеева, Дубоссар, Бендер и далее по Днестру до Черного моря.

* * *

В связи с переходом Красной Армией советско-румынской границы 8 апреля правительство СССР передало союзникам свой проект условий перемирия с Румынией[95]. После согласования с ними текста проекта документ был передан румынской стороне. Условия перемирия заключались в следующем:

«1. Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии.

2. Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 года.

3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советских территорий.

4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных.

5. Обеспечение возможности советским войскам, так же как и другим союзным войскам, свободно передвигаться по румынской территории в любом направлении, если того потребует военная обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения как по суше и воде, так и по воздуху.

6. Согласие Советского правительства на аннулирование решения военного арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании»[96].

Как справедливо отмечает Н. И. Лебедев: «...советские условия перемирия явились новым убедительным доказательством доброго отношения СССР к Румынии»[97]. Это получило наглядное подтверждение в деятельности советской военной администрации на терри-

[95] FRUS, 1944, v. IV, p. 169.

[96] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. 2, с. 174—175.

[97] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 455.

тории освобожденных весной 1944 г. северо-восточных районов Румынии, в отношениях, сложившихся там между Красной Армией и румынскими трудящимися.

Вначале местное население с большой опаской относилось к советским воинам. Ведь на протяжении многих месяцев оно подвергалось усиленной идеологической обработке со стороны фашистских властей, которые, стараясь вызвать сопротивление румынского народа наступавшим советским войскам, распространяли всевозможные небылицы о «зверствах» Красной Армии. Как рассказывали впоследствии жители освобожденных северо-восточных районов Румынии, им твердили, что «русские будут сжигать деревни и убивать всех».

На определенную, особенно наиболее отсталую, часть населения Румынии лживая фашистская пропаганда еще оказывала влияние. «Под воздействием фашистской пропаганды о мнимых «зверствах большевиков», — говорится в одном из политдонесений 2-го Украинского фронта, — население сельских районов закопало имущество, оставило дома̀ и спряталось в окрестных селах, оврагах, укрылось в погребах». В селах Валя-Оилор, Албешты, Генешты и других к моменту прихода Красной Армии жители вывесили на заборах белые флаги, мужчины держали в руках белые флажки, а детишки — белые бумажки. Многие поднимали руки вверх[98].

Однако все это продолжалось недолго. Гуманное поведение советских солдат и офицеров быстро рассеяло страх, вселенный в население фашистской пропагандой, развеяло клевету о Красной Армии. Весть о том, что Красная Армия не трогает мирное население и его имущество разнеслась быстро, в том числе за линию фронта. «Убедившись в своей безопасности, — сказано в упомянутом политдонесении войск 2-го Украинского фронта, — крестьяне возвращаются домой. Некоторые жители приходят обратно из-за линии фронта»[99]. В тех румынских населенных пунктах, где об этом становилось известно, советские войска встречали хороший

---

[98] Сообщения Советского информбюро, т. 6, с. 190, 210; ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 58, л. 119; д. 124, л. 29, 44 об. и др.

[99] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 58, л. 119.

прием. 5 апреля 1944 г., когда воины 2-го стрелкового батальона 45-го полка 202-й стрелковой дивизии вступили в местечко Сэвени, «все местное население высыпало на улицу. Стоило только остановиться нашему военному, — читаем в политдонесении 27-й армии, — как его окружала толпа народа, задавая всевозможные вопросы, приглашая в гости»[100]. В другом донесении этой же армии сделан вывод, что «у большинства населения пропал страх перед Красной Армией»[101].

Большую работу по налаживанию хороших отношений с населением освобожденных районов Румынии проводили Военные Советы фронта и армий, политические органы и партийные организации соединений и частей. В основу разъяснительной и массово-политической работы, проводившейся с привлечением местных коммунистов и других демократических сил, были положены заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 г. и постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР от 10 апреля 1944 г., содержащее конкретные указания о поведении советских войск и командования на румынской территории. ГКО предлагал Военному Совету 2-го Украинского фронта разъяснять румынскому населению освобожденных районов, что Красная Армия вступает в Румынию «не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского ига», что у нее нет иной цели, кроме «разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах». Возлагая на Военный Совет фронта общее руководство организацией гражданского управления и контроль за его деятельностью на всей освобожденной территории Румынии, ГКО вместе с тем требовал от военного командования «сохранить существующие румынские органы власти, систему экономического и политического устройства, охранять личные и имущественные права граждан и частных обществ, свободу религиозных обрядов»[102].

В соответствии с постановлением ГКО 14 апреля 1944 г. было опубликовано воззвание командования 2-го

---

[100] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 124, л. 28.

[101] Там же, л. 46.

[102] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 4, с. 83; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 99—100.

Украинского фронта к населению Румынии, освобожденному Красной Армией от фашистского гнета. В нем излагались основные положения заявления Советского правительства от 2 апреля 1944 г., раскрывались цели Красной Армии на румынской территории, народ призывался оставаться на местах, продолжать мирный труд, обеспечивать бесперебойную работу промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий и учреждений, спокойно проводить полевые работы. «Всемерным содействием Красной Армии, — говорилось в воззвании,— вы ускорите окончательный разгром немецко-фашистской армии и тем самым приблизите час прекращения войны на вашей земле»[103].

Политорганы и партийные организации соединений и частей 2-го Украинского фронта развернули многогранную массово-политическую работу среди румынских трудящихся. 23 апреля для разъяснительной работы среди румынского населения в 5 городов и 111 деревень освобожденной территории была направлена группа политработников[104].

Политработники Красной Армии организовывали беседы, выступали на сходках. Так, например, 4 мая на одном из собраний жителей г. Хырлэу начальник политотдела 7-й гвардейской армии гвардии полковник Зыков провел беседу на тему «Почему Красная Армия пришла на румынскую территорию?» Затем присутствующим была показана советская кинокартина[105]. «Обычно после таких массовых собраний и бесед, — сказано в политдонесении 7-й гвардейской армии, — крестьяне собираются группами и долго обсуждают сказанное им представителями командования Красной Армии»[106].

Большой интерес проявлял народ к печатным материалам советской военной администрации. Политуправлением фронта в течение апреля было издано на румынском языке 16 названий листовок в количестве около 1 млн. экземпляров, 300 тыс. экземпляров листо-

---

[103] Полный текст воззвания см.: Коммунист, 1979, № 13, с. 77—78.

[104] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 58, л. 120, 121; д. 129, л. 1.

[105] Там же, д. 129, л. 32.

[106] Там же, д. 124, л. 24.

вок издали политотделы армий. Обращение командования 2-го Украинского фронта было распространено в количестве 800 тыс. экземпляров. Листовки расклеивались в городах и селах освобожденных районов Румынии, часть из них была разбросана при помощи авиации на оккупированной немецко-фашистскими армиями румынской территории[107]. Населению раздавалась фронтовая газета на румынском языке «Graiul liber» («Свободное слово»), издававшаяся Главным Политуправлением Красной Армии. Она рассказывала о положении на фронтах войны, о жизни в СССР, об успехах румынских трудящихся в освобожденных Красной Армией районах, помещала на своих страницах письма местных жителей. Особый интерес у последних вызывали заметки о жизни румынских военнопленных в СССР, о положении на оккупированной гитлеровцами территории Румынии. «Распространенные нашими политорганами материалы, — говорится в информационной сводке политотдела 7-й гвардейской армии «О настроении жителей г. Серет», — читаются с большим вниманием. Около расклеенных текстов основных документов, определяющих поведение Красной Армии на территории Румынии, возникают стихийные беседы, а иногда и сходки». Жители освобожденных румынских городов и сел интересовались, как живет народ в СССР, расспрашивали о том, как решены здесь аграрный вопрос, вопросы образования и здравоохранения. В указанной информационной сводке политотдела 7-й гвардейской армии читаем: «Основная часть населения относится к Красной Армии с симпатией и вполне дружелюбно, проявляет к ней нескрываемый интерес, интересуется положением на фронтах, жизнью в Советском Союзе и условиями работы в нем»[108].

Советские военные комендатуры (их число на освобожденной румынской территории достигло 55)[109] оказали большую помощь местным органам власти в преодолении хозяйственных трудностей, нормализации жизни. Они снабдили многие населенные пункты горючим, дав возможность пустить в эксплуатацию мельни-

---

[107] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 58, л. 118; д. 128, л. 144.
[108] Там же, д. 130, л. 35.
[109] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9. М., 1978, с. 103.

цы и другие жизненно необходимые предприятия. Были завезены соль и другие остродефицитные продовольственные товары. Ими снабжалась в первую очередь беднота[110]. В городах заработали фабрики, заводы и мастерские, открылись лавки и магазины. Так, например, с первых же дней в г. Ботошани и уезде возобновили работу 60 мельниц, в городе действовали 6 пекарен, 6 ресторанов, водонапорная станция и др. Были назначены администраторы покинутых помещиками имений, их в уезде было 130. В деревнях широко развернулся весенний сев. Крестьяне засевали не только свои участки, но и взятые ими в аренду у местных властей, а также брошенные помещиками и кулаками земли[111]. Один из руководящих работников префектуры заявил: «Нужно признать, что в деле восстановления уезда Красная Армия оказала нам неоценимую помощь»[112]. Особенно трогательно отзывались местные жители о советских военных врачах, бесплатно лечивших румынских граждан. Также бесплатно последним отпускались медикаменты. Военные госпитали содействовали местной румынской администрации в создании гражданских больниц[113]. Была организована доставка писем румынских военнопленных родным из освобожденных северо-восточных районов Румынии, некоторые пленные — отпущены домой[114].

Все это привело к установлению добрых отношений между советскими воинами и румынским населением, к укреплению и росту рядов местных прогрессивных, демократических сил. В своих высказываниях румынские трудящиеся выражали благодарность Красной Армии за освобождение от фашизма, проявляли понимание того, что только при помощи советского народа они смогут окончательно избавить родину от гитлеровских поработителей и их приспешников. «Прихода Красной Армии, — говорил крестьянин с. Кокэлэу И. Лазарь, — боялись только те, кто верил немецкой пропаганде, а мы, старики, воевавшие рядом с русскими в 1916 г. против немцев, русских не боялись. Мы

---

[110] Graiul liber, 1944, 27, 29.IV; 3, 6, 9, 21.VII.
[111] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 124, л. 49.
[112] Graiul liber, 5.VIII.
[113] Там же, 29.VI, 3, 9, 18.VII.
[114] Там же, 27.VI, 6.VII.

знаем, что русские являются нашими друзьями. Они нам помогли и в 1877 г. завоевать независимость»[115]. Крестьянин с. Типилешты, кавалер двух орденов, полученных им во время первой империалистической войны, в беседе с советскими политработниками заявил: «При немцах я не имел права носить эти ордена. Теперь я их ношу; я заслужил их в союзе с русскими. Я знаю и чувствую, что русские желают нам, румынам, только добра»[116].

Жители ряда сел (Рехица, Хелештиу, Дерска и др.) на сходах принимали обращения к своим братьям из оккупированных немецко-фашистскими войсками районов Румынии[117]. В воззвании жителей с. Хелештиу уезда Дорохой говорилось: «Братья румыны! Красная Армия с момента прихода никакого зла нам не причинила и не отправила нас в Сибирь, как об этом нам говорили немцы. У нас не отняли детей, живем в своих домах, как и раньше. Красная Армия к нам относится хорошо... Мы считаем своим долгом советовать вам не поддаваться лживой пропаганде немцев и не оставлять свои дома и все приобретенное вами ценой многолетнего труда»[118].

Трудовой народ, желая поскорее увидеть свою родину свободной от фашизма, оказывал разнообразную помощь воинам Красной Армии. В одном из апрельских отчетов политотдела 27-й армии говорится: «Население оказывает большую помощь армии в организации обозов для перевозки боеприпасов, в постройке мостов, аэродромов, ремонте дорог»[119]. В донесении политотдела 40-й армии от 10 мая 1944 г. отмечается, что «имеется немало фактов хорошего отношения румынского населения к Красной Армии, желания помочь нашим соединениям и частям». Так, например, на помощь воинам 38-й стрелковой дивизии в проведении оборонительных работ добровольно явилось 1500 румын. «Есть факты, — сказано далее в этом документе, — когда румынское население доносит о диверсантах... Население Ботошани, Сэвень и других населенных

---

[115] Цит. по кн.: *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 60.
[116] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 124, л. 36.
[117] Там же, д. 129, л. 92; д. 125, л. 168—170.
[118] Там же, д. 125, л. 168.
[119] Там же, д. 124, л. 42 об.

пунктов, где расположены наши госпитали, преподносит подарки раненым бойцам...»[120] Жители Сэвень оказали помощь советским воинам в строительстве моста[121]. Иногда после сходок жители приглашали к себе в гости представителей Красной Армии, угощали всем, что имелось в доме, хотя сами жили бедно. Нередко женщины добровольно вызывались стирать белье и чинить одежду советским бойцам.

Помощь и содействие румынских трудящихся Красной Армии были обусловлены не только их стремлением при помощи советских войск избавить свою родину от гитлеровцев и продажных правителей страны, но и проявлением классовой солидарности с армией первого в мире государства рабочих и крестьян. Жительница с. Биволарь Н. Костаке, по профессии портниха, помогая бойцам 18-й стрелковой дивизии в ремонте обмундирования, заявила, что Красная Армия «является настоящей армией, отражающей интересы бедняцкого класса»[122].

Трудящиеся румынских городов и сел видели в Вооруженных Силах СССР не только освободителей от фашистского ига, но и избавителей от гнета помещиков и капиталистов, защитников интересов трудового народа. Люди старшего и среднего поколения помнили события 1917 г., когда вместе с революционными русскими солдатами Румынского фронта они боролись за мир и свободу. В одном из отчетов политотдела 37-й армии сказано: «Беднейшая часть крестьянства связывала с приходом Красной Армии улучшение своего благосостояния. Она считала, что теперь обязательно получит землю, которая раньше принадлежала кулакам и помещикам». Обращаясь к присутствующим на собрании советским политработникам, крестьянин-бедняк из с. Борша М. Бырзан заявил: «Мы, бедняки, очень довольны, что вы пришли... Теперь-то мы вырвемся из когтей богачей...» Эту же мысль выразил крестьянин с. Малаешты В. Димитриу, подчеркнув: «Мы знаем, что у русских законы для бедняков»[123].

Крестьяне клеймили правителей страны, жаловались

---

[120] Там же, л. 51.
[121] Там же, л. 29.
[122] Там же, л. 30.
[123] Там же, л. 45.

на непосильные налоги, безземелье, на алчность помещиков и капиталистов. «Нас сильно грабили и притесняли во время диктатуры Антонеску, — рассказывал на собрании жителей с. Флэмынзи крестьянин В. Друг.— Бояре и богачи были защищены, а мы, бедные, работали на них». Приводя далее конкретные примеры ограбления крестьян властями и помещиками, В. Друг заключил: «Богачи держатся за немцев, мы же, бедняки, чувствуем себя лучше с русскими, которые могут покончить с богачами».

Большинство крестьян с удовлетворением восприняли бегство помещиков и ненавистных чиновников фашистского государственного аппарата. В докладной записке «О настроениях румынских крестьян территории Ясского уезда...», составленной политорганами, прямо сказано: «Крестьяне тех деревень, из которых бежали старые власти и бояре, очень довольны этим обстоятельством. Они высказывают соображения, что им не придется сейчас платить такие большие налоги, какие они платили раньше. Кроме того, они избавляются от обязанности работать на земле боярина. Они смогут заняться обработкой собственной земли»[124]. Как доносили представители советской военной администрации, на местах «раздаются голоса в пользу раздела помещичьей земли»[125], «наблюдается тенденция к разделу помещичьих земель, кое-где разбираются помещичий инвентарь и другое имущество»[126]. «Мы все ждем скорейшего наделения землей», — заявил безземельный крестьянин с. Цыганешты А. Леон[127].

Мечта об ином, более справедливом строе, без эксплуататоров и продажных политиканов, пронизывала выступления абсолютного большинства румынских трудящихся на сходах, собраниях, митингах. «Определенная часть населения, — сказано в докладной записке политотдела 7-й гвардейской армии, — недовольна старыми порядками в Румынии. Она хочет чего-то нового»[128]. Хорошо выразил чаяния народа житель с. Фрумушика Ботошанского уезда И. Иордаке: «Какая

[124] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, л. 124, л. 23.
[125] Там же, д. 125, л. 98.
[126] Там же, д. 58, л. 119.
[127] Там же, д. 124, л. 30.
[128] Там же, д. 125, л. 186.

бы партия ни была у власти, — сказал он, — она все равно ничего не делала для народа. Налоги были большие, поэтому и жилось тяжело. Еще не было (у власти. — *И. Л.*) ни одной хорошей партии, которая интересовалась бы нашими нуждами... Богатая часть населения хотела бы, чтобы в Румынии остались старые порядки, т. е. строй, который был и до Антонеску. Бедная часть населения, наоборот, хочет какого-нибудь иного строя, ибо она не питает доверия к прежнему руководству»[129].

Часть населения усматривала корень всех зол в наличии монархии и выход из тяжелого положения видела в установлении республиканского строя. Крестьянин с. Пояны К. Гродимачук высказался по этому поводу следующим образом: «Старым политическим деятелям сейчас никто не верит. Лучше республика, ибо монархия всегда поддерживает бояр»[130]. В таком же духе выступил и житель с. Флэмынзь Гримеза. «Неплохо было бы, — заявил он, — если бы после войны Румыния стала бы республикой, без короля и жандармов. Король и жандармы — опора бояр»[131]. В некоторых селах сами крестьяне заменяли примарей — ставленников фашистских властей — представителями бедняцких масс. Так, например, в с. Удричены примарем был избран крестьянин-бедняк С. Бресюк[132]. В с. Тудора Ботошанского уезда часть жителей высказалась за установление Советской власти. Крестьянин Черепьян, например, заявил на собрании: «Антонеску довел нас до того, что мы ходим без штанов. Такое правительство нам не нужно... Необходимо пойти к коменданту г. Ботошани и просить его установить в нашем селе Советскую власть»[133].

Как отмечается в некоторых политдонесениях армий 2-го Украинского фронта, румынские крестьяне не скрывали своего огорчения, когда им объяснили, что Красная Армия «не намерена вводить в Румынии советские законы и порядки»[134] и что решение проблем

---

[129] Там же, л. 188.
[130] Там же, л. 187.
[131] Там же, л. 188.
[132] Там же, л. 129.
[133] Там же, л. 56.
[134] Там же, д. 124, л. 45.

внутреннего устройства страны — дело самого румынского народа. В докладной записке политотдела 7-й гвардейской армии от 18 июля 1944 г. подчеркивается: «...отсутствие ясного представления о том, что будет с Румынией после войны» сказывалось на политической активности части населения, определяя его нерешительность. В документе сказано, что люди, готовые во всем поддерживать Красную Армию «против Антонеску и его порядков», при этом рассуждают так: «Коль русские говорят, что они не намерены вмешиваться во внутренние дела Румынии, следовательно, после войны могут установиться старые порядки, и тогда удравшие представители местной власти вернутся и будут мстить тем, кто сейчас сочувственно относится к русским и их поддерживает»[135].

Такой нерешительностью части населения старались воспользоваться в антисоветских целях эксплуататорские классы. Они запугивали местных жителей расправой после ухода Красной Армии, исподтишка вели антисоветскую пропаганду, распространяли ложные слухи. Этим занимались некоторые примари, попы, жандармы, зажиточные слои населения[136]. В ряде сел (Фередены, Флэмынзь и др.) наблюдались случаи уничтожения советских плакатов, объявлений. В городах торговцы и спекулянты искусственно взвинчивали цены. Профашистские элементы устраивали антисоветские вылазки, акты саботажа, в деревне Воскана стреляли в советских бойцов[137]. Чтобы вызвать неприязнь к Красной Армии, они шли на провокации. 21 мая в с. Фередены пришедший из соседнего села преступник подложил под наружную дверь церкви, заполненной крестьянами, горящую головешку, стараясь вызвать пожар и взвалить затем вину на «неверующих коммунистов». Но он не успел скрыться, сами жители Фереден расправились с ним[138].

Антисоветские вылазки местных контрреволюционных элементов направлялись иногда диверсантами и лазутчиками, переправленными через линию фронта немецко-румынскими шпионскими центрами. Благодаря

---

[135] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 186.
[136] Там же, д. 124, л. 51, 70, 75.
[137] Там же, д. 58, л. 120.
[138] Там же, д. 130, л. 2.

бдительности местных жителей в районе Цукени Ной удалось обезвредить действия диверсионной группы, вооруженной пулеметами и автоматами[139].

Судя по документам румынской контрразведки, правители военно-фашистской Румынии знали о хорошем отношении румынского населения освобожденных районов к Красной Армии, о нелестных высказываниях народа по поводу прежней фашистской администрации. 22 мая 1944 г., например, агенты Специальной службы информации докладывали начальству: «В некоторых селах население, по-видимому беднота, высказывается против румынского государства (читай — буржуазного фашистского государства. — *И. Л.*) и просит зачислить их в ряды Советской Армии (например, в с. Типилешты, что севернее Ясс)»[140].

Такие известия усиливали страх и тревогу румынской буржуазии, которая больше всего боялась, как бы со вступлением советских войск накопившееся в народе недовольство политикой правительства не вылилось в открытое выступление против всего эксплуататорского строя. Это во многом и определяло единодушие клики Антонеску и «исторических» партий в отношении советских условий перемирия. Руководитель румынской контрразведки Е. Кристеску подтвердил в 1946 г. на суде, что контакты между правительством и лидерами «оппозиции», которые поддерживались в течение всей войны путем прямых встреч с М. Антонеску или через него, Кристеску, усилились особенно в последнее время в связи с переговорами о перемирии. Они осуществлялись с ведома кондукэтора, которого постоянно информировали об акциях Маниу и Брэтиану в этом плане. «Связи в течение всего периода переговоров о перемирии, — говорил Е. Кристеску, — и мои встречи с г-ном Маниу были многочисленными». И М. Антонеску, как отметил Кристеску, «поддерживал постоянные связи с г-ном Маниу»[141].

Руководитель румынской контрразведки вспомнил, что в день получения текста советских условий переми-

[139] Там же, д. 124, л. 51.

[140] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. Nota. 22 Mai 1944.

[141] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma dezbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti, 1946, p. 163.

рия кондукэтор поручил ему отправиться к Маниу и заявить ему, что в случае его согласия с этими условиями «маршал Антонеску тотчас же уступает ему место». Кондукэтор не сомневался, что антисоветски настроенный Маниу отвергнет эти условия, да и руководство страной в этот ответственный для судеб страны момент он не осмелится взять на себя. По словам Кристеску, Маниу прямо не отказался возглавить правительство, но выставил столько условий, что они «в конечном счете означали отказ»[142].

Вместе с тем именно Маниу в этот период принадлежало решающее слово в определении политики господствующих классов Румынии по отношению к советским условиям перемирия. На прямой вопрос председателя суда, почему правительство, получив из Стокгольма советские условия перемирия, более приемлемые, нежели те, что были первоначально выставлены союзниками Штирбею в Каире, не пошло на заключение перемирия, М. Антонеску ответил: «Г-н председатель, я должен сказать открыто... у меня всегда было впечатление, что г-н Маниу предпочитал в тот период вести переговоры с тремя, т. е. со всеми, союзниками, а не прямо с Советским Союзом...»[143] По словам М. Антонеску, Маниу заявил ему, что «лучше ждать результатов переговоров Штирбея в Каире, нежели продолжать те, что ведутся в Стокгольме»[144].

14 апреля 1944 г. Ю. Маниу отправил в Каир ответ на послание Вильсона от 29 марта 1944 г. Он предлагал прекратить военные действия и заключить перемирие, после чего румынское правительство доведет это до сведения Германии. Если последняя прибегнет к военным акциям против Румынии, то румынская армия сама будет отражать немецкую агрессию в Валахии, Олтении, Трансильвании, Банате и Добрудже и никакие иностранные войска не должны вступать в пределы перечисленных областей без официальной просьбы румынского правительства. Но, как признает А. Крецяну, просьба о посылке в Румынию двух англо-американских воздушно-десантных дивизий фактически уже

[142] Procesul marii trădări naționale..., p. 162, 163.
[143] Там же, с. 80.
[144] Там же, с. 81.

до этого была передана командованию западных держав на Средиземноморском фронте[145].

Ю. Маниу настаивал, чтобы три союзные державы сделали заявление о том, что они воздержатся от вмешательства во внутренние дела Румынии. Этим самым руководитель национал-царанистов подчеркивал, что он игнорирует заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 г., содержащее такое заверение.

Послание Маниу показывает, что он и стоящие за его спиной верхи буржуазии всеми средствами старались избежать вступления советских войск в Румынию и не хотели вести прямые переговоры с СССР. К тому же глава национал-царанистов старался всю тяжесть борьбы с гитлеровскими полчищами возложить на Красную Армию, ибо главные силы вермахта были сконцентрированы в районе Ясс и в междуречье Прута и Днестра. Основную же часть румынской территории, где гитлеровских войск было сравнительно мало, он полагал защищать силами румынской армии, поддержанной англо-американскими воздушно-десантными дивизиями.

Стараясь скрыть антисоветскую направленность своего послания, Ю. Маниу в очередном письме, направленном в Анкару А. Крецяну для передачи западным державам, пытался убедить последних в том, что его просьба о посылке англо-американских войск в Румынию «не должна рассматриваться как дискриминация среди союзных держав» и что это якобы «вызвано исключительно географическим и военным положением». «В настоящих условиях, — писал Маниу, — только командование на Ближнем Востоке в состоянии послать нам полезную помощь». Абсурдность доводов упомянутого лидера румынской буржуазии шокировала даже А. Крецяну. Излагая эти события, он пишет, что «бесполезны были хитрости Маниу».

20 апреля глава национал-царанистов отправил телеграмму, в которой сообщал о своей готовности вести переговоры на условиях, выдвинутых союзниками, но тут же добавлял, что советские предложения якобы «скорее подходят для мирного договора, нежели для простого перемирия, что, несомненно, усложняет пере-

---

[145] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 139.

говоры»[146]. Подтвердилась точка зрения Советского правительства, выраженная в ноте от 22 марта 1944 г. английскому МИД, о том, что Ю. Маниу и И. Антонеску действуют заодно и вряд ли переговоры с ними «могут привести к положительным результатам». Советский представитель на переговорах со Штирбеем А. В. Новиков отмечает в своих записках, что «правительства Англии и США настаивали на продолжении переговоров в Каире, о чем Советское правительство не без колебаний согласилось»[147].

Реально сложившаяся на южном участке советско-германского фронта ситуация заставила англо-американских политиков признать, что «румынские дела... находятся в руках русских»[148]. Однако согласие США и Англии с условиями перемирия, выдвинутыми Румынии Советским Союзом, вовсе не означало, что эти державы утратили интерес к ней и к Балканам вообще. 17 апреля 1944 г. Министерство иностранных дел Великобритании передало госдепартаменту США меморандум, озаглавленный «Британские интересы в Юго-Восточной Европе», в котором доказывало своим американским союзникам по войне, что не следует отказываться «от ответственности за организацию этого района». В меморандуме также недвусмысленно подчеркивалось, что Англия, как мировая держава, чье «благополучие зависит от международной торговли и колоний», крайне заинтересована в Юго-Восточной Европе. Из упомянутого документа явствовало, что английское правительство очень беспокоил рост революционного движения на Балканах. «Беспорядки (читай — революционные выступления. — *И. Л.*) на Балканах, — сказано в меморандуме, — могут распространиться на смежные территории, жизненно важные для Британской империи», т. е. на богатые нефтью страны Ближнего Востока, приносившие английским монополиям баснословные прибыли. Запугивая своих американских союзников «распространением советского влияния на проливы и в Средиземноморье», Лондон выражал желание в целях предотвращения этого не просто обеспечить британское присутствие в Союзных

[146] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 140.
[147] *Новиков Н. В.* Указ. соч., с. 224.
[148] FRUS, 1944, v. IV, p. 147.

Контрольных Комиссиях, которые будут действовать на территории сателлитов Германии после их выхода из войны, но и участвовать в оккупации Болгарии и Венгрии, а также Балканских стран антигитлеровской коалиции — Греции и Югославии[149].

Руководящие круги США не менее, чем английские, испытывали страх перед ростом революционного и национально-освободительного движения в мире, огромное воздействие на которое оказывали победы Советской Армии над фашистскими захватчиками. Они также хотели бы помешать освободительной миссии советских войск, но в то же время, стремясь обеспечить доминирующее положение в мире американским монополиям, непрочь были ослабить позиции своих английских партнеров на Ближнем Востоке.

Из опубликованных американских внешнеполитических документов явствует, что госдепартамент перебирал различные варианты политики в отношении стран Юго-Восточной Европы, в том числе Румынии. В дипломатической игре правительство США старалось использовать, в частности, «сложный вопрос» о Трансильвании. Восточноевропейский отдел госдепартамента выдвигал идею «создания какой-либо формы автономии» Трансильвании, предлагалось отложить решение этого вопроса на послевоенный период. Как уже отмечалось, были попытки поднять так называемый бессарабский вопрос, т. е. вмешаться во внутренние дела СССР. Американские дипломаты считали, что статус совоюющей державы можно предоставить Румынии в случае ее перехода на сторону антигитлеровской коалиции только на время военных действий на территории этой страны, к участию же в операциях на территории других государств ее допускать не следует[150].

Американские политики разделяли точку зрения своих английских коллег о желательности выхода Румынии из войны до полного занятия ее территории Красной Армией. В разгар подготовки операции «Оверлорд» западные державы явно старались до ее начала решить вопросы, связанные с Юго-Восточной Европой. Твердолобая позиция правящих политических деятелей

---

[149] FRUS, 1944, v. I. Washington, 1966, p. 596—598.
[150] Там же, т. 4, с. 152.

военно-фашистской Румынии вызывала у них раздражение. В течение всего апреля западные дипломаты, главным образом английские, продолжали настойчиво добиваться капитуляции этой страны. Наряду с дипломатическими использовались военные меры нажима. В течение апреля был осуществлен еще ряд массированных налетов на Бухарест, Плоешти и другие города Румынии. Как заявил М. Антонеску на заседании правительства 29 апреля 1944 г., только в Бухаресте погиб в апреле 3391 человек, было ранено 3005 жителей, разрушено полностью 1822 и повреждено 1489 зданий[151].

21 апреля через Б. Штирбея правительству И. Антонеску и «оппозиции» было предъявлено категорическое совместное требование трех союзных держав дать недвусмысленный ответ по поводу условий перемирия и предпринять шаги, которые свидетельствовали бы о готовности Румынии выйти из войны[152]. Телеграмму по секретным каналам получил руководитель ССИ Е. Кристеску. На суде румынских военных преступников в Бухаресте в мае 1946 г. он рассказал, что «ультиматуму» была предпослана записка генерала Вильсона. В ней говорилось, что положение Германии на Восточном фронте безнадежно, и, если Румыния в течение 72 часов не согласится с условиями перемирия, ей придется испытать все последствия «тотальной войны». И. Антонеску и «оппозиция» засуетились, недоумевая по поводу того, что Штирбей довел переговоры до такого финала. Маниу, по словам Кристеску, «не нашел другого решения, как только сообщить Штирбею об его отзыве из Каира в Анкару... где посланником был Крецяну, чтобы детально объяснить весь ход переговоров, каким образом дошли до ультиматума, и в то же время просить отложить заключение перемирия»[153]. Тогда же было решено направить в Каир на помощь Штирбею бывшего румынского дипломата К. Вишояну.

Добиваясь очередной отсрочки, румынские буржуазные политики, несомненно, возлагали надежды на то, что положение немецко-фашистских войск на Восточ-

---

[151] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 600, л. 31.
[152] *Новиков Н. В.* Указ. соч., с. 227.
[153] Procesul marii trădări naționale..., p. 163, 164.

ном фронте, как обещал Гитлер, улучшится, и это позволит им выторговать более приемлемые для себя условия. В частности, на «военные соображения» ссылался на суде М. Антонеску, объясняя, почему правительство не ответило сразу на советские условия перемирия. «Его (т. е. И. Антонеску. — *И. Л.*) военные советники, — заявил бывший вице-премьер румынского правительства, — в тот период также считали, что нужно подождать»[154].

14 апреля, по возвращении из инспекционной поездки на фронт, И. Антонеску сообщил на заседании правительства, что там «положение несколько улучшилось»[155]. Он отметил, что румынский солдат «на все сто процентов будет сражаться, не отступит с занимаемой линии фронта, наоборот, если в течение месяца завершим подготовку, — сказал он, — сумеем развернуть операцию по отвоеванию Северной Бессарабии, Молдовы и Буковины...»[156] В расчете на это, по-видимому, правители военно-фашистской Румынии сохранили и должности губернаторов Бессарабии и Буковины, хотя большая часть этих территорий уже была освобождена Красной Армией.

Во второй половине апреля немецко-румынское командование предприняло отчаянные попытки выбить советские войска из северо-восточных районов Румынии, а также ликвидировать занятые ими плацдармы на правом берегу Днестра, южнее Дубоссар и Бендер. В отдельные дни на этих участках фронта советским войскам приходилось отражать по 15—20 атак немецко-румынских войск, поддерживаемых танками и авиацией. Противник нес большие потери в живой силе и технике, но выполнить поставленную задачу не смог[157].

А в это время все более мрачные известия о положении немецко-румынских войск поступали в Бухарест из Крыма. Авантюристические планы фашистских правителей об удержании полуострова закончились для

---

[154] Там же, с. 80—81.
[155] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 256.
[156] Там же, л. 261.
[157] *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 65; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 100.

них очередным крахом[158]. Войска 4-го Украинского фронта (командующий генерал Ф. И. Толбухин) и Отдельной Приморской армии (командующий генерал А. И. Еременко) за 35 дней наступления взломали мощные укрепления противника в Крыму и наголову разгромили двухсоттысячную вражескую группировку. Штурм Севастополя продолжался всего три дня. 9 мая советские воины овладели городом, а 12 мая полностью очистили полуостров от врага, потери которого на суше составляли 100 тыс. человек, в том числе 61 587 пленных. Кроме того, большое количество германских и румынских солдат и офицеров погибло в море во время эвакуации. Советские войска захватили всю боевую технику противника. Еще до окончания военных действий в Крыму М. Антонеску на заседании правительства 29 апреля 1944 г. признал, что «потерянное в Крыму вооружение выражается в колоссальных цифрах»[159].

События в Крыму во многом напоминали положение в стане противника при бегстве с Таманского полуострова. Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы бросали союзников на произвол судьбы, заставляли их прикрывать свой отход. Немцы обвиняли румын в трусости и предательстве, а румыны немцев — в вероломстве. Часто дело доходило до вооруженных столкновений[160]. В плен, в том числе партизанам, сдавались целые части и подразделения разгромленных в боях румынских войск вместе с командирами[161].

Гибель румынских дивизий в Крыму еще раз показала, что гитлеровцы руководствовались только своими корыстными целями и совершенно пренебрегали интересами союзников. На протяжении многих месяцев румынские войска в Крыму служили орудием германской политики, направленной не только против СССР, но и против Балканских стран, включая саму Румынию.

Тем не менее и после гибели румынских дивизий в Крыму ни клика Антонеску, ни лидеры «исторических»

---

[158] Подробно о разгроме немецко-румынских войск в Крыму см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 4, с. 88—94; История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 103—110; *Грылев А.* Указ. соч.

[159] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 600, л. 7.

[160] Сообщения Советского информбюро, т. 6, с. 235.

[161] Там же, с. 184, 185, 194, 198, 199, 201.

партий не торопились с заключением перемирия. Их политика, как и политика правителей других стран — сателлитов гитлеровской Германии, вела к затяжке войны, к новым человеческим жертвам. Для Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии каждый лишний день войны лишь усугублял их катастрофическое положение. 13 мая 1944 г. правительства СССР, США и Великобритании опубликовали совместное заявление, обращенное к странам — сателлитам Германии, в котором отмечалось, что правительства этих государств, хотя и сознают неизбежность поражения Германии и хотели бы выйти из войны, однако «своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины».

Подчеркивая ответственность правящих кругов упомянутых стран за участие в войне на стороне Германии, правительства СССР, США и Великобритании вместе с тем указывали в заявлении, что «путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с рейхом и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами эти государства» могли бы сократить срок европейской войны, уменьшить собственные жертвы, внести вклад в победу над германским фашизмом, что, несомненно, учлось бы при заключении мира. Страны-сателлиты предупреждались, что, «чем дольше они будут продолжать участвовать в войне в сотрудничестве с Германией, тем более гибельными будут для них последствия и тем более суровыми будут условия, которые им будут предписаны»[162].

В день опубликования совместного заявления трех великих союзных держав газета «Известия» поместила на своих страницах редакционную статью под заглавием «Последнее предупреждение сателлитам Германии». В отношении Румынии в ней говорилось: «Румыния прошла все стадии великодержавного империалистического угара. Она создала «губернаторства» на советской земле и грабила советские города и села. Теперь Красная Армия сражается на румынской земле. Немцы строят линии обороны на румынской земле; они превратили Румынию в поле сражения за Берлин». Указывая далее, что румынская нацистская печать жалует-

[162] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 132, 133.

ся на «разрушительный характер войны» и призывает к проявлению «человечности и разума», «Известия» писала: «Но тем румынам, которые действительно ищут человечности и разума, заявление трех союзных правительств указывает путь спасения — путь выхода из войны и уменьшения гибельных для Румынии и других сателлитов последствий их участия на стороне гитлеровской Германии. Этот путь лежит через решительный и незамедлительный разрыв с Германией»[163].

Выступивший 24 мая в палате общин английский премьер У. Черчилль указал, что «условия, предложенные Россией Румынии... во многих отношениях, если не полностью, были замечательно великодушными»[164], и тем самым дал понять клике Антонеску, что рассчитывать на какие-либо другие условия не приходится.

Но правящие круги фашистской Румынии не вняли этим предупреждениям. Прибывший в Каир 26 мая новый посланец «оппозиции» К. Вишояну, выезд которого из страны был осуществлен с ведома и помощью правительства, фактически повторил румынские условия выхода из войны, изложенные в письме Ю. Маниу от 14 апреля 1944 г. Н. В. Новиков пишет в своих записках: «С его (т. е. Вишояну. — *И. Л.*) ожидавшимся приездом у меня связывались смутные надежды на более трезвый подход «оппозиции» к вопросу о перемирии. Однако ближайшее знакомство с Вишояну и его «дипломатическим багажом», состоявшееся на заседании 27 мая, развеяло эти надежды. Правда, он туманно говорил о создании в ближайшем будущем национально-демократического блока (национал-царанисты, национал-либералы, коммунисты и социал-демократы), целью которого будет свержение диктатуры Антонеску, но при этом добавлял, что основой переворота должна быть высадка в Румынии англо-американского десанта»[165].

Стало очевидным, что при сохранении «оппозицией» прежней точки зрения продолжать переговоры не имело смысла. По инициативе советского представителя 1 июня три союзные державы приняли следующее согласованное решение, которое было объявлено ру-

[163] Известия, 1944, 13.V.
[164] Там же, 25.IV.
[165] *Новиков Н. В.* Указ. соч., с. 227.

мынским эмиссарам: «Ввиду положения, создавшегося в связи с последними телеграммами Маниу, представители трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны и они считают их законченными»[166].

Позиция правительства военно-фашистской Румынии по вопросу о перемирии была изложена в меморандуме, переданном 29 мая румынским посланником в Стокгольме Нану в советское посольство. В этом документе говорилось, что переход Румынии на сторону союзников должен произойти без гражданской войны, а посему германскому командованию необходимо предоставить 15-дневный срок для вывода войск из Румынии, и только в случае его несогласия Румыния окажет Красной Армии помощь в изгнании немецких войск. Далее правители военно-фашистской Румынии настаивали на том, чтобы гражданская администрация сохранилась в их руках и чтобы Красная Армия не вступала на ту часть территории, которая будет считаться резиденцией правительства Антонеску. Они также требовали, чтобы решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине было отложено до мирной конференции[167]. И, наконец, они считали, что и вопрос о репарациях нуждается в тщательном рассмотрении. Условия перемирия, выставленные И. Антонеску, следовательно, не отличались от уже известных условий, выдвинутых Ю. Маниу.

Вручение своего меморандума клика Антонеску приурочила к началу очередных, наиболее сильных атак немецко-румынских войск, предпринятых с целью оттеснить советские войска с территории Румынии, Северной Буковины и правобережных районов Молдавской ССР. 30 мая в районе Ясс фашистское командование бросило в бой десять дивизий, в том числе четыре танковых, поддержанных крупными силами авиации. Надеясь на успех, правительство военно-фашистской Румынии, по-видимому, считало, что наступил тот самый благоприятный момент, который с точки зрения «военных соображений» позволит им диктовать свои условия перемирия.

---

[166] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. 1941—1945. М., 1959, с. 374.

[167] *Hillgruber A.* Op. cit., S. 198.

Но военная акция закончилась провалом. Вначале ценой больших потерь немецко-румынским войскам удалось на несколько километров потеснить части 2-го Украинского фронта. Вскоре, однако, наступление захлебнулось. С 30 мая по 5 июня противник потерял в боях севернее Ясс свыше 27 тыс. солдат и офицеров, более 500 танков и штурмовых орудий, 366 самолетов[168]. Поставленную цель — оттеснить Красную Армию за Днестр — и на сей раз выполнить не удалось. 8 июня на заседании румынского правительства было признано нецелесообразным дальше сохранять губернаторства Бессарабия и Буковина как «самостоятельные административные единицы».

Советское правительство не оставило без ответа меморандум правительства Антонеску. Оно, как и следовало ожидать, решительно отвергло всякие попытки сделать вопрос о советских территориях — Бессарабии и Северной Буковине — объектом какого-либо торга. Вместе с тем оно не исключало путь переговоров по другим вопросам (о репарациях, организации администрации и др.) и предложило направить в Советский Союз румынскую делегацию для переговоров.

Но тут и обнаружился провокационный характер дипломатической акции клики Антонеску. Нану было дано указание продолжать политику проволочек для выигрыша времени. 22 июня он сообщил советскому посольству, что ответ из Бухареста относительно проведения переговоров им якобы еще не получен. Хорошо осведомленный о целях политики румынского правительства А. Крецяну впоследствии писал: «Антонеску никогда не допускал мысли о сепаратном соглашении с Советской Россией. Я полагаю, что он предпринял переговоры в Стокгольме с тем, чтобы в благоприятный момент иметь материал для того, чтобы доказать западным державам, что русские дважды перехитрили их»[169]. Румынский эмиссар фактически признал, что стокгольмские контакты правительство военно-фашистской Румынии стремилось использовать в провокационных целях, чтобы вбить клин между СССР и западными союзниками.

---

[168] *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 65, 66.
[169] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 145.

В начале июня 1944 г. произошло еще одно событие, которое должно было заставить тогдашнее правительство Румынии, как и правительства других сателлитов Германии, действовать решительно: англо-американские войска приступили к осуществлению операции «Оверлорд», начав высадку на побережье Северной Франции. Положение Германии еще больше ухудшилось. Вместе с тем стало очевидно, что надежды правителей стран-сателлитов на вторжение армий западных держав на Балканы маловероятны. Но и после этого румынские фашистские правители не отказались от антисоветского курса. Это проявилось и в продолжавшейся политике грабежа и насилия, проводимой ими на временно оккупированной территории СССР.

На заседании правительства 14 апреля 1944 г. при подведении итогов «эвакуации» материальных ценностей из губернаторств было решено не останавливаться на достигнутом. Отмечалось, что «из Буковины все фабрики были вывезены, из Бессарабии тоже»[170]. Несколько позже, на заседании так называемой «Комиссии по ликвидации дел администрации Транснистрии» бывший руководитель «Военно-гражданского кабинета для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» Влэдэску объявил: «Все, что имела Транснистрия, было вывезено в страну»[171]. В Бухаресте и других румынских городах бойко шла распродажа награбленного.

А в это время немецко-румынские власти на временно-оккупированной территории продолжали грабить и вывозить промышленное оборудование, сельскохозяйственные машины, оборудование школ и больниц, скот, хлеб и др. Только из так называемого Арцизского сельскохозяйственного центра, созданного в начале оккупации для обеспечения обработки земель бывших немецких колонистов в Измаильской области, с 24 апреля по июль 1944 г. было отправлено в Галац (Румыния) 330 вагонов сельскохозяйственных машин и инвентаря (тракторы, комбайны, культиваторы, плуги и т. п.)[172]. Большая часть их в свое время была заве-

---

[170] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 290.

[171] Там же, д. 556, л. 293.

[172] Советский Придунайский край. 1940—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970, с. 223.

зена сюда из губернаторства «Транснистрия». Согласно румынской «Сводной ведомости материальных ценностей, вывезенных государственными учреждениями Бессарабской области...» (а точнее — ее южных уездов) до 25 июня 1944 г., общая стоимость вывезенных в Румынию промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин (1325 единиц, включая 358 тракторов), других орудий (3251 единица), лабораторного, школьного, медицинского оборудования, продовольственных и сельскохозяйственных товаров, мебели и другого составляла 1540 млн. леев. Кроме того, были сконцентрированы на складах и готовились к отправке материальные ценности на сумму 292,8 млн. леев[173].

В эту ведомость не включено то, что вывозили частные собственники: капиталисты, помещики, чиновники и прочие, а также то, что присваивали себе немецкие и румынские войска. У населения реквизировались скот, хлеб, фураж, подводы и др. Как уже отмечалось, румынские фашистские власти вели учет ценностей, награбленных немецкими союзниками на администрированной Румынией территории. После того как фронт установился между Днестром и Карпатами, ими была составлена «Сводная ведомость ущерба, нанесенного германскими и находящимися под их командованием другими войсками до 28 апреля 1944 г.» Согласно этому документу, за месяц гитлеровцы награбили в оккупированных трех уездах Молдавской ССР (Кишиневском, Бендерском, Кагульском), Измаильской области УССР и ряде уездов Румынии продовольственных и сельскохозяйственных товаров на 1556 млн. леев, в том числе в трех уездах МССР — на 1174,8 млн. леев, Измаильской области — на 260,6 млн. леев[174].

Грабеж усиливался с каждым днем. В донесениях местных румынских оккупационных властей приводится множество фактов о бесчинствах гитлеровцев. Румынская администрация усматривала в этих грабежах нарушение «суверенитета» Румынии. Кишиневский жандармский инспекторат докладывал штабу 3-й румынской армии, что в с. Кайнары Бендерского уезда немецкие части «приказали румынским жандармам

---

[173] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1361, л. 10.
[174] Там же, л. 8—11.

произвести перепись скота и зерновых, требуя 50 т кукурузы, 50 т ячменя, 50 голов крупного рогатого скота и 400 овец, угрожая забрать все это силой, если им это не дадут. То же самое потребовали и в Аккерманском уезде»[175].

9 мая 1944 г. начальник жандармского поста с. Гангура Бендерского уезда доносил начальству, что в с. Мисовка немецкие части «без всякого ордера присвоили следующие скот, подводы и зерно: лошадей — 59, коров — 3, телят — 8, овец — 5, ягнят — 40, подвод — 34, упряжек — 23, колес для подвод — 27, пшеничной муки — 3189 кг, кукурузной муки — 1380 кг, пшеницы — 8728 кг, кукурузы — 40 950 кг, птицы — 329 штук, картофеля — 12 500 кг, вина — 46 301 л. Два дома было сожжено и много домов было разобрано»[176].

25 мая 1944 г. в селах Кавказ и Хумулешты 241-й немецкой пехотный батальон отнял у местных жителей 57 голов крупного рогатого скота, 86 овец и пр.[177] В другом донесении сказано, что этот батальон располагает 50 дойными коровами и «не потребляет ничего своего»[178], т. е. полностью живет за счет ограбления местного населения.

Эти грабежи сопровождались, как и летом 1941 г. при наступлении фашистских армий, массовыми расстрелами местных жителей. Так, в начале мая 1944 г. гитлеровцы под видом «эвакуации» населения из прифронтовой полосы стали насильственно выселять из своих домов жителей с. Мынзатешты Корнештского района, отбирая при этом их имущество. Тех, кто отказывался подчиниться или по старости не мог покинуть свой дом, фашисты уничтожали. В доме, принадлежащем крестьянину П. В. Тарке, были заживо сожжены 80-летние старушки Е. И. Молдовану, И. Г. Бедрос и Е. Б. Пресекару. Когда 10 жителей, изгнанных из Мынзатешт, возвратились в село за продуктами, местный комендант эсэсовец Гавцман приказал арестовать их, а затем расстрелять. Всего с 9 мая по 23 июля фашисты уничтожили 34 жителя с. Мын-

[175] Там же, ф. 1761, оп. 3, д. 29, л. 1.
[176] Там же, ф. 1560, оп. 1, д. 10, л. 16.
[177] Там же, л. 74.
[178] Там же, л. 188.

затешты, в том числе 11 женщин и 1 ребенка. Эта же эсэсовская часть расстреливала мирных жителей в селах Новые Негурены, Цигира, Тешкурены, Старые Гресены, Синешты, Новые Богены, Старые Богены, Мирчешты, Новые Зозуляны, Пояна, Гирчешты, местечке Пырлица[179].

Как явствует из материалов судебного процесса над фашистскими военными преступниками, массовые грабежи в Молдавской ССР осуществляли весной и летом 1944 г. в южных районах республики также румынские жандармы и регулярные части[180].

В середине июня 1944 г. в советской прессе было опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в г. Одессе и районах Одесской области[181]. В нем содержались предварительные данные о нанесенном оккупантами ущербе народному хозяйству города и области. В документе подчеркивалась равная ответственность немецких и румынских фашистских властей за совершенные преступления. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии прозвучало как новое грозное предупреждение оккупантам. Но они ему не вняли и с прежним ожесточением творили злодеяния на оккупированной части территории Молдавской ССР и Измаильской области.

Необходимо отметить, что наводнившие Румынию гитлеровские войска, отступавшие под ударами Красной Армии, бесцеремонно относились и к населению союзной страны, подвергая его беззастенчивому грабежу и насилию. И хотя произвол и грабеж, возможно, не принимали здесь таких размеров, как на оккупированной советской территории, тем не менее они дали себя почувствовать, вызвав еще большую ненависть румын к своим «союзникам».

Примария местечка Ватра-Дорней уезда Кымпулунг доносила, что германские войска при отступлении забрали не только все продовольствие и фураж со складов, но и весь скот местных жителей. Такое наблюда-

---

[179] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 16, л. 26—27 об.
[180] См.: Советская Молдавия, 1947, 7—13.XII.
[181] Известия, 1944, 14.VI.

лось во многих селах (Долхаска, Копоу, Куза-Водэ и др.)[182]. Но и румынская военщина не особенно щадила своих сограждан. Перед бегством из с. Биволари власти отняли у местных крестьян 200 лошадей из 360 имевшихся в селе, лишив жителей в преддверии весеннего сева тягловой силы[183].

На заседании правительства 14 апреля 1944 г. сам кондукэтор вынужден был признать, что «отступающие колонны немецких войск, которые совершенно отбились от рук, совершают поступки, трудно переносимые даже самым крепким человеком»[184]. Генерал Арборе, государственный субсекретарь по снабжению, на заседании правительства 29 апреля 1944 г. жаловался, что немецкая армия полностью живет за счет эксплуатации Румынии, что «она сосет с трех сторон»: грабит местное население, снабжается за счет румынских гарнизонов, пользуется материальными ценностями со складов снабженческо-заготовительной гражданской организации ИНКООП. «Если нынешняя ситуация будет продолжаться, страна понесет большой ущерб»[185], — заключал государственный субсекретарь по снабжению. Согласно сводным данным румынских властей, немецким фронтовым и прифронтовым частям и соединениям было отпущено с апреля по июнь 1944 г. через румынские армейские склады, интендантские службы и органы ИНКООП продовольственных и сельскохозяйственных товаров на сумму 3 160 952 435 леев[186]. Естественно, что большую часть этих товаров румынские власти сами награбили на временно оккупированной советской территории.

С каждым днем гитлеровцы выставляли своим румынским союзникам все новые требования по увеличению «вклада» в антисоветскую войну. В апреле 1944 г. руководитель экономического управления германского МИД Клодиус, находясь в Бухаресте, сообщил М. Антонеску, что в создавшейся обстановке германо-румынский торгово-экономический договор о взаимных

---

[182] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 883, л. 166, 168; Graiul liber, 1944, 19.VI.
[183] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 124, л. 42 об.
[184] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 256.
[185] Там же, д. 600, л. 19.
[186] Там же, д. 1361, л. 2.

поставках и расчетах, подписанный 9 февраля 1944 г., уже не удовлетворяет Германию. Как доложил на заседании правительства 29 апреля румынский вице-премьер, Клодиус заявил ему, что Румыния должна продолжать экспортировать в Германию предусмотренные договорами товары, не рассчитывая при этом получить что-либо взамен, кроме вооружения. Кстати, к указанному времени клиринговая задолженность Германии своему союзнику равнялась .640 млн. немецких марок, что в переводе на румынскую валюту составляло 38,4 млрд. леев. Причем эта задолженность образовалась при неэквивалентном обмене между сторонами. В то время как за период с 1939 по 1944 г. цены на немецкие товары, экспортируемые в Румынию, возросли на 614%, цены на румынские товары увеличились всего на 123%[187]. Согласно расчетам румынских исследователей, «по неполным данным» сумма ущерба, нанесенного народному хозяйству Румынии в результате навязанных ей гитлеровцами невыгодных финансово-экономических условий (неэквивалентный обмен, система цен, соотношение марки и лея, освобождение немцев от уплаты пошлины и налогов, льготные тарифы на пользование транспортом и связью и др.), равнялась «62 459 579 694 леям по курсу 1938 г., или свыше 446 млн. долларов по курсу 1938 г.»[188]

Когда М. Антонеску, ссылаясь на тяжелое экономическое положение страны, заикнулся насчет хотя бы частичной оплаты стоимости румынских товаров золотом или ценными бумагами, Клодиус ответил, что в тот момент, когда «немецкие солдаты защищают Румынию», трудно рассчитывать, чтобы фюрер с пониманием отнесся к таким просьбам. Более того, гитлеровский эмиссар потребовал, чтобы Румыния в мае—сентябре 1944 г. дополнительно выделила 55 млрд. леев на содержание немецких войск в Румынии численностью 900 тыс. солдат и офицеров, предоставила другие льготы, в частности, снизила для вермахта на 50% тарифы за пользование румынской телефонной сетью и т. д.[189] Как всегда, гитлеровцы настаивали на увеличении по-

---

[187] *Попеску-Пуцурь И.* и др. Румыния во второй мировой войне. Бухарест, 1964, с. 115.

[188] Там же, с. 119.

[189] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 600, л. 4—9, 13, 14.

ставок нефти, не считаясь ни с какими национальными интересами своего союзника. Из румынских документов явствует, что за пять месяцев 1944 г. в стране было добыто 1739 тыс. т нефти, из которых 1 млн. т был отпущен Германии[190].

В мае румынского кондукэтора посетили новый командующий немецкой группы армий «Южная Украина» Шернер и генерал Беккер. Они, как и Клодиус, поставили вопрос о том, чтобы правительство Антонеску целиком взяло на себя снабжение немецких войск в Румынии, а также выделило все необходимые материалы для организации противовоздушной обороны Плоешти.

Вслед за этим, 24 мая 1944 г., состоялась секретная беседа И. Антонеску с Киллингером. Последний прямо заявил, что Румыния должна обеспечить снабжение войск вермахта буквально всем — «от коробки спичек и пакета папирос до повседневной пищи», чтобы высвободить транспорт для снабжения фронта вооружением и боеприпасами. Он подчеркнул, что всякие оговорки вроде того, что эти огромные расходы приводят к обесцениванию румынской валюты и инфляции, не могут быть приняты во внимание в создавшейся ситуации. Киллингер обрушился с критикой на М. Антонеску, руководителей Министерства финансов и Национального банка, которые в переговорах с Германией выдвигали подобные причины. Он объявил это «скрытым саботажем фронта», стремлением предстать перед общественным мнением в качестве патриотов и требовал, чтобы румынский маршал «всем своим авторитетом». заставил Национальный банк выделить новые кредиты для военной промышленности, дав понять, что в противном случае квалифицированные рабочие Румынии, которые якобы жаловались немецкому посольству в Бухаресте на мизерные заработки, будут отправлены в Германию[191].

Нельзя сказать, что румынское фашистское правительство не отдавало себе отчета в том, что страна находится на грани не только военного, но и финансо-

---

[190] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Variaţia producţiei de ţiţei, a consumului intern, exportului de produse petrolifere de la 1940—1944.

[191] Там же. Convorbireadin 24 Mai 1944 cu d-l ministru Killinger.

во-экономического краха. Вследствие проведения восточной политики были растрачены все ресурсы страны. С марта 1939 г. до 30 апреля 1944 г., согласно сведениям, представленным И. Антонеску, прямые военные расходы на проведение этой политики только по линии Министерства обороны составляли 436,5 млрд. леев, в том числе 311,2 млрд. леев за 22 месяца антисоветской войны[192]. Эти данные не включают миллиарды леев, потраченных на содержание немецких войск в Румынии, расходы на организацию противовоздушной обороны нефтяного района, инвестиции на развитие военной промышленности, сделанные по требованию гитлеровцев, затраты на строительство, ремонт и перестройку железных и шоссейных дорог, строительство складов и др.

С наводнением страны отступающими немецкими войсками военные расходы настолько возросли и казна настолько оскудела, что не хватало денег на выплату зарплаты государственным служащим. На заседании правительства 10 апреля 1944 г. М. Антонеску просил министра финансов Г. Нетта приложить все усилия и найти средства, чтобы в дни пасхальных праздников для поднятия духа государственного аппарата выплатить хотя бы часть зарплаты. Последний ответил, что нечем платить не только служащим, но и рабочим государственных предприятий, связанных с выполнением заказов для армии. Член правительства Вулкэнеску доложил, что Национальный банк с трудом предоставил кредит в 7 млрд. леев, дабы «в этом хаосе было впечатление, что правительство на посту»[193].

Неудержимо росла инфляция. Цены на промышленные и продовольственные товары стали баснословными. За 5 лет — с августа 1939 до августа 1944 г. — при росте зарплаты в 2,75 раза цены на предметы первой необходимости возросли в 13,9 раза. Покупательная способность рабочих и служащих снизилась более чем в 5 раз[194]. Рынок был полностью во власти спекулян-

---

[192] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Cheltueli efectuate de MAN pentru a face faţă pericolului războiului începînd din 1935 până la 30.IV 1944. Situaţia întocmită din ordinul d-lui M-l Antonescu.

[193] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 29, 30.

[194] Studii, 1959, № 4, p. 122.

тов. Рабочие голодали, а по законам военного времени они должны были работать по 12—14 часов в сутки. Как явствует из донесений румынских карательных органов, рабочим шахт в Бая-Ноуэ уезда Северин не выплачивалась зарплата с 1 января по 14 апреля 1944 г., в г. Медиаше на стекольном заводе рабочие не могли обеспечить свое существование, в Брашове положение рабочих «плачевное» и т. д. Около 30% заработка отнималось у трудящихся под видом различных налогов, сборов, военного займа[195]. В деревне из-за массовой мобилизации в армию и на оборонные работы остались необработанными и незасеянными большие земельные площади. По сравнению с 1941 г. весной 1944 г. было засеяно озимой пшеницей на 50% меньше площадей, кукурузой — в 3 раза, а ячменем — в 4 раза меньше[196]. Налицо был один из главных признаков революционной ситуации: обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов[197].

Много горя приносили стране, особенно населению Бухареста, Плоешти, Турну Северина и других населенных пунктов, налеты английской и американской авиации. Ущерб от них нарастал с каждым днем. Только в течение апреля—мая 1944 г. в Бухаресте было полностью уничтожено 6377 административных и жилых зданий (21%), в Плоешти полностью разрушено 1445 (9%) и частично 3084 (19%) дома, в Турну Северине — соответственно 283 (8,16%) и 475 (14,1%) домов[198].

Большой ущерб был нанесен нефтяной и другим отраслям промышленности, железнодорожному транспорту. Сумма ущерба в нефтяной промышленности достигла 22,6 млрд. руб., в том числе 19,7 млрд. составляла стоимость уничтоженных производственных объектов, 2,9 млрд. — стоимость сгоревшей готовой продукции[199]. По сравнению с июлем 1941 г. в июле 1944 г. производственная мощность нефтеочистительных пред-

---

195 Там же, с. 149.

196 Там же, с. 148—149.

197 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

198 ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia distrugerilor provocate la Bucureşti şi alte oraşe în Aprilie—Mai 1944.

199 Там же. Valoarea pierderilor în industria petroliferă în urma bombardamentelor aeriene 1941—1944.

приятий снизилась на 79%[200]. Ущерб, нанесенный бомбардировками военной промышленности (кроме нефтяной), был оценен в 9,4 млрд. леев. В результате налетов авиации были выведены из строя 9004 железнодорожных вагона (в том числе 2777 полностью уничтожены), 256 км железнодорожных путей, 180 паровозов и др. Сумма ущерба, нанесенного только государственной собственности, составляла 33 728,8 млн. леев[201].

На первый взгляд можно сделать вывод, что в результате этих бомбардировок урон наносился не только румынскому народному хозяйству, но и английским и американским капиталистам — владельцам предприятий в нефтяной, металлургической и других отраслях промышленности Румынии. Однако английские и американские политики не сомневались, что им удастся возместить этот ущерб путем взыскания репараций с Румынии. Притом они полагали, что, чем больше будет разрушений и чем больше хозяйственно-экономических трудностей в будущем будет ощущать страна, тем вероятнее, что для их ликвидации она вынуждена будет обратиться за помощью к Западу.

Нельзя не заметить в разрушительных налетах английской и американской авиации на промышленные и транспортные объекты Румынии и антисоветскую подоплеку. Западные союзники явно «заботились» о том, чтобы в случае нового прорыва немецкого фронта Красная Армия испытывала транспортные трудности на дорогах Румынии и не могла воспользоваться в полной мере румынской нефтью для заправки самолетов и моторизованных частей.

Хаос и паника нарастали с каждым днем в Румынии. Турецкая газета «Тан» писала в корреспонденции из Бухареста: «Волнение и беспокойство в Румынии достигли крайнего предела. Страна охвачена паникой»[202]. Зажиточные слои населения и должностные лица начали лихорадочно не только переправлять свое имущество, но и сами покидать столицу и прифронтовые города. Многие высокопоставленные чиновники,

---

[200] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Valoarea pagubelor provocate de bombardamentele aviaţiei inamice.

[201] Там же.

[202] Цит. по газ.: Известия, 1944, 14.IV.

капиталисты, помещики, чтобы избежать ответственности за проводимую ими антинациональную политику, готовились к бегству за границу и скупали за большие суммы всякие драгоценности. 14 апреля на заседании правительства И. Антонеску распорядился, чтобы «администрация, фискальные органы, жандармерия и т. д. покидали село, населенный пункт только тогда, когда противник занял часть его»[203]. Появились приказы о том, что к должностным лицам, «самовольно покидавшим город», будут применены репрессивные меры, что лица, виновные в уклонении от службы во вспомогательных командах ПВО, будут заключаться в концентрационные лагеря и подвергаться большим штрафам. Аппарат военно-фашистской диктатуры Антонеску давал глубокие трещины. Стала очевидна «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменнном виде свое господство...»[204] Сам кондукэтор на заседании правительства 22 апреля 1944 г. признал: «Мы переживаем период кризиса». Главной опорой его режима стала хозяйничающая в стране немецко-фашистская армия.

Всей внутренней и внешней политикой правительство Антонеску доказало, что оно зашло в отношениях с фашистской Германией так далеко, что перестало быть хозяином в своей стране и неспособно на самостоятельные шаги. Как отмечалось в первомайском 1944 г. приказе Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, трудно было рассчитывать на то, что правительство фашистской Румынии, как и правительства Венгрии, Финляндии и Болгарии, «способно порвать с немцами». «Надо полагать, — говорилось в приказе, — что народам этих стран придется самим взять в свои руки дело своего освобождения от немецкого ига»[205].

В Румынии события в стране и армии развивались именно в таком направлении. «Антинациональная политика, проводимая монархо-фашистской диктатурой, ограбление страны Германией, — отмечал Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску в речи, посвященной 30-летию освобождения Румынии, — соз-

[203] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 263.
[204] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.
[205] Правда, 1944, 1.V.

дали особо тяжелое положение в румынской экономике, вызвали в то же время мощную волну всеобщего недовольства против правительства Антонеску и гитлеризма. Все сильнее выкристаллизовывалась в сознании народных масс настоятельная необходимость поднятия на борьбу за пресечение гибельного хода исторических событий, в которые была вовлечена Румыния, против подлинного врага наших национальных интересов — фашистской Германии»[206].

Под руководством коммунистов трудящиеся и солдатские массы с каждым днем усиливали борьбу за выход из войны, свержение диктатуры Антонеску и изгнание немецко-фашистских оккупантов из страны. Несмотря на то, что власть государственного аппарата правительства Антонеску в значительной мере была подорвана, однако предстояла еще трудная и сложная борьба. Чувствуя поддержку многотысячной немецкой армии, румынские фашистские власти обрушили на трудящихся град репрессий. Жестоко подавлялись, особенно в армии, всякие призывы к миру, к саботажу военных и хозяйственных мероприятий правительства, малейшие проявления антивоенных и антифашистских настроений. 17 апреля 1944 г. был разослан за подписью И. Антонеску очередной приказ о принятии самых суровых мер по отношению к солдатам, прибегающим к самострелам, чтобы избежать участия в боях. Командир 1-й охранной дивизии генерал Р. Никулеску-Кочиу распорядился без наличия акта, фиксирующего в каждом отдельном случае обстоятельства ранения, запретить «независимо от степени ранения» отправлять солдат в тыловой госпиталь[207]. Командование 4-й румынской армии специальным приказом предупреждало личный состав, что «все имущество семейств военнослужащих, которые перейдут на сторону противника, будет конфисковано, а пойманные будут расстреляны»[208].

Жестокие репрессии сочетались с усиленной антикоммунистической и антисоветской агитацией. Пропагандистский аппарат военно-фашистской диктатуры

---

[206] *Чаушеску Н.* Румыния на пути построения всесторонне развитого социалистического общества. Доклады, речи, статьи, т. 10. Бухарест, 1976, с. 611.

[207] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 247.

[208] Там же, л. 246, 247.

прибегал к беззастенчивой лжи и различным ухищрениям, чтобы заставить румынский народ и армию продолжать войну. Утверждалось, что, мол, Советское правительство не только требует возвращения Бессарабии и Северной Буковины, но и претендует на Добруджу и Запрутскую Молдову, добивается посылки в СССР одного миллиона румын сроком на 20 лет для восстановления разрушенного хозяйства, что размер репараций в несколько раз будет превышать стоимость годовой национальной продукции страны[209]. О декларации Советского правительства от 2 апреля 1944 г., его согласии на аннулирование решений венского «арбитража» и обещанной помощи румынской армии в изгнании немецко-фашистских захватчиков солдатам ничего не было сказано.

Если осенью 1942 г. фашистский пропагандистский аппарат твердил, что лучше «защищать» Румынию на Волге и в предгорьях Кавказа, то сейчас идеологические наставники румынской армии старались убедить своих подопечных в том, что война на собственной территории имеет преимущество, так как армия ближе к базам снабжения, в то время как «коммуникации русских удлиняются»[210]. Офицеры уверяли солдат, что силы вермахта еще достаточно велики, чтобы «защитить» Румынию, и в скором времени советские войска будут отброшены за Днестр[211]. Крепко связанная с гитлеровской Германией, клика Антонеску искала спасения в тотальной войне. «...Я отдам приказ, — заявил И. Антонеску на заседании правительства 6 мая 1944 г., — о мобилизации всей нации. Мы переживаем тотальную войну, и, если солдату приходится умирать на фронте, не должен щадить своей жизни оставшийся в тылу...»[212]

Однако ни тотальная мобилизация, ни репрессии, ни лживая пропаганда не могли уже предотвратить надвигавшегося краха диктатуры Антонеску. Борьба против предательской фашистской клики и немецких оккупантов нарастала с каждым днем. В связи с развертыванием военных действий на территории Румынии Ком-

[209] Там же, ф. 243, оп. 2914, д. 224, л. 193.
[210] Там же, ф. 240, оп. 2772, д. 128, л. 171.
[211] Там же, д. 130, л. 109.
[212] Цит. по кн.: *Купша И.* и др. Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 г. — 9 мая 1945 г.). М., 1959, с. 38. Перевод с румынского.

партия этой страны получила более благоприятные возможности для работы среди не только тыловых, но и фронтовых частей. Как докладывали органы контрразведки диктатуры Антонеску, Компартия дала указания низовым организациям поддерживать связь с мобилизованными в армию коммунистами, а последним — вести среди рекрутов интенсивную пропаганду против войны[213]. Жандармские органы доводили до сведения начальства, что Компартия призывает не подчиняться приказам властей, «уклоняться от воинской повинности»[214]. Коммунисты призывали военнослужащих перейти к вооруженной борьбе против гитлеровских оккупантов, создавать партизанские отряды. «Солдаты и офицеры, — говорилось в листовке Банатского областного комитета КПР, — уклоняйтесь от отправки на фронт, дезертируйте с оружием в руках и создавайте в горах и лесах партизанские отряды, нападайте на гарнизоны и склады гитлеровцев». Командир 3-го полка доробанцев жаловался, что имеются солдаты, которые «выражали желание заключить с русскими мир и повернуть оружие против немцев, чтобы изгнать их из страны»[215].

Большую работу проводили коммунисты по дальнейшему претворению в жизнь решений партии (август 1943 г.) о создании в армии подпольных патриотических групп. В направлении привлечения армии на сторону революционно-патриотических сил действуют также организации Фронта земледельцев, Союза патриотов и др. Патриотические группы возникают в военных частях и соединениях (технического обслуживания, связи и др.), где преобладали выходцы из рабочего класса. Деятельность патриотических групп, в состав которых входили не только солдаты, но и прогрессивно настроенные офицеры и унтерофицеры, становилась многограннее. Наряду с проведением антивоенной пропаганды патриотические группы, работавшие под руководством местных партийных организаций, создавали тайные склады оружия, чтобы в нужный момент пе-

---

[213] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Activitatea Partidului Comunist în armată. 1921—1944. Bucureşti, 1974, p. 233.

[214] ЦГА МССР, ф. 1761, оп. 3, д. 29, л. 38.

[215] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Op. cit., p. 233.

рейти к вооруженной борьбе против гитлеровцев[216].

Большую разъяснительную работу среди румынских войск на фронте продолжали проводить политорганы 2-го и 3-го Украинских фронтов. Их деятельность была направлена в первую очередь на ознакомление солдат и офицеров с заявлением Советского правительства от 2 апреля 1944 г., воззванием Военного Совета 2-го Украинского фронта к румынскому народу, разоблачение небылиц фашистской пропаганды о целях СССР, поведении Красной Армии на румынской территории. Через листовки и рупорные передачи политработники Красной Армии доводили до сознания румынских солдат, что поражение Германии и ее союзников неминуемо и сопротивление бессмысленно, оно лишь приведет к лишним человеческим жертвам. Только политуправлением 3-го Украинского фронта с апреля по июнь 1944 г. было издано на румынском языке и разбросано среди румынских войск на фронте 44 названия листовок общим тиражом 1907 тыс. экземпляров, в июле — 18 текстов листовок в количестве 972 тыс. экземпляров. Кроме того, политотделами армий фронта было издано 10 названий листовок на румынском языке[217].

Большое воздействие на румынских солдат по-прежнему имели рупорные передачи, устраиваемые прямо на линии фронта. К участию в них все больше привлекались румынские патриоты-антифашисты. По приказу Военного Совета 3-го Украинского фронта от 29 апреля 1944 г. при антифашистской школе военнопленных политуправлением было создано специальное румынское отделение в количестве 15 слушателей[218]. Только на участке 4-й гвардейской армии весной и летом 1944 г. было проведено 27 530 рупорных передач, в том числе 13 044 — с участием румынских антифашистов[219]. Последние имели особенно большое влияние на войска противника. На участке 29-го полка 38-й стрелковой дивизии после серии передач, проведенных с участием румынского антифашиста, несколько румынских солдат и два офицера подошли к заграждению и вели пе-

---

216 Там же, с. 224—231.
217 ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 232, л. 170, 222.
218 Там же, ф. 240, оп. 2772, д. 232, л. 167.
219 Там же, л. 15.

реговоры с советскими командирами об условиях перехода на сторону Красной Армии[220].

Особое внимание политорганы уделяли разъяснительной работе среди солдат — уроженцев Бессарабии и Северной Буковины, насильственно мобилизованных в румынскую армию. В специально выпущенных для них листовках («К бессарабцам» и др.), в рупорных передачах всегда подчеркивалось, что они являются гражданами СССР и Советская Родина ждет от них решительной борьбы против фашистских захватчиков.

В политдонесениях частей и соединений 2-го и 3-го Украинских фронтов приводится множество фактов перехода солдат-бессарабцев в одиночку и группами на сторону Красной Армии после очередных прослушиваний советских рупорных передач. Перебежчики рассказывали о нежелании бессарабцев воевать против Красной Армии, их массовом дезертирстве из румынской армии, плохом отношении к ним офицеров, которые обвиняют бессарабцев в том, что «они пропитаны духом большевизма», и подвергают их телесным наказаниям, когда узнают, что кто-то из них восхищался успехами Красной Армии или в узком кругу пел любимую советскую песню. Как показывали перебежчики, среди румынских солдат и младших чинов было много таких, которые, желая скорейшего окончания войны, с пониманием относились к настроениям солдат из Бессарабии и Северной Буковины и сами ждали прихода Красной Армии[221].

В связи с массовым переходом на сторону Красной Армии мобилизованных в румынскую армию бессарабцев и буковинцев еще в апреле 1944 г. во многих частях и соединениях были изданы приказы о переводе их в обозы и подразделения обслуживания[222], а в ночь с 4 на 5 июня, как сообщали органы ССИ, в соответствии с приказом генштаба с первой линии обороны бессарабцы были сняты повсеместно[223]. Но и отправленные в тыловые части, бессарабцы доставляли много хлопот немецко-румынскому комадованию. На оккупи-

---

220 ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 19, л. 28, 30.

221 Там же, ф. 243, оп. 2914, д. 232, л. 137, 175; д. 243, л. 36 и др.

222 Там же, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 246.

223 ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota contrainformativă. 27.VI 1944.

рованной территории правобережной Молдавии насильственно мобилизованные молдаване, став свидетелями насилий над своими соотечественниками и ограбления их, обращали оружие против фашистских поработителей. Так, например, 21 мая недалеко от Старанешт произошло вооруженное столкновение между гитлеровцами и солдатами-бессарабцами, увидевшими, как немцы забирали имущество из домов местных жителей. Солдаты-бессарабцы вступились за них, заявив: «Мы не допустим у себя на родине так поступать с населением...»[224] В результате перестрелки 6 немецких солдат были ранены.

Много бессарабцев и буковинцев покидало румынские части и уходило к партизанам. Один из тайных агентов сигуранцы докладывал Кишиневскому областному инспекторату полиции 31 июля 1944 г.: «...в связи с раскрытием партизанских банд установлено, что большинство членов этих банд составляют бессарабцы, уклоняющиеся от мобилизации, и дезертиры из армии»[225].

Многие жители Молдавской ССР и Измаильской области, не желая служить оккупантам и чтобы избежать мобилизации в румынскую армию, переправлялись через линию фронта в расположение советских войск. «За последние дни, — сказано в одном из майских политдонесений 3-го Украинского фронта, — на участке 46-й армии[226] перебежали 11 жителей из сел, находящихся на правом берегу Днестра». Они сообщили, что «население прячется от насильственной мобилизации и с нетерпением ожидает Красную Армию»[227]. Сам губернатор Бессарабии генерал О. Ставрат в отчете за 1 июня 1944 г. признал, что из числа мобилизованных «сами явились на призывной пункт от 2 до 10%, были пойманы и отправлены жандармами в воинские части 36—38%»[228]. Остальные, надо понимать, скрылись от мобилизации. Но и отправленные под конвоем мобилизованные советские граждане, как явствует из документов оккупационных властей, в пути покидали

[224] Там же, ф. 243, оп. 2914, д. 224, л. 124.
[225] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4765, л. 207.
[226] 46-я армия держала оборону в нижнем течении Днестра.
[227] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 224, л. 126.
[228] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 883, л. 135—136.

колонны, прятались у местных жителей, в лесах, а попав на фронт, даже из обозов умудрялись переходить на сторону Красной Армии. «Солдаты-бессарабцы в течение июля—августа, — читаем в одном из документов политуправления 3-го Украинского фронта, — ежедневно перебегали на нашу сторону, несмотря на то, что это было нелегко сделать ввиду ширины лимана и минных заграждений на плацдармах»[229]. Попытки правителей военно-фашистской Румынии заставить их воевать против Красной Армии оказались тщетными.

Не оправдались и расчеты клики Антонеску на то, что румынский солдат «на все сто процентов будет сражаться», когда речь зайдет о защите своей страны. Под влиянием разъяснительной работы КПР и политорганов Красной Армии антивоенные и антифашистские настроения среди румынских солдат и офицеров нарастали с каждым днем. Дезертирство, переход на сторону Красной Армии разъедали румынскую армию. Командующий немецкой группой армий «Южная Украина» Г. Фриснер, сменивший на этом посту в конце июня 1944 г. генерал-полковника Шернера, писал, что такие переходы стали «повседневным явлением»[230]. Из документов войск 2-го и 3-го Украинских фронтов явствует, что особенно частыми стали групповые сдачи в плен во главе с младшими командирами[231]. В районе севернее Ясс через линию фронта перешли сразу 130 солдат 3-й пехотной дивизии[232]. Как отмечается в информационной сводке политуправления 2-го Украинского фронта за 4—5 июня 1944 г., велико было количество перебежчиков из числа солдат — уроженцев освобожденных Красной Армией северо-восточных районов Румынии[233].

Многие румынские солдаты дезертировали еще на пути к фронту. Так, из 80 солдат, направленных из г. Лугож в г. Яссы, по дороге сбежало 35 человек[234]. Дезертиры часто уходили вместе с личным оружием в

---

[229] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 237, л. 185.

[230] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966, с. 57. Перевод с немецкого.

[231] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 244; д. 129, л. 15, 16, 62 и др.

[232] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 8, с. 103.

[233] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 130, л. 19.

[234] Там же, л. 95.

леса, оказывая сопротивление жандармским и полицейским карательным отрядам.

Тысячи военнообязанных, призванных в армию, не прибывали в свои части. Г. Фриснер пишет, что проводимая в Румынии тотальная мобилизация являлась «волевым решением Антонеску» и осуществлялась «не в результате всенародного подъема, а под нажимом сверху»[235]. В рапорте одной из воинских частей отмечалось на этот счет, что, несмотря на все приказы генштаба об ускорении мобилизации, «лишь небольшое число призванных явилось в свои казармы, хотя жандармские органы всех отправили в части, к которым они приписаны». В другом документе военных властей сказано, что мобилизованные «заявляют о своем нежелании больше отправляться на Восток». Только в июле 1944 г. дезертировало 6 тыс. солдат и 2 тыс. офицеров. И это несмотря на суровые меры наказания и смертные приговоры. За январь—июнь 1944 г. были осуждены за дезертирство из тыловых частей 15 483 человека[236]. Как сообщали жандармские органы, в уездах Текуч, Рымникул-Сарат, Бузэу, Тутова, Галац от мобилизации скрывались и допризывники[237].

Бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх, касаясь морального состояния румынской армии весной и летом 1944 г., отмечает, что после цепи поражений «теперь румынские войска не могли воодушевить даже идеи защиты Родины и сознание необходимости выполнить свой долг. Так же мало привлекал большинство солдат и лозунг борьбы против большевизма. Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял всякую популярность»[238]. В результате проведенного опроса 28 июля 1944 г. румынский генштаб установил, что ни солдаты, ни офицеры не желают больше сражаться на стороне гитлеровцев. Большинство командиров полков заявило, что полагаться на свои части они не могут[239].

---

[235] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 49.

[236] *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Op. cit., p. 194, 195; Studii, 1969, № 4, p. 649.

[237] ЦГА МССР, ф. 1761, оп. 3, д. 29, л. 38.

[238] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 462.

[239] România în războiul antihitlerist. Bucureşti, 1966, p. 44—45.

Перешедшие на сторону Красной Армии румынские солдаты, как отмечается в одном из документов политуправления 3-го Украинского фронта, сообщили, что «немало солдат пошло бы охотно воевать против немцев»[240]. Даже среди генералов, ранее активно поддерживавших агрессивную антисоветскую войну, многие стали мечтать о ее быстром окончании. Румынская армия, являвшаяся еще не так давно важнейшим орудием господства диктатуры Антонеску, перестала быть ее надежной опорой.

Успешное наступление Красной Армии, ее вступление на территорию Румынии, крах попыток немецко-румынского командования оттеснить советские войска за Днестр, надвигавшаяся экономическая катастрофа[241] усилили страх и разброд среди правящей верхушки, обострили кризис социально-политической системы Румынии. Государственный аппарат военно-фашистской диктатуры трещал по всем швам. Многие руководящие чиновники, в том числе полиции и других карательных органов, боясь расплаты за поддержание режима террора и репрессий, старались заблаговременно скрыться. На заседании правительства 23 мая 1944 г. И. Антонеску признал, что в стране царит полнейший хаос, что в прифронтовой полосе большинство высших должностных лиц, включая генерала Драгалину — губернатора Буковины, сбежали, «покинув свои посты». Спустя месяц на очередном заседании своего кабинета кондукэтор, докладывая о впечатлениях после очередной поездки по стране, отметил, что хаос и дезорганизация в государственном аппарате возросли, и заключил: «Я видел, как страна ускользает из моих рук и как с каждым моментом назревает катастрофа»[242]. Стало явью, что не только «низы не хотели», но и «верхи не могли» жить по-старому. Даже послушные режиму органы буржуазной прессы стали, пусть и робко, высказывать критику в адрес правительства. В начале

[240] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 223, л. 260.

[241] На заседании румынского правительства 6 мая 1944 г. министр финансов Г. Нетта говорил о «полном финансовом крахе», государственный субсекретарь труда И. Д. Енеску — о резком падении промышленного производства и т. д.

[242] *Ливяну В., Русенеску М., Удря Т., Чимпонериу Е.* Из хроники исторических дней. 1 мая 1944 г. — 6 марта 1945 г. (далее: Из хроники исторических дней...). Бухарест, 1974, с. 29, 47.

апреля 66 деятелей науки и культуры обратились к И. Антонеску с письмом, требуя немедленного выхода из войны.

Не полагаясь на свой государственный аппарат, клика Антонеску попала в еще бóльшую зависимость от хозяйничавших в стране гитлеровцев. Возмущаясь в узком кругу их грабежами и насилием, она в то же время безропотно выполняла их всевозрастающие требования, безмолвно наблюдала, как повсеместно насаждались агенты СС, гестапо и абвера, увеличивались ряды вооруженных отрядов немецкого меньшинства в Румынии.

* * *

Правильно оценив обстановку в стране, Коммунистическая партия Румынии, особенно после смены в начале апреля 1944 г. старого руководства, резко активизировала свою деятельность по мобилизации трудящихся на борьбу за свержение диктатуры, изгнание немецких войск и выход из войны. Важнейшим условием достижения успеха КПР по-прежнему считала объединение всех антифашистских сил на основе создания в первую очередь единого рабочего фронта. Как уже отмечалось, долгое время правые лидеры социал-демократов, заигрывавшие с верхушкой национал-царанистской партии, под различными предлогами отвергали настойчивые предложения Компартии об объединении усилий. Сложившаяся весной 1944 г. обстановка, в первую очередь выход на территорию северо-восточных районов Румынии Красной Армии, заставила социал-демократов изменить свою позицию. Они не могли не учитывать и существенных сдвигов, происшедших в самом рабочем классе, а именно роста его революционной сознательности и влияния в его рядах коммунистов. Пройдя через тяжелые испытания войны и фашистской диктатуры, рабочие жаждали мира, глубоких социальных, демократических перемен.

Эти изменения в рабочем классе не остались незамеченными и секретными службами фашистского правительства. ССИ сообщала И. Антонеску, что «значительная часть рабочих, даже те, которые никогда не имели контактов с коммунистической идеологией... с

удовлетворением встретили бы свержение нынешнего социального устройства»[243]. На многих предприятиях весной 1944 г. создаются революционные комитеты из коммунистов, социал-демократов и беспартийных, иными словами, складывается единый рабочий фронт снизу. В самом руководстве социал-демократической партии Румынии под давлением масс усиливается влияние левого крыла. Все это вместе взятое обеспечило переговорам, проводившимся в апреле 1944 г. между руководителями КПР и социал-демократов, положительный исход. Было достигнуто соглашение о создании Единого рабочего фронта (ЕРФ).

Платформа фронта была изложена в специальной листовке «Ко всему рабочему классу! К румынскому народу!»[244], оглашенной в день международного праздника трудящихся 1 Мая.

Известив трудящихся о создании Единого рабочего фронта, манифест призывал «всех рабочих, весь румынский народ, все классы и социальные слои, все партии и организации независимо от политической окраски, религиозных верований и социальной принадлежности к решительной борьбе за немедленный мир, свержение правительства Антонеску и создание национального правительства из представителей всех антигитлеровских сил, изгнание гитлеровских армий, к саботажу и разрушению германской военной машины, к поддержке Красной Армии-освободительницы, к союзу с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами, к борьбе за свободную, независимую и демократическую Румынию».

Манифест определял неотложные экономические требования рабочего класса, вызванные его тяжелым положением: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы до уровня выросших цен, обеспечение права объединяться в профсоюзы и политические организации, свободу слова и печати, освобождение политзаключенных, рабочий контроль за социальным обеспечением, бесплатные школы и больницы и др.

В манифесте не выдвигалось требование свержения буржуазии и установления нового общественного строя.

---

[243] Studii, 1969, № 4, p. 646.

[244] Documente din istoria Partidului comunist din România, ed. a 2-a. Bucureşti, 1953, p. 380.

Такие лозунги не соответствовали бы конкретно-историческим условиям Румынии того периода. «Платформа ЕРФ, — справедливо отмечает Н. И. Лебедев, — отвечала выработанной коммунистами линии на создание единого национального фронта борьбы против гитлеризма. И хотя Единый рабочий фронт был создан двумя партиями для решения ограниченного круга вопросов, а сами эти партии сохранили свою идеологическую и организационную самостоятельность, значение этого события трудно переоценить»[245].

Манифест ЕРФ вооружил рабочий класс Румынии программой борьбы за решение насущных и неотложных задач страны. В нем нашли отражение основные на том этапе политические требования и тактические установки КПР. Большое политическое значение имело четкое определение в манифесте отношения двух партий и рабочего класса к Красной Армии. В то время как вся румынская реакция, включая НЦП и НЛП, старалась внушить румынскому народу, что советские войска вступили на территорию Румынии как захватчики и поработители и что залогом ее свободы может явиться только присутствие здесь английских и американских дивизий, в манифесте Красная Армия характеризуется как армия-освободительница. В листовке КПР «К румынскому народу», также приуроченной ко дню 1 Мая, говорилось: «Румынский народ! Встречайте Красную Армию с доверием, как армию-освободительницу и спасительницу. Помогайте ей всеми средствами и всеми силами»[246].

Если буржуазные партии всячески старались изолировать Компартию, осуществить перемены без участия масс, добиться выхода из войны с согласия Берлина, не вступая в вооруженный конфликт с гитлеровцами, то манифест ориентировал трудящихся на вооруженную борьбу против предательской фашистской клики и германских оккупантов как на единственную в то время возможность предотвратить катастрофу, призывал их к саботажу правительственных мероприятий, созданию партизанских отрядов, активному участию в войне на стороне антигитлеровской коалиции.

---

[245] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 465.

[246] Documente din istoria Partidului comunist din România, ed. a 2-a, p. 375.

Продолжая и в обстановке нарастания революционной ситуации политику создания единого национального фронта с участием НЦП и НЛП, коммунисты не рассчитывали, что эти партии существенно изменят свою политику. КПР руководствовалась необходимостью изоляции на том этапе правящей фашистской клики, исходила из того факта, что значительные слои мелкой буржуазии, крестьянства, служащих, интеллигенции, заинтересованные в уничтожении фашизма, в демократизации общественного строя, еще не были свободны от определенных иллюзий в отношении буржуазных партий, особенно национал-царанистов. Принималось во внимание и то, что в результате постоянных преследований и репрессий силы коммунистов были ослаблены. Учитывая все эти обстоятельства, вслед за оформлением ЕРФ Компартия направила 24 апреля 1944 г. руководству НЦП письмо, в котором предлагала в трехдневный срок дать ясный ответ на ее предложения об объединении всех антигитлеровских сил страны, предупредив при этом, что в случае отказа руководству НЦП придется держать ответ перед народом за саботаж создания единого фронта борьбы с фашизмом[247].

На сей раз лидеры «исторических» партий не решились, как это было неоднократно в предыдущие годы, отвергнуть предложения КПР. Внешняя и внутренняя обстановка в стране не позволила им так поступить. Надежд на прибытие англо-американских войск в Румынию было все меньше, в то время как Красная Армия на ее территории уже присутствовала. Нельзя было не считаться и с тем, что в последние месяцы неизмеримо возросли авторитет и влияние КПР среди широких масс, убедившихся в правильности предсказаний коммунистов и требующих решительных действий. Да и в самой национал-царанистской партии со стороны не только ее рядовых членов и низовых организаций, но и некоторых влиятельных деятелей (М. Раля и др.) раздавались голоса в пользу сотрудничества с коммунистами и другими антиправительственными партиями и организациями во имя спасения страны. Опасаясь утратить влияние среди масс и в самой партии, лидеры НЦП, а заодно и сотрудничавшие с ними национал-либералы вступили в переговоры с КПР и СДП.

[247] Studii şi materiale de istorie contemporană, v. III, p. 31.

В начале мая 1944 г. четыре партии договорились о создании совместного комитета действия, в который вошли Л. Патрашкану, К. Тител-Петреску, Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Рабочим органом комитета стало бюро из восьми человек: по два от каждой партии. Но с подписанием соглашения Маниу и Брэтиану не торопились. В ходе переговоров выявилось, что руководители «исторических» партий стараются ограничить круг участников проектируемого национально-демократического блока, дабы не превратить его в организацию действительного сплочения всех демократических, антифашистских и патриотических сил страны. Они отказались от сотрудничества с фронтом земледельцев, союзом патриотов, национал-либеральной группой Г. Татареску, крестьянско-социалистической партией, МАДОСом. Как впоследствии стало известно, лидер НЦП Ю. Маниу на вопрос о том, почему он ведет переговоры с Компартией, со свойственным ему цинизмом ответил: «Чтобы препятствовать ей действовать самостоятельно»[248].

Пока лидеры НЦП и НЛП занимались проволочками, КПР, верная своей тактике привлечения как можно больших сил в борьбу против диктатуры Антонеску и германских империалистов, 26 мая 1944 г. пошла на заключение соглашения с группой Г. Татареску. Опытный политик Г. Татареску более реалистически оценил обстановку, чем Маниу и Брэтиану. Получив их очередной отказ от совместной деятельности, он согласился на сотрудничество не только с КПР, но и ее союзниками по ЕРФ и Патриотическому фронту. В сравнительно короткий срок на сугубо антигитлеровской платформе была оформлена Национал-демократическая коалиция (НДК), в состав которой вошли КПР, национал-либеральная группа Г. Татареску, СДП, национал-демократическая партия, крестьянско-социалистическая партия, фронт земледельцев, союз патриотов.

Одновременно КПР продолжала налаживать контакты с дворцовыми кругами. Озабоченные судьбой монархии, они старались отделаться от клики Антонеску. В документе, озаглавленном «Коронный совет» и составленном приближенными короля Михая в начале

---

[248] Studii şi materiale de istorie contemporană, v. III, p. 32.

мая 1944 г., недвусмысленно выражалось опасение, что в случае продолжения сотрудничества с И. Антонеску «румынский народ будет, естественно, склонен обратить свои взоры к новым формам политической и социальной организации...»[249] Конечно, дворцовые круги желали бы все внутри- и внешнеполитические изменения осуществить по сценарию, разработанному «историческими» партиями. Последние в своих посланиях в Каир неоднократно подчеркивали, что их требования согласованы с королем и поддерживаются им. Но в то же время окружение короля (К. Сэнэтеску, И. Моксони-Стырча, Г. Михаил и др.), особенно в летние месяцы 1944 г., когда становилось ясно, что миссия Штирбея сохраняет мало шансов на успех, участило контакты с представителями КПР. В них монархия видела возможность в случае необходимости представить себя перед народом в качестве такого же последовательного, как КПР, борца против фашизма. Компартия, вовсе не добивавшаяся укрепления трона, вместе с тем считала, что для достижения главной цели — свержения диктатуры Антонеску, изгнания германских оккупантов и спасения страны от неминуемой катастрофы — следует использовать раскол в правящей верхушке, в частности заинтересованность монархии в устранении фашистской клики.

Дворцовые круги выдвинули свой план смены правительства И. Антонеску. Они предложили с согласия Гитлера заменить его правительством, возглавляемым И. Джигурту, известным своими профашистскими симпатиями и давними связями с Берлином, тем самым Джигурту, при правлении которого был подписан венский «арбитраж» и приняты итало-германские «гарантии», приведшие ко вступлению немецких войск в Румынию. За ширмой Джигурту новое правительство, в составе которого ключевые посты предполагалось отдать приближенным короля: К. Сэнэтеску, Г. Никулеску-Бузешть, Г. Михаилу и другим, — должно было осуществить вывод страны из войны и обеспечить ей нейтралитет.

КПР выступила против этого плана, указав, что он вряд ли усыпит бдительность гитлеровцев и лишь при-

---

[249] Anale, 1978, № 4, p. 126—127. Детальный анализ этого документа см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 478—479.

ведет к дезориентации масс. На состоявшемся в ночь с 13 на 14 июня 1944 г. совещании представителей КПР (Л. Патрашкану, Е. Боднараш) и королевского двора вариант с Джигурту был категорически отклонен коммунистами. Они выдвинули свой план свержения правительства И. Антонеску и выхода из войны на стороне Германии, в котором предусматривались подготовка вооруженного восстания с широким вовлечением в него народных масс, безотлагательное вступление Румынии в войну против гитлеровских поработителей. Только таким путем, считала КПР, можно будет доказать Объединенным Нациям свои искренние намерения покончить с прежней политикой и добиться перемирия.

Дворцовые круги вынуждены были принять план КПР. Был образован военный комитет для подготовки восстания в военном отношении. Срок его было решено установить позже, в зависимости от степени подготовленности и обстановки на фронте.

Опасаясь остаться в изоляции, лидеры НЦП и НЛП после двухмесячных оттяжек 20 июня 1944 г., всего за два месяца до выхода Румынии из войны, подписали соглашение о создании Национально-демократического блока (НДБ), в состав которого вошли четыре партии: коммунистическая, социал-демократическая, национал-царанистская и национал-либеральная. Соглашение предусматривало: «1. Незамедлительное заключение перемирия с Объединенными Нациями (Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки) на основе предложения, сделанного союзниками... 2. Вывод Румынии из «оси», освобождение страны от германской оккупации, присоединение к Объединенным Нациям, восстановление национальной независимости и суверенитета. 3. Устранение в этих целях нынешнего диктаторского режима, замена его конституционным, демократическим режимом на основе предоставления прав и гражданских свобод всем гражданам страны. 4. Поддержка демократического порядка и обеспечение мира в соответствии с интересами государства и румынского народа»[250]. В документе было оговорено, что каждая партия, входившая в Блок, сохраняет за собой полную идеологическую и политическую независимость».

[250] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 472.

Вступив в НДБ, лидеры «исторических» партий вовсе не помышляли выполнять взятые на себя обязательства и хоть сколько-нибудь способствовать осуществлению его программы. Как подчеркивалось в Политическом отчете ЦК КП Румынии национальной конференции в октябре 1945 г., «...это оказалось лишь новым маневром, при помощи которого они (лидеры «исторических» партий. — *И. Л.*) пытались отстоять и сохранить за собой политические и экономические позиции, создать себе точку опоры для саботажа и подрыва изнутри борьбы народа за свободу и за установление действительно демократического строя в нашей стране»[251].

Лидеры «исторических» партий продолжали поддерживать тесные контакты с кликой Антонеску. Они проинформировали кондукэтора о создании НДБ и его составе. Сам факт, что И. Антонеску и на сей раз не принимал никаких репрессивных мер против своих национал-царанистских и национал-либеральных «противников», говорил о том, что он прекрасно отдавал себе отчет в том, какую миссию выполняют Маниу, Брэтиану и их партии в НДБ.

В докладной записке от 26 июня на имя И. Антонеску ССИ довольно четко определила цели участников Блока. В то время как коммунисты, сказано в докладной, образованием Демократического фронта преследовали цель создать организацию, призванную вести «немедленную и эффективную борьбу против нынешнего руководства и политики войны Румынии», национал-царанисты и либералы «рассматривают создание Демократического фронта как подготовку формы правления для того момента, когда внутреннее положение коренным образом изменится под давлением военных событий»[252].

А пока суд да дело, Маниу и Брэтиану продолжали уговаривать кондукэтора взять на себя миссию заключения перемирия, естественно, так, чтобы не вступить в конфликт с гитлеровцами и удержать массы от революционного выступления. «Маниу, — говорится в одной из докладных записок сигуранцы, в которой вос-

---

[251] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 21.
[252] Из хроники исторических дней..., с. 50.

производятся мнения интеллектуальных кругов Бухареста о деятельности НДБ и лидера НЦП, — все время склонен к бесполезным прениям, используя их как способ для промедлений и как средство для уклонения от определенной ответственности либо для ожидания новой конъюнктуры»[253].

Этой линии проволочек лидер НЦП придерживался и во внешней политике. Н. В. Новиков пишет в своих записках: «...в середине июня Маниу с согласия короля Михая сообщил, будто бы он принимает советские условия. Но он и на этот раз выдвинул в качестве своего непременного условия требование воздушного десанта (англо-американских бригад. — *И. Л.*). Естественно, что представители трех держав не нашли основания для пересмотра своего решения. В мое отсутствие (это было в июле. — *И. Л.*) советник посольства Д. С. Солод еще продолжал в редких встречах поддерживать контакт с румынскими эмиссарами, но никакого результата это не давало»[254].

Очередную попытку добиться перемирия на тех же примерно условиях, что выдвигал Ю. Маниу, т. е. присылки англо-американских войск на смену уходящим войскам вермахта, предпринял М. Антонеску, направив в Швейцарию для переговоров с англичанами и американцами своего дипломата Пелла[255], но миссия последнего не увенчалась успехом.

В июле 1944 г. Г. Татареску через чехословацких политических деятелей, с которыми поддерживал связь бывший румынский дипломат Франасович, переправил в Москву меморандум с просьбой о принятии представителя Национально-демократической коалиции для прямых переговоров с Советским правительством о заключении перемирия. Однако развитие событий на фронте помешало реализации этой акции.

Между тем накал классовой и национально-освободительной борьбы в стране нарастал. Возглавлял движение рабочий класс. На многих предприятиях Бухареста и других городов создаются комитеты ЕРФ. Участились забастовки, дезорганизующие и без того сильно нарушенный рабочий режим промышленных и

[253] Там же, с. 52.
[254] *Новиков Н. В.* Указ. соч., с. 228.
[255] Из хроники исторических дней..., с. 57.

транспортных предприятий. Действуя единым фронтом, рабочие протестуют против роста налогов и насильственных займов, заставляют капиталистов и государство во избежание взрыва народного гнева пойти на некоторое повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Принимая все чаще политическую окраску, экономические выступления втягивали в активную политическую жизнь тысячи ранее пассивных рабочих. Органы сигуранцы докладывали о царившем повсеместно состоянии возбуждения среди рабочих, отмечали, что они «говорят между собой о необходимости окончания войны и свержения правительства Антонеску...»[256]

КПР, следуя линии на подготовку вооруженного восстания, усилила массово-политическую работу среди трудящихся. В дни майских праздников, несмотря на предупредительные меры полиции, многочисленные листовки были распространены в Бухаресте, Брашове, Плоешти, Тимишоаре, Араде; на стенах домов и предприятий появились надписи и лозунги: «Мы хотим мира!», «Требуйте освобождения заключенных антифашистов», «Дружба и союз с СССР!» и др.[257] Компартия звала трудящихся усилить борьбу против немецких оккупантов, саботировать мероприятия правительства, оказывать помощь партизанам. Листовка, распространенная в конце мая на улице Филипеску в Бухаресте, доносила сигуранца, «завершалась призывом ко всем румынам присоединиться к патриотическому антигитлеровскому фронту», а в листовке, разбросанной в столице в ночь с 15 на 16 июня, аналогичный призыв адресовался молодежи[258]. Большое число листовок было распространено в стране 22 июня 1944 г., в день 3-й годовщины участия Румынии в антисоветской войне, и 1 августа, в международный антивоенный день. Листовки размножались на шапирографах и пишущих машинках, а то и просто писались от руки. В одном из июльских полицейских сообщений говорится: «В листовке, написанной от руки, выдвигается требование о свержении режима Антонеску». Надпись на стене центральной мастерской акционерного общества «Астра ромынэ»

---

[256] Из хроники исторических дней..., с. 48.
[257] Там же, с. 17.
[258] ЦГА МССР, ф. 1761, оп. 3, д. 29, л. 31, 41—46.

призывала рабочих не прислушиваться к антисоветской пропаганде. Полицейские власти предполагали, что в составлении некоторых листовок участвовали советские военнопленные, занятые на промышленных предприятиях[259].

Нередко в документах сигуранцы приводятся имена «возмутителей» спокойствия. На заводе «Роджифер» распространяли листовки рабочие Д. Дамиан и И. Блеарца. В Галаце был задержан гражданин М. Симион за открытую агитацию против правительства, а при обыске дома у него были найдены листовки, заканчивающиеся словами: «Долой войну, требуем мира!», «Хотим мира и хлеба!»[260] В одном из документов сигуранца заключала: «Все бо́льшую почву в массах находит и пропаганда в пользу мира, ведущаяся РКП через Патриотический фронт»[261].

Активизировалась работа коммунистов в деревне, направленная на укрепление союза рабочего класса и трудящихся крестьян. Распространялись прокламации с призывами саботировать мероприятия властей. «Изгоняйте немцев из своих сел, — говорилось в одной из листовок, — ибо они несут смерть, нищету и позор в наши дома. Силой отнимайте обратно награбленные у вас хлеба»[262]. В июне 1944 г. крестьяне с. Алексены оказали сопротивление гитлеровцам, пытавшимся грабить их, в с. Цыганешты жители обязали примаря официально потребовать, чтобы фашисты покинули село, а в с. Фетешты они топорами уничтожили построенные немцами бараки[263]. Жандармерия уезда Яломица докладывала, что «в селах очень неспокойно и обстановка неблагоприятна для продолжения войны. Этому способствуют и отступающие из Крыма солдаты, которые, войдя в контакт с крестьянами, ведут пропаганду в пользу прекращения войны и изгнания немецких войск из страны. Некоторые приносят с собой комму-

---

[259] Там же, л. 50, 52.
[260] Там же, л. 4 об.
[261] Из хроники исторических дней..., с. 18.
[262] Там же, с. 49.
[263] *Gheorghiu I.* şi *Roman A.* Din lupta P.C.R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic şi întoarcerea armelor împotriva hitleriştilor. — Anale, 1956, N 3, p. 72—73; *Covaci M.* Acţiuni ale ţărănimii din România împotriva dictaturii militare-fasciste (1941—1944). — Anale, 1963, N 4, p. 100.

нистические листовки, которые были распространены на фронте»[264].

Большой размах в стране получили диверсии и акты саботажа, особенно в военной промышленности, на транспорте, в связи. Саботаж принимал самые разнообразные формы. На нефтепромыслах в Моренах в связи с неявкой рабочих бездействовали 14 буровых скважин. На заводе «Астра» в Брашове в одном лишь цехе не вышли на работу в конце июня 117 из 253 рабочих. Из-за отказа рабочих ремонтировать электростанцию бездействовало большинство цехов на заводах «Малакса». На 12 часов была приостановлена работа металлургических и оружейных заводов в Решице из-за того, что группа рабочих перерезала электрический кабель между Аниной и Решицей. В результате поджога были уничтожены склады горючего и технических материалов, принадлежащие обществу «Континентал». 21 июля 1944 г. на заседании румынского правительства констатировалось, что акты саботажа совершаются по всей стране, что железнодорожный транспорт дезорганизован, нарушена телефонная связь со многими уездами[265]. В циркуляре от 9 августа Генеральная дирекция сигуранцы требовала от своих местных органов пресечь участившиеся акты саботажа, приводящие к частым нарушениям телефонной связи и электрических сетей, обслуживающих немецкие войска[266].

Новой чертой освободительной борьбы румынского народа летом 1944 г. явилось зарождение под руководством КПР партизанского движения. Так, по инициативе уездного комитета партии в г. Тимишоара была создана партизанская группа, которая с июля 1944 г. развернула деятельность в районе придунайских сел Чюкичь, Найдаш и Радимна. Группа совершила ряд диверсий, уничтожила гитлеровский патруль. В горах Караш действовал партизанский отряд «Мэрэшть»[267]. В лесном массиве Решица—Анина, сообщала сигуранца, в июне действовала «партизанская банда... под руководством адвоката Павела, дезертировавшего офице-

---

[264] Из хроники исторических дней..., с. 26.
[265] Там же, с. 19—20, 53, 61, 62, 75 и др.
[266] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4788, л. 287.
[267] Из хроники исторических дней..., с. 44.

ра-резервиста»[268]. Личный состав создаваемых партизанских отрядов состоял главным образом из рабочих, а также солдат, дезертировавших из румынской армии. Вооружение для отрядов доставалось разными способами, в том числе путем хищения его со складов воинских частей.

Находясь в стадии становления и не имея достаточного опыта партизанской борьбы, отряды несли тяжелые потери в боях с численно превосходящими силами жандармерии. Погибли, мужественно сражаясь с врагом многие партизаны отряда «Мэрэшть», среди них рабочий-железнодорожник из Тимишоары коммунист Штефан Плавэц[269].

ЦК КП Румынии обратился к ЦК ВКП(б) и Советскому правительству с просьбой оказать помощь в организации партизанского движения путем посылки на территорию Румынии опытных в этом деле товарищей[270]. Выброске организаторских партизанских групп в Румынию предшествовала большая подготовительная работа, осуществляемая по поручению ЦК ВКП(б) и ГКО ЦК КП(б) Украины и Украинским штабом партизанского движения. В специальных учебных центрах УШПД по подготовке командного состава, подрывников, радистов и других партизанских специалистов вместе с чехами, словаками, поляками, венграми обучались и румыны, направленные сюда представителями Компартии этой страны. УШПД обеспечил группы организаторов партизанского движения, направляемые в тыл противника на территорию Румынии, вооружением, обмундированием, средствами связи. Во главе групп назначались опытные советские партизанские командиры, прошедшие большую школу борьбы с врагом на временно оккупированной территории СССР. В состав групп вошли многие антифашистски настроенные румынские военнопленные, изъявившие желание с оружием в руках участвовать в освобождении своей родины.

«Первой в Румынии, — пишет А. Н. Асмолов, — близ Онешты (по-видимому, Олэнешты. — *И. Л.*) была высажена на парашютах организаторская группа, со-

---

[268] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4765, л. 2057.
[269] Из хроники исторических дней..., с. 44—45.
[270] *Асмолов А. Н.* Указ. соч., с. 188.

стоявшая из 14 десантников во главе с Мартыновым. Затем в районе Фокшан десантировалась группа Кузьменко. Туда же высадились группы Карябкина, Джумагалиева, Молоткова. Партизанская группа Полещука была сброшена около Браилова, группа Бондаренко — возле Тулчи и т. д.» Группы Кузьменко, Молоткова и Джумагалиева действовали совместно. Всего в сводном отряде насчитывалось 38 человек. По линии представительства УШПД при 3-м Украинском фронте последней на территорию Румынии в двадцатых числах июля 1944 г. был заброшен отряд под командованием Н. К. Шабанова. В его состав, отмечает А. Н. Асмолов, входили немецкие и румынские (командиры групп сержант И. Вишан, Ст. Бучеман, И. Попа, И. Коча) антифашисты[271].

Одновременно несколько партизанских групп из румын, возглавляемых опытными советскими партизанскими командирами, были заброшены на территорию Румынии штабом партизанского движения при 2-м Украинском фронте. В июле в 15 км восточнее г. Бакэу были десантированы группы, возглавляемые С. С. Шевченко (12 человек) и И. Е. Поповичем (5 человек), в 30 км северо-восточнее Васлуя — Я. И. Красновым (12 человек); в августе во вражеский тыл в район юго-западнее г. Пятра Нямц были выброшены две группы (60 человек) под командованием Медведева и Прокопенко[272]. Всего, как указано в отчете оперативного отдела УШПД, на территорию Румынии было направлено 11 отрядов общей численностью 137 человек[273].

Появление местных партизанских отрядов и десантированных групп организаторов вызвало смятение в рядах фашистских властей. 4 августа сигуранца сообщала: «Начиная с июня и в течение всего июля было заброшено много парашютистов с различными заданиями, партизаны организованы по всей стране...», они «проявляют много смелости и храбрости»[274].

---

[271] *Асмолов А. Н.* Указ. соч., с. 190, 191.

[272] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 39, л. 10, 37, 44.

[273] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 231—232.

[274] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4765, л. 204.

Партизаны наносили удары по тылам фашистских армий, передавали ценные разведданные о противнике командованию 2-го и 3-го Украинских фронтов, которые в начале лета стали тщательно готовиться к новому наступлению на южном участке советско-германского фронта. В сводке представителя УШПД при 2-м Украинском фронте от 25—31 июля 1944 г. говорится об успешных действиях отряда под командованием капитана Семенихина. 15 июля группа подрывников этого отряда, возглавляемая Миськовым, в 22 км севернее Кымпулунга подорвала самоходную пушку, а другая группа под руководством Харченко 29 июля в районе Валя-Стыней уничтожила средний танк противника. Отряд сообщил штабу ценные сведения о немецко-фашистских войсках[275].

Особенно удачно действовал партизанский отряд «Карпаць», развернувший диверсионную деятельность в июне 1944 г. на железнодорожных коммуникациях врага в районе Плоешти—Брашов—Фэгэраш. Сигуранца отмечала, что «эта банда снабжена системой магнитных мин, которые устанавливаются к цистернам или вагонам с материалами, они вызывают взрывы и пожары». В документе указывается, что на участках Посада—Прахова, Чилибиу—Бузэу, Ракош—Сигишоара партизаны совершили пять удачных диверсий, и, несмотря на организованное преследование, схватить их не удалось[276]. Документы карательных органов свидетельствуют о том, что 13 июня между станциями Валя-Ларгэ и Комарник взорвано несколько цистерн с нефтью, такой же случай произошел 24 июля на станции Тэбэрешты, а 25 июля партизаны подожгли три цистерны с бензином возле Кымпины[277]. В течение июня—августа 1944 г. отряд «Карпаць» уничтожил 16—18 эшелонов с цистернами жидкого топлива[278].

А. Н. Асмолов подробно описывает мужественную борьбу партизанской группы под командованием

---

[275]ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 39, л. 10, 37, 44.

[276] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4765, л. 205.

[277] Из хроники исторических дней..., с. 68; Documente privind rezistenţă antifascistă din România. — Anale, 1969, N 4, p. 98.

[278] *Roller M.* Despre acţiunea grupului de partizani „Carpaţi" în lunile iunie—august 1944. — Anale, 1957, № 3, p. 124.

Н. К. Шабанова в уезде Путна, недалеко от Фокшани, героическую гибель большинства ее членов. «Посланные в Румынию партизаны, — заключает он, — исполнили свой долг. Партизанское движение в этой стране внесло свой вклад в борьбу против гитлеровцев, вовлекло в антифашистскую борьбу новые слои румынского населения»[279].

Рабочие и крестьяне Румынии с симпатией относились к партизанам, оказывали им всемерную поддержку. Органы сигуранцы Долины Жиу доносили, что по призыву коммунистов шахтеры собирают продовольствие для партизан[280]. Крестьяне сел Вифорены и Негрешты уезда Бакэу помогли партизанским отрядам имени Тудора Владимиреску и имени Екатерины Теодорою миновать окружения их карательной экспедицией. В Банате крестьяне с. Бокша Ромынэ оказывали содействие партизанскому отряду «Мэрэшешть». Помощь местных крестьян получали партизаны, действовавшие в районе сел Брад, Чертезе и др. В Марамуреше крестьяне сел Рона де Сус, Вишеул де Сус, Моисеиу и Борша снабжали партизан продовольствием, предоставляли им убежище. Нередко каратели в бессилии перед партизанами расстреливали крестьян, сжигали их дома[281].

Однако обанкротившуюся фашистскую клику уже ничего не могло спасти. Под влиянием событий на фронте страна шла к глубоким внутренним переменам. Вся деятельность КПР в эти летние месяцы была нацелена на подготовку вооруженного восстания. В Бухаресте и других городах коммунисты создавали боевые патриотические отряды. С 20 июня по 23 августа 1944 г. их число только в Бухаресте возросло до 50[282]. В различных городах и в горных районах страны накапливалось оружие для этих отрядов.

КПР разработала детальный план восстания. 7 июля Л. Патрашкану и Е. Боднараш передали члену военного комитета, начальнику штаба Бухарестского гарнизона полковнику Дэмэчану список 100 военных и гражданских объектов, в том числе 33 наиболее важ-

---

[279] *Асмолов А. Н.* Указ. соч., с. 191—193.
[280] Из хроники исторических дней..., с. 49.
[281] Anale, 1963, N 4, p. 101.
[282] *Купша И.* и др. Указ. соч., с. 337.

ных, которые в день восстания следовало захватить в первую очередь[283]. 24 июля ЦК КПР представил военному совету список подлежащих решению главных проблем: о своевременном формировании правительства, подготовке текстов воззвания короля к народу и заявления нового правительства для передачи по радио в день восстания, а также ряд чисто военных вопросов[284]. Что касается будущего правительства, то КПР считала необходимым составить его на базе четырех партий, входящих в НДБ.

Однако буржуазная верхушка не торопилась с принятием решений. Она продолжала маневрировать. Король и его приближенные, особенно генерал Михаил, пытались вернуться к «варианту Джигурту» и объявлению Румынией нейтралитета. Эта тенденция встретила отпор со стороны КПР и некоторых офицеров из окружения короля, более реалистически оценивших ситуацию[285]. 7 июля на совещании представителей КПР, НЦП, НЛП и дворцовых кругов последние настаивали на продолжении переговоров о перемирии с союзниками исключительно в Каире с непременным условием присылки в Румынию англо-американских десантных частей. Представители КПР указали на бесперспективность таких планов и предложили еще до 1 августа направить представителей в Москву для обсуждения условий перемирия с Советским правительством[286].

Реалистичность позиции КПР вскоре подтвердилась. 24 июля в королевском дворце в присутствии Михая представители НЦП, НЛП и короны (представителей КПР и СДП не было) обсуждали ответ, полученный из Каира, на очередной демарш Маниу. Американские и английские дипломаты предупреждали, что рассчитывать на присылку англо-американских десантных частей не следует и надо вести прямые переговоры с Советским Союзом[287]. На этом заседании рассматривался вопрос и о составе будущего правительства. Лидеры НЦП и НЛП продолжали настаивать на создании правительства из генералов во главе с К. Сэнэтеску. В

---

[283] Из хроники исторических дней..., с. 57.
[284] Там же, с. 63—64.
[285] Studii şi materiale de istorie contemporană, v. III, p. 42.
[286] Из хроники исторических дней..., с. 57.
[287] Там же, с. 65.

основе их предложения было стремление не допустить в правительство коммунистов, держать их в состоянии изоляции. Главы «исторических» партий не отказались и от идеи убедить И. Антонеску заключить перемирие. С таким предложением явился в королевский дворец 18 августа 1944 г. заместитель председателя НЦП И. Михалаке. Лишь в случае отказа И. Антонеску подписать перемирие он предлагал заменить его правительство на правительство из генералов.

Политика проволочек, проводимая буржуазными кругами, наглядно проявилась и в решении вопроса о подготовке вооруженного восстания. На состоявшихся в конце июля — первой декаде августа совещаниях представителей КПР и королевского двора последние все оттягивали сроки его начала. Лишь после предупреждения КПР, что в случае новой оттяжки она оставляет за собой право действовать самостоятельно, было решено провести восстание 26 августа[288].

Нельзя сказать, что проводимые КПР приготовления к решительным антиправительственным действиям оставались незамеченными для карательных органов диктатуры Антонеску. 29 июня Генеральная дирекция полиции разослала всем областным инспекторатам циркуляр, в котором, сообщая о том, что в стране создаются тайные склады оружия в целях удара с тыла по немецко-румынским войскам в момент наступления Красной Армии, требовала чаще производить облавы в лесных и отдаленных районах[289]. 14 июля ССИ доносила из Брашова об активизации организаторской и массово-политической работы коммунистов среди населения, о том, что рабочие усиленно вооружаются, боевые и патриотические отряды собирают сведения о численном составе гитлеровских и жандармских частей, создаются специальные команды для освобождения из тюрем коммунистов и осужденных дезертиров, поддерживается постоянная связь с советскими военнопленными в целях вызволения их в нужный момент, ведется большая пропаганда среди войск гарнизона и транзитных частей[290].

---

[288] Studii şi materiale de istorie contemporană, v. III, p. 43.
[289] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4788, л. 134, 135.
[290] Из хроники исторических дней..., с. 61.

В ночь с 12 на 13 августа был организован побег из лагеря Тыргу-Жиу группы руководящих деятелей КПР, в том числе Г. Георгиу-Дежа. За несколько дней до развертывания решающих событий на южном участке советско-германского фронта и восстания в Бухаресте сигуранца констатировала, что «ненависть к режиму и войне растет с каждым днем», рабочие с нетерпением ждут падения правительства Антонеску, радуются тому, что скоро будет создано новое правительство, в состав которого впервые в истории страны войдут коммунисты и социал-демократы, многие для того, чтобы «ускорить падение генерала Антонеску, готовы совершать также акты саботажа»[291].

Неустойчиво себя чувствовало и немецкое командование в Румынии. После ознакомления с обстановкой на фронте и в тыловых районах генерал Фриснер, новый командующий группой армий «Южная Украина», убедился в полной ненадежности румынских войск. 1 августа он приехал в Бухарест для получения информации о политической обстановке в стране. Еще до отбытия в Румынию для принятия командования группой армий Гитлер следующим образом охарактеризовал ему положение в этой стране: «Относительно политического положения в Румынии можете быть совершенно спокойны. Маршал Антонеску искренне предан мне. И румынский народ, и румынская армия идут за ним сплоченно, как один человек». Примерно то же ему пришлось услышать в Бухаресте. Киллингер, по словам Фриснера, заверял его, что положение Антонеску прочное, его поддерживает «весь народ». Генерал Герстенберг, командующий военно-воздушными силами немцев в Румынии, заявил, что «в случае беспорядков будет достаточно одной немецкой зенитной батареи, чтобы подавить в Бухаресте какой угодно путч»[292].

Но, судя по всему, Фриснер убедился в неправильности оценки ими обстановки в Румынии. 3 августа в специальном послании на имя Гитлера и Риббентропа он выразил беспокойство по поводу положения в этой стране и просил подчинить ему «все немецкие органы,

---

[291] Там же, с. 76, 78.

[292] *Фриснер Г.* Проигранное сражение. М., 1966, с. 41, 58—59. Перевод с немецкого.

войска и инстанции, находящиеся в Румынии, а также содержать собственную разведку на всей ее территории»[293].

В это время И. Антонеску находился в Германии, где 5 августа состоялась его последняя встреча с Гитлером. Вызов к фюреру, как и все предыдущие, был не случайным. Военно-политическое положение Германии после мартовской встречи двух диктаторов в Зальцбурге резко ухудшилось. Открылся второй фронт во Франции, но особенно осложнилось положение на советско-германском фронте. В результате наступательных операций советских войск в Белоруссии, на прибалтийском направлении и в западных областях Украины, предпринятых в конце июня — первой половине июля 1944 г., крупные поражения были нанесены группам армий «Центр», «Север» и «Северная Украина». Войска вермахта были отброшены далеко на запад, они потеряли десятки дивизий, сотни тысяч немецких солдат и офицеров были взяты в плен, большое количество немецкой техники уничтожено. Чтобы спасти положение на участках прорыва Красной Армии, гитлеровское командование было вынуждено перебросить часть танковых и моторизованных дивизий из Румынии на север, ослабив южный участок фронта.

Не могло не тревожить фюрера и складывавшееся на Балканах положение. 2 августа 1944 г. Турция приняла решение о разрыве дипломатических отношений с Германией. И хотя, как оказалось, этот акт носил формальный характер, однако в тот момент трудно было предугадать, как он повлияет на развитие событий на полуострове.

И. Антонеску выразил недовольство переброской части немецких дивизий из Румынии на север, но в конечном счете «проявил понимание» тяжелого положения вермахта. Он потребовал, чтобы снятые с фронта соединения были своевременно возвращены в Румынию. Гитлер обещал не бросать на произвол судьбы своего союзника, Антонеску же со своей стороны заверил фюрера в верности[294]. Судя по словам Фриснера,

[293] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 61.

[294] Stattsmänner und Diplomaten bei Hitler. Zweiter Teil. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes. 1942—1944. Frankfurt a/M., 1970, S. 493, 496, 501; *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 55.

эта встреча укрепила у правящей верхушки рейха уверенность в Румынии как союзнике[295].

Но правящая клика военно-фашистской Румынии не очень уповала на своего немецкого союзника. Надеясь, что за разрывом дипломатических отношений последует вступление Турции в войну против Германии и изменение всей обстановки на Балканах, она сделала еще одну отчаянную попытку добиться англо-американской поддержки. Как явствует из опубликованных американских дипломатических документов, в первой декаде августа в Стамбул прибыли румынские эмиссары — профессор Джуреску и полковник Теодореску — и заявили от имени Иона и Михая Антонеску о готовности румынского правительства предоставить Англии и США любые концессии в нефтяной, угольной, лесной и других отраслях промышленности, если они возьмут на себя оплату военных репараций, которые потребует от Румынии Советский Союз, и окажут их стране помощь присылкой самолетов, десантных частей и морских сил через Черное море[296]. До появления такой возможности И. Антонеску, как и обещал Гитлеру, был намерен продолжать войну против СССР, создать новый оборонительный рубеж в случае прорыва фронта на линии Фокшаны—Нэмолоаса—Галац. Фашистская клика Румынии даже в критический для страны момент ни на шаг не отступила от своего неизменного антисоветского курса.

Тем временем войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, отразив все предпринятые противником весной и летом попытки оттеснить Красную Армию за Днестр, усиленно готовились к нанесению удара по фашистской группировке «Южная Украина»[297]. Составной частью подготовки наступления были и меры по усилению партизанского движения на оккупированной территории Молдавской ССР и Измаильской области УССР. Молдавский отдел УШПД, который переехал в г. Сороки,

---

[295] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 63.

[296] FRUS, 1944, v. IV, p. 187.

[297] Подробно о подготовке и проведении Ясско-Кишиневской операции см.: *Мацуленко В. А.* Разгром немецко-фашистских войск на Балканском направлении. М., 1957; Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964; Освобождение Юго-Восточиой и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. М., 1970; *Антосяк А. В.* Указ. соч.; и др.

и представители УШПД при штабах 2-го и 3-го Украинских фронтов в течение июня — начала августа 1944 г. забросили новые группы организаторов партизанского движения в лесные районы юго-западной Молдавии. Здесь развернули боевую деятельность около 20 партизанских отрядов и групп. Костяком заброшенных групп организаторов были коммунисты и комсомольцы. В группе из 23 человек, подготовленной Молдавским отделом УШПД и руководимой А. В. Обушинским, было 5 членов и кандидатов в члены ВКП(б), 8 комсомольцев[298]. Некоторые отряды возглавляли опытные партизаны Молдавских рейдовых соединений. В составе групп организаторов имелось много добровольцев из числа граждан освобожденных северных и восточных районов Молдавии, изъявивших желание сражаться в партизанских отрядах. Группы организаторов за счет местных жителей и бежавших из лагерей советских военнопленных превращались в боеспособные партизанские отряды, насчитывавшие сотни бойцов. Против фашистских захватчиков вместе сражались русские, украинцы, молдаване, люди других национальностей.

Большое значение в усилении народной борьбы на временно оккупированной советской территории имели обращение к трудящимся этих районов ЦК КП(б) Молдавии и Измаильского обкома КП(б)У, областного Совета депутатов трудящихся и обкома ЛКСМУ. Они призывали советских трудящихся «помочь Красной Армии, победоносно идущей на Запад», громить тылы врага, разрушать его коммуникации и связь, препятствовать оккупантам угонять население в неволю, вывозить награбленное имущество[299]. Партизанские отряды и группы под командованием Е. И. Петрова, А. В. Обушинского, П. С. Бордова, В. А. Шпака, И. И. Иванова, Л. И. Диряева, И. Т. Тюканько, И. К. Решетняка, А. Ф. Гурова, Г. Ф. Алмазова, И. Я. Нужина, И. В. Анисимова, А. И. Костелова, В. П. Александрова, Н. А. Лясоцкого, Я. А. Бовина, М. В. Кузнецова, М. Х. Жемадукова, А. Г. Шевченко и других, действовавшие на

---

[298] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 502.

[299] Там же, с. 455—456; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 3, с. 197—198.

территории Молдавии, уничтожили тысячи вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 14 воинских эшелонов, взорвали 9 мостов, 25 танков и бронемашин, около 400 автомашин и 700 повозок с боеприпасами и снаряжением, провели большую массово-политическую работу среди населения[300]. Особое значение имела разведывательная деятельность партизан. А. Н. Асмолов пишет, что только партизаны отряда под командованием Л. Диряева в течение июля и августа «передали по радио более 60 донесений с ценными данными о противнике, которые немедленно переправлялись Военному совету фронта и в УШПД». А захваченные группой этого отряда под командованием словака Л. Лаучика штабные документы противника, содержащие ценные сведения об оборонительных сооружениях и дислокации фашистских войск, «очень пригодились нашему командованию в боях за Кишинев»[301].

Немецко-румынское фашистское руководство делало немало усилий, чтобы ликвидировать партизанское движение в междуречье Днестра и Прута. С 1 июня по 19 августа 1944 г. против молдавских партизан было организовано более 20 облав и карательных экспедиций, но они не дали желаемых результатов. Командование 6-й немецкой армии было вынуждено признать, что партизаны «продолжают оставаться господами положения»[302].

Эти успехи были во многом обусловлены помощью партизанам со стороны местного населения. Такие села, как Юрьевка, Новые Кетрошаны, Кристешты, Сарата-Мерешены, Малкоч, Кондрица и другие, были поистине партизанскими. Местные жители (А. Г. Апанасенко, В. Л. Варламова, Д. В. Чертеску, С. Г. Вулпе, Л. В. Тигенян, Е. Кугурлуян, К. Д. Деня и сотни других) собирали разведданные для партизан, выступали в качестве проводников, доставляли хлеб и другие продукты питания, предупреждали о готовившихся облавах, распространяли листовки, оказывали помощь раненым народным мстителям и т. д.

---

[300] Подробно об этом см.: *Афтенюк С.* и др. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Кишинев, 1970, с. 333—352; *Елин Д. Д.* Указ. соч., с. 143—218.

[301] *Асмолов А. Н.* Указ. соч., с. 189.

[302] Там же, с. 188.

В летние месяцы 1944 г. заметно активизировалась деятельность местных партизанских и подпольных групп (Кишинева, Унген, Измаила, Новых Кирган и др.). Органы полиции Кишинева с тревогой сообщали, что «разрозненные партизанские группы пытаются установить связь между собой и с более сильными группами из окружающих лесов»[303]. Подпольщики Унген во главе с В. Н. Гавришем уничтожили линии связи оккупантов, спасли жизнь десяткам обреченных на смерть советских военнопленных, создали из них партизанский отряд. В. Н. Гавриш и его боевые товарищи М. Вискун и З. Чухас были схвачены и расстреляны фашистами[304]. Это случилось незадолго до освобождения центральных и южных районов Молдавии от немецко-румынских захватчиков.

* * *

20 августа 1944 г. войска 2-го Украинского фронта (командующий генерал армии Р. Я. Малиновский) из района северо-западнее Ясс и 3-го Украинского фронта (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин) с Кицканского плацдарма в соответствии с директивой Ставки от 2 августа (представителем Ставки для координации действий фронтов был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко), в которой были определены конкретные задачи фронтов, после мощной артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление по сходящимся в районе Хуши—Васлуй направлениям.

Нельзя сказать, что удар советских войск застал противника в состоянии полной неподготовленности. Как уже отмечалось, в стратегических планах гитлеровского командования балканскому направлению придавалось первостепенное значение. Стараясь удержать Балканы, в первую очередь Румынию, командование вермахта сильно укрепляло оборону на южном участке советско-германского фронта, используя многочисленные водные преграды и холмистые участки. Про-

---

[303] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4809, л. 143 об.

[304] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 2, с. 467, 601.

тивник создал развитую систему инженерных заграждений на глубине до 80 км[305].

К началу советского наступления группа армий «Южная Украина» насчитывала в своем составе 47 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную, а также пять пехотных бригад. Она состояла из двух армейских групп: «Веллер», в состав которой входили 8-я немецкая и 4-я румынская армии (всего 14 румынских, 7 немецких и 4 румынские бригады) и «Думитреску», образованная из 6-й немецкой и 3-й румынской армий (всего 24 дивизии и 1 бригада, из которых 7 дивизий и 1 бригада были румынские)[306]. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов превосходили противника в дивизиях в 1,8 раза, людях — в 1,4, танках — в 4,5, артиллерии и самолетах — более чем в 2 раза[307].

Немецкое командование полагало, что Красная Армия, ведя наступление в Прибалтике, Белоруссии и Западной Украине, вряд ли сумеет развернуть одновременно крупные операции против группы армий «Южная Украина». Лишь 18 августа поступили тревожные сообщения о крупномасштабном наступлении Красной Армии на данном участке фронта. В этот же день Фриснер спешно разослал войскам директиву, в которой, предупредив о возможном в ближайшие дни наступлении советских войск, убеждал немецких солдат и офицеров, что они благодаря своей боевой выучке и «хорошо подготовленной системе обороны» сумеют вместе с «испытанными» румынскими союзниками отразить это наступление. Командующий группы армий «Южная Украина» призывал подчиненных «проникнуться стремлением оборонять свою позицию до конца»[308].

Но ни призывы, ни дополнительные оборонительные меры уже не могли спасти немецко-румынские войска от разгрома. После первых же мощных ударов советских войск румынская армия, и в часы затишья проявлявшая нежелание продолжать войну, стала распадаться. «С первого дня наступления, — говорится в докладе политотдела 7-й гвардейской армии о настроении ру-

---

[305] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 98.
[306] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 4, с. 259.
[307] Ясско-Кишиневские Канны, с. 102.
[308] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 227.

мынских войск, — началась групповая сдача в плен солдат и офицеров противника»[309]. Говоря о боях за 20 августа, Фриснер восклицает: «Катастрофический итог!» Желая оправдать свои ошибки и умалить советское военное искусство, немецкий генерал объявляет успехи Красной Армии «неожиданными», а собственные поражения объясняет исключительно «отсутствием стойкости у румынских войск». Фриснер пишет, что уже после первого дня советского наступления в армейской группе «Думитреску» две румынские дивизии (4-я горнопехотная и 21-я пехотная) «полностью распались», а в группе «Веллера» «полностью разгромленными оказались до пяти румынских дивизий»[310]. Но все дело в том, что и немецкие соединения и части не выдержали натиска советских войск.

К исходу 21 августа войска 2-го Украинского фронта окончательно сокрушили оборону противника и овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос. Воины 3-го Украинского фронта за два дня продвинулись вглубь до 30 км, расширив прорыв по фронту до 95 км. 23 августа воины 46-й советской армии во взаимодействии с Дунайской военной флотилией завершили окружение 3-й румынской армии. Целые части и соединения последней сдавались в плен. В упомянутый день, например, почти полностью сложил оружие 6-й румынский полк, в котором насчитывалось около 2800 человек[311]. Оказавшиеся в плену румынские солдаты и офицеры обращались к своим бывшим сослуживцам с призывами прекратить бессмысленное сопротивление и перейти на сторону Красной Армии для изгнания из страны немецких захватчиков. С таким призывом, в частности, обратились к румынским солдатам и офицерам участники митинга военнопленных лагеря № 54 в с. Незавертайловка Слободзейского района Молдавской ССР, на котором присутствовало 2650 человек[312]. 24 августа сопротивление 3-й румынской армии прекратилось. 23 и 24 августа к Пруту подошли советские танки 2-го и 3-го Украинских фронтов и в районе Леушены—Леово соединились, замкнув кольцо окружения кишиневской

---

[309] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 242.
[310] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 75.
[311] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 235, л. 23.
[312] Там же, д. 220, л. 147.

группировки немецко-фашистских войск. В гигантском кольце оказались пять немецких армейских корпусов — 18 из 25 немецких дивизий. Таковы были военные итоги первого этапа Ясско-Кишиневской стратегической операции.

В ходе наступательных операций 22 августа советские войска освободили районные центры Молдавской ССР Унгены, Каушаны, Чимишлия, Волонтировка, а на второй день — города Бендеры, Белгород-Днестровский, районные центры МССР Корнешты, Комрат и Романовка. 24 августа войска 5-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина штурмом овладели столицей Молдавской ССР г. Кишиневом. В течение 24—27 августа были освобождены города Измаил, Рени, Леово, Кагул, Котовск, очищена от врага территория Молдавской ССР и Измаильской области, полностью освобождена советская земля, более трех лет оккупированная военно-фашистской Румынией.

Верные своей тактике «выжженной земли», фашистские захватчики вплоть до последнего момента продолжали бесчинствовать на советской земле. Военные корреспонденты газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин» на второй день после освобождения Кишинева писали: «Ни один из крупных освобожденных городов не поражал так пустынностью и безлюдием, как Кишинев. Немецкие и румынские гитлеровцы довели город до состояния крайней опустошенности. Целые группы кварталов превращены в развалины, многие улицы и переулки заросли травой, населения в городе осталось мало. Отступая, немцы разрушали в городе все, что только успевали...»[313] О положении в г. Бендеры в специальной справке политуправления 3-го Украинского фронта читаем: «К моменту вступления в город наших войск в Бендерах не оказалось ни одного жителя. Улицы заросли травой. Весь жилой фонд разрушен и уничтожен. Ни в одном доме не сохранилась мебель горожан. Оккупанты предусмотрительно вывезли ее еще в марте с. г.»[314]

Как и в памятные весенние дни 1944 г., трудящиеся центральных и южных районов МССР и Измаильской

---

[313] Советский воин, 1944, 25.VIII.
[314] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 53, л. 85.

области УССР радушно встречали своих освободителей. Повсеместно проходили митинги и собрания, на которых они сердечно благодарили советских воинов за вызволение от фашизма. «Тепло и радушно встречают жители освобожденных сел и городов Советской Бессарабии Красную Армию, — говорится в донесении политотдела 26-го гвардейского стрелкового корпуса. В с. Рышково гражданки Чеботарь Федосия и Поляновская Мария встретили бойцов 273-го гвардейского стрелкового полка на дороге хлебом и солью. Население угощало бойцов фруктами, молоком, хлебом и пр.» Политотдел 248-й стрелковой дивизии сообщал: «...население радушно встречает Красную Армию во многих селах. Политработниками проведены митинги местного населения, на которых молдавские крестьяне выражают свою благодарность Красной Армии за свое освобождение...» Большой митинг трудящихся состоялся 30 августа в Кишиневе. «До поздней ночи звучали звонкие ликующие песни над освобожденным Кишиневом»[315].

Весть о начале советского наступления и о прорыве обороны немецко-румынских войск была по-разному воспринята в Румынии. Трудящиеся встретили ее с надеждой на быстрейшее окончание войны и всех невзгод, вызванных ею. КПР в первый же день распространила заранее подготовленную брошюру «Красная Армия приходит». Коммунисты звали народ активно включаться в борьбу за свержение диктатуры Антонеску и изгнание немецких оккупантов.

В среде румынской олигархии царили страх и смятение. 20 августа Ю. Маниу направил через А. Крецяну очередное послание в Каир, в котором сообщал о своем желании вывести страну из войны против Объединенных Наций, но опять-таки обусловливал это присылкой в Румынию англо-американских десантных бригад и необходимых воздушных сил для прикрытия в случае немецкой агрессии. Так как данное условие ранее было категорически отвергнуто, настояние на нем означало практически, что Румыния остается по-прежнему в состоянии войны против антигитлеровской коалиции со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями для румынского народа. Как и прежде,

---

[315] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1, с. 439, 440, 461.

лидеры НЦП и НЛП превыше всего ставили классовые интересы крупной буржуазии.

В течение 20 и 21 августа в королевском дворце состоялся ряд совещаний представителей короны и партий Национал-демократического блока. КПР настойчиво требовала незамедлительно перейти к осуществлению плана свержения клики Антонеску, заключению перемирия и созданию нового правительства из представителей партий НДБ. Ю. Маниу, надеясь уговорить И. Антонеску самому подписать соглашение о перемирии, всячески оттягивал решение последнего вопроса. Было договорено начать восстание в зависимости от развития событий на фронте и в стране 24, а не 26 августа, как ранее было установлено.

Сам И. Антонеску срочно выехал на фронт, надеясь спасти положение. 21 и 22 августа у него состоялись две встречи с генералом Г. Фриснером. На замечание последнего «о подозрительном поведении румынских войск накануне и в первый день сражения» Антонеску ответил, что для него «нежелание румынских войск сражаться было полной неожиданностью». Фриснер упрекнул И. Антонеску в том, что «накануне русского наступления без ведома и согласия немецкого командования» были произведены замены в руководстве румынской армией и это якобы повлекло за собой «несостоятельность, — как он выразился, — румынских войск»[316].

И. Антонеску согласился, что румынские войска сражались плохо, тут же приказал расстреливать на месте пойманных дезертиров и создать офицерские заградительные отряды для борьбы с ними. Но ни свирепые приказы, ни заградительные отряды не могли ослабить тягу солдат к миру. Полковник Мариною, командир 39-го полка 14-й румынской пехотной дивизии, оказавшись в плену, рассказал: «Позади 14-й румынской дивизии немцы имели еще одну линию обороны, оснащенную пулеметными точками. Это было сделано на случай отступления румын. 23 августа, когда румыны начали отступление, немцы открыли огонь и расстреляли около 400 румынских солдат... Мой полк они разоружили, а затем, поставив по одному вооруженному немцу на каждый десяток румынских солдат, приказали

---

[316] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 78—79, 81.

мне вести полк в бой. Я видел, что мои солдаты воевать не будут, какие бы репрессии ни применялись, и отдал приказ каждому действовать по своему усмотрению: либо сдаться в плен, либо скрыться»[317].

В ходе переговоров с Фриснером Антонеску позволил себе указать на «серьезные политические ошибки», приведшие Германию к изоляции, к отходу от нее ряда европейских государств. Кондукэтор усматривал эти ошибки в том, что «Германия в ходе войны никогда открыто не заявляла о том, каковы ее истинные намерения в отношении каждого государства после достижения окончательной победы. Такое заявление создало бы ясность у европейских стран и объединило бы их в общей борьбе против Советской России». И. Антонеску не преминул упрекнуть правителей рейха за венский «арбитраж», «хотя уже тогда было ясно, что на всем пространстве от Балтийского до Черного моря у немцев будет только один активный союзник в борьбе с Советской Россией, а именно — Румыния». «Это единственный случай в истории, — продолжал кондукэтор, — когда одно государство, с которым подобным образом поступило другое государство, идет не против последнего, а вместе с ним».

Оценивая высказывания И. Антонеску, Г. Фриснер пишет: «Это была откровенная и впечатляющая политическая декларация. Одновременно это была искренняя присяга Антонеску на верность Германии. И в то же время это была многозначительная беседа между партнерами по коалиции, которая позволяла сделать ряд не теряющих своей актуальности выводов на будущее»[318]. Даже спустя 20 лет после разгрома Германии битого гитлеровского генерала не покидали мысли о реванше и о потенциальных союзниках в новой антисоветской войне.

И. Антонеску и Г. Фриснер перед расставанием пришли к соглашению о создании совместного фронта обороны на рубеже Фокшаны—Нэмолоаса—Галац с использованием ранее созданных там укреплений. И. Антонеску дал согласие на срочную передачу группе армий «Южная Украина» всех имеющихся в Бухаресте румынских резервов с целью удержания фронта.

---

[317] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 235, л. 24.
[318] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 81—83.

Пока И. Антонеску налаживал дела с немецким генералом, его заместитель М. Антонеску предпринял очередную дипломатическую акцию. 22 августа он пригласил к себе турецкого поверенного в делах в Бухаресте и попросил, чтобы правительство Турции взяло на себя посредническую миссию в заключении Румынией перемирия с Объединенными Нациями. На первых порах румынский вице-премьер предлагал подписать соглашение о прекращении огня на фронте, после чего он отправится в Москву для переговоров о заключении перемирия. Этим М. Антонеску надеялся предотвратить полный разгром немецко-румынских войск, приостановить дальнейшее продвижение Красной Армии в глубь румынской территории, не порывая в то же время союзнических отношений с Германией.

Вечером 22 августа И. Антонеску вернулся с фронта. В загородной резиденции в Снагове у него состоялась встреча с вице-председателем НЦП И. Михалаке. И хотя за день до этого уже было принято решение о свержении правительства Антонеску и назначена конкретная дата, И. Михалаке от имени лидеров «исторических» партий в тайне от КПР продолжал уговаривать кондукэтора самому заключить перемирие. Верхи румынской буржуазии делали отчаянные попытки избежать каких-либо актов, могущих вовлечь в борьбу революционно настроенные массы. И. Антонеску отказался заключать перемирие без согласия на то Берлина.

В указанный же день румынский диктатор встретился в присутствии министра обороны генерала К. Пантази с германским послом по экономическим вопросам в Румынии К. Клодиусом. Состоялась многочасовая беседа. Кондукэтор заявил гитлеровскому эмиссару, что Германия не выполнила своих обещаний «защитить» Румынию, сама же последняя не в состоянии продолжать войну, и если рейх не предпримет срочных мер по оказанию ей действенной помощи, то она вынуждена будет подписать перемирие. И. Антонеску просил сообщить об этом в Берлин и назначил новую встречу с Клодиусом на послеобеденное время 23 августа.

На суде кондукэтор объяснил свое стремление заполучить согласие Гитлера на выход из войны желанием избежать войны со своим вчерашним союзником. Одна-

ко трудно было полагать, чтобы Германия добровольно согласилась на выход Румынии из войны. Это означало бы потерю всей Юго-Восточной Европы. Заявление Антонеску могло только еще больше насторожить гитлеровцев, вряд ли он не понимал этого. Скорее всего апелляция к Берлину явилась последней попыткой кондукэтора заставить гитлеровцев бросить все силы на отражение натиска Советской Армии.

Утром 23 августа И. Антонеску созвал в Снагове заседание своего кабинета, на котором присутствовали преимущественно генералы—члены правительства. Ничего не указывало на существование даже малейших намерений у кондукэтора выйти из войны. Антонеску сообщил членам своего кабинета о нежелании румынских войск воевать дальше против Красной Армии и о своем решении заклеймить перед всей нацией румынскую армию. Обсуждался вопрос об организации обороны на линии Фокшаны—Нэмолоаса—Галац, об эвакуации из Бухареста в г. Хацег главных правительственных учреждений, о создании в случае прорыва советских войск нового оборонительного рубежа, начиная с Олтении и до Бихора. Иными словами, «патриот» И. Антонеску был готов превратить и всю остальную румынскую территорию в арену опустошительной войны, а румынский народ — в пушечное мясо.

В перерыве между заседаниями И. Антонеску имел беседу с вице-председателем НЛП Г. Брэтиану, посланным лидерами «исторических» партий уговорить кондукэтора взять на себя миссию подписать перемирие. Это была последняя попытка верхов румынской буржуазии предотвратить насильственное свержение фашистского режима. И. Антонеску опять заговорил о желании получить согласие Берлина на выход из войны. Этот шаг кондукэтора не встретил возражений со стороны лидеров НЦП и НЛП. Далее И. Антонеску заявил Г. Брэтиану, что в случае германского отказа он готов начать переговоры о перемирии при условии, если лидеры «исторических» партий и социал-демократов снабдят его «гарантийным письмом» о том, что они уполномочивают его подписать перемирие на выставленных союзниками условиях. Можно полагать, что в тот момент «гарантийное письмо» нужно было И. Антонеску не столько как оправдательный документ для истории,

сколько для доказательства в предстоящей встрече с королем, запланированной на этот же день, наличия у него, Антонеску, политической поддержки трех ведущих партий «оппозиции». Г. Брэтиану обещал к 15 часам вручить кондукэтору такое письмо, но оно не было доставлено в срок. М. Антонеску было сообщено, что до конца дня такое письмо будет дано. Румынский вице-премьер сам торопился встретиться с королем до появления во дворце кондукэтора.

В первой половине дня 23 августа И. Антонеску предпринял еще две акции с явной целью выиграть время. Со специальным курьером он направил румынскому посланнику в Стокгольме Нану официальное полномочие вести переговоры с посольством СССР в Швеции о прекращении огня (курьер прибыл в шведскую столицу только во второй половине дня 24 августа). В Анкару кондукэтор сообщил, что готов подписать перемирие лишь после высадки англо-американских десантных частей[319].

Утром 23 августа на конспиративной квартире состоялось еще одно совещание. Представители КПР Л. Патрашкану и К. Аджиу в соответствии с ранее достигнутой договоренностью обсуждали с Ю. Маниу и К. Тител-Петреску состав правительства, которое должно будет сменить свергнутую клику Антонеску. Ю. Маниу, уже завязавший за спиной КПР переговоры с И. Антонеску, настаивал на том, чтобы кондукэтор, начавший войну, подписал и документ о перемирии. Представители КПР категорически отвергли домогательства лидера НЦП и требовали соблюдения ранее достигнутого соглашения о свержении правительства Антонеску и создании правительства НДБ. Под предлогом необходимости согласовать вопрос с другими руководителями НЦП и с Д. Брэтиану, который не явился на это совещание, Ю. Маниу ушел от решения вопроса и покинул конспиративную квартиру.

В королевском дворце в это время царило оживление. Здесь предполагали, но твердо не знали о целях визитов И. и М. Антонеску к королю. Перебирались различные варианты исхода этих встреч. Ясно было одно: положение на фронте катастрофическое, и в случае

[319] Из хроники исторических дней..., с. 91.

отказа кондукэтора заключить перемирие можно было бы во имя спасения монархии не упустить последний шанс отмежеваться от клики Антонеску путем его ареста и отстранения от власти.

В королевском дворце началась подготовка к этому шагу, был установлен контакт с КПР. Компартия привела в готовность свои боевые патриотические отряды. К. Сэнэтеску связался с Ю. Маниу для согласования состава будущего правительства. Глава национал-царанистов настаивал, чтобы И. Антонеску подписал документ о перемирии, а в случае его отказа предлагал создать правительство из генералов. После этого лидеры НЦП и НЛП трусливо скрылись.

В 15 часов 30 минут на прием к королю явился М. Антонеску. Он заявил, что без ведома кондукэтора готов тотчас же лично отправиться в Турцию для ведения переговоров о перемирии, и просил снабдить его полномочием короля. Михай усмотрел в этом попытку М. Антонеску бежать от ответственности за содеянное и отказал ему в полномочии.

Прибывший вслед за этим И. Антонеску изложил королю свой план выхода из войны с согласия Берлина и организации сопротивления Красной Армии в том ключе, как было решено на утреннем заседании правительства. Король пытался убедить И. Антонеску лично взять на себя миссию подписать перемирие без согласия на то Германии. Кондукэтор отказался это сделать. Во имя спасения монархии было решено тотчас же отделаться от фашистской клики. Тут же во дворце Ион и Михай Антонеску были арестованы. Последовал арест еще ряда приближенных к кондукэтору лиц. Вечером арестованные были отданы под стражу патриотическому отряду КПР. Ни одна воинская часть не выступила в защиту арестованных.

Обстоятельства ареста клики Антонеску, положившего начало вооруженному восстанию, дальнейшее развитие событий в Румынии подробно описаны в трудах советских историков[320], поэтому нет необходимости в их детальном изложении.

[320] См.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., гл. VIII; *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963; *Паклин Н. А.* Крах диктатуры Антонеску. — Новая и новейшая история, 1976, № 3, 4; История Румынии. 1918—1970. М., 1971.

Вечером 23 августа было сформировано новое румынское правительство во главе с генералом К. Сэнэтеску. Нарушив ранее достигнутое соглашение с КПР о формировании нового правительства из представителей партий, входивших в НДБ, король, учитывая пожелания лидеров НЦП и НЛП, создал правительство, в котором абсолютное большинство составляли реакционно настроенные генералы, им же были отданы и командные посты. В состав правительства были включены по одному представителю от четырех партий НДБ в качестве министров без портфеля. По настоянию КПР ее представитель Л. Патрашкану был назначен исполняющим обязанности министра юстиции. Попытки лидеров НЦП и НЛП полностью изолировать Компартию и не допустить ее представителей в правительство потерпели крах.

Поздним вечером по румынскому радио была зачитана ранее заготовленная с участием КПР королевская декларация. В ней сообщалось о выходе Румынии из союза с Германией, немедленном прекращении войны с Объединенными Нациями, принятии условий перемирия, предложенных Советским Союзом, Великобританией и США. Были объявлены состав нового правительства и его первые декреты. Румынские войска на фронте получили приказ прекратить военные действия против Красной Армии. Весть об этом быстро облетела всю страну. Жители Бухареста и других городов, несмотря на поздний час, вышли на улицы, ликуя по поводу свержения ненавистной фашистской клики и выхода из антисоветской войны.

Говоря о значении августовских событий 1944 г. в жизни румынского народа, Генеральный секретарь Румынской Коммунистической партии, президент СРР Н. Чаушеску сказал: «Это открыло новую эру в истории Румынии, открыло путь к окончательному освобождению страны от империалистического господства, осуществлению стремлений румынского народа быть хозяином своих богатств и труда, собственной судьбы»[321].

После свержения клики Антонеску сразу же обнаружились две диаметрально противоположные тенденции в деле претворения в жизнь программы НДБ и условий

[321] Правда, 1976, 5.VI.

перемирия. КПР рассматривала арест клики Антонеску как первый шаг на пути революционного искоренения фашизма в стране, мобилизации всех трудящихся на борьбу за изгнание гитлеровцев из пределов родины. На это была направлена вся ее организационная и массово-политическая деятельность. Верхи же буржуазии стремились свести все к устранению клики Антонеску путем дворцового переворота, не допустить перерастания антифашистского вооруженного восстания в народную революцию, изолировать КПР, под любым предлогом ограничить доступ Красной Армии на территорию Румынии.

Принимая сразу же после ареста клики Антонеску немецкого посланника Киллингера, затем гитлеровских генералов Ганзена и Герстенберга, король Михай, премьер Сэнэтеску и новый начальник штаба румынской армии генерал Михаил старались полюбовно расстаться со вчерашними союзниками, дать возможность германским войскам спокойно уйти из Румынии при условии, что те в свою очередь не предпримут никаких враждебных актов против нового румынского правительства. Немецкие генералы обещали соблюдать достигнутую договоренность и покинули королевский дворец. Сэнэтеску и Михаил в тот же вечер дали указания штабу бухарестского гарнизона и командирам всех румынских соединений не допускать вооруженных столкновений с германскими войсками. Оставался в силе ранее отданный Антонеску приказ о концентрации отступающих войск на оборонительном рубеже Фокшаны—Нэмолоаса—Галац. Это было прямое нарушение первого же условия перемирия, предъявленного бывшему румынскому правительству 12 апреля 1944 г. Фактически гитлеровцам давалась возможность уберечь часть своих сил от разгрома. В ночь с 23 на 24 августа новый министр иностранных дел Румынии Г. Никулеску—Бузешть принимает решение направить за границу эмиссара, чтобы добиться поддержки западными державами линии Ю. Маниу в вопросе о перемирии[322].

Решение нового румынского правительства избегать столкновений с гитлеровцами вполне устраивало в тот момент командующего группой армий «Южная

---

[322] Из хроники исторических дней..., с. 107—108.

Украина» Фриснера, стремившегося не осложнять и без того тяжелое положение своих разгромленных войск. Он отдал распоряжение не предпринимать враждебных действий «против румынских соратников по оружию», если таковых не будет предпринято с румынской стороны. В мемуарах Фриснер пишет, что командующий 3-й румынской армией генерал Думитреску в разговоре с ним по телефону «сожалел о случившемся» и заявил, что крайне поражен действиями своего правительства, но тем не менее будет и дальше выполнять поставленную перед ним задачу, пока не получит из Бухареста новых инструкций. Другой румынский военачальник — командующий 4-й румынской армией генерал Штефля — заверил Фриснера, что «будет сообщать о любых мероприятиях заблаговременно, чтобы избавить группу армий от всяких неожиданностей»[323].

Но, как и следовало ожидать, Гитлер не смирился с потерей Румынии в качестве своего союзника. Фриснеру был дан приказ жестоко подавить восстание, арестовать новое правительство и короля и создать правительство во главе с генералом, дружественно настроенным к Германии. Против Бухареста были двинуты немецкие части, германская авиация обрушила мощные удары на румынскую столицу. На политической арене вновь появилась зловещая фигура отъявленного фашиста Хориа Симы, которого гестаповцы держали в резерве в Германии. 25 августа появилось подписанное им «Воззвание Железной гвардии к румынскому народу», призывающее сражаться на стороне гитлеровцев[324].

Учитывая факт немецко-фашистской агрессии, 24 августа в 16 часов 30 минут румынское правительство объявило войну Германии. В ночь с 24 на 25 августа Советское правительство опубликовало заявление, в котором подтвердило, что Советский Союз «...не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории, или изменить существующий социальный строй в Румынии, или ущемить каким-либо образом независимость Румынии». В заявлении указывалось, что если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и дадут обязательство вместе

[323] *Фриснер Г.* Указ. соч., с. 90.
[324] ЦА МО СССР, ф. 243, оп. 2914, д. 239, л. 120.

с советскими войсками вести освободительную войну против немецко-фашистских захватчиков и их союзников, то Красная Армия не будет их разоружать. В заключение говорилось, что Красная Армия прекратит военные действия на территории Румынии лишь после того, как здесь будут ликвидированы гитлеровские войска[325]. Заявление Советского правительства было встречено в Румынии с огромным энтузиазмом.

25 августа румынский посланник в Анкаре А. Крецяну по указанию румынского короля и правительства вручил советскому послу в Анкаре С. А. Виноградову ноту, в которой говорилось, что правительство Румынии «решило подписать немедленно перемирие и приступить с помощью всех сил страны к полному удалению немцев, находящихся на румынской территории»[326]. Как отмечалось в политдонесении 53-й советской армии, наступавшей на Бухарест, «основная масса населения Румынии окончание войны с Советским Союзом встретила с большим облегчением, как давно ожидаемое событие»[327].

Тем временем румынские войска бухарестского гарнизона и возглавляемые коммунистами патриотические отряды трудящихся мужественно отражали натиск гитлеровских частей, стремившихся выполнить приказ Гитлера. Бои велись и в других районах Румынии. Патриотические силы страны сорвали замыслы гитлеровцев и внутренней реакции. В этой обстановке советское командование предприняло решительные действия по скорейшему освобождению Румынии. Оставив 34 дивизии для уничтожения окруженной группировки, оно направило более 50 дивизий в глубь Румынии. Сокрушая оборону противника, войска 2-го Украинского фронта быстро продвигались на юг. 26 августа они освободили г. Фокшаны, на следующий день после упорных боев — г. Бузэу. Это позволило развить наступление на Плоешти и Бухарест. Продвигаясь стремительно на юг и громя разрозненные группы гитлеровцев, советские войска препятствовали их переброске под Бухарест. К 29 августа войска 3-го Украинского фронта

---

[325] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 172.

[326] Там же, с. 174.

[327] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 130, л. 273.

освободили румынские города Тулча, Галац, Браила, Констанца, Сулина и др.

В ходе этих наступательных операций боевое крещение в районе Васлуя получила 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, входившая в состав 33-го советского стрелкового корпуса[328]. Одновременно устанавливались контакты и налаживалось сотрудничество между частями Красной Армии и румынскими соединениями, повернувшими оружие против гитлеровцев. Как отмечалось в политдонесении 7-й советской гвардейской армии от 27 августа, «румынские офицеры открыто выражают желание драться с немцами и даже готовы встать во главе войск в случае отказа генералов взять на себя командование»[329]. Среди румынских генералов и высших офицеров было, конечно, немало и закоренелых реакционеров, которые тяжело переживали падение фашистской диктатуры и крах своих экспансионистских планов. Даже оказавшись в плену, генерал И. Спиря, командир 110-й пехотной бригады, оправдывал политику союза с гитлеровцами, утверждая, что «в союзе с Германией нет ничего предосудительного или позорного». Он не считал, что уже все потеряно, и продолжал твердить: «Кто победит в бою, видно будет позднее, трудно делать какие бы то ни было прогнозы». Махровый реакционер, Спиря оправдывал применение телесных наказаний в армии, заявляя, что любой румынский солдат якобы «не станет отрицать того, что его били по-отцовски, что он заслужил наказание за совершенный им проступок»[330].

Начальник политотдела 7-й гвардейской армии полковник Зыков проводивший 28 августа в г. Бакэу беседу с группой румынских офицеров 1-й гвардейской пехотной дивизии, отмечает, что среди них были и такие, которые не только не высказывали отрицательного отношения к Гитлеру и Антонеску, но даже были «далеки от мысли, что именно авантюристическая политика Антонеску, его дружба с немцами и разбойничий поход против СССР привели к гибели румынской армии»[331].

---

[328] *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 116—117.
[329] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 34, л. 84.
[330] Там же, ф. 243, оп. 2914, д. 243, л. 109.
[331] Там же, ф. 240, оп. 2772, д. 125, л. 264.

Но большая часть румынских офицеров, не говоря уже о солдатах, радовалась падению диктатуры Антонеску и проявила готовность сражаться вместе с Красной Армией за освобождение своей Родины от немецких фашистов. Еще в ночь на 24 августа 3-й румынский пограничный полк под командованием полковника Н. Теодореску повернул оружие против гитлеровцев, утром установил контакт с советским командованием и в составе 50-го стрелкового. корпуса продолжал воевать против немецко-фашистских войск. Вместе с 7-й гвардейской армией сражалась в те дни 103-я румынская горнострелковая дивизия под командованием И. Крецулеску. На базе разбитой 1-й румынской танковой дивизии 28 августа в районе Буды был создан на добровольных началах 1-й румынский танковый полк под командованием полковника Г. Матея, который начал действовать в составе 24-го гвардейского стрелкового корпуса[332].

Держа в руках ключевые позиции в новом правительстве, румынская реакция стремилась не допустить Красную Армию в глубь Румынии. Представитель правительства добивался у командующего 3-м Украинским фронтом генерала Ф. И. Толбухина осуществления давно вынашиваемого лидерами НЦП и НЛП, да и свергнутой клики Антонеску плана превращения Бухареста, уезда Ильфов и всей западной территории страны в зону, куда советские войска не должны были вступать[333]. Это позволило бы реакционным силам спокойно подавлять революционную активность румынских трудящихся и организовывать акты саботажа в тылу Красной Армии. Естественно, это предложение не было принято советским командованием. 30 и 31 августа советские войска вступили в Бухарест, вместе с ними вошли и части румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску. Это окончательно закрепило победу антифашистского восстания 23 августа 1944 г.

Повсеместно трудящиеся освобожденных городов и сел Румынии радостно встречали советских воинов. В политдонесении 53-й армии, части которой проходили

---

[332] *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 127—129; ЦА МО СССР, ф. 341, оп. 5312, д. 685, л. 11; ф. 240, оп. 2772, д. 29, л. 202.

[333] История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 9, с. 114.

через Бухарест, отмечается, что население города «заполнило улицы, по которым шли колонны мотопехоты. Из толпы стали раздаваться приветственные возгласы, появились цветы, которые преподносили бойцам. В толпах народа было много людей с красными флажками, а под конец можно было видеть целые группы с красными флагами, вышедшие навстречу частям Красной Армии. Люди обступали автомашины... всячески стараясь при этом выразить свое удовлетворение изгнанием немцев из Румынии, выражали благодарность Красной Армии»[334]. По этому же поводу в политдонесении 214-й стрелковой дивизии читаем: «1 сентября в с. Цибэнешты Васлуйского уезда проведена сходка жителей этого села, а также сел Гырбешты, Рэзбоены, Жугорены, Гэурены. Жители горячо приветствовали переход Румынии на сторону Красной Армии и ее союзников, видя в этом залог ее освобождения от немецкого ига, получения независимости и возможность осуществить присоединение Трансильвании»[335].

Говоря о значении освобождения Румынии Красной Армией, Г. Георгиу-Деж сказал: «Благодаря тому, что освободительницей Румынии была армия социалистического государства, мы празднуем этот день как великий национальный праздник, который имеет для нашего народа глубокое историческое значение: *наша страна вырвалась из цепей чудовищной мировой системы империализма*»[336].

Как и другие фашистские диктатуры, диктатура И. Антонеску, на которую господствующие эксплуататорские классы Румынии возлагали большие надежды и в плане осуществления политики «региональной гегемонии», и в плане уничтожения коммунизма, в конечном итоге сослужила им плохую службу, завела дальше, чем на то рассчитывали капиталисты и помещики, и привела их к полному краху.

---

[334] ЦА МО СССР, ф. 240, оп. 2772, д. 25, л. 342.
[335] Там же, д. 125, л. 240.
[336] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 222.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крах захватнических и антисоветских планов военно-фашистской Румынии, как и всего гитлеровского блока, был обусловлен рядом факторов. Главный из них — разгром Красной Армией фашистских полчищ. Предвестником краха политики государств-агрессоров стала Сталинградская битва. «В этой битве, — говорил Л. И. Брежнев, — не только были перемолоты отборные гитлеровские войска. Здесь выдохся наступательный порыв, был сломлен моральный дух фашизма. Начался распад фашистского блока»[1].

Разгром фашистских армий под Сталинградом и в ходе зимней кампании 1942/43 г. потряс королевскую Румынию больше, чем любое другое государство фашистского блока. На Дону и под Сталинградом румынская армия потерпела самое крупное за все время участия в антисоветской войне поражение. После этого в стране и армии сильно возросли антивоенные, антигерманские, антифашистские и пораженческие настроения. Прозревали даже те, кто, казалось, надолго был одурманен националистическими и религиозными лозунгами или мечтал стать господином-колонистом на советской земле. Произошло резкое полевение масс, несших на своих плечах все тяготы изнурительной войны и хозяйничания гитлеровцев в стране. Антинациональная политика правящих кругов встречала растущее сопротивление румынских трудящихся, которые все больше убеждались в правоте политики КПР, в том, что война ведется в интересах господствующих классов, что путь избавления от нее и освобождения от фашизма

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, с. 68.

лежит через свержение диктатуры Антонеску, демократизацию всей жизни страны. Среди румынских военнопленных ширилось движение за формирование при помощи Советского правительства регулярных добровольческих частей и партизанских отрядов в целях участия с оружием в руках в освобождении своей родины от фашизма.

Все эти политические настроения усиливались по мере приближения фронта к границам Румынии. Накануне Ясско-Кишиневской операции даже лозунги «защиты отечества», не говоря уже о призывах к «спасению западной цивилизации», «христианской веры» и других, не могли воодушевить румынский народ на продолжение войны. Дезертирство, переход на сторону Красной Армии приняли массовый характер. Румынская армия, не так давно являвшаяся основной опорой господствующей в стране фашистской клики, перестала быть таковой. Главным оплотом диктатуры Антонеску были хозяйничавшие в стране войска вермахта. В этой обстановке трудовой народ Румынии, желая избавиться от фашистской клики и германских оккупантов, видел в Красной Армии армию-освободительницу. Не военные действия англо-американских войск в Северной Африке, как это представляют некоторые буржуазные авторы, а разгром фашистских армий под Сталинградом влиял на подъем национально-освободительной борьбы румынского народа; не налеты англо-американской авиации на румынские города и села весной и летом 1944 г., как об этом пишут другие зарубежные историки и публицисты, а победы Красной Армии в ходе наступательных операций в 1943 — первой половине 1944 г. оказывали решающее влияние на внутриполитическое развитие Румынии и создание внешнеполитических предпосылок падения фашистского режима; не в качестве оккупантов, как об этом твердят буржуазные фальсификаторы истории, а в качестве освободителей румынского народа от фашизма вступили советские войска на территорию Румынии. Вызволение румынского и других народов Юго-Восточной Европы из ярма фашизма явилось результатом двух крупных факторов: боевых операций Советских Вооруженных Сил и народного освободительного движения трудящихся этих стран.

Победы Советских Вооруженных Сил под Сталинградом и в ходе дальнейших наступательных операций похоронили мечты румынской, как и всей мировой, реакции об уничтожении Советского Союза. Если летом 1942 г. румынская фашистская пропаганда вслед за геббельсовской трубила о скорой победе над Советским Союзом, то после Сталинграда клика Антонеску заговорила о неизбежности затяжки военных действий, о том, что война для Румынии носит якобы «оборонительный» характер. Смена лозунгов свидетельствовала о лопнувших надеждах румынской олигархии на осуществление великодержавных планов «региональной гегемонии». Сейчас ее донимали другие заботы: как уйти от поражения, как спасти прогнивший режим.

Конечно, не сразу и не полностью отказались правители военно-фашистской Румынии от аннексионистских притязаний на советскую территорию. Не надеясь удержать «Транснистрию», они старались всеми силами сохранить за собой Бессарабию и Северную Буковину. После Сталинградской битвы основную ставку в достижении этой цели, а также в спасении от краха буржуазно-помещичьего строя в Румынии они делали на реакционные силы США и Англии. Клика Антонеску, до этого державшая курс исключительно на фашистскую Германию, но не возражавшая против тайных контактов лидеров НЦП и НЛП с дипломатами и разведками западных держав, теперь старалась сама сговориться с Великобританией и США, притом, так же как Ю. Маниу и Д. Брэтиану, на сугубо антисоветской основе.

Переориентация на западные державы, ставшая согласованным направлением внешней политики всей румынской олигархии, не означала разрыва с гитлеровской Германией. В последней румынская правящая верхушка видела силу, способную какое-то время, пока на Балканы высадятся англо-американские войска, сдерживать наступление Красной Армии и обеспечить в условиях углубления внутриполитического кризиса в стране защиту от возможных революционных выступлений масс. Вот почему румынская олигархия, несмотря на очевидную пагубность сотрудничества с гитлеровцами, продолжала выполнять все их экономические и военные требования, направленные на укрепление воен-

ного потенциала фашистской Германии в войне против СССР.

Этой внешнеполитической линии правительство И. Антонеску и руководители «исторических» партий придерживались до конца. Боясь остаться наедине с собственным народом, они старались все изменения в Румынии свести к простой замене германских войск англо-американскими, всячески избегая при этом, чтобы не поднимать народ на борьбу, каких-либо конфликтов с вермахтом. Даже после создания НДБ лидеры НЦП и НЛП не только ничего не предприняли для свержения диктатуры Антонеску, но и всячески настаивали на сохранении ее у власти по крайней мере до заключения перемирия.

Последовательно и до конца проявляя антисоветизм, верхи румынской буржуазии во время переговоров о перемирии, чтобы воспрепятствовать освобождению страны Красной Армией, неизменно выставляли в качестве условия выхода из войны присылку на территорию Румынии англо-американских десантных частей. Настаивая до последнего дня на этом, они, не считаясь со страданиями народных масс, их волей к миру, национальными интересами страны, сознательно затягивали участие военно-фашистской Румынии в войне против СССР. Чтобы сохранить незыблемость эксплуататорского строя и с помощью англичан и американцев ликвидировать в зародыше сложившуюся в стране революционную ситуацию, румынская олигархия готова была пожертвовать независимостью своего государства, отдать его богатства на откуп западным монополиям. Поведение румынской буржуазии в эти решающие для судьбы страны и народа дни — наглядное подтверждение жизненности ленинского положения о том, что «...господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов»[2].

Не выдерживают критики попытки зарубежных авторов[3] изобразить Ю. Маниу как вождя антифашист-

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 302—303.

[3] Об основных концепциях буржуазной историографии по рассматриваемым проблемам: см: *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX 1939—19.XI 1942). Кишинев, 1981, с. 5—26.

ского движения в Румынии, короля Михая — как «лидера сопротивления», а румынскую Компартию — как несущественную политическую силу. Факты показывают, что КПР была главной и единственно последовательной силой, которая на протяжении всех этих лет вела борьбу против участия Румынии в антисоветской войне, оккупации советских территорий, возглавила борьбу трудящихся за свержение диктатуры И. Антонеску и изгнание гитлеровцев из страны. И если на завершающем этапе дворцовые круги установили контакты с КПР и участвовали в устранении диктатуры И. Антонеску, то это было сделано с единственной целью: снять с себя ответственность за национальную катастрофу, отмежеваться от преступной политики фашистской клики и спасти тем самым институт монархии. Тем более следует отвергнуть политически тенденциозную версию о том, что якобы англофильски настроенный король Михай одним ударом открыл советским войскам ворота на Балканы. Как известно, исход Ясско-Кишиневской операции был фактически предопределен еще до 16 часов 23 августа 1944 г., когда была отстранена от власти клика Антонеску.

После Сталинградской битвы оккупационная политика военно-фашистской Румынии еще больше ужесточилась. Вынужденные отказаться от осуществления на практике колонизации советских территорий, румынские фашистские правители взяли на вооружение гитлеровскую тактику «выжженной земли» и массового, необузданного грабежа национальных богатств советских народов. Они усилили вывоз материальных ценностей с оккупированной территории, репрессии против советских трудящихся. Если в 1941—1942 гг. в период временных успехов гитлеровских армий правящая клика страны не думала о личной ответственности за содеянное на советской земле, то начиная с 1943 г. и по мере приближения линии фронта к Бугу и Днестру она стремилась замести следы своих преступлений. Но ей это не удалось.

Согласно данным республиканских и областных чрезвычайных государственных комиссий по расследованию злодеяний фашистских захватчиков на территории СССР, только прямой ущерб от уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций,

государственных предприятий и учреждений составил в довоенных ценах по Молдавской ССР 11 млрд. руб., Одесской области — 8,8, Измаильской области — 1,9, Черновицкой области — 1,7 млрд. руб.[4] Большой материальный ущерб был нанесен румынскими оккупационными властями южным районам Винницкой, западным районам Николаевской и районам других областей, где упомянутые оккупанты «хозяйничали». Согласно румынским данным, общая стоимость награбленного военно-фашистской Румынией имущества в Советском Союзе составила к концу оккупационного периода около 946 млрд. леев в довоенной валюте[5]. В Одесской и Измаильской областях было уничтожено до 300 тыс. мирных жителей, в Молдавской ССР — 64 тыс., в Черновицкой области — более 16 тыс., десятки тысяч советских людей были истреблены румынскими карательными отрядами в Крыму, Приднепровье, Приазовье и других местах. Десятки тысяч людей содержались в концентрационных лагерях, подвергались пыткам.

На фоне этих данных несостоятельными являются высказывания зарубежных авторов о том, что оккупационная политика военно-фашистской Румынии «резко контрастировала с германской политикой», неправдоподобными являются также заявления о том, что большая часть советского населения «уживалась» с румынскими оккупационными властями, что «победители и побежденные нашли общий язык на почве бизнеса и черного рынка», что «отношение к оккупантам изменилось лишь к концу 1943 г.»

В действительности, как показывают факты, освободительная борьба советских людей, руководимых коммунистами, которая не стихала и в трудные дни 1941—1942 гг., с особой силой разгорелась после разгрома фашистских армий под Сталинградом и разрасталась по мере продвижения Красной Армии на Запад, став в конце 1943 — начале 1944 г. всенародной на всей

---

[4] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1963, с. 308; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы, т. 3. Киев, 1980, с. 287—288.

[5] История Румынии. М., 1950, с. 538.

советской территории между Прутом и Бугом. Саботаж политических, экономических и военных мероприятий оккупантов стал массовым, подпольные организации развернули агитационно-пропагандистскую и диверсионную деятельность на всей захваченной противником территории, большой размах приняло партизанское движение, ставшее главной формой освободительной борьбы трудящихся. В результате фашистская оккупационная администрация была повсеместно основательно расшатана, в ряде районов, особенно в лесных Прибужских, реальная власть уже в конце 1943 г. была в руках партизан и подпольщиков.

Ясско-Кишиневская операция положила конец захватнической политике румынской олигархии. Разгромив в ходе этой операции немецко-фашистские войска, Красная Армия лишила диктатуру Антонеску вооруженной опоры. Это ускорило и обусловило победоносный исход вооруженного восстания 23 августа 1944 г., явившегося коренным поворотом в судьбах румынского народа, открывшим ему дорогу для демократического и социалистического преобразования родины. В плане советско-румынских отношений победа вооруженного восстания ознаменовала конец реакционного антисоветского и антинационального курса внешней политики эксплуататорских классов.

12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Англией и США, с одной стороны, и Румынией — с другой[6]. Решающая роль СССР в подготовке проекта этого соглашения предопределила его демократический, гуманный характер. Условия перемирия исходили из категорического признания независимости и суверенитета Румынии, становившейся участницей антигитлеровской коалиции.

В 4-м пункте соглашения указывалось, что «государственная граница между СССР и Румынией, установленная советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 года, восстанавливается». Относительно убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории в соглашении сказано, что они «будут Румынией возмещены Советскому

[6] Полный текст соглашения см.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2. М., 1946, с. 205—212.

Союзу, причем, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее на деле против Германии и Венгрии, стороны уславливаются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 млн. амер. долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесные материалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.)»[7]. Если учесть, что ущерб, причиненный Советскому Союзу в результате военных действий фашистской Румынии, достиг, по румынским данным, 1,5 млрд. долларов, то установленный соглашением о перемирии размер репарации составлял лишь пятую часть убытков, понесенных СССР. В этом ярко проявилось великодушие Советского Союза, который в своей политике в отношении Румынии руководствовался не чувством мести за участие в агрессии против него, а стремлением помочь румынскому народу преодолеть тяжелые последствия антинационального внешнеполитического курса прежних фашистских правителей страны.

Согласно статье 19 соглашения, решение венского «арбитража» утрачивало силу и Румынии возвращалась Северная Трансильвания. Содержащиеся в соглашении требования о коренной демократизации политической жизни страны, ликвидации фашистских организаций, немедленном освобождении из тюрем и лагерей всех лиц, осужденных за деятельность в пользу Объединенных Наций, наносили удар по позициям румынской реакции и облегчили дальнейшую борьбу революционных сил во главе с КПР за установление подлинно демократического строя в Румынии.

Многие статьи соглашения о перемирии, в том числе о советско-румынской границе, были закреплены в мирном договоре с Румынией, подписанном 10 февраля 1947 г. в Париже[8]. Его подписали, как известно, и представители Англии и Франции, перечеркнув тем самым свои подписи под пресловутым Парижским, или

---

[7] Там же, с. 208.

[8] Подробно об этом см.: *Жигня К. Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. Кишинев, 1981.

Бессарабским, протоколом от 28 октября 1920 г., посредством которого западные империалисты попытались придать акту аннексии Бессарабии королевской Румынией в 1918 г. правовую силу.

В соответствии с соглашением от 12 сентября 1944 г. Румыния активно включилась в борьбу против гитлеровского блока и внесла свой вклад в разгром германского фашизма. В тяжелых сражениях Красная Армия вместе с румынской армией очистила территорию Румынии от немецко-фашистских захватчиков. Дорогой ценой заплатили советские воины за освобождение Румынии. Потери Красной Армии составили 286 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Значительные потери понесла и румынская армия: с 23 августа по 30 октября 1944 г. погибло 58 тыс. человек. В 151 населенном пункте Румынии находятся памятники, кладбища и братские могилы советских воинов, погибших в боях за свободу румынского народа. Более 130 советских частей и соединений получили наименование румынских городов, освобожденных ими[9]. Эти факты — убедительная отповедь тем зарубежным авторам, которые либо замалчивают, либо отрицают решающую роль Красной Армии в освобождении Румынии.

В ходе совместных боев, продолжавшихся на территории Венгрии и Чехословакии, зародились и крепли советско-румынская дружба и сотрудничество, получившие развитие в послевоенные годы на основе общих интересов двух стран в строительстве коммунизма.

Огромное значение в развитии советско-румынских братских отношений сыграли Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенные между СССР и Румынией в феврале 1948 г. и июле 1970 г. Они определили содержание советско-румынских отношений, характерной особенностью которых являлся и является высокий уровень политического, торгово-экономического, научного и культурного сотрудничества между двумя странами. Советский Союз, верный принципам интернационализма, оказал Румынии всестороннюю братскую помощь в восстановлении народного хозяйства, в построении социалистического общества. «Мы с большим удовлетворением видим, — говорил

---

[9] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 177, 279—282.

Л. И. Брежнев, — что Социалистическая Республика Румыния сегодня — это страна с быстрыми темпами развития, с неуклонно растущей современной промышленностью и хорошо организованным кооперативным сельским хозяйством»[10].

Вместе с СССР и другими братскими странами СРР составляет могучее социалистическое содружество, стоящее на страже дела мира и социализма. «Развитие сотрудничества и солидарности с социалистическими странами, — отмечает Генеральный секретарь РКП, Президент СРР товарищ Николае Чаушеску, — является основным условием успешного строительства социализма в каждой стране, увеличения вклада социалистических государств в политику разрядки, мира и международного сотрудничества»[11].

В духе давних традиций дружбы и сотрудничества развиваются отношения между КПСС и РКП, между СССР и СРР в наши дни.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и советского народа, адресованном Румынской коммунистической партии, правительству СРР, братскому румынскому народу по случаю 38-й годовщины освобождения Румынии от фашистского ига, говорится: «С удовлетворением отмечая значительные результаты советско-румынского сотрудничества, мы подтверждаем неизменное стремление Советского Союза к дальнейшему расширению и углублению дружественных отношений между КПСС и РКП, СССР и СРР, между советским и румынским народами на базе испытанных принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, договоренностей, зафиксированных в основополагающих совместных документах». В приветствии была выражена уверенность в том, что «отношения дружбы и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией будут и впредь крепнуть и развиваться на благо народов наших стран, в интересах мирового социализма»[12].

---

[10] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, с. 211.
[11] Scînteia, 1981, 25.VI.
[12] Правда, 1982, 23.VIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Изяслав Эликович Левит

КРАХ
ПОЛИТИКИ
АГРЕССИИ
ДИКТАТУРЫ
АНТОНЕСКУ

(19.XI 1942—23.VIII 1944)

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР

Редактор *К. Г. Тихонова*
Художник *С. Е. Майоров*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *Е. И. Попушой*
Корректоры *С. Б. Голбан, А. Л. Меламед, Н. В. Казак*

ИБ 2045

Сдано в набор 10.11.82. Подписано к печати 19.01.83. АБ05203. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,74. Усл. кр.-от. 35,0.
Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 1775. Заказ 822. Цена 2 р. 70 к.
Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев ул. имени академика Я. С. Гросула, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.